

АМАНДА ЛИНДАУТ

ГОРЬКИЕ, ПОТРАСАЮЩИЕ
УМ И ДУШУ ВОСПОМИНАНИЯ
ЖУРНАЛИСТКИ,
КОТОРАЯ ПРОВЕЛА
460 ДНЕЙ
В ПЛЕНУ
У СОМАЛИЙСКИХ
ИСЛАМИСТОВ.

PUBLISHERS WEEKLY

1 СРЕДИ
БИОГРАФИЙ
И МЕМУАРОВ.

AMAZON

И САРА КОРБЕТТ

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

В 2008 г. канадская журналистка Аманда Линдаут и австралийский фотограф Найджел Бреннан отправились в Сомали, чтобы готовить репортажи из этой «горячей точки» Африканского континента. По дороге в лагерь беженцев недалеко от Могадишо они были захвачены в плен вооруженным отрядом исламских фундаменталистов. После освобождения Аманда в соавторстве с Сарой Корбетт издала мемуары о выпавших на ее долю испытаниях. Это горький рассказ о 460 днях страданий и насилия, но также преодоления страха и боли. Книга получила широкую прессу и горячий читательский отклик по всему миру.

- [Аманда Линдаут, Сара Корбетт](#)

- ☐
- ☐ Пролог
- ☐ Глава 1. Мой мир
- ☐ Глава 2. «Дринк»
- ☐ Глава 3. Путешествие
- ☐ Глава 4. Она существует
- ☐ Глава 5. Стрижка на озере
- ☐ Глава 6. Хэлло, мадам!
- ☐ Глава 7. Правило близости расположения
- ☐ Глава 8. Не суйся в Афганистан
- ☐ Глава 9. Начало нового предложения
- ☐ Глава 10. Фотоаппарат и планы
- ☐ Глава 11. Пропуск для прессы
- ☐ Глава 12. Красная зона
- ☐ Глава 13. Широко распахнутые двери
- ☐ Глава 14. Переход
- ☐ Глава 15. Мой ураган
- ☐ Глава 16. Похищение
- ☐ Глава 17. Тунец и чай
- ☐ Глава 18. Выкуп
- ☐ Глава 19. Электрический дом
- ☐ Глава 20. Амина
- ☐ Глава 21. Рай
- ☐ Глава 22. Хороший день
- ☐ Глава 23. Виновата женщина
- ☐ Глава 24. Майя
- ☐ Глава 25. Уловка 22
- ☐ Глава 26. Праздник
- ☐ Глава 27. Пустыня

- Глава 28. Звонок домой
- Глава 29. Рождество
- Глава 30. Побег
- Глава 31. Сестра
- Глава 32. Безвкусный дом
- Глава 33. Документы
- Глава 34. Новые правила
- Глава 35. Дом в небе
- Глава 36. Опасность угрожает
- Глава 37. Взрыв
- Глава 38. Омар
- Глава 39. Позитивный дом
- Глава 40. Как быть женой
- Глава 41. Все изменилось
- Глава 42. Птица
- Глава 43. Тетрадь и обещание
- Глава 44. Я начинаю понимать
- Благодарности

Аманда Линдаут, Сара Корбетт

Дом в небе

© 2013 by Amanda Lindhout and Sara Corbett

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

Пролог

*Я завтракаю в сгоревшем доме.
Хотя нет ни дома, ни завтрака.
Но я все же есть.*

Маргарет Этвуд.

Утро в сгоревшем доме

Каждому дому, куда нас привозили, мы давали название. В одних мы жили месяцами, в других проводили пару дней или часов. Был Дом, Где Делают Бомбы, Электрический Дом, Дом Побега – приземистая бетонная коробка, под окном которой иногда трещали автоматные очереди, а порой мать тихим нежным голосом напевала ребенку колыбельную. Из Дома Побега нас спешно перебросили в Безвкусный Дом, в спальню с кроватью под покрывалом в цветочек, с деревянным комодом, уставленным различными лаками и гелями для волос, где, судя по сердитому голосу хозяйки, нас совсем не ждали. Так что вскоре мы отправились дальше.

Переезды из дома в дом всегда случались внезапно, в темноте, в самые глухие ночные часы. Втолкнув нас на заднее сиденье универсала «судзуки», наши похитители на бешеной скорости мчались по шоссе, по мягкому песчаному бездорожью в пустыне, мимо одиноких акаций, темных деревень. Все происходило в молчании. Мы не знали, где находимся, куда едем. В окне мелькали мечети, освещенные ночные рынки, караваны верблюдов, группки воинственных подростков с пулеметами, сидящих вокруг костра у дороги. Никто не обращал на нас внимания. Впрочем, мы были с головой закутаны в шарфы, как и наши стражи, и даже при желании невозможно было бы разглядеть наши лица.

Очередной дом обыкновенно находился в глуши, в какой-нибудь богом забытой деревне, где мы – я, Найджел, банда молодчиков и их командир, капитан средних лет, – жили как в тюрьме, скрытые от посторонних глаз высокими стенами из бетона или ржавого железа. Приехав на место, капитан открывал ворота, и вооруженные мальчишки, как мы их называли, быстро осматривали все комнаты, запирали нас где-нибудь и шли отдохнуть, помолиться, отлить и поесть. Иногда они выходили во двор и боролись.

Они – это Хассам, сын муллы, Джамал, разлученный с

невестой влюбленный, благоухающий одеколоном, и Абдулла, обычный садист. А также Юсуф, Яхья-младший, Мохаммед-младший, Адам, который звонил моей маме в Канаду с угрозами и требованиями выкупа, и Мохаммед-старший, казначей шайки, по прозвищу Дональд Трамп. Капитана Яхью мы прозвали Скидс («тормоз»). Это он однажды вывез меня ночью в пустыню и равнодушно наблюдал, как другой бандит готовится перерезать мне горло зазубренным ножом. Был еще Ромео, которого ждала аспирантура в Нью-Йорке, но сначала он хотел жениться, и почему-то на мне.

Пять раз в день мы молились, распростершись на полу, о недостижимых для нас райских кушах, которые каждый представлял по-своему. Наверное, будь мы с Найджелом чужими людьми, мне было бы легче переносить все испытания. Но я знала его дом, его постель, я помнила лица его сестры и друзей, я была когда-то в него влюблена. Я хорошо представляла себе, о чем он может просить, и потому мне было тяжело вдвойне.

Если в округе начинались перестрелки между враждующими бандами, снаряды рвались слишком близко, то мальчики снова грузили нас в машину, звонили куда-то и перевозили в другое место.

Иной раз мы натыкались на призрачные останки жизни прежних обитателей дома: забытая под кроватью детская игрушка, старая кастрюля, свернутый пыльный ковер в углу. Был Темный Дом, где случились самые ужасные вещи, Пустынный Дом в самом сердце пустыни и Позитивный Дом – не дом, а целый дворец, где мы ненадолго воспрянули духом.

Однажды мы очутились в большом южном городе, в квартире на втором этаже. Мы слышали гудки машин, крики муэдзина, сзывающего людей в мечеть, чувствовали запах жареной козлятины с уличных лотков по соседству. Доносились голоса покупательниц из лавки на первом этаже, прямо под нами. Найджел, обросший бородой и исхудавший, видел из окна своей комнаты тонкую серебристую полосу вдали – Индийский океан. Близость океана, звуки городской жизни равно утешали нас и мучили. Допустим, нам удастся выбраться на улицу, но что дальше? Можно ли надеяться на помощь местных жителей? Не продадут ли они нас другим бандитам – все-таки мы враги, да такие, что дорого стоят.

Мы были лишь винтиком в сложной запутанной международной транзакции, частью священной войны, мелким обстоятельством в большой проблеме. Я думала о том, что сделаю, если мне повезет остаться в живых. Я обещала себе свозить маму в путешествие, помогать другим людям, попросить

прощения у всех, кого обидела, и найти свою любовь. Мы были так близко, и все-таки вне досягаемости для внешнего мира. Именно тогда я впервые испугалась, что эта история останется нерассказанной, потому что некому будет ее рассказать. Я исчезну без следа, как исчезает мелкая воронка в потоке речной воды, как карандашная линия под ластиком. Я была уверена, что здесь, в глубине Сомали, в этой неизведанной и разрушенной войной земле, нас никогда не найдут.

Глава 1. Мой мир

В детстве я имела твердое представление об окружающем мире. Верила, что в нем нет ничего уродливого и опасного, но полно необычных и жутко интересных вещей, настолько привлекательных, что так и тянет повесить их на стену в рамке. Ну еще бы, ведь свои сведения я черпала из старых выпусков журнала «Нэшнл джиографик», продающихся по двадцать пять центов штука в магазине секонд-хенд на нашей улице. Этих журналов с колоритными фотографиями под золотистой обложкой у меня накопилась целая стопка. Я держала их на тумбочке рядом с кроватью и читала при всяком удобном случае, особенно когда у нас в квартире становилось слишком шумно и хотелось отвлечься. Мир накатывал на меня, праздничный, блестящий, как серебристая волна, что омывает набережную в Гаване, или сверкающие под солнцем снежные склоны в Аннапурне. Мир был племенем пигмеев-лучников в Конго и зеленой геометрией чайных садов в Киото. Он был катамараном под желтым парусом, плывущим среди айсбергов в Северном Ледовитом океане.

Мне было девять лет, и я жила в городке Силван-Лейк, на берегу плейстоценового озера длиной шесть миль, в штате Альберта. Если долго-долго ехать от нас по бурой канадской прерии к югу, то рано или поздно увидишь на горизонте знаменитые небоскребы Калгари, к северу – нефтяные вышки Эдмонта, а если к западу – Скалистые горы. В июле и августе город наводняли приезжие. Они плавали на лодках или рыбачили, забрасывая удочки прямо с крыльца арендованных коттеджей. В центре города была пристань, маяк и парк развлечений. Туристы катались на гигантской спиральной водяной горке и бегали в лабиринте из раскрашенной фанеры. Все лето в городе не смолкал детский смех и жужжание моторных лодок.

В Силван-Лейк мы поселились недавно. Раньше мы жили в Ред-Дире, соседнем городке в пятнадцати минутах езды отсюда, но потом мои родители развелись, и мама решила перевезти меня и моих двоих братьев в Силван-Лейк. С нами приехал Рассел, ее бойфренд, и его младший брат Стиви. Нас часто навещала многочисленная родня Рассела. В дни зарплаты съезжались его дядьки и кузены, устраивали вечеринки и оставались у нас еще на несколько дней, оккупируя нашу гостиную. Я помню их объятые сном лица, их длинные смуглые руки, свешивающиеся во сне с наших кресел. Мама называла Рассела и его родню «нейтивы», а

люди в городе говорили, что они индейцы. Мы занимали одну из квартир в доме на четыре семьи, с крутой крышей и потемневшими от времени деревянными балконами. Квартира находилась в полуподвале, куда редко заглядывало солнце. Из наших узких окошек был виден лишь кусочек парковки и зеленый мусорный ящик.

Мама, любившая все яркое, броское, повесила в нашей новой ванной штору цвета морской волны, а свою кровать застелила канареечным покрывалом. В гостиной у старого дивана стоял ее велотренажер. Люди часто засматривались на мою маму. Она была высокая и стройная, с короткими темными волосами, пышными благодаря химической завивке. На ее худом лице влажно блестели большие карие глаза, выдававшие в ней чувствительную романтическую натуру, подверженную внушению. Пять дней в неделю она надевала белое платье с красным кантом и уезжала в Ред-Дир, где работала кассиром в супермаркете «Фуд-Сити». Вечером она возвращалась, везя целую упаковку сока, который покупала со скидкой, положенной сотрудникам. Мы клали пакеты в морозильник и после школы ели сок ложками, как мороженое. Иногда она привозила остатки выпечки в пластиковой коробке, датские булочки и липкие эклеры, оплывшие после целого дня лежания на витрине. А еще видеокассеты из проката, которые мы никогда не возвращали.

Рассел не имел постоянной работы. Время от времени он заключал контракт сроком на несколько недель или месяцев с фирмой «Хай Три», где ему поручали обрезать деревья вблизи линий электропередач за городом. Он был тощий, как гончая, носил темные волосы до плеч, украшая их по бокам перьями. В свободное время Рассел щеголял в алых или бирюзовых рубашках тонкого шелка. На его левом предплечье синела самодельная татуировка в виде птицы, раскинувшей крылья, – орел или, возможно, феникс. Краска начинала стираться, превращаясь в синеватое пятно, и казалось, что кожа в этом месте принадлежит другому человеку, гораздо старше. Расселу было двадцать один год, а моей маме – тридцать два.

Рассела мы узнали задолго до того, как он стал маминым бойфрендом. Когда ему было тринадцать, наши семьи столкнулись по воле злой судьбы и христианской добродетели. Он вырос в резервации Санчайлд по соседству. Сначала исчез его отец, затем мать погибла в автокатастрофе. Мои дед с бабкой, жившие на ферме, летом устраивали лагерь для детей из резервации и в конце концов усыновили Рассела и четверых его младших братьев. К тому времени их родные дети, в том числе моя мама, успели разъехаться, но им хотелось снова

почувствовать себя родителями, и индейские мальчишки дали им этот шанс.

Мой дедушка работал сварщиком, а бабушка была торговым агентом фирмы «Тапперуэр», производящей пластиковые контейнеры для пищевых продуктов. Этих контейнеров она продавала больше, чем все другие агенты, вместе взятые, – по крайней мере, в Центральной Альберте, – о чем свидетельствовали отчеты продаж и служебный минивэн у дома.

Итак, несколько лет они возили мальчишек в церковь, в школу, на хоккей, на легкую атлетику и в кружок плетения в местный индейский культурный центр. Когда им случалось подраться, бабушка не вмешивалась, лишь, бывало, со вздохом отсылала их во двор. Она прощала их, когда они воровали у нее деньги. Прощала, когда они грубили ей. Шло время, дети выросли. Один поступил в колледж, остальные устроились в резервации и в Ред-Дире. И никто не мог предугадать, даже, наверное, сам Господь Бог, что их замужняя дочь, мать троих детей, навещавшая ферму лишь по праздникам, влюбится в Рассела.

Она звала его Расс. Она стирала ему и любила целовать его у всех на виду. Он часто дарил ей розы. В раннем детстве я считала его кем-то вроде дальнего родственника, но теперь, когда он жил в нашем доме, отношение к нему изменилось. Он был не ребенок и не взрослый, не родня и не чужак. Он демонстрировал нам приемы кикбоксинга в гостиной, он ел чипсы, сидя на нашем диване. Иногда он дарил нам подарки. Однажды принес мягкие игрушки для меня и моего младшего брата Натаниэла.

«Милая семейка», – говорила о нас бабушка. Мой старший брат Марк был другого мнения. «Семейка придурков», – бурчал он.

Я была в резервации у родни Рассела не больше двух раз в жизни, потому что мой отец был против, считая, что это опасно. Кузены Рассела жили в бараках у грязной дороги. Они угощали нас сладкими лепешками, тягучими, как резина. Мы играли со сверстниками, которые не учились в школе и пили пиво, пряча банки в коричневые бумажные пакеты. Куда бы мы ни приходили, везде на стенах были вмятины размером с кулак. Мне было знакомо это явление – у нас дома такие оставлял Рассел на внутренней стене из гипсокартона.

Мне порой казалось, что моя мама, сойдясь с индейцем, бросала вызов своим бывшим одноклассникам, детям белых родителей, большинство которых по-прежнему жили в городе. Мама уехала из дому в шестнадцать лет, в двадцать родила Марка. Рассел привнес в ее жизнь новизну, экзотику – молодой,

симпатичный, родом из резервации, считающейся у белых опасным местом, населенным нищими грязными дикарями. Мама носила серьги из бисера и ездила в белом хетчбэке. На переднем стекле у нее болтался пернатый ловец снов – амулет, который, как верят индейцы, защищает спящего от злых духов.

Стоит также упомянуть, что мой отец, ее первая любовь, тот самый парень, что на фотографиях держит в роддоме ее новорожденных детей, внезапно объявил себя геем. У него в доме поселился друг – молодой спортсмен с аккуратно подстриженной бородкой, по имени Перри. Когда мы приходили навестить отца, Перри возил нас в бассейн, а тем временем отец, который никогда не умел готовить, сооружал нам холостяцкий обед: нарезка из ветчины, свернутая трубочкой, сырная нарезка, ломтик хлеба и листик сельдерея. Из раза в раз все четыре пищевые группы неизменно присутствовали на наших тарелках.

Отец начал новую жизнь. Они с Перри устраивали вечеринки, он записался в колледж на курсы специалистов по реабилитации умственно отсталых, чтобы помогать другим людям. Мама тем временем трудилась над собственной реабилитацией – читала книги из серии «Помоги себе сам» и старалась не пропускать «Шоу Опры Уинфри».

Вечером Рассел, налив в стаканчик рисового виски из большой бутылки, усаживался на диван перед телевизором. Мама садилась рядом и клала ноги ему на колени. Когда на экране появлялся какой-нибудь смазливый коп или просто аккуратно причесанный молодой человек, Рассел спрашивал, тыча в него пальцем:

– А ведь он красавчик, правда, Лори?

Это было знакомое начало.

– Я уж знаю, – продолжал Рассел, глядя на маму, – что он в твоём вкусе. Тебе бы хотелось, чтобы такой был рядом.

Все молчали. Лицо человека на экране, казалось, приобретало более агрессивное, злобное выражение.

– Так, Лори? Об этом ты думаешь?

Мама отвечала ласковым голосом. Рассел уже ломал ей кости. Она потом не один день провела в больнице. Мы пристально смотрели на экран, чувствуя, как электризуется воздух в гостиной. Она слегка сжимала руку Рассела и говорила:

– Нет, милый, что ты.

Марку уже исполнилось тринадцать, он был почти взрослый. Носил всклокоченную причёску маллет и куртку из вытертой джинсы. Он был склонен к уединению, подолгу бродил в одиночестве, вооружившись своей любимой рогаткой из прочного

пластика. Натаниэлу было шесть. Из-за кисты на нижнем правом веке он выглядел букой. Мама и Рассел сюсюкали с ним, называли его «крошка» и «малыш». Ночью он спал на кровати внизу, прижимая к себе игрушечного кролика. Я ходила по пятам за Марком, точно шлюпка за лодкой.

– Давай-ка поглядим, что там внутри, – предложил Марк однажды, показывая на зеленый мусорный ящик возле нашего дома.

Это было несколько недель спустя после приезда в Силван-Лейк. Стоял погожий сентябрьский денек. Мы возвращались из школы. Я училась в четвертом классе, а Марк в шестом. Друзей у нас пока не было. Местные дети, видя, что мы бедны, отнеслись к нам равнодушно.

Марк взялся за край ящика, подтянулся и прыгнул внутрь. Секунд через пятнадцать из ящика показалась его голова. Лицо покраснелось от возбуждения, в руке он сжимал пустую бутылку из-под пива «Лабатт».

– Или сюда, Аманда, – позвал брат, размахивая бутылкой, – здесь деньги!

Наш огромный мусорный ящик служилместилищем отходов для жителей всей округи. Каждую среду приезжал грузовик, чтобы опорожнить его себе в кузов. Этот ящик стал для нас чем-то вроде бассейна в закрытом клубе. Его внутренности, даже в холодные октябрьские дни, были сырые и осклизлые, как куча гнилых листьев, и воняли прокисшим молоком. Мы ползали среди переполненных мусором полиэтиленовых мешков, откуда вытекала и вываливалась разная дрянь, и наши голоса гулко отдавались в железных стенках ящика. Вскрыв мешок, Марк принимался разбирать его содержимое. Банки и бутылки он швырял в траву под нашим окном, а прочие ценные находки – мелочь, старую губную помаду, пузырьки из-под пилюль, фломастеры – совал в задний карман или отдавал мне. Однажды он выудил из мусора пушистый розовый свитер, который пришелся мне впору. Марк передернул плечами от негодования:

– Боже, эти люди совсем рехнулись!

Банки и бутылки мы собирали в пакеты и тащили в лавку, где принимают пустую посуду. От нас несло тухлятиной и прогорклым пивом, но это было нам нипочем. За двадцать банок давали доллар. В пакете «Фуд-Сити» помещалось пятнадцать банок. Один пакет – это пятнадцать банок по пять центов штука, итого семьдесят пять центов. Два пакета – полтора бакса, четыре пакета – три. Деньги мы делили поровну. Вот это арифметика! Куда там школьным урокам! Солидные бутылки весом шестьдесят унций – шестидесяти! как называл их Рассел, – стоили целое

состояние. В лавке одна такая шла за два доллара. Чистое золото, а не бутылки.

Со временем мы начали путешествовать, осваивать новые территории к северу и югу от нашей улицы. В районах, где каждая семья жила в отдельном бунгало, мы регулярно навещали пять-шесть мусорных ящиков. Чем дороже жилье, тем лучше мусор. И чего только не выбрасывают люди, даже не самые богатые! Просто не верится, что можно взять и выбросить куклу просто потому, что у нее оторвана рука, или исправную видеокассету с хорошим фильмом! Помню, я нашла пустой бумажник из коричневой кожи с позолоченной застежкой, а в другой раз – чистый белый носовой платок с вышитыми на нем героями мультфильмов. Я несколько лет хранила эти находки, положив аккуратно свернутый платочек в бумажник – как напоминание о том, что мне предстоит найти еще много красивых вещей.

Почти все свои деньги, вырученные от продажи посуды, я оставляла в магазине секонд-хенд у озера. Внутри он напоминал тесный и темный кроличий садок. Там продавалась подержанная одежда, фарфоровые безделушки и литературный хлам, что помогает туристу убить время в отпуске, – толстые триллеры Тома Клэнси и вся Даниэла Стил. Журналы «Нэшнл джиографик» стояли на полке в дальнем углу – частокол золотистых корешков. Они заворожили меня с первого взгляда. Я стала лихорадочно скупать их, беря по два-три выпуска сразу. Дома я упивалась фотографиями замшелых древних храмов в Анкоре и скелетов, найденных под пеплом Везувия. Если я видела заголовок «Что угрожает лесам Швейцарии?», я должна была немедленно прочитать статью и узнать, что же им угрожает. Нет, не то чтобы я не любила комиксы «Арчи» – самые свежие выпуски лежали в другом углу магазина. Я тоже листала их, с интересом разглядывала вызывающие одежки Вероники, распутной дочери миллионера, и изучала их диалоги с честной и милой Бетти с задорным хвостом, узнавая, в общем, много нового. Но комиксы я держала в ящике, а «Нэшнл джиографик» складывала на тумбочку в спальне. К Дню благодарения у меня собралось около двух дюжин. Иногда я раскладывала их веером, как на журнальном столике, – я видела такое дома у детей побогаче, в моей прежней школе и у дяди Тони, брата отца. Он, будучи человеком состоятельным, выписывал журналы. Ночью, сидя у себя на втором ярусе, я с трепетом впитывала новые знания о мире. Оказывается, на свете есть венгерские ковбои, австрийские монахини, парижанки, брызгающие волосы лаком перед тем, как

выйти на улицу, китайские кочевники, сбивающие йогурт в йогуртовое масло, палестинские дети, живущие в палатках из мешковины, а где-то в Балканских горах есть медведь, который умеет танцевать с цыганом. «Нэшнл джиографик» разгонял тьму в нашем подвале, растапливал лед на улице, поднимал низкие небеса над нашей прерией. Когда в школе девочка по имени Эрика громко назвала меня замарашкой, я лишь пожала плечами, будто это меня не касается. Я знала, что когда-нибудь уеду отсюда, далеко-далеко от школы и всех этих девочек.

Однажды вечером, незадолго до начала учебы в пятом классе, я и Кэрри Кроуфут вышли побродить по городу. Кэрри, красивая девочка из племени блэкфут, годом меня старше, была чуть ли не единственной моей подругой. У нее были длинные черные волосы, глаза-миндалины и длинные жесткие ресницы. Она доводилась дальней родственницей Расселу. Они с матерью и братом тоже перебрались из резервации Санчайлд в Силван-Лейк. Они жили за магазином, через пару номеров. Кэрри не ходила в школу.

У десятилетней Кэрри не было денег, но зато, при всей ее грубости, имелось обаяние. Она безнаказанно дерзила владельцу магазина, который продавал нам жвачку со скидкой, и хвасталась своими драками в резервации. Послушать ее, так она избила чуть ли не всех детей, что там жили.

Но она мне нравилась. Приходя к нам домой, она не пугалась нашей обшарпанной мебели и пьяных кузенов Рассела, развалившихся на креслах в гостиной. Угощение в виде заварной лапши приводило ее в восторг. «Класс!» – говорила она. А еще Кэрри объяснила мне, что такое минет.

Мы брели по Лейк-Драйв в сторону аттракционов. С озера дул холодный ветер, как всегда в начале сентября. Туристы разъехались. Улицы опустели, машины стали редки. Кэрри шла и жаловалась на скуку в Силван-Лейк, говоря, что ей хочется обратно в Санчайлд. Она завидовала мне, потому что выходные я провожу у отца в Ред-Дире.

Я отвечала, что это она напрасно, а сама всякий раз считала дни до следующей поездки. Дома у отца был мягкий ковролин на полу и толстые стены. У меня была своя спальня, кровать, покрывало с оборками, кассетный плеер, на котором я слушала «Нью Кидз он зе Блок», и целая коллекция приключений и комиксов. Но Кэрри я об этом не рассказывала.

У причала покачивались в доках моторные лодки. В парке было пустынно. Водяная горка, осушенная на ночь, маячила в розовом закатном небе, как скелет.

– Ты когда-нибудь там была? – спросила Кэрри, пиная закрытый билетный киоск.

Я покачала головой.

Тогда Кэрри взобралась на мусорный ящик поблизости, а оттуда – на высокую стену лабиринта, что огораживала парк с одной стороны. А потом исчезла внутри. Я услышала, как ее кеды упруго стукнулись об асфальт и она засмеялась.

В детстве я была страшной трусихой. Я боялась темноты, незнакомцев, боялась сломать ногу или руку, боялась врачей, боялась полицейских, когда те приезжали утихомиривать Рассела и компанию, если тем случалось особенно разбушеваться. Боялась высоты. Боялась принимать решения. Я не любила собак. Больше всего я боялась стать посмешищем. И в тот момент я была уверена, что это катастрофа. Из страха, что Кэрри станет надо мной смеяться, я влезу на стену, у меня закружится голова, я упаду вниз и переломаю себе все кости. Приедет полиция – все незнакомые и с собаками. Разумеется, все это произойдет в темноте. А еще придется обращаться к врачу.

Я была готова повернуться и бежать домой, но вокруг было уже темно, и Кэрри звала меня из лабиринта. Так что я взгромоздилась сначала на ящик, потом перелезла на стену и прыгнула.

Когда я приземлилась рядом с Кэрри, та бросилась бежать. В сумерках ее волосы отливали синевой. Внутри на стенах были кое-как нарисованы яркие клоуны, ковбои, глупые чудовища – все, что способно вызвать восторг и легкий ужас у маленьких детей.

Мы с Кэрри дружили всего полгода. Весной ее мать решила вернуться в Санчайлд. К тому времени я стала больше интересоваться школой, потому что меня определили в группу способных учеников, где занимаются по усиленной программе. У меня появились друзья среди одноклассников. Я отдалась от Кэрри, которая совсем не стремилась учиться. Несколько лет спустя, когда я была уже в старших классах, бабушка сказала мне, что Кэрри родила ребенка. О ее дальнейшей судьбе я ничего не знаю. Вскоре все резко переменялось. Вышло так, что наша семья рассталась со многими знакомыми, включая Рассела и Кэрри.

Но в ту ночь, в лабиринте, было невозможно оставаться на месте. Мы мчались вперед как ветер, уходили в штопор на поворотах, со скрипом тормозили, если внезапно попадали в тупик. Вспоминая это наше приключение, я думаю, что мы должны были визжать от страха и восторга, но в действительности двигались молча, сосредоточенно, под топот собственных ног и шелест курток. Волосы Кэрри развевались на

бегу, замирая вместе с ней лишь на долю секунды, когда она притормаживала, чтобы сделать разворот или решить, в какой коридор броситься дальше. Но под конец мы все-таки позволили себе расслабиться и забыть о темноте, о том, что мы проникли сюда незаконно, забыть все страхи и сомнения и полностью предаться новой игре.

На Рождество компания, где работал Рассел, устраивала большую вечеринку в одном из ресторанов Ред-Дира. Не первую неделю мама после работы заезжала в Паркланд-Молл и рассматривала платья в отделе распродаж. Дома она объявила, что садится на диету.

В углу гостиной мы поставили елку – точнее, не елку, а облезлую сосну, купленную на рождественском рынке возле «Фуд-Сити». Еще мама сходила в Рождественское бюро – благотворительную организацию, которая помогает бедным встретить Рождество по-человечески, – и подписала бумагу, подтверждая, что она мать-одиночка с тремя детьми и зарплатой семь долларов в час, и там ей выдали бесплатные подарки, перевязанные цветными кудрявыми ленточками. Эти подарки подбирали и оборачивали чужие люди – волонтеры. Мама положила их под елку. Я знала, что мне предназначаются два, потому что они были подписаны: «Девочка, 9 лет».

За несколько дней до вечеринки мама сделала новую завивку. Свое новое платье – черное с блестками – она повесила в шкаф в спальне, и я уже успела его хорошенько пощупать.

И вот наступила пятница. Рассел принял душ, надел черные брюки и чистую рубашку с воротником, которую застегнул на все пуговицы. Затем налил виски и сел на диван, усадив к себе на колени упирающегося Натаниэла.

Мы ждали маму.

В спальне гудел фен. Щелкали клавиши магнитофона, трещала перемотка: Марк и Стиви слушали свои любимые песни, то и дело меняя кассеты. Я сидела на полу и делала домашнее задание по математике. Натаниэл с игрушечным медведем в руках стоял у телевизора, прижавшись носом к экрану, и сквозь шум пытался расслышать, что говорят.

Рассел приканчивал вторую порцию виски. После третьей он закинул ногу на ногу и стал добродушно напевать: «Ло-о-о-ри, Ло-о-о-ри!»

Когда мама появилась в коридоре, мы все обернулись. Черное платье впереди было короткое, а сзади длинное, спадающее на пол массой кружевных оборок. Ее стройные ноги в новых туфлях эффектно сверкали на ходу. Ну как в кино!

Рассел поднялся с дивана ей навстречу. Мамины щеки разругались, глаза блестели, на губах ярко алела помада. Черная ткань подчеркивала гладкость и мраморную белизну ее бледной кожи. Мы затаили дыхание, ожидая, что скажет Рассел.

– Просто отпад! – сказал он. – Ты выглядишь потрясающе!

Мама и впрямь была похожа на кинозвезду. Она улыбнулась и подала ему руку. Потом поцеловала нас и пожелала спокойной ночи. Я помню, как мы буквально ошалели от восторга, представляя себе, как здорово они проведут время.

Рассел поставил свой бокал, накинул маме на плечи норковое пальто – наследство прабабушки на два размера больше, чем нужно, – и они ушли.

Ночью мы смотрели фильмы из нашей видеоколлекции – «Трое мужчин и младенец в люльке» и нового «Бэтмена». Я приготовила для всех попкорн. «Где-то в Ред-Дире мама танцует с Расселом. Там большой зал, блестящие люстры и шампанское в широких бокалах» – так думала я, пока меня не одолела дремота. Несколько раз я погружалась в сон, затем просыпалась и, наконец, резко очнулась и увидела, что экран телевизора погас, а Натаниэл прикорнул на полу у моих ног. В квартире было тихо. Я отнесла брата в спальню, уложила его, сонного, на кровать, вскарабкалась к себе на второй ярус, по-прежнему ощущая вкус праздника, и крепко уснула.

То, что произошло потом, можно отнести к разряду ночных кошмаров. Хотя бы потому, что это всегда случалось среди ночи. Мамины крики вторгались в мое спящее сознание, разрывая в клочья облако сна, и вскоре я, как ни цеплялась за его остатки, ничего не могла поделать. Я окончательно просыпалась.

Что-то грохнуло у нас в гостиной. Раздался пронзительный вопль. Затем хрип. Мне были знакомы эти звуки. Она дала ему сдачи. Иногда по утрам я видела царапины у него на шее. Рассел кричал высоким истерическим голосом, грозился вырвать ей глаза, залить кровью всю квартиру, изуродовать, чтобы никто ее не узнал.

– Сука! – верещал он.

Затем я услышала громкий тупой стук – это перевернулся диван. Мама бросилась из гостиной в коридор. Я слышала ее тяжелое дыхание за нашей дверью, а потом он схватил ее и швырнул об стену. Он тоже тяжело и громко пыхтел.

На нижней кровати заплакал Натаниэл.

– Ты что, испугался? – шепотом спросила я, глядя в темный потолок. Жестоко задавать такие вопросы шестилетнему ребенку.

Прежде мы пытались им помешать. Едва все начиналось, мы с криками выскакивали из наших комнат, но они только больше злились. Их глаза чернели от бешенства. Они скрывались у себя в спальне и с грохотом захлопывали дверь. Если мама и нуждалась в нашей помощи, она никогда бы не призналась. Иногда я слышала, как в коридоре Стиви говорит брату: «Эй, хватит. Перестань, Расс». Но он тоже робел перед их гневом. В конце концов кто-нибудь из соседей вызывал полицию.

Несколько раз нас с мамой отвозили в приют в Ред-Дире. Она клялась бабушке и дедушке порвать с Расселом, но вскоре они помирились, и все начиналось заново. В приюте был блестящий линолеум на полу, много детей и хорошие игрушки. Но папа почему-то выглядел смятенным, когда приезжал нас оттуда забирать.

Рождественская вечеринка продолжалась недолго и завершилась объятиями примирившихся сторон. Мой попкорн валялся на полу по всей гостиной, диван треснул, а в стене появилась свежая вмятина. Все это мы уже проходили. Наутро Рассел станет со слезами просить прощения у каждого из нас. Несколько недель он проведет в раскаянии – будет сидеть на диване, опустив голову, и разговаривать с Богом, как в церкви, куда ездят бабушка и дедушка: *Боже милосердный, да благословен будет Сын Твой, сохрани мя от всякого искушения противного, да пребудет царствие Твое ныне и присно и во веки веков. Аминь.* Вечером он демонстративно отправлялся на собрание «Анонимных алкоголиков». В течение нескольких недель, пока Рассел каялся, власть принадлежала маме. Она командовала им, велела убирать свою одежду и пылесосить пол.

Но вскоре стрелка на невидимом внутреннем манометре начинала подрагивать, клониться обратно в красную зону. Чувство вины испарялось. Однажды мама уходила в парикмахерскую и чересчур, по мнению Рассела, задерживалась.

– Почему так долго, Лори? – спрашивал он резким, как нож, голосом, когда она возвращалась. – С кем ты встречалась? Ишь нарядилась, шлюха!

Мама резко побледнела, понимая, что игра окончена, что ждать осталось недолго – может быть, сегодня или через три недели он снова на нее нападет.

Я не понимала этого. И никогда не пойму. Все, что я могла, – это отстраниться. К тому времени, когда погасли все огни и все утомонились, меня уже не было. Я мысленно поднялась по лестнице и воспарила в небо. Внизу подо мной проплывали шелковые пески и бурлящие морские воды моей коллекции

«Нэшнл джиографик», леса, полные зеленоглазыми ночными существами, древние храмы на вершинах гор. Я видела орхидеи, морских ежей, ламантинов, шимпанзе, маленьких аравиек на качелях. Я смотрела в микроскоп, где пузырятся клетки, готовые вот-вот сотворить чудо. Я видела сикстинских ангелочков и воинов народа масаи. Мой мир был далеко.

Глава 2. «Дринк»

Когда мне исполнилось девятнадцать, я переехала в Калгари. Любой, чье детство прошло в Альберте, уверен, что Калгари – это большой город, полный возможностей, стоящий в кольцах хайвеев под лесом из стеклянных башен. Еще это город-нефтяник, где биржевые маклеры и менеджеры энергетических компаний день и ночь качают и продают нефть, огромные запасы которой находятся в земле у них под ногами. Я приехала в 2000 году, в самое тучное для города время. Цены на нефть росли как на дрожжах: в течение года они удвоились, а под конец утроились. Калгари процветал. Повсюду шло строительство, наперегонки открывались шикарные рестораны и магазины.

Мой бойфренд Джеми, выросший на ферме к югу от Ред-Дира, приехал со мной. Он был годом старше меня. Мы начали встречаться восемь месяцев назад. Темноглазый и темноволосый, он был красавчик в стиле Джонни Деппа. Мне казалось, что он даже симпатичнее. У него были узкие плечи и сильные руки, которые помогли ему освоить профессию плотника.

Мы любили бродить по секонд-хендам, покупая одежду, которая, как мы считали, подчеркивает нашу индивидуальность. Джеми носил ковбойские рубашки с перламутровыми пуговицами, а я – все блестящее и вдобавок огромные серьги. Джеми умел играть на всех инструментах, от губной гармошки до банджо и скрипки. Он распевал любовные песни под гитару. Когда нужны были деньги, он нанимался на стройку, но чаще всего сидел дома, рисовал или музицировал. Я была от него без ума и верила, что в Калгари ему удастся записать CD или даже заключить контракт на несколько дисков. Я считала, что город даст нам новый старт, но вот только для чего – я пока не представляла.

Мы сняли однокомнатную квартиру в грязной многоэтажке в центре. Кроватью нам служил матрас на полу. Джеми покрасил стены в ванной желтой краской, я расставила на подоконнике горшки с цветами. Жизнь в один момент переменялась – стала городской, взрослой. Но и чертовски дорогой. Я нашла работу в магазине одежды, в той же сети, где работала, будучи ученицей старших классов. Джеми, который хотел устроиться на стройку, временно пошел мыть посуду в «Джой Томатоз» – модный ресторан в молле «Ю-Клэр Маркет». Наших совместных доходов едва хватало на оплату квартиры.

В один из дней, вскоре после нашего приезда в Калгари, я надела зимнее пальто – то есть винтажный кожаный пиджак с

огромным меховым воротником – и вышла на улицу, держа под мышкой конверт с кучей резюме. Я хотела попытать удачи в должности официантки. Я никогда не работала в ресторане, но, увидев девушек из «Джой Томатоз», почувствовала смешанное чувство зависти и восхищения: они пересекали по залу на шпильках. Джеми говорил, что они зарабатывают много денег.

День был холодный, дул пронизывающий ветер, и первое место, куда я зашла – просто думая немного согреться, – был японский ресторан с черным блестящим суши-баром и люстрами в виде фонарей. Стояло послеобеденное затишье. В динамиках тихо пульсировала музыка техно. В дальнем углу сидели несколько человек, собравшихся, по-видимому, на деловой ланч. На столе перед ними были разложены бумаги.

Я робко подала свое резюме грациозной японской официантке, промывав, что я в городе недавно, поблагодарила ее и повернулась, чтобы уйти, уверенная, что мне откажут.

– Эй, постойте! – вдруг окликнули меня.

Ко мне подошел один из мужчин, сидевших за столом в углу, лет тридцати на вид, с выдающейся челюстью и квадратным подбородком, как у Супермена.

– Вы ищете работу? – спросил он.

– Э-э... да, – ответила я.

– Считайте, что нашли.

Это был Роб Свицерски, менеджер ночного клуба «Дринк», который находился в нескольких кварталах от японского ресторана и принадлежал тому же ресторатору. Роб предложил мне разносить коктейли. Я заколебалась. Нет, я была польщена его предложением – друзья, бывавшие в Калгари на вечеринках, говорили мне, что «Дринк» – дорогое и модное место, – но я хотела работать в ресторане, а не в клубе. Считалось, что ресторан престижнее.

Когда я отказалась, Роб рассмеялся:

– Выходит, деньги вам не нужны? Попробуйте поработать хотя бы неделю, даже одну смену. Не понравится – уйдете.

Мы договорились, что я приду на следующий вечер. Он даже не спросил у меня резюме.

«Дринк» занимал угол квартала, с рестораном и пятью барами, предлагавшими сорок видов martinis. С высокого потолка свисали горящие, как созвездия, люстры. Посреди бара был деревянный танцпол и лестница, ведущая в огороженную бархатными канатами VIP-зону. Посетителей обслуживали двадцать официанток, все красотки в туфлях на высоких каблуках

и в стильных платьях. Они разносили напитки на маленьких круглых подносах с резиновыми накладками, чтобы стекло меньше скользило. Несколько девушек представились, прочие лишь взглянули на меня довольно холодно. Вскоре я узнала, что тут конвейер из официанток, потому что многие не справляются с выполнением заказов, проливая напитки, а другие не способны соответствовать имиджу заведения, который Роб определял на рабочих собраниях раз в неделю как «стиль и секс».

– Если вы выглядите дешево, то до свидания.

Под командой Роба «Дринк» превратился в самый модный клуб города. По вечерам сюда стремился весь корпоративный Калгари, смешиваясь с более гламурной, отвязной публикой, активно практикующей пикап. Сюда после матчей приходили игроки НХЛ, заезжие рок-звезды, нефтяные бароны швырялись тут деньгами. По выходным у входа образовывалась очередь пятеро в ряд, длиной в целый квартал.

В первую ночь я работала с десяти до двух. Я надела туфли на шпильках, длинные золотые серьги и свое лучшее платье. Мне дали поднос, объяснили, как принимать заказы и печатать чеки, и поручили для начала обслуживать тихий уголок у дальней стены бара. Я бегала туда-сюда, между баром и пятью столиками,нося охлажденные martini и толстые бокалы виски. Мои клиенты – с виду бизнесмены – вежливо благодарили и протягивали свои кредитки. В конце смены коллега по имени Кейт показала мне, как на компьютере вычитать из оплаты мои чаевые. За четыре часа я заработала пятьдесят долларов, в дополнение к жалованью, и была на седьмом небе от счастья. Вот только Джеми, узнав, что я работаю официанткой в баре, разозлился. «Ничего, – думала я, – пусть привыкает. Деньги есть деньги, и не важно, где их зарабатываешь».

– Ну, как успехи? – поинтересовалась Кейт, заглядывая мне через плечо. – Ой, – болезненно поморщилась она, увидев общую сумму выручки, – сурово.

Я не поняла, что это значит.

Так я разбогатела за одну ночь. Во вторую ночь мне снова поручили этот мертвый угол, но вскоре там появилась группа шумных брокеров, которые начали заказывать «Кристал» ценой три сотни за бутылку. Домой я вернулась под утро, заработав пятьсот долларов чаевых. В течение следующих месяцев я выросла до обслуживания крупных секций при большом наплыве посетителей. Я купила красивые туфли и несколько элегантных коктейльных платьев. В хорошую смену я получала семьсот долларов, а в самую лучшую – тысячу. Банкноты я прятала в

жестяную коробку в кухонном шкафчике, а когда коробка заполнилась, стала совать их в морозильник. Пока одна официантка не сказала мне, что воры первым делом ищут деньги в морозилке. Тогда я завела счет в банке.

Я подружилась с другими девушками, научилась у них профессиональным хитростям – например, как улыбками и знаками внимания заставить клиента раскошелиться на чаевые. Особенно меня тянуло к Присцилле, которая зарабатывала больше остальных. Деньги она тратила на путешествия в экзотические страны. Когда мы с ней познакомились, она как раз вернулась из Таиланда – мне казалось, что это невообразимо далеко. Присцилла показала мне, как приручить группу постоянных посетителей – хороших клиентов, которые будут заказывать напитки только у тебя, – как обслуживать их по ВИП-разряду, придерживая для них столики и подавая им напитки не в пластиковых стаканчиках, а в тяжелых стеклянных бокалах, принесенных из бара наверху.

Первое время я наслаждалась свободой, которую дарят деньги. Я уволилась из магазина. Джеми изредка подрабатывал на стройках, но чаще оставался дома, чтобы побыть со мной в мое свободное время. Иногда он выступал в соседнем кафе, где был свободный микрофон, и всегда срывал аплодисменты. Он смирился с тем, что я работаю в «Дринке», но не хотел сходить посмотреть на меня.

Наши дни проходили однообразно. Приготовив ужин, я на час зависала перед зеркалом, пока Джеми в соседней комнате читал или музицировал. Я готовилась к рабочей смене, точно мне предстояло выйти на сцену в театре. У меня был целый гардероб черных платьев и не меньше тонны косметики. Это было несложно. Надеваешь самые высокие шпильки, делаешь высокую прическу, красишь глаза и губы. Ты должна выглядеть не просто привлекательно, а сногшибательно, чтобы все мужчины хотели тебя, а все женщины завидовали, пусть ты всего лишь играешь роль. Дабы набить себе цену, некоторые девушки несколько месяцев откладывали чаевые и делали операцию по увеличению груди, но я прибегала к старому проверенному трюку – я надевала два бюстгалтера: один с чашками на подкладке, а поверх еще пуш-ап. Было ощущение, что грудь мне сдавливает железный обруч, но своей цели я добивалась.

После работы многие девушки отправлялись в другие клубы, где развлекались до утра, а я торопилась домой, лечь под бочок к спящему Джеми. Утром мы выходили на прогулку, чаще всего выбирая маршрут по набережной вдоль Боу. Если Джеми не надо было на работу, мы обедали в дорогом ресторане. Я нашла

букинистический магазин неподалеку от нашей квартиры и скупала там дешевые книжки в мягкой обложке. Впервые в жизни у меня появился собственный банковский счет и довольно денег, чтобы оплатить год учебы в университете. Мне было девятнадцать лет. Наверное, следовало начать строить карьеру – составить амбициозный план на будущее и, обложившись учебниками, приступить к его выполнению. Но меня это не интересовало. Я не хотела стать как те типы в скучных костюмах, что каждое утро шагают по нашей улице на работу в офисы, а десять часов спустя собираются в «Дринке». Им едва за двадцать, а они держатся и выглядят как пятидесятилетние. «Боже, ну и дерьмовый день был сегодня, – стонут они, плюхаясь в кресло, – принесите мне скорее «буравчик».

Из дома пришли хорошие новости: последний мамин бойфренд – садист по имени Эдди, с которым она жила в Ред-Дире, – получил тюремный срок за вымогательство. Я и братья восприняли это известие с облегчением. Рассела мама бросила, еще когда мне было двенадцать, но ее по-прежнему тянуло к неуравновешенным мужчинам. Поэтому я, учась в старших классах, почти все время жила у отца и Перри, купивших дом в Силван-Лейк. Марк снимал жилье в складчину с друзьями, и только Натаниэл оставался с мамой. Мы все ее любили, и всякий раз, когда у нее появлялся новый друг, очень волновались.

Маме было уже за сорок, но в ее темных волосах не было и намек на седину. После того как Эдди посадили, я раз в несколько недель навещала ее, приезжая из Калгари на автобусе. Она сняла небольшой домик в Ред-Дире и нашла приличную работу в приюте для трудных подростков, опекаемым одной из благотворительных католических организаций. Она читала книги по самопомощи и училась медитировать. Говорила, что копит деньги на путешествие, что начинает новую жизнь. Мы с Джеми, бывало, шутили, что мое детство – идеальная тема для ток-шоу Джерри Спрингера: мать, которую тянет к мужчинам дурных наклонностей, отец – один из первых открытых геев в городе, верующие бабушка и дедушка, склонные впадать в религиозный экстаз, братья, имеющие проблемы с наркотиками. Тут хватит сюжетов не на одну передачу, а на целый сезон. У меня тоже были проблемы. Я часто морила себя голодом, чтобы оставаться стройной. Помешалась на подсчете калорий. Делила порцию на две части, на четыре части и съедала только половину. Так продолжалось довольно долго, но потом я срывалась и наедалась до отвала, после чего приходила в ужас и искусственно вызывала рвоту. Типичный случай из учебника по проблемам

неблагополучных семей.

И все-таки мы старались. В тот год, когда Эдди упекли в тюрьму, папа решился позвонить маме и пригласить ее к себе на Рождество. Они стали терпимее относиться друг к другу, смягчившись за годы вынужденного общения по поводу школьных уроков и покупки одежды и обуви для детей. Кроме того, отец и Перри были, можно сказать, давно и счастливо женаты, как обычная семейная пара, и мама наконец смирилась.

И вот утром накануне Рождества она переступила порог их дома, где над дверью был венок из мишуры и атласный красный бант, и стала с улыбкой извиняться, что не смогла купить нам подарки. Но она принесла кое-что другое. Это были письма, старательно набранные на компьютерной почтовой бумаге, с цветными рождественскими гирляндами на полях. И каждому, включая отца и Перри, она дала по письму. Я развернула свое письмо и стала медленно читать. В письме мама вспоминала несколько лучших моментов своей жизни, счастливых беззаботных мгновений, например, когда мы с ней дурачились перед зеркалом, лохматили друг другу волосы в нашей подвальной квартире в Силван-Лейк. Она выражала свою любовь и надежду на то, что мне в жизни повезет и что меня ждут большие приключения. Не знаю, что она написала остальным. Но только все мы молчали, и кое-кто даже всхлипнул.

С тех пор мы стали на Рождество собираться вместе. Мы не были дружной семьей, но, несомненно, по-своему любили друг друга.

Глава 3. Путешествие

– Джеми, давай куда-нибудь съездим? – предложила я однажды летним вечером, когда мы валялись у реки на одеяле.

Мы жили в Калгари уже девять месяцев. Я издергалась и устала. Каждое воскресенье я просматривала объявления от турагентств в рекламной газете: вокруг света за восемьсот долларов, дешевые путевки «все включено», авиабилеты со скидкой в самые дальние страны, в города, о которых я и слыхом не слыхивала. И все в таком роде.

Джеми молча лежал на спине, демонстрируя мне свой безупречный профиль, и созерцал плывущие в летнем небе облачка. Я любовалась им, его ровным носом, гладкостью кожи, медовым цветом глаз. Но я не понимала его. Он был для меня загадкой. Он порой неделями не работал, мог бесцельно слоняться по городу, пропадал в музыкальных магазинах и секунд-хендах, и это меня раздражало.

– Куда ты хочешь поехать? – спросил Джеми.

– Куда угодно, мне все равно. Главное – поехать.

На его лице расцвела задумчивая улыбка, которую я так любила, и его длинные пальцы нежно сжали мое плечо.

– Давай, – сказал он, – куда угодно – это здорово.

На следующий день я отправилась в большой букинистический магазин «Ви Бук Инн», чтобы покопаться в старых выпусках «Нэшнл джиографик». На самом деле я хотела поехать в Африку, но для начала это все-таки было далековато. Я еще ни разу не бывала за границей, если не считать поездок в Диснейленд в детстве, один раз с папой, второй – с мамой после их развода. Джеми никогда не выбирался за пределы Канады. Я вытащила толстую подшивку журналов, села с ними на пол и стала выбирать направление.

Что же нам посмотреть? Иерусалим? Тибет? Берлин? «Нэшнл джиографик» имеет одну интересную особенность. Каждый его сюжет представляет что-то потерянное, неисследованное, мистическое или дикое. *Вы там, а мы-то здесь*, – как бы говорит журнал. Но не с целью раздражить домоседа-читателя, а с целью послужить его представителем в этих далеких землях. Оформив подписку или купив журнал, человек тем самым отдает дань уважения внешним границам мира и всем, кто его населяет. «Спасибо, я посмотрел, что это существует на свете, и мне нет нужды убеждаться в этом лично», – думает читатель, переворачивая последнюю страницу.

Но только не я. В одном выпуске была статья о Боливии и Мадиди, маленьком заповеднике в верхнем бассейне Амазонки, где попугаи порхают среди махагониевых деревьев. В другой статье я увидела водопады под белым туманом в джунглях Парагвая. Я нашла старый экземпляр, который читала в детстве, с рассказом о таинственном высокогорном плато Рорайма, покрытом кварцевыми кристаллами, где-то в Венесуэле. Одни названия чего стоили! По пути домой они звучали у меня в голове, как стихи, заставляя забыть скучные привычные наименования мест, где я живу и где выросла. Мадиди. Венесуэла. Парагвай. Все, решено! Не город, не страна, не побережье. Целый континент. Мы едем в Южную Америку!

Бюро путешествий «Адвенча Трэвел» находилось в паре кварталов от «Дринка». Две женщины сидели за компьютерами, окруженные миниатюрными колизеями из туристических проспектов в блестящих обложках. Дешевле всего из Калгари было добраться до Каракаса, столицы Венесуэлы. Шел сентябрь 2001 года. Я забронировала два билета на январь туда и обратно через шесть месяцев, расплатилась наличными и вздохнула с облегчением. Будущая поездка постоянно возникала в наших разговорах. Мы с Джеми все время повторяли: «Вот когда мы поедем в Южную Америку...» или «Вот когда мы отправимся в путешествие...». В букинистическом магазине я купила путеводитель «Лонли плэнет» («Одинокая планета»), толстый, как Библия, выпущенный пять лет назад, и мы с Джеми, страница за страницей, принялись изучать его. Мы воображали, как пробираемся сквозь заросли в джунглях, идя к снежным пикам под ослепительным солнцем, и дорогу нам указывают проводники из племени кечуа. В одном разделе говорилось о змеях и насекомых, например, плотоядных мухах, которые могут пробуравить кожу где-нибудь на ноге и прогрызть дальше целый тоннель, и о питонах, свешивающихся с деревьев. Брр! Мы слегка занервничали. Еще был раздел об опасностях, подстерегающих туристов в городе. Нас предупреждали, что на улицах мы можем стать жертвой карманников, наш номер в гостинице могут ограбить, нас могут развести на деньги мошенники от благотворительности, собирающие средства в помощь какому-нибудь несуществующему сиротскому приюту. Малярия, лихорадка, бандиты с большой дороги, жулики всех мастей, автомобильные аварии – об этом нам приходилось выслушивать от родителей, которые сочли своим долгом хорошенько напугать нас перед поездкой. Словом, мы готовились к худшему, – к тому, что мы почитали за худшее, – потому что это казалось нам

необходимой частью подготовки, по причине врожденного авантюризма.

И вот одним холодным зимним утром в январе 2002 года мы с Джеми улетели в Южную Америку. К тому времени мир стал значительно более опасным. Тысячи людей погибли 11 сентября. По телевидению говорили о джихадистском подполье, об угрозе эпидемии сибирской язвы, об оси зла. Перед Рождеством террорист захватил самолет в Париже и безуспешно пытался взорвать свой ботинок. Несколько недель спустя журналист «Уолл-стрит джорнал» по имени Дэниэл Перл отправился в Пакистан, планируя расследование, связанное с финансированием обувного террориста. Его похитили и обезглавили. То, что несколько месяцев назад невозможно было себе представить, стало ужасной реальностью.

Но нас ничто не останавливало. Хотя, сидя в аэропорту Калгари, я гнала прочь мысли о смерти и несчастьях, которые так и лезли в голову. Южная Америка – это не Ближний Восток, убеждала я себя. Это даже не Америка. Наш маршрут пролегал через Венесуэлу в Бразилию и затем в Парагвай. Одежду мы упаковали в специальные безвоздушные пакеты, отчего она стала плоской и твердой, – чтобы взять больше других вещей, необходимых в тропическом климате, – спрея от moskitov, крема от солнца, противогрибковой жидкости для обуви и огромную бутылку кетчупа плюс пакетики соли и перца, которые мы собирали в фастфудах не один месяц.

Перед отъездом я съездила навестить бабушку и дедушку. Бабушка дала мне огромную банку антибактериального геля и несколько пластиковых коробок «Тапперуэр», которые я тоже, кажется, впихнула в чемодан. На прощание она жизнерадостно осудила мои планы на путешествие и мою любовь к коротким юбкам и высоким каблукам.

– Надеюсь, ты понимаешь, что там нельзя одеваться так, как здесь? – спросила она, когда я поцеловала ее в щеку.

Из гостиной, где по-прежнему стояло старое пианино и бабушкины алые керамические розочки, раздался голос дедушки, сидевшего в кресле с откидной спинкой:

– Надеюсь, ты понимаешь, что если с тобой что-нибудь случится, то денег, чтобы помочь тебе, у нас нет.

Но я пропустила его замечание мимо ушей.

Глава 4. Она существует

Ночной Каракас мало походил на город в тропиках, который рисовало мне воображение. Таксист говорил по-английски, называл местные достопримечательности, если таковые попадались по пути. Большинство зданий были закрыты на ночь. Вдоль широких бульваров росли пальмы с тяжелыми, низко свисающими листьями. На первый взгляд город был спокойный, зеленый, необычный.

Наверное, был подходящий момент, чтобы влезть под мышку к Джеми, чмокнуть его ладонь и промурлыкать что-нибудь вроде «как я рада, что мы наконец добрались, преодолев за один день этот немыслимый земной изгиб, который начинается в ледяной Канаде и заканчивается во влажной жаре другого полушария». Но я не решилась. Потому что все-таки это был неподходящий момент. Признаться, я была напугана тем, что произошло.

Наутро мы проснулись в номере трехзвездочного отеля, который нам заранее заказал агент, самом дорогом месте, где мы когда-либо останавливались. Я раздвинула шторы и выглянула в окно. Прямо напротив торчал огромный рекламный щит «Пепси». Дальше были небоскребы, в небе летел самолет. Внизу на улице сидели в машинах люди и тупо глядели вперед, ожидая, когда на светофоре зажжется зеленый. До ужаса знакомая картина... Ни тележек, запряженных ослами, ни попугаев, ни тростника, ни очаровательных старушек в блузках с рюшами и кружевами на голове. Разве что воздух был незнакомый – тяжелый и влажный, отдающий болотом.

Я раскрыла окно и посмотрела вниз. На тротуаре смуглые мужчины в бейсбольных кепках продавали фрукты: апельсины, персики, папайю и еще что-то неведомое.

– Джеми, взгляни, – позвала я.

Он подошел и посмотрел мне через плечо.

– Может, купить?

Джеми был вечно голоден.

Я вспомнила, что говорилось в путеводителе насчет фруктов и овощей, как тщательно нужно все мыть и чистить. Бактерий я боялась не меньше, чем террористов, бандитов и одиночества. Я планировала есть в путешествии только хорошо проваренный рис и бобы, приправляя их привезенным с собой кетчупом, и тщательно мыть руки.

– Давай не будем, – сказала я.

Первый урок мы усвоили быстро: если вашему путеводителю

пять лет, то рано или поздно он вас обязательно подведет. В то время как «Хилтоны» и «Шератоны» с их шведским столом и бассейнами вечеринками по пятницам, с живой музыкой марьячи останутся на своем месте до скончания веков, гостиницы вроде «Эрман» и «Посада Гуаманчи» на улице, где номера сдаются по восемь долларов ночь, как появились, так и исчезнут.

Хозяйка, которая когда-то подавала на завтрак гостям чуррос с ломтиками манго и горячим кофе, уезжает на неопределенное время в гости к внукам. Старик, владелец «безукоризненно чистого и гостеприимного» мини-отеля у автобусной станции, передает дело своему сыну, которого мало волнуют пауки, тараканы и плесень в ванной, гораздо меньше, чем загорелые молодые туристки, с которыми надо еще где-то устроиться на ночь.

Первые недели в Венесуэле мы с Джеми проходили целые мили, истекая потом под рюкзаками, в поисках обменников с низкой комиссией и двухзвездочных гостиниц, которые давно превратились в массажные салоны или мастерские по ремонту мотоциклов. Мы могли два часа прождать на автобусной остановке, успевали изругаться и обгореть лишь для того, чтобы выяснить, что автобус, ходивший здесь во вторник днем, теперь ходит в пятницу утром.

Потом мы поняли, что самую достоверную информацию можно получить от коллег-путешественников, британцев, немцев и датчан, которые рады были рассказать о своих злоключениях, пожаловаться на неудобства за кружкой холодного пива. Мы сидели где-нибудь, отбиваясь от moskitov, и обменивались ценными сведениями. Анна из Португалии знала хорошую прачечную. Австралиец Брэд с восторгом рассказывал о посещении Ангельских водопадов и всем советовал своего проводника. Мы стали более равнодушно воспринимать трудности. Когда не было автобуса, когда в номере не работал душ или вентилятор, я понимала, что такова наша судьба. Путешествие определенно шло на пользу моей страждущей душе, успокаивало нервы.

Однажды ночью мы, поддавшись на уговоры знакомой шведки, согласились примкнуть к группе из девяти туристов, едущих на яхте в Тринидад. Всю дорогу нас страшно мутило. Под утро, когда мы, изнемогая от качки и рвоты, еще затемно добрались до Порт-оф-Спейн, Тринидад, и сошли на берег, портовые власти прямо на пристани арестовали нашего капитана. Нас всех отправили в КПЗ для нелегальных иммигрантов, потому что у нас не было визы. Признаюсь, в этот момент я чуть не разрыдалась.

Но зато я, постоянно находясь в движении, чувствовала небывалую беззаботность и легкость. Я даже отменила запрет на фрукты, которые продавались тут на каждом углу. Мы ели мясистые бананы и сладкие зеленые гуавы. Мы вспарывали ножом толстые дыни, вырезали сладкую желтую мякоть и отправляли в рот. Еще мы начали избавляться от лишнего багажа. Бабушкины пластиковые коробки «Тапперуэр» я раздала женщинам в одной деревне, а бутылку антибактериального геля оставила в грязной гостинице. Также мы раздарили кучу одежды. Темные волосы Джеми на солнце сделались медными, кожа покрылась ровным шоколадным загаром. Я тоже загорела и ощущала во всем теле гибкость и легкость, будто была рождена для этого теплого воздуха. У меня снова появились веснушки, как в детстве. Домой мы с Джеми отправляли самые красивые открытки, дополняя виды Венесуэлы восторженными посланиями. «У нас все отлично», – писали мы. На острове Маргарита у северного побережья мы нашли широкие и белые песчаные пляжи и стройные пальмы, шелестящие листьями на ветру. Свою желтую двухместную палатку мы поставили на задворках дешевого отеля, договорившись с администратором, что будем пользоваться их ванной и туалетом – меньше чем за полцены обычного номера. На сэкономленные деньги мы покупали сэндвичи с акульим мясом и ели их на обед, запивая дешевым ромом.

Мы подружились с местной девушкой, регистратором отеля, которая принимала у нас ежедневную ренту. Она хранила наши паспорта в гостиничном сейфе, чтобы их не украли, продавала нам бутылки с водой и румяные эмпанадас – морковные пироги с сыром, привозимые из деревни в бумажных пакетах. На вид ей было лет двадцать. Звали ее Пегги. У нее были круглые щеки, пышный бюст и застенчивая улыбка. Она носила тесные майки и длинные юбки в пол. Бегло щебетала на ломаном английском. Деревня, где она жила, находилась в шести милях от гостиницы. Однажды вечером, когда я вошла в фойе с зубной щеткой и футляром для контактных линз, Пегги предложила:

– Поехали к нам? Познакомьтесь с моей семьей. Мы вас накормим.

Оглядываясь назад, кажется, что наша поездка в гости к Пегги – это мелкий незначительный эпизод, но тогда мы были другого мнения. Мы добрались на такси. У Пегги была огромная семья – дядьки, тетки, орава босоногих кузенов и племянников. Она показала нам местный пляж – пять минут пешком по узкой тропинке среди кустарника, – где мы поставили палатку. Пляж был изумительный: огромный полумесяц белого песка у входа в пещеру, обрамленный изогнутыми пальмами, и никаких следов

пребывания человека – ни крышек от газировки, ни прочей дряни, что волны обычно сносят к берегу, ни яхт на горизонте. На ужин Пегги принесла нам корзинку свежих эмпанадас и ананас, нарезанный дольками, и ушла. Мы остались одни. Небо окрасилось в малиновый цвет, крепчал вечерний бриз. Одиночество пугало и будоражило нас. Мы бродили по щиколотку в теплой воде, наблюдая, как на мелководе резвятся стайки голубоватых рыбок. Сейчас, в ретроспективе, мы бы сами себя не узнали: юноша и девушка, внезапно оказавшиеся среди канонического первобытного рая, в полном уединении, проводящие время бесцельно и счастливо. Потом мне пришло в голову, что в случае чего помощи отсюда не дозовешься. Деревня, где живет Пегги, находится в стороне от туристических маршрутов. Наверное, ее и на картах-то нет. Никто не знает, где мы, мы никого не предупредили. При этих мыслях моя радость мигом испарилась. Что-то ужасное обязательно должно случиться! Я похолодела от страха. Рано или поздно нас, конечно, хватятся. Копы прочешут местность вокруг отеля, допросят нашего таксиста, приедут в деревню, и Пегги отведет их на пляж, где они обнаружат наши бездыханные тела. Мы погибнем одновременно от удара молнии либо нас смоеет в океан гигантской волной, а потом вынесет обратно на берег. Либо нас ограбят и убьют местные бандиты, а трупы зароят в песок. Но сначала они отконвоируют нас куда-нибудь подальше, чтобы наши тела никто никогда не нашел.

В ту ночь я спала, вцепившись в Джеми, и вскакивала от каждого резкого порыва ветра, шуршащего в пальмовых кронах, и крика лягушки в лесу. Наверное, так спят солдаты на передовой, на острие ножа между экстазом и ужасом.

Мы проснулись, когда утреннее солнце начало поджаривать нашу палатку. Внутри было влажно и душно. Джеми поцеловал меня в лоб.

Мы выжили. На этот раз все обошлось.

Мы продвигались в глубь Венесуэлы, следуя нашему довольно хаотичному плану. Автобусные переезды следовали один за другим. Дорога действовала на нас как наркотик. Кустарники сменялись густыми зарослями тропического леса, где в ветках пестрели алые попугаи-ара. Иной раз мелькала деревушка возле плантации какао.

Последний автобус довез нас до городка под названием Санта-Елена-де-Уайрен, на границе с Бразилией. Ночью мы спали под москитными сетками в комнате хостела, выкрашенной в ярко-бирюзовый цвет. Наутро, после небольшого торга, мы наняли в

проводники индейца из племени пемон и пешком отправились в джунгли.

После двух дней непрерывного подъема по извилистой, точно американские горки, тропе нашим глазам наконец предстало зрелище, ради которого затевалась поездка: вид с вершины горы Рорайма. Это даже не гора, а скорее огромное плато, каменная платформа длиной в шесть миль, такой ширины и высоты, что даже климат там особый. Стены плато отвесно падают вниз с высоты в несколько сот футов, курятся белые водопады, облака бегут над зелеными долинами. Пять месяцев открытка с этим видом стояла у нас на кофейном столике в Калгари. Выпуски «Нэшнл джиографик», где были фотографии Рораймы, мы хранили как самое большое сокровище. И вот мы попали в Зазеркалье, точно герои фантастического рассказа, мы ползаем по картине, приобретшей третье измерение. Здесь и россыпи розоватых кварцевых кристаллов, и голубые, изумрудные птички колибри, и крохотные доисторические черные лягушки, которыми мы любовались на снимках.

– Ты веришь, ты веришь, что мы здесь, Джеми? – услышала я собственный голос. – А я не верю.

Мы сидели над пропастью, свесив ноги, и молчали. Внизу клубились облака, словно гигантский белый парик, скрывающий от нас долину. Было ощущение, что мы на кромке колдовского котла или на палубе корабля, бороздящего неземной океан. Я видела эту гору в журнале, а теперь мы здесь, сидим, зачарованные, и смотрим. Это правда, она существует! И это все, что мне нужно, чтобы продолжать.

Глава 5. Стрижка на озере

На обратном пути в долину Джеми споткнулся, упал и сломал ногу, что вынудило нас прервать наше большое путешествие по Южной Америке. Не могло быть и речи о том, чтобы я продолжала его одна. Мы, парочка городских ребятишек, отмечающих праздник непослушания, боялись сделать хоть шаг в одиночку. Мы вернулись в Канаду с чувством усталости. И пусть мы выдержали еще целый год и даже совершили второе путешествие – по Южной Азии, – наше расставание было предопределено. Мы оба понимали, что для серьезных отношений мы пока слишком молоды. Наш разрыв проходил медленно и мучительно. Когда наконец в один весенний вечер 2003 года после очередной ссоры взбешенный Джеми хлопнул дверью, объявив, что он уходит навсегда. Самое сильное чувство из тех, что я в этот миг испытала, было облегчение.

Я старалась быть постоянно занятой. У меня была новая работа в баре «Сейлиз», престижном заведении для корпоративных вечеринок, косящем под ирландский паб: деревянные полы, джиги и шанти. Платили там больше, чем в «Дринке». Я старалась брать две смены подряд, чтобы поскорее накопить на новое путешествие.

Впервые в жизни я жила одна – снимала маленькую квартиру с минимумом необходимой мебели в центре Калгари. Между сменами я успевала заскочить в букинистический магазин – купить рассказы о путешествиях и старые журналы, вдохновляющие меня на новые планы. Также я купила новейший путеводитель по Центральной Америке и брала его с собой на работу, чтобы полистать в перерыве.

На работе я подружилась с девушкой по имени Келли Баркер с острова Ванкувер. Келли была миниатюрная брюнетка с горящими зелеными глазами, настолько яркая, что встречные на улице часто останавливались, засмотревшись. Еще у нее были шикарные густые волосы длиной до пояса. Чаевые она получала самые щедрые и всегда была бодрой, будто совсем не уставала.

Однажды летом мы с Келли во время обеденного перерыва зашли в ресторан «Эрлз». Там, как и у нас, был мертвый час. Мы заказали артишок с соусом и охлажденный зеленый чай. Я вынула из сумки путеводитель и стала показывать Келли фотографии Коста-Рики, куда мечтала поехать. Келли ребенком несколько раз была в Европе и ездила в Мексику по программе школьного обмена, но ей никогда не приходилось путешествовать с палаткой.

– А давай поедем вместе? – вдруг предложила она.

– Конечно, давай! – обрадовалась я.

Мы тут же принялись подсчитывать, в какую сумму нам обойдется путешествие и сколько нужно времени, чтобы ее заработать. Мы решили, что три недели, как планировалось вначале, – это мало, а шесть – в самый раз. Я читала вслух о Гватемале, а Келли слушала, поигрывая соломинкой.

– Три канатных моста над водопадом, сад бабочек, кофейные плантации. – Я перевернула страницу. – Знаешь, в этом месте можно научиться медитации и всяким таким штукам.

– Похоже, – кивнула Келли. – А еще в этой Гватемале должны быть парни.

Когда нам принесли счет, план был готов. Мы летим в Коста-Рику, пешком пересекаем Гватемалу и Никарагуа, потом снова садимся на самолет и летим в Сент-Томас, где, по мнению Келли, можно найти подходящую работу – например, разносить напитки на пляже. Ну а дальше... Кто его знает? Что-нибудь придумаем.

Мы ворвались в офис турбюро «Адвенча Трэвел» за пять минут до закрытия, веселые и опьяненные решимостью быстрее осуществить свою мечту. Нахмурившись, чтобы выглядеть солиднее, я облокотилась на стойку и сказала:

– Нам два билета в Коста-Рику, вылетом через шесть недель от сегодняшней даты.

Келли стояла рядом и криво улыбалась.

Сотрудница турбюро была всего на пару лет старше, чем мы, но в черном деловом блейзере и с короткой практичной прической. Она молча переводила взгляд с меня на Келли и обратно с таким видом, будто сейчас позвонит нашим родителям.

– Вы не подумайте чего, мы не шутим, – добавила я.

Келли оказалась права – парни в Гватемале были. Пять недель спустя, побывав в Панаме, Коста-Рике, Никарагуа и Гондурасе, мы несколько часов ехали на желтом автобусе, на старом школьном американском автобусе, что колесят по Центральной Америке, с багажником на крыше, полным рюкзаков и продукции местных фермеров. Мы вышли в неприветливом индейском городке Тодос-Сантос, и там, в сыром кафе, с желтыми стенами и низким потолком, нам встретились Дэн Хэнмер и Ричи Баттеруик. Да, Дэн и Ричи, как герои любимых мной в детстве комиксов про Арчи и Веронику. Но только эти были англичане. Светловолосый и голубоглазый Дэн Хэнмер учился в Экстерском университете, Ричи Баттеруик был практикующим юристом. Оба они были бронзовые от загара – типичные бродяги-путешественники, разве что без бороды и шевелюры, в отличие от

большинства парней, которые чуть за порог сразу бросаются бриться и стричься. Таких мы с Келли прозвали троллями за неухоженный, отталкивающий вид. Говорили они с непередаваемым аристократическим британским акцентом. Едва представившись, мы стали рассказывать о своих приключениях, а они слушали, смеялись и отпускали ехидные шуточки, чем еще больше раззадоривали нас. Мы рассказали им про экзамен по подводному плаванию с аквалангом в Гондурасе, про укусы песчаных мух на пляже в Панаме и про ужасную бурю, что застала нас в кратере вулкана в Никарагуа.

Мы стали повсюду ходить вчетвером. Вместе мы месили грязь в колеях, что оставляют на грунтовой дороге тракторы местных фермеров, смотрели лошадиные скачки на ежегодном фестивале в честь Дня Всех Святых, лезли в горы к горячим источникам среди зарослей цветущего гибискуса. И все время хохотали – Ричи Баттеруик и Дэн Хэнмер были большие весельчаки. Ночью у себя в комнате в хостеле мы с Келли продолжали хохотать. Мы дурачились, передразнивали британский акцент наших спутников, на все лады повторяли их имена. Но в общем они были хорошие, умные ребята. И джентльмены – всегда протягивали руку, помогая забраться в кузов попутного грузовика.

Как-то раз мы сели в автобус и поехали на озеро Атитлан, находившееся неподалеку. Там мы первым делом решили подкрепиться – расположились в заросшем патио вегетарианского кафе, заказали суп из черной фасоли и соленый гуакамол, который подавали здесь огромными порциями. И вот, пока я и Ричи за дружеской болтовней потягивали пиво, Келли и Дэн Хэнмер стали многозначительно переглядываться.

– Ты что, втюрилась в Дэна Хэнмера? – спросила я, когда мы вечером валялись в гамаках на террасе.

С самого начала путешествия мы с Келли вели себя целомудренно. Не то чтобы шарахались от мужчин, но никогда не позволяли себе ничего, кроме флирта. Я просто дразнила ее, одно его имя вызывало у нас смех. Потом мы часто вспоминали его, и всегда он был именно Дэн Хэнмер, не *Дэн* и не *тот парень из Гватемалы*.

– Нет, я *не втюрилась* в Дэна Хэнмера, – отвечала Келли безо всякой, впрочем, уверенности, – и не задавай мне больше дурацких вопросов.

Озеро Атитлан – это блестящая черно-синяя водная гладь, зажатая между тремя вулканами. Там заросли тростника, стелящийся туман и куча молодоженов и хиппи, живущих в симпатичных домиках на берегу. Деревня, где мы остановились,

была анклавом нового века, с центром медитации, с курсами по водному массажу и метафизике, с букинистическим магазином, где продавались потрепанный Керуак и Камасутра. Все, кого мы встречали, собирались остаться на пять – десять дней, но оставались на месяц, поскольку чем дольше вы бродите по берегам озера Атитлан, тем дальше от вас становятся ваши дела и обязанности, повседневные реалии обычной жизни. Вы забываете о билете на самолет, который должен доставить вас домой, о кредитах, требующих оплаты, и о людях, что ждут вас где-то на другом конце света. Для вас не существует ни прошлого, ни будущего, лишь одно умиротворенное настоящее. Что служит хорошим поводом делать все, что вам хочется.

Дэн Хэнмер и Келли теперь всюду ходили рука об руку. А мы с Ричи Баттеруиком продолжали пить пиво и даже пару раз поцеловались, но оба понимали, что это не всерьез, что мы просто убиваем время. Через несколько дней он улетал обратно в Англию. Мы проводили его до автостанции в Сан-Педро, а затем я оставила Келли и Дэна Хэнмера, позволив им провести оставшиеся до его отъезда сорок восемь часов nirваны, вдвоем. А сама переселилась в соседний лагерь, к девушке, с которой мы познакомилась ранее.

Одна из лучших вещей на свете – это уверенность, что в мире всегда есть кто-то, о ком стоит тосковать. Два дня спустя я взяла водное такси и поехала в Сан-Педро, чтобы забрать Келли, и нашла ее на каменной лестнице, ведущей в город. Она и впрямь, хоть и ненадолго, влюбилась в Дэна Хэнмера. А теперь Дэн Хэнмер уехал.

– Ну перестань, – сказала я, обнимая ее за плечи, – пойдем лучше выпьем пива.

Она дулась всю дорогу до нашей деревни и плакала, когда мы сидели в ресторане у озера с моей американской подругой, веснушчатой поклонницей йоги по имени Сара. Едва глаза Келли наполнялись слезами, мы с Сарой спаивали ей бутылку пива «Галло». Дэна Хэнмера мы решили не упоминать, но Келли долго не выдержала.

– Он слушал Боба Марли на плеере, – с тоской говорила она, будто ничего более романтического в ее жизни не случилось. И начинала плакать. Потом хихикать. Или наоборот – сначала хихикать, потом плакать. Затем мы все втроем вздыхали. Дэн Хэнмер уже превратился в легенду.

Вечером мы вышли на шаткий деревянный пирс, принадлежащий нашей гостинице, сидели и слушали, как плещется вода и шумят вдалеке моторные лодки, – это рыбаки

возвращались домой. Красивое лицо Келли совсем опухло от слез, но она, кажется, успела выплакать все без остатка. Мы с Сарой говорили о том, сколько еще жить в городе и не пройти ли нам трехдневный курс по «прозрачным сновидениям» в центре медитаций, когда вдруг раздался голос Келли.

– Я хочу, чтобы вы меня подстригли, – сказала она.

– Что-что?

Мы обернулись.

Келли небрежно подбросила свои длинные шикарные волосы вверх – будто это не предмет черной зависти каждой встречной женщины, не драгоценный камень ее красоты, а старая ненужная тряпка.

– Я хочу все это обрезать.

– Ни за что, – ужаснулась я, – ты с ума сошла!

Но мысль об этом вызывала у Келли улыбку, и эта улыбка была мне знакома. Где-то внутри у нее зажегся огонек. С полминуты мы играли в гляделки, затем я пожала плечами и согласилась.

– Ладно. Но если ты пожалеешь, то я не виновата.

Это я запомнила навсегда. Я вспоминала этот эпизод, когда пять лет спустя в Сомали меня держали в набитой крысами каморке, когда я умирала от голода и моя прошлая жизнь казалась мне волшебной сказкой. Казалось, что я выдумала тот теплый вечер на мерцающем озере в Гватемале. Возвращаясь к нему памятью, я отчаянно пыталась припомнить мельчайшие подробности, приблизиться, подтянуться поближе. Келли и Сара сидели, свесив ноги, на пирсе, освещенные оранжевым закатным солнцем. Я сбегала босиком в гостиницу и принесла деревянный стул из вестибюля и тупые канцелярские ножницы, позаимствованные у регистраторши. Последний раз спросила Келли, уверена ли она. В воздухе витал призрак Дэна Хэнмера, оплакивая красивый роман, прервавшийся в самом расцвете. Первые пряди темных волос Келли тяжело упали на доски. Горы стояли вокруг, точно зеленый занавес позади искрящегося озера. Когда это началось, мы так и прыснули со смеху. Мы смеялись, как не смеялись все три месяца путешествия. Крепко сжав ножницы в дрожащей руке, я отхватывала прядь за прядью. Сара, которую мы потом больше не встречали, держалась за живот. По щекам ее текли слезы. А Келли, забыв о своих страданиях, по-прежнему красивая, несмотря на короткую клочковатую стрижку, наклонилась и смахнула остатки волос в воду.

Глава 6. Хэлло, мадам!

Я подсчитала, что за три-четыре месяца работы официанткой в ночном клубе можно накопить денег на авиабилет и путешествие в пять месяцев – даже шесть, если экономить каждый цент.

– Чем вы занимаетесь? – порой спрашивали меня, как это принято при первом знакомстве, – новые друзья, дантист, соседка за столом на свадьбе.

Или:

– Что ты хочешь делать дальше? – интересовались постоянные посетители бара, справедливо полагая, что все, кто тут работает, имеют другие планы на будущее.

– Путешествую, – отвечала я, – хочу посмотреть мир.

И это была правда.

Я дважды побывала в Латинской Америке и один раз в Юго-Восточной Азии и была помешана на идее продолжать. Путешествия давали мне темы для разговоров, поднимали мой статус в глазах окружающих. Когда я рассказывала на работе о поездке в Никарагуа или планах отправиться в Эфиопию, это, казалось, извиняло тот факт, что я не училась в колледже или не слишком расторопно обслужила девятый столик. Еще путешествия помогали мне уклониться от вопросов о моем детстве и родителях, ведь прошлое для путешественника означает предыдущие поездки. Причем срок годности старых впечатлений ограничен, главное – куда ты собираешься в будущем.

Поздней осенью 2004 года, когда мне исполнилось двадцать три, мы с мамой провели месяц в Таиланде. Мы бродили по пляжам, осматривали буддийские храмы, ели карри и манго и жили в трехзвездочных отелях вместо обычных для меня хостелов и кемпингов. Первый раз в жизни мы с ней так здорово общались, получая некую компенсацию за то уродливое и страшное, что было раньше. Когда она улетела домой, я отправилась в Бирму, где мне сразу стало настолько не по себе от одиночества, что я затесалась в группу геологов, работающих в джунглях. Затем я полетела в Бангладеш – отчасти соблазнившись дешевизной билетов, отчасти близостью Бангладеш к Индии, куда мне хотелось поехать в следующий раз. Я сказала себе, что должна научиться быть независимой. В Бангладеш я никого не знала. Среди моих знакомых вообще не было никого, кто хоть раз съездил в Бангладеш. Значит, это подходящее место для путешествия.

Бангладеш – одна из самых густонаселенных стран в мире, и Дакка, куда я прилетела в январе 2005 года, – самый густонаселенный ее город. Выйдя из здания аэропорта, я не увидела ничего, кроме людей, – толпы в несколько сот человек у черных металлических ворот, отделяющих аэропорт от парковки: таксисты, рикши, носильщики багажа без регистрации, женщины в ярких сари, держащие за руку детей, огромные семьи, в полном составе встречающие родственников.

– Хэлло, мадам! – кричали мне со всех сторон таксисты. – США? Дания? Откуда вы? Отель, отель!

В самолете я познакомилась с Мартином, немцем средних лет, который работал в одной из электрокомпаний Дакки и имел тут собственный бизнес.

– Вы путешествуете одна? – удивленно поднял брови Мартин. – Что ж, вас ждет много интересного.

Мартин предупредил, что поездка на такси до отеля в Старом городе, который рекомендует путеводитель «Лонли плэнет», займет не менее трех часов, потому что водитель нарочно будет возить меня кругами, пользуясь моим незнанием города, да еще и обсчитает в три раза, потому что я белая и я женщина.

– К тому же он привезет вас не по адресу, который вы ему назвали, а в отель своего родственника.

Мартина ждал собственный водитель и белый мини-вэн с кондиционером. Получив багаж, я еще раз взглянула на толпу таксистов, жаждущих нашего внимания и денег, и села в машину к Мартину, решив позволить себе одно мелкое отступление от принятого на себя обета самостоятельности.

В старую часть города мы добирались два часа, вдоль северного берега реки Буриганга. По бурой от грязи реке медленно ползли грузовые баржи, среди которых сновали извозчики на тонких, как нож, каноэ. Солнце клонилось к закату. Улицы стали совсем узкими, на перекрестках творился стихийный бедлам: велорикши, отчаянно гудящие автомобили и пешеходы. Когда наконец водитель Мартина затормозил на углу возле выбранного мной отеля, я вышла, взяла рюкзак и пожалала руки обоим мужчинам. Шум на улице стоял оглушительный – звонили велосипеды, сигналили машины, кричали прохожие, да еще беспрерывно и пронзительно выла какая-то сирена, довершая эту адскую какофонию.

– А вы уверены, – закричал Мартин, – что хотите тут остаться? Может, лучше в «Шератон»?

– Нет, – бодро отмахнулась я, будто бывала здесь уже тысячу раз, – я остаюсь.

На прощание Мартин дал мне свою визитку:

– Звоните, если что-нибудь понадобится.

И я осталась одна.

Нет, не совсем одна. Едва автомобиль Мартина отъехал, все головы на улице немедленно повернулись в мою сторону. Пока я шла до входа моего отеля, все встречные останавливались и таращились на меня. Позади семенил какой-то толстяк и кричал:

– Английский? Хэлло? Хэлло, хэлло!

Я скорее нырнула в дверь и вскарабкалась по узкой лестнице на второй этаж, где находился вестибюль. За низким столиком сидели двое мужчин в белых куфиях и смотрели в маленький экран телевизора в углу, где шел футбольный матч.

В путеводителе говорилось, что это дешевый отель с англоязычным персоналом и чистыми туалетами.

– Здравствуйте, – сказала я, – мне нужен номер на одного. – Я вынула паспорт и кошелек.

Старший из мужчин смерил меня долгим взглядом сквозь круглые очки без оправы. У него были глубокие карие глаза и редкая седая борода.

– Для вас?

– Для меня.

– А где ваш муж?

– У меня нет мужа.

Мужчина склонил голову к плечу:

– Тогда где ваш отец?

Я встречала девушек, которые, отправляясь в путешествие, надевали кольцо и делали вид, что где-то на другом конце света их ждет муж. Таким образом они отваживали мужчин, полагающих, что незамужняя женщина должна сидеть дома и ждать, пока ее отец сторгуется о подходящей цене за невесту, а иначе она шлюха или ведьма. Но я считала, что все это чушь. Меня не заботило отношение ко мне посторонних мужчин, и я не собиралась носить поддельное обручальное кольцо. У меня была пара колец на правой руке – массивные толстые кольца из дешевого серебра с хрусталем, которые я купила на пляже в Таиланде, но они ничего не значили.

– Мой отец дома в Канаде, – ответила я не без раздражения, – а я здесь, и мне нужен номер.

Теперь и второй мужчина смотрел на меня, медленно и неодобрительно покачивая головой, будто одна мысль о таком положении вещей казалась ему абсурдной.

– А что вы здесь делаете? – спросил старший. – Я не понимаю. Ваш отец знает, куда вы поехали?

Он воздел руки с притворным отчаянием, словно говоря, что не его вина, что мой отец отпустил меня из дому. Я, конечно,

умолчала о том, что мой отец живет с любовником-геем, а я зарабатываю тем, что подаю в баре алкогольные напитки неженатым мужчинам, которые приходят, чтобы выпить и подцепить проститутку. Вместо того я продолжала гнуть свою линию, одновременно рассматривая карту в путеводителе. К моему облегчению, поблизости был еще один отель.

– А в чем проблема? У меня есть деньги, и они не хуже, чем деньги любого мужчины.

Но все уговоры были бесполезны. Под конец я вынуждена была вернуться на улицу.

В старой Дакке, пропахшей смесью дизельного топлива и рыбной пасты, все так же надрывались клаксоны и трезвонили велосипеды. День клонился к вечеру. Толстяк, поджидавший меня у двери, снова забубнил:

– Хэлло, хэлло! Мадам! Как дела, мадам?

Несколько минут спустя я оказалась в плотном окружении любопытных, в основном мужчин, число которых быстро увеличивалось. Вперед пробился человек с коротко стриженными усами и бородой. Голову его тоже покрывала белая куфия, но, в отличие от прочих, одетых в свободные арабские рубашки и саро, он был в джинсах и футболке.

– Простите, простите, – сказал он, – как ваше доброе имя?

Круг, где я стояла, сузился – все хотели встать ближе, чтобы слышать наш разговор.

– Мое доброе имя Аманда! – громко отвечала я в том же духе. – Я из Канады!

– Могу я вам помочь?

Я показала ему карту, повернув путеводитель так, чтобы он видел.

– Вот это место – это ведь прямо здесь?

– Ага. – Человек взял у меня путеводитель.

Кто-то из толпы предложил совет на бенгали. Потом еще и еще, и путеводитель стали передавать по кругу, пока наконец советчики не пришли к консенсусу, и мы всей толпой двинулись в другую гостиницу.

Дружелюбный мистер Сен – так его звали – поднялся со мной в вестибюль. Тут опять был пластиковый стол, за которым сидел черноволосый молодой человек. Еще трое сидели на диване и, казалось, дремали.

Когда я сказала, что мне нужен номер, парень за столом указал на моего нового друга и спросил:

– Это ваш муж?

– Нет, – вздохнула я, – номер для меня одной.

Вмешался мистер Сен, начал что-то объяснять на бенгали, но

парень лишь руками замахал, показывая, что он не намерен меня здесь селить.

– Он говорит, что, если бы с вами был муж, тогда другое дело, – нервно улыбнулся мистер Сен, – может быть, с вами брат?

Я почувствовала, как внутри у меня прорастает мелкое зернышко страха.

– Нет, со мной никого нет, я одна, и мне нужен номер, комната.

– Нет проблем, нет проблем, – зачастил мистер Сен, – идите ко мне домой. Моя мать, она будет вам рада.

– Нет, я не могу идти к вам домой, – улыбнулась я, надеясь, что не обижаю его. – Простите, я очень устала.

Мы прошли еще несколько кварталов до следующей гостиницы – я и моя многочисленная свита числом никак не менее сорока мужчин во главе с мистером Сеном. И почти каждый в этой группе обсуждал с другими мое затруднительное положение. По дороге компания разрослась, потому что к нам присоединялись знакомые моих провожатых, привлеченные их криками. Какая-то женщина жарила на костре перец чили и продавала людям для вечернего карри. От запаха у меня засосало под ложечкой – я не ела ничего с самого утра.

Когда в третьей гостинице старик за столом, смерив меня взглядом, начал спрашивать про мужа, меня охватила смесь паники и возмущения. Это уже не шутки. Глядя на меня – на мои джинсы, потертый рюкзак, на волосы, собранные в хвост, на серьги-кольца и широкую улыбку, – они чувствуют исходящую от меня угрозу. Нет, я понимаю, что у них другая культура, что в чести скромность и религиозность. Я вижу на улице женщин в хиджабах, а иные полностью скрывают лица. Я знаю, что такое парда, – я читала об этом распространенном у мусульман обычае прятать женское лицо и тело от посторонних глаз. Я осознаю, насколько необычно выгляжу, и все-таки...

– Но, но, но. – Сидящий за столом администратор погрозил пальцем, когда мистер Сен попробовал было ему возразить.

– Понимаете, – обернулся ко мне мой добровольный защитник после недолгой беседы, – вы просто не можете здесь оставаться. Извините.

В отчаянии я плюхнулась со своим рюкзаком на диван, что стоял в вестибюле, и заявила, удивляясь собственной решительности:

– Я никуда не уйду! Я буду здесь спать!

И пригвоздила старика к стене одним взглядом, хотя с трудом сдерживала слезы. Он отвернулся и покосился на мистера Сена. Последовал негромкий диалог. Несколько минут

администратор раздумывал, затем неохотно махнул рукой, показывая, чтобы я дала ему свой паспорт. На меня при этом он не смотрел. Наскоро занеся мои данные в журнал, он вынул ключ и подал его тощему пареньку в тубетейке, который ждал у лестницы и, по-видимому, должен был проводить меня в номер.

Я тепло поблагодарила мистера Сена, поостерегшись, впрочем, пожимать ему руку, дабы не нанести еще большего вреда его репутации, и пошла за мальчиком наверх.

Вскоре я привыкла к Дакке, и город мне начал нравиться. Я купила прозрачный черный платок на голову, какие носят многие местные женщины, без страха выходила на улицу и заходила в рестораны. Я бродила по индуистскому рынку, вдыхая настоящий фимиам и любуясь россыпями серебра на прилавках. Посетила одну из крупнейших мечетей города, где под высоким мозаичным потолком в ряд стоят мужчины и совершают молитву на коленях, усердно кладя земные поклоны. Ислам был повсюду. Стрела на зеркале у меня в номере указывала направление в Мекку. Пять раз в день кричали муэдзины, и начиналась молитва. Этот обряд носил частный и в то же время публичный характер. Например, все мужчины в моей гостинице – сотрудники и гости – становились в ряд и одновременно кланялись, а если мне случалось присутствовать при этом, то на меня не обращали внимания. Люди совершали молитву на улицах, у мечетей, которые часто не вмещали всех молящихся, особенно в пятницу, в праздничный для мусульман день. Я находила в этом особую красоту – многократные поклоны, шеренги людей в смирении перед Богом. Завершив поклоны, они садились на пятки, подносили сложенные ковшиком ладони к лицу и снова бормотали молитвы. Чужая культура, религия, требующая пять раз на дню демонстрировать свою преданность, – все это не могло не поражать воображение иностранца.

Я училась находить золотую середину между открытостью, дружелюбием, которое так часто помогает путешественнику в чужой стране и вместе с тем делает его легкой добычей для мошенников разного рода, и агрессивными способами защиты. Без языка, без знания культуры очень трудно выбрать правильную линию поведения, отличить счастливый шанс от опасности. Всегда нужно думать на два шага вперед. Мне, в общем, это удавалось. Сомнение, неуверенность, страх – это было мне знакомо с детства. Я умела выживать, будучи неуверенной во всем.

Вернувшись однажды вечером в гостиницу, я услышала за дверью странные шорохи и прерывистое мужское дыхание.

Похоже, кто-то лежал на полу в коридоре и пытался заглянуть в щелку под дверь. Первым порывом было закричать, но я быстро одумалась. Вина за это происшествие, без сомнения, падет на меня. Любая проблема – и меня вышвырнут на улицу, заставив снова искать жилье. И я поступила так, как всегда поступала, когда была испугана. Я велела себе успокоиться. Глубоко вздохнула несколько раз, проверила, крепко ли заперта дверь, передвинула стул, который мог быть виден в щелку, и стала дожидаться, пока мой вуайерист соскучится и уйдет.

Пару дней спустя я во время прогулки забрела в отдаленный район и решила вернуться на такси. Я остановила моторикшу и велела водителю ехать в старую Дакку, в гостиницу.

– Ноу проблем! – бодро отвечал молодой водитель.

Мы тронулись. От усталости я не сразу поняла, что мы едем в другую сторону. Спихватилась я лишь тогда, когда вместо городских кварталов вдоль дороги сплошь потянулись покосившиеся хижины.

– Подождите, – сказал я, – куда вы меня везете?

Рикша, не оборачиваясь, взмахнул рукой:

– Ноу проблем, мадам! Ноу проблем!

В Бангладеш никогда нет никаких проблем. По крайней мере, все вокруг вас в этом уверяют.

– Вы едете не в ту сторону! – крикнула я. – Отвезите меня в гостиницу! Отель! Понимаете? Отель!

– Ноу проблем, – отвечал водитель, прибавляя скорости.

Так прошло еще несколько минут, в течение которых я с ума сходила от страха и неуверенности. Может быть, это объездная дорога? Или это похищение? Наверное, меня убьют, а мои органы продадут на черном медицинском рынке. Это самое ужасное, что может случиться с путешественником. Солнце уже клонилось к закату. Что же делать?

То, что произошло дальше, стало для меня полной неожиданностью.

Я наклонилась вперед и заорала водителю на ухо:

– А ну-ка, поворачивай! Немедленно!

И для пущей убедительности врезала со всей силы кулаком в висок, так что кристаллики, украшающие мои дешевые тайские кольца, порвали ему кожу.

Первый раз в жизни я ударила человека.

Шокированный, водитель остановился, поднял руку, пощупал висок. Я молча наблюдала, как он разглядывает свою окровавленную ладонь, щурясь в неверном вечернем свете.

Так, час от часу не легче. Поджилки у меня затряслись. Все, теперь мне точно конец.

Но я ошиблась. Не говоря ни слова, рикша совершил плавный разворот, и мы медленно тронулись обратно в старую Дакку. Когда на улицах снова появились фонари и толпы народу, я немного успокоилась. У своей гостиницы я вышла, чувствуя смесь гнева и облегчения. Рикша робко взглянул на меня. Чуть ниже виска у него чернел глубокий порез. Уж не знаю, каковы были его намерения, куда он хотел меня отвезти и по какой причине. Но как бы там ни было, выглядел он виноватым.

– Простите, – повторил он дважды и поклонился.

Я повернулась и пошла в гостиницу. Денег я ему не заплатила, да он и не просил.

Глава 7. Правило близости расположения

Именно в те три месяца, что я провела в Азии, у меня развилась настоящая тяга к бродяжничеству. Я начала осваивать туристические гетто – такие образуются почти в каждом крупном городе, посещаемом пешими туристами. Это целые кварталы дешевых, но не слишком грязных гостиниц, это уличные рынки, где по дешевке продаются пиратские DVD, подержанные книги и путеводители, резиновые шлепанцы, чемоданы, фальшивые очки Гуччи и обширные восточные шаровары, которые путешественники покупают, чтобы надевать вместо пижамы ночью в поезде, но кончают тем, что носят повсюду. Если вы оказались на мели, то в гетто всегда найдется офис «Вестерн Юнион», если вы заболели или грустите, вам подскажут аптеку, где можно без рецепта купить антибиотики или дженерик валиума. Если вы не знаете, куда податься дальше, вам помогут турагенты, продавцы путешествий, чьи рекламные щиты на каждом углу приглашают всего за двести баксов полететь в Пхукет, в Ангкор-Ват или Майсор.

С наступлением февраля я отправилась из Бангладеш в Индию, в Калькутту. Там я сняла комнату в гостинице Армии спасения, расположенной в центре туристического гетто. После Бангладеш Индия кажется более дружелюбной страной, но при этом она точно так же перенаселена. Всякий раз, когда я выходила на улицу, за мной увязывались малолетние попрошайки с криками «Тетя, тетя!» и протягивали раскрытые ладони. «Ганжа? Ганджа? Гашиш? Курить?» – предлагали со всех сторон. Я успела две недели поработать в одном из благотворительных хосписов матери Терезы в Калингхате, ухаживая за больными туберкулезом, малярией, дизентерией, СПИДом, раком или несколькими недугами сразу. В мои обязанности входило разносить чай и обтирать их страждущие тела влажной губкой. Первые дни меня мутило, но потом я привыкла. Конечно, по святости мне было далеко до штатных медсестер, но я хотя бы старалась быть полезной.

Еще я привыкла к одиночеству. То, что раньше вызывало у меня тревогу, волнение, теперь давалось мне совершенно спокойно. Я больше не стеснялась обращаться к людям за помощью и могла поесть одна в ресторане, не чувствуя на себе чужих взглядов. Я училась не упускать возможностей.

Мама не то чтобы сходила с ума от беспокойства, но все-таки хотела знать, где я нахожусь и чем занимаюсь. Мы часто обменивались с ней письмами по электронной почте. Она писала, что любит меня. Я отвечала в том же духе и отсылала копии отцу и Перри, расцветивая свои письма самыми яркими из полученных впечатлений. Я рассказывала о медовых верблюдах, виденных в Агре, о заклинателях змей на пристани в Варанаси, о красочной расцветке одежды индийских женщин. И ставила много восклицательных знаков, чтобы полнее передать свой восторг. «Завтра, – писала я родителям из интернет-кафе в Агре, – я еду в другой город под названием Джодхпур. Он находится в пустыне, и все дома там выкрашены в голубой цвет! Поэтому его называют «Голубой город»! Вы не представляете, как КЛАССНО Я ПРОВОЖУ ВРЕМЯ!!!»

И я не преувеличивала. Я знакомилась с самыми разными людьми – будь то медсестры из Австралии или израильские подростки-военнослужащие, – составляла им компанию на несколько дней или неделю, чтобы затем снова продолжить свой одиночный полет. А однажды в Калькутте я разговорилась с соотечественником-канадцем по имени Джонатан. Это был блондин лет тридцати, обладатель пары потрясающих голубых глаз и гитары в белом чехле. У нас с ним случился короткий роман.

Парни с гитарами – это моя слабость. После Джеми я избегала мужчин, которые воспринимают путешествие как легкий способ подцепить девушку. Вообще для многих туристов – как мужчин, так и женщин – секс с попутчиками становится делом обычным. Пиво, свежий воздух, отросшая шевелюра и борода, хвастливый треп в веселой компании и продолжительное безделье – все это способствует сексуальному раскрепощению. Сколько всевозможных пар стихийно образовалось у меня на глазах: чилийцы и датчанки, старики и молодые женщины, женщины в возрасте и подростки, мужчины и мужчины, женщины и женщины! Не то чтобы я была против... Просто я была слишком не уверена в себе. Если у меня случался роман, хотя бы и мимолетный, я всегда принимала это чересчур близко к сердцу. Мне хотелось быть похожей на моих ровесниц, которые крутили любовь ради развлечения. Но у меня так не выходило.

Джонатан был очень общительный, веселый и ничего не воспринимал всерьез – словом, подходящий партнер для легких отношений. С ним я немного расслабилась. Мне было весело и приятно, в голову не приходило задаваться вопросом, люблю я его или нет. Мы оба настолько ценили свободу, что виделись не чаще пары раз в месяц. Мы списывались по электронной почте,

улавливались о месте встречи и после нескольких дней вдвоем снова разбегались.

Мне часто приходилось слышать: «Наверное, очень тяжело женщине путешествовать в одиночку». А по-моему, наоборот – гораздо проще. Если ты улыбаешься, показывая людям, как ты рада приехать сюда, они отвечают тебе теплом и добротой. При таком отношении даже мошенники, попрошайки и нечестные таксисты становятся более человечными и даже пытаются тебе покровительствовать.

Ничто не могло меня остановить. Я села на поезд и поехала в Варанаси – священный для индуистов город, который считается у них воротами в рай. Здесь пилигримы омывают свои тела в святых водах Ганга, здесь же стирают белье, моют посуду и даже купают коров, а в это время на берегу горят погребальные костры. Из Варанаси я отправилась в Дели, Майсор и Пушкар. Я научилась спать в поезде, не обращая внимания на стук колес, и пользоваться туалетами в виде дыры в полу, где виднеются бегущие рельсы. В южном штате Керала я бродила по пляжам, где волны Индийского океана, пенясь, омывают длинные песчаные косы.

Таково правило близости расположения. Приехав в одно место, ты чувствуешь, что физически невозможно не осмотреть все в округе. Ты влезаешь на вершину горы и видишь целую горную цепь. Если ты добралась до Камбоджи, то что тебе мешает съездить в Малайзию? А от Малайзии рукой подать до Индонезии. И все в таком роде.

В течение некоторого времени я воспринимала мир как турник в своей детской. Я раскачивалась на перекладинах, вперед-назад, все время наращивая силу ускорения, и знала, что однажды мои руки – а точнее, мой счет в банке, доступный мне через иностранные банкоматы, не выдержит, и я упаду на землю.

А Пакистан граничит с Индией. И этим нельзя было пренебречь, хотя имелась тысяча причин держаться от Пакистана подальше. Если почитать новости или послушать знающих людей, то Пакистан – это одна большая проблема. Там взрывают автобусы, в канавах находят обезглавленные тела, повсюду там противопехотные мины, а людей похищают через одного. А еще там Аль-Каида, бен Ладен и Талибан. Словом, кошмарная страна.

Но туристы все-таки туда пробирались. В Индии я встречала путешественников, которые бывали в Пакистане. А некоторые ссылались на знакомого знакомых, который накануне перешел границу в районе Лахора, или говорили, что друг путешествует по Пакистану уже шесть месяцев. Мнение о Пакистане, бытовавшее в среде путешественников, было скорее

положительным. Страна, мол, удивительная, нетронутая, что-то вроде интересной басовой линии, добавленной к знакомой песне. Кухня там вкуснейшая, люди дружелюбные и гостеприимные. Одно дело – пугающие газетные заголовки, которые, впрочем, другими не бывают, а другое дело – реальность.

Будучи в Дели, я написала маме, что планирую ехать в Пакистан. Получила визу и отправилась на север. Ответ пришел, когда я была в Амритсаре, в семнадцати милях от границы с Пакистаном. Мама отреагировала эмоционально. Она была против моей поездки, даже шантажировала меня, педалируя мое чувство вины, хотя и отрицала это. «Мне бы ни за что не хотелось давить на тебя, Аманда, – писала она, – как и прочим в нашей семье, но, пожалуйста, прежде чем ехать, подумай о нас. Представь себя на нашем месте. Лично мне, как подумаю, что тебе там угрожает, становится физически плохо». Она сравнивала мои планы с сексом без презерватива. Это, мол, такое же безрассудство.

Прочитав письмо, я попробовала представить себя на ее месте. Ничего не вышло. В памяти сразу возник Рассел и куча его родственников-алкоголиков, атмосфера страха и неуверенности в нашем доме, где детям постоянно угрожала опасность. Какое право она имеет беспокоиться обо мне сейчас?

В Пакистане я сразу почувствовала себя как птичка на ветке – мне было удобно и легко. Лахор, куда привез меня автобус из Индии, оказался цветущим современным городом. Здесь было гораздо меньше экзотики, чем в Индии, зато были «Данкин Донатс» и KFC рядом с моей дешевой гостиницей. Все мои страхи, порожденные западной паранойей, мигом испарились. Еще несколько дней я вела внутренний диалог с мамой. Безрассудство – это когда люди сидят дома и верят, что в мире все неспокойно, опасно, враждебно, вместо того чтобы поехать и посмотреть самим. Мама продолжала мне писать, но я не читала ее сообщений. По праву или нет, но мне хотелось наказать ее за попытку ограничить мою свободу. Пусть себе поварится в своих страхах, мстительно думала я.

Из Лахора я отправилась на автобусе в Джилгит, поселок в долине реки Хунза в Северном Пакистане. Там мы встретились с Джонатаном и вместе поднялись по Каракумскому шоссе, узкой дороге, проложенной через высочайшие в мире горы, соединяющие Пакистан и Китай. Путеводитель рекомендовал передвигаться по шоссе автостопом, что мы и сделали – тормознули грузовик, расписанный восточными узорами, увешанный металлическими цепями, побрякушками,

помогающими отпугивать по дороге животных. Водитель был улыбочивый усатый человек в длинном жилете песочного цвета поверх традиционных шаровар. Он вышел и дал нам металлическую стремянку, по которой мы забрались в люльку на крыше кабины.

Это была еще одна воплотившаяся мечта – оживающие фотографии из книг, журналов, путеводителей.

В течение недели мы с Джонатаном сменили не один грузовик, продвигаясь по серпантину в сторону китайской границы. Водители охотно подвозили нас – каждому было интересно если не пообщаться, то хотя бы посмотреть на иностранцев. Их было так много, что мы стали разборчивы – останавливали только самые колоритные грузовики, с самой экзотической раскраской. Внутри стенки люльки были обиты деревом или мягкими панелями и тоже красочно расписаны. Помимо цитат из Корана, там были изображены разные приятные вещи: красивые женщины, мирные пейзажи и огромные широко раскрытые глаза, оберегающие, как считается у местных, грузовик от сглаза. Водители – их чаще всего было двое – любили свой грузовик, как дитя. Нам они давали подушки, чтобы было удобнее ехать. А еще сигареты, сладости и много-много абрикосов. Если мы предлагали деньги, они почти всегда отказывались. Общение происходило при помощи жестов и нескольких слов на урду и английском. В придорожных закусочных мы покупали карахи – курицу по-афгански, очень жирное и острое блюдо, вышибающее слезы из глаз. По пути наши водители мастерски объезжали стада яков и коз, встречные грузовики и огромные валуны размером с трактор – такие падали с гор и оставались лежать прямо на дороге.

Примерно через пять месяцев после нашего с Джонатаном путешествия по Каракумскому шоссе в том районе Северного Пакистана произошло крупнейшее за сто лет землетрясение, унесшее жизни почти восьмидесяти тысяч человек. Многие деревни, где мы тогда останавливались, исчезли с лица земли.

Не то чтобы мы не подозревали об опасностях, подстерегающих нас на пути. Напоминания в виде разбитых автомобилей, помятых ограждений и каменных пирамидок в память о погибших встречались постоянно. Если и для нас судьбой была припасена катастрофа, то пока она не давала о себе знать. Нас иногда преследовали дети, швыряли камни нам в спину, но по злобе или из озорства – нам было неизвестно. Мы просто наслаждались жизнью. Каждый хороший день убеждал нас, что и следующий день будет не хуже.

В уме было наполовину готово письмо домой, где я с

восторгом описывала свое путешествие – маленький триумф назло маме, которая хотела отнять его у меня. Приблизительно через неделю, расставшись с Джонатаном, я сидела в одном из кафе Пешавара, на западе Пакистана. Тут был линолеум на полу и Интернет по телефонной линии. Я села за древний компьютер, стоявший в углу, и настрочила свое послание. Мыслями я была еще в дороге, в горах, в восторге от того, что никто не знает, где я нахожусь.

Мое письмо родителям напоминало разрисованный пакистанский грузовик. Заголовок был такой: «Я люблю Пакистан!!!» Я в подробностях описывала огромные порции вкуснейшей еды, которую покупала в уличных киосках, и восточные рынки, и море людей, добрых, дружелюбных людей, не преминув отметить, что индийцам до них далеко. В середине письма я сообщала, что собираюсь обратиться за визой в Афганистан – как говорят, еще более богатую и интересную страну. В новостях, конечно, рассказывали ужасы о передвижениях войск, террористах-смертниках и операции по поимке Усамы бен Ладена, но туристы, побывавшие в Афганистане, являлись для меня более надежным источником сведений. Кроме того, из Пешавара до афганской границы всего день езды на автобусе. Письмо кончалось заявлением, что никогда в жизни я не была счастливее, чем сейчас.

Это был намеренный удар. А чтобы они лучше поняли, я поставила в конце четыре восклицательных знака.

Глава 8. Не суйся в Афганистан

Накануне моей поездки в Кабуле похитили женщину – тридцатидвухлетнюю итальянку, сотрудницу гуманитарной организации, два года прожившую в Афганистане. Об этом случае я узнала из короткой заметки в англоязычной газете, которую купила в Пешаваре. Ее звали Клементина Кантони. Вечером прямо в центре города четверо вооруженных похитителей вытащили ее из машины и увезли в неизвестном направлении. О дальнейшей ее судьбе ничего не было известно.

Я вернулась в хостел, где снимала койку в общей комнате на десять человек, и стала рассматривать новенькую визу в паспорте. Розовая печать, слегка нечеткая по краям. Дата, номер паспорта и национальность были указаны от руки черными чернилами. «Миссис Аманда» получала право на свободное перемещение по стране в течение одного месяца.

Туристы ездили в Афганистан. Совсем недавно я познакомилась с парой пожилых англичан, которые без происшествий проехали в своем фургоне через всю страну. Много о чем они рассказали, сидя тут на диване в компании обкуренных туристов, и как бы мне ни хотелось собственными глазами увидеть Еолубую мечеть в Мазари-Шарифе и цветущие холмы в провинции Панджшир, эта история с похищением меня не отпускала. Точно невидимый обруч сдавил мне шею. Я чувствовала страх и еще неуверенность, сомнение, но возникшие в новых для меня обстоятельствах. Бабушка назвала бы это запоздалым приступом здравого смысла. Хотя, по-моему, здравый смысл – это просто боязнь нового.

Целую неделю я провела в раздумьях. Я уехала из Пешавара, но не в Афганистан, а обратно в Индию, решив посмотреть горы Ладакх. Через несколько недель мне предстояло возвращаться домой – мой самолет улетал из Дели – и снова работать официанткой, и одна эта мысль вгоняла меня в тоску. В автобусе я предусмотрительно положила багаж на сиденье рядом, чтобы его не занял какой-нибудь тип – из тех, что начинают распускать руки, едва попугайчик уснет.

Но я не спала. Я включила верхний свет и все семь часов просидела с книгой на коленях, глядя в темное окно. В темноте мелькали машины, деревья, деревенские хижины и горы. Иногда я пробовала читать, несколько раз меня одолевала дремота. На рассвете автобус остановился на заправочной станции – пассажиры наскоро сбегали в туалет, выпили чаю, и поездка продолжалась. Снова машины, деревья, дома. У меня

раскалывалась голова, и в желудке бурлило от голода и долгого сидения в одной позе. Я начала ругать себя за то, что не поехала в Афганистан, что отступила, предав клятву, данную несколько лет назад на горе Рорайма: что бы ни случилось, только вперед. И с тех пор каждая новая граница у меня на пути была как откровение. Ничто не сравнится с этим чувством – ни школа, ни церковь.

В руках у меня была книга «Сила момента» Эрххарта Толле. Я протаскала ее с собой через всю Индии и Пакистан, но так и не открыла. В Калгари она была популярна среди моих друзей, находящихся на пороге больших решений: выходить ли замуж за этого парня, покупать ли дом, соглашаться ли на новую работу. Согласно автору книги, значение имеет только настоящее. Если вы сумеете сосредоточиться на настоящем, то боль, вина, тревога уйдут, и вы сможете лучше понять собственное «я». И это «я» подскажет вам, что надо делать.

К полудню следующего дня, когда автобус прибыл в Джамму, я перевернула последнюю страницу книги. Теперь мое внутреннее «я» точно знало, что надо делать. Сойдя на автостанции, я сдала свой билет, получила остаток и купила новый билет обратно в Пешавар. Пока я ждала автобус, бедная итальянка не шла у меня из головы. Меня трясло от страха за нее. Но потом я взяла себя в руки. Ведь я не она, а она не я. Клементине Кантони просто не повезло. А мне повезет.

Я приехала в Кабул жарким днем в начале июня. Билет на маршрутку, идущую через Хайберский проход, стоил двадцать долларов. Если в прочих городах Азии, где мне приходилось бывать, никуда не деться от смога, запаха гниющего мусора и нечистот, то в Кабуле постоянно тянет горелым – в воздухе висит стойкая смесь керосина и древесного дыма с более едким привкусом жженого пластика. И через несколько недель после отъезда из Афганистана моя одежда и рюкзак сохраняли этот запах, даже после стирки в прачечной.

Город был красив, хотя и весь в развалинах. По дорогам, точно рептилии, ползала бронетехника, тащились повозки, запряженные ослами, ездили велосипеды. Калеки – инвалиды русской войны восьмидесятых годов выпрашивали на рынках милостыню. Редкие женщины, закутанные в паранджу, напоминали ходячие чехлы для бадминтонных ракеток или синие привидения. Мужчины в куфиях, сидя под пляжными зонтами, продавали сотовые телефоны. Рядом были магазины, торгующие европейской обувью и офисной одеждой, и киоски, набитые китайской электроникой. Ветхозаветный старый город, выросший в

терракотовые холмы, с домами из булыжника и кирпича-сырца, смотрел свысока на новые кварталы. Внизу, над крышами панельных домов советского типа, торчали строительные краны – Запад подкинул денег на ремонт.

Со мной был Амануддин – дружелюбный афганец средних лет, с которым я познакомилась в Пешаваре, и один из его сыновей. Они торговали коврами. Амануддин эмигрировал в Пакистан много лет назад, но часто навещал родню, оставшуюся в Кабуле. В Пешаваре я каждый день приходила в его магазин, чтобы выпить чаю. Он показывал мне фотографии прежних дней, когда он служил в армии моджахедов и воевал против русских, и много рассказывал о Кабуле, описывал все в подробностях, особенно шикарные розы, которые разводит его мать.

На автобусной станции мы втроем пересели в такси и поехали на окраину города. Когда улица превратилась в узкую тропу, мы вышли и дальше двинулись пешком. На мне была абайя, которую я позаимствовала у жены Амануддина, – свободная черная рубашка из менее плотного материала, чем паранджа, – и головной платок, хиджаб. В общем, выглядела я прилично, вот только абайя была слишком коротка для моего роста, и снизу торчали джинсы, выдавая во мне иностранку. Мы с вещами стали спускаться по каменистой тропе, которую пересекал бурный ручей.

Не успели мы подойти к воротам дома, где жила семья Амануддина, его многочисленные родственники выскочили навстречу, шумно нас приветствуя. Мужчины, женщины, дети – несколько десятков человек. Женщины целовали меня в обе щеки, мать Амануддина, в парандже цвета индиго, взяла меня за руку. Все роились вокруг Амануддина и его сына. За оградой обнаружилось целых три глинобитных дома под соломенными крышами, широких и приземистых, плюс флигель, служащий для всей семьи. Вечером после ужина мать Амануддина отвела меня в комнату с матрасом на полу и зажженной свечой на подоконнике. Старуха двигалась бесшумно и безмолвно. Она успела снять паранджу, обнажив впалые щеки и седые волосы, заплетенные в две длинных тонких косы. На полу лежала стопка вязаных шерстяных одеял с яркими узорами, предназначенных для того, чтобы уберечь меня от ночного холода, – таких тяжелых и толстых одеял я еще не видела. Мать Амануддина на минуту исчезла и появилась вскоре, неся на серебряном подносе чайник и блюдо сладостей. Когда она вышла, я встала у окна, глядя на широкое небо и огромную бледную луну. Неужели я правда в Афганистане? Просто не верится! Потом я увидела густые розовые кусты, росшие вдоль стены. Алые розы, пышные, крепкие,

стояли, широко открытые, и тоже смотрели на луну – совершенно так, как рассказывал мне Амануддин.

На шестой день моего пребывания в Кабуле похитители Клементины Кантони освободили пленницу. Неизвестно, что этому способствовало, но только министр афганского правительства утверждал, что ее освободили без выкупа и ни один из террористов, находящихся в тюрьме, не был освобожден взамен.

У посольства Италии Кантони печально помахала рукой в телекамеры и скрылась внутри, дабы провести свою последнюю ночь в Афганистане под надежной охраной военных. А наутро она улетела в Италию, почти ничего не рассказав о том, что с ней произошло.

В тот день, когда ее отпустили – 9 июня 2005 года, – я о ней не думала. Признаться, я нечасто вспоминала о похищенной итальянке с тех пор, как приехала в Кабул. Итак, я, по своему обыкновению, отправилась на прогулку. Доехав на такси до центра, пошла бродить по гигантскому оптовому рынку, распростершемуся, точно осьминог, во все стороны по обоим берегам реки Кабул. Я купила пластиковый стаканчик со смесью изюма, кураги и фисташек в медовой воде и ела ее ложкой. В одной из лавок, куда я зашла, продавалось мыло. На обертках была изображена женщина, но только лицо ее закрасили черным маркером. Таковы законы фундаментализма, которые навязывал Талибан. Были запрещены любые изображения творений Аллаха, потому что фундаменталисты воспринимают это как вызов Творцу. Это мне объяснял Амануддин. Например, можно рисовать или фотографировать машину, дом, но человека или животное – нельзя. Праздность считается одним из самых страшных грехов. Вот отчего несколько лет назад талибы, придя к власти, взорвали две античные статуи Будды в городе Бамиан, что вызвало возмущение во всем мире. Я хотела купить такой кусочек мыла на память, но мне вдруг стало жутко смотреть на это черное лицо, и я вышла из лавки, ничего не купив.

Я бродила в толпе, рассматривала товар на прилавках, на одеялах, постеленных прямо на земле, – сухофрукты, пирамиды специй, одежду из полиэстера, – как вдруг что-то твердое больно вонзилось в спину, точно меня ударило током. Я резко обернулась, едва не вскрикнув от боли. У моего плеча стоял молодой человек – судя по безумно вытаращенным глазам, наркоман. Я поняла, что он сует мне под ребра ствол, скорее всего пистолет.

– Я убью тебя. Давай деньги! – отчетливо проговорил он мне

в ухо.

Все закончилось быстрее, чем я успела полностью осознать случившееся. Я механически протянула ему кошелек – там было около трехсот долларов мелкими купюрами, примерно половина суммы, что у меня оставалась до конца путешествия, и он растворился среди толпы. Меня пробил озноб. Я стояла на месте как вкопанная. Мимо спешили женщины, низко склонив голову под паранджой, мужчины толкали свои велосипеды. Я заплакала – первый раз за многие месяцы или даже годы. Я чувствовала себя совершенно беспомощной. Все инстинкты покинули меня, я могла только плакать. Мой головной платок и моя короткая абайя не помогли мне слиться с толпой. Все понимали, что я чужая, иностранка. Я стола и всхлипывала, что со стороны, наверное, выглядело по-детски нелепо, но я не могла ничего с этим поделать. Впервые в жизни мне вдруг захотелось домой, к маме. Мне захотелось оказаться на знакомой улице, в месте, где я своя. Вокруг стали собираться любопытные. В конце концов кто-то привел солдата афганской армии, и он нашел таксиста, который согласился подвезти меня бесплатно.

Почти все оставшиеся деньги я потратила на билет в Пакистан. Оттуда я добралась до Дели и улетела домой. Кровоподтек справа под ребрами, оставшийся после того случая, не сходил еще несколько недель. Он болел, менял цвет и наконец исчез. Но я хорошо запомнила предупреждение – точно звездочка, оно сверкало в конце моего семимесячного путешествия, будто в этом месте я дошла до последней черты: *не суйся в Афганистан*. Но пусть даже так, внутри у меня продолжал вспыхивать огонек, путеводная звезда, которая вела меня все это время, и он словно говорил мне: только вперед.

Глава 9. Начало нового предложения

Примерно восемь месяцев спустя, зимой 2006 года, я впервые повстречала Найджела Бреннана. Найджел – худощавый парень во флисовой куртке, шортах-карго и походных ботинках – одиноко сидел на пустой веранде с книгой в руках. Дело было в одном из отелей Аддис-Абебы, столицы Эфиопии. Все лето и осень я работала в Калгари, откладывая деньги на новое путешествие, и к моменту нашей встречи уже пять недель находилась в пути. Я планировала шесть месяцев провести в Африке и на Ближнем Востоке – денег должно было хватить.

Я долго мечтала отправиться в Африку – с самой первой своей поездки. За пять недель я успела побродить в Уганде и Кении, поехать на автобусе по широким прериям. Африка вызывала у меня чувства сродни благоговейному ужасу. Потные городские толпы и бескрайние равнины, поросшие колючками. Африканский пейзаж разительно отличался от того скалистого великолепия, которое я видела в Афганистане, и от тяжелой роскоши Южной Азии. Даже небо было другое – плоское и широкое, как большая синяя эмалированная тарелка, опрокинутая над землей.

Добравшись до Аддис-Абебы, я начала страдать от одиночества, так что Найджел будто ждал меня, хотя на самом деле он просто нашел тихий уголок, чтобы почитать. Но не успел он устроиться на продавленном диване, что украшал крыльцо дешевого отеля «Баро», как подъехало мое такси. Я сразу почувствовала его притяжение.

На вид ему было лет тридцать пять. В руках он держал толстую книгу в знакомой мягкой обложке – трилогия Пола Теру «Сафари Черной звезды», культовый роман путешественников. Я сама читала его дважды. Вначале были такие строки: *Новости из Африки всегда плохие. Поэтому меня и тянет в Африку.*

– Привет, – поздоровалась я, проходя мимо, – как дела?

Он поднял голову. У него были голубые глаза и орлиный нос. Он был очень привлекательный, несмотря на по меньшей мере трехдневную щетину.

– А... – сказал Найджел, будто проснувшись, – хорошо. – И снова уткнулся в книгу.

На стойке я показала свой паспорт и получила ключ от номера ценой десять долларов в сутки. В номере была тусклая лампочка, тонкий двуспальный матрас на полу, коврик в пятнах

неизвестного происхождения и маленькая ванная. На полочке в ванной лежала пачка африканских презервативов – обычная практика как для страны в целом, где СПИДом болен каждый пятый, так и для гостиницы, совмещающей в себе публичный и гостевой дом, где останавливаются молодые импульсивные искатели приключений. Я отодвинула презервативы в сторону, почистила зубы, вынула из рюкзака пачку сигарет и пошла знакомиться с парнем, который сидел на крыльце.

Сигареты – это универсальный способ расположить к себе собеседника. На улице любого города сигареты обменивают на ценную информацию или, например, разрешение воспользоваться туалетом. Путешественникам они дают повод поговорить и поделиться впечатлениями.

Я плюхнулась на соседний стул и достала сигарету.

– Вы не против, если я закурю?

– Пожалуйста, курите. – Он пожал плечами, вынимая свою пачку.

Найджел был австралиец, живущий в Лондоне, профессиональный фотограф. Он приехал в Эфиопию по заданию Комитета международного розыска, дабы продвигать благотворительные проекты. Он был здесь один и планировал остаться в Африке еще три месяца.

Мы разговорились. Сначала о книге Теру. Потом я спросила, как он стал фотографом. Найджел рассказал, что полюбил фотографию во время путешествия по Индии несколько лет тому назад, а вернувшись домой, поступил в колледж, чтобы иметь возможность заниматься любимым делом профессионально. Мне это жуть как понравилось – ты путешествуешь, а тебе за это платят деньги. Потом снятые тобой пейзажи и портреты рассматривают в журналах люди, которым не хватает смелости поехать и увидеть это все в натуре. Я и сама годами питалась чужими фотографиями и чужими впечатлениями о дальних странах. Выходит, он не просто фотограф, а фотограф, который способен изменить жизнь других людей.

У Найджела были худые мускулистые икры и сильный акцент. Он много смеялся и производил впечатление успешного, уверенного в себе человека, который живет именно так, как ему всегда хотелось. И это ему шло.

Вечерело. Я встала, потянулась и сказала, что мне пора отдыхать, так как я валюсь с ног от усталости после долгого перехода.

– До завтра, Найджел?

Он взглянул на часы:

– А у меня автобус в шесть. Я сегодня уезжаю в Харар.

Харар. Я знала из книг, что это исламский город-крепость в восточной части Эфиопии, древний центр торговли примерно в десяти часах езды от Аддис-Абебы.

– Что ж, спокойной ночи, – сказал Найджел. – И удачных путешествий.

И он снова взялся за книгу.

Я была разочарована. Он даже не попросил моего имейла! Может быть, тут и пролегает граница между журналистами и простыми путешественниками?

Придя к себе в комнату, я долго не могла уснуть. Мысли о Найджеле не давали мне покоя. Кажется, он тоже запал на меня, хотя и пытался не показывать виду...

Назавтра я проснулась около девяти, приняла душ и вышла на террасу. Я пила вторую чашку кофе, когда появился Найджел – он выглядел точно так же, как накануне, разве что в дневном свете стали заметны морщины, разбегающиеся вокруг глаз, когда он улыбался. Наверное, он старше, чем мне показалось вчера.

– Привет, куколка, – сказал Найджел – вот я и вернулся.

Он опоздал на автобус. А следующий, как выяснилось, идет через сутки. Какая удача! Найджел взял стул и сел ко мне за столик. Внутри у меня что-то щелкнуло.

Мы понравились друг другу, я и Найджел. Мы целый день, неожиданно подаренный нам судьбой, провели вместе – гуляли по рынку, болтали, переходя на легкий флирт. Вечером пошли в клуб на танцы, где пили местное крепкое вино, а попросту медовую настойку. Найджел был умный, интересный человек. Он родился и вырос в глухой австралийской провинции, близ Гундивини, и до сих пор употреблял крепкие словечки, принятые в их местности. Мол, вся его семья так разговаривает, а он обтесался немного лишь благодаря жизни в Лондоне.

В гостинице мы пошли к нему в номер. Я ожидала, что он меня наконец поцелует. И вот когда мы уже потянулись друг к другу, Найджел огорошил меня новостью: в Лондоне у него есть девушка.

Я попятилась. Я не целуюсь с чужими парнями. Я вообще давно ни с кем не целовалась.

Мы вдруг разом заговорили, перебивая друг друга:

– Извини, я не знала...

– Нет-нет, это я виноват...

– Откуда мне было знать? Я не догадывалась...

– Это очень запутанная история...

Мы долго сидели на кровати и молчали, глядя себе под ноги.

Потом Найджел начал рассказывать. Его девушку зовут Джейн. Она тоже из Австралии. Вместе они уже давно, больше десяти лет. Они встретились, когда были совсем юными. В Лондон они перебрались благодаря ее работе. Жизнь вдали от дома заставляла так долго цепляться друг за друга. Сейчас у них проходит медленное и мучительное расставание. Между ними практически все кончено. Эта поездка в Африку ставит точку в их отношениях.

Этого мне было достаточно. Я хотела стать началом нового предложения. Найджел меня совершенно очаровал, он был так не похож на других парней, что попадались мне в дороге. Он был честный, даже благородный. Никто из них, повстречав симпатичную незнакомку, и не вспомнил бы о своей девушке на другом конце света. Я верила в судьбу, и что-то подсказывало мне, что, несмотря на собственные планы и жизнь на разных континентах, нам с Найджелом суждено быть вместе.

В ту ночь мы много целовались. А утром он на первом автобусе уехал в Харар. Мы договорились встречаться при первой возможности. Следующие шесть недель он ездил по заданиям своей организации, а я продолжала одиночное путешествие. Мы списывались по электронной почте, проводили несколько горячечных дней вместе и снова возвращались каждый на свой маршрут. Я побывала в Судане, куда добиралась двое суток в раскаленном от жары автобусе. Там я поселилась в лагере возле яхт-клуба «Голубой Нил» прямо в центре Хартума. Я подружилась с местным бизнесменом по имени Айяд, который на своей моторной яхте возил туристов любоваться закатом в место слияния Голубого и Большого Нила. В Судане сухой закон, но у него на яхте всегда подавали холодное пиво. Когда я спросила, как ему это удастся, Айяд, в модных очках, крикнул из-за штурвала летящей на полной скорости яхты: «На Ниле все возможно!» В другой раз я поехала через всю Эфиопию в Сомалиленд – самопровозглашенное государство в северной части Сомали, сумевшей уберечься от гражданской войны, охватившей весь юг. Я надеялась провести несколько дней в Харгейсе, по рассказам коллег, красивом и гостеприимном городе. У меня была еще одна причина отправиться туда. Подобно многим туристам, я стремилась посетить как можно больше стран, чтобы было чем похвастаться перед другими. Это элемент соревнования. Те, у кого в списке нет пока и тридцати, скромно помалкивают. За четыре года я посетила сорок шесть стран, и это была бы еще одна страна в моей копилке, сорок седьмая.

Пограничники в камуфляже, с автоматами Калашникова

через плечо, взглянув на меня, покачали головами:

– Нет, сейчас нельзя. Слишком опасно.

Я поняла. Сейчас мусульмане во всем мире стали нервны и подозрительны из-за карикатур на пророка Мухаммеда, опубликованных недавно в одной датской газете. Протесты, мятежи до сих пор продолжают повсеместно от Нигерии до Ливана, и конца этому не видно. Уж не знаю, имелось ли правительственное распоряжение насчет недопуска иностранцев в исламское государство Сомалиленд или это была личная инициатива пограничника, несущего службу в каменном сарае посреди пустыни в Восточной Эфиопии, но только дальше меня не пустили. И я вернулась туда, откуда приехала, по-прежнему имея в своем туристическом активе сорок шесть стран.

Найджел был для меня как свет в окошке. Говоря с ним по телефону или читая его сообщения где-нибудь в интернет-кафе, я чувствовала, что благодаря ему возвращается Земля. Мне было знакомо это чувство. Его речь всегда была полна юмора, даже если он жаловался, что валится с ног от усталости после долгого переезда, что мухи забили ему нос и жутко надоели малолетние попрошайки. Встретившись, мы бежали в гостиницу, бросали в угол рюкзаки и падали в кровать. Он был сильный и умелый. Я любила золотистые волоски на его руках.

Я гнала от себя мысли о его подруге Джейн, и сам Найджел нервничал, когда ему случалось упомянуть ее. Иногда, слушая какую-нибудь историю, я чувствовала, что он намеренно отфильтровывает ее роль. Но он очень редко заговаривал о Джейн. Он говорил обо мне.

Вскоре ему предстояло вернуться в Лондон. Перед его отъездом мы совершили совместную вылазку в бурю пустыню на северо-западе Эфиопии, где осмотрели легендарную Афарскую котловину. О ней я читала дома в «Нэшнл джиографик» перед тем, как отправиться в путешествие. Статья называлась «Ад на Земле». Афарская котловина расположена в самом центре пустыни и знаменита сверхвысокими температурами. Путеводитель вскользь упоминал это место, но ни направлений, ни рекомендаций для посещения Афарской котловины не давал. Значит, побывать там стоило непременно.

Автобус привез нас в деревню мусульман-кочевников племени афар, на краю пустыни. Они жили добычей соли – вырубали целые пласты на далеких солончаках, грузили соль на верблюдов и через всю пустыню, в условиях самого жаркого на земле климата, везли скупщикам. Женщины афар носили свободные головные платки, оставляя открытыми разрисованные

хной лица. Мужчины афар были знамениты тем, что кастрировали пленных врагов.

Нам хотелось побывать на соляных приисках. Найджел надеялся сфотографировать добытчиков, чтобы продать снимки в какой-нибудь журнал, а я думала записать свои впечатления и опубликовать их потом на сайте, посвященном путешествиям, или в нашей местной газете в Калгари. Нашим проводником вызвался быть низенький тучный афар с лицом, сморщенным, как скорлупа грецкого ореха, и с длинной седой бородой, куда он втирал рыжую хну. Мы прозвали его Рыжая Борода. Он не говорил по-английски, но его соплеменник, выступавший в нашей сделке переводчиком, объяснил, что дорога туда и обратно займет десять дней. С нами отправился и второй афар – молодой и серьезный погонщик верблюдов. Он получил прозвище Верблюжий Сплетник. От этого мы вообще не слышали ни слова – похоже, он умел общаться только с верблюдами. Лишь порой на его узком лице мелькала застенчивая улыбка. Он пешком сопровождал наш небольшой караван из четырех животных: двое везли нас с Найджелом, один – Рыжую Бороду, и последний верблюд вез багаж. У каждого под седлом были желтые пластиковые канистры, в которых плескалась вода.

Мы долго ехали вслед за Рыжей Бородой среди низких, плотно сбитых песчаных холмов, поросших кустарником, сменившихся под конец равниной серого цвета. Это было соляное плато. Всю дорогу мы с Найджелом развлекались как могли – пели песни, играли в «Двадцать вопросов» и просто кричали друг другу всякий вздор. Найджел рассказывал байки из своего детства – как он ненавидел интернат, куда его отправили учиться родители, и как он ненавидел за это родителей.

Мы расплескивали воду из бутылок, позволяли солнцу поджаривать свои голые плечи – словом, вели себя как школьники на первом свидании, с той разницей, что свидание проходило в эфиопской пустыне, в присутствии Рыжей Бороды и Верблюжьего Сплетника, которые молчаливо наблюдали за каждой нашей выходкой. По негласному уговору мы с Найджелом представлялись супругами, надеясь, что так наше свободное общение будет выглядеть более законным в глазах мусульман. Я, например, могла погладить его по щеке, а он игриво шлепал меня по задку, когда я садилась в седло после очередной остановки. Я начинала кое-что понимать о Найджеле. Несмотря на свои тридцать пять лет, он был не крепкий профессионал, а скорее полный надежд начинающий фотограф. Он говорил, что ему хочется быть военным корреспондентом где-нибудь в Афганистане, Судане, Ираке или Сомали – не важно где, лишь бы

там шли военные действия, нуждающиеся в журналистском освещении. Я рассказала ему, как ездила в Кабул и жила в семье Амануддина. Грабитель на рынке не испортил мне общего впечатления об Афганистане как красивой загадочной стране, куда хочется вернуться. Найджел дал мне пощелкать своим фотоаппаратом – это был тяжелый, как кирпич, «Кэннон», с которым я забавлялась, меняя настройки в меню и объективы. Найджел показывал, как лучше снять пейзаж, как при помощи фильтра убирать солнечные блики.

Вторую ночь мы провели в маленькой афарской деревне, а точнее, в лагере перевозчиков соли. В одном шалаше Рыжая Борода раздобыл для нас два тюфяка и бросил их прямо на песок под открытым небом. Над нами мерцали миллионы звезд, не раз пролетал блестящий метеорит – плавно описывал широкую дугу и, вспыхнув напоследок, растворялся во тьме. От этой картины невозможно было оторвать глаз. Мы несколько часов пролежали без сна, глядя в небо, потом я начала дремать. Найджел вдруг сжал мою руку.

– Знаешь что? – сказал он. – Я бы сейчас ни за что не хотел оказаться в другом месте. – Помолчал секунду и добавил: – Или с кем-нибудь другим.

Я понимала, что он хочет сказать, и была счастлива.

Афарская котловина – это сюрреалистическое чашеобразное углубление в пустыне, несколько десятков миль шириной и длиной. Глубина его местами достигает трех сотен футов под уровнем моря. Ландшафт имеет вид разодранной коросты, сквозь трещины которой сочится земная лимфа. Когда мы достаточно углубились в котловину, нам стали попадаться озерца, где бурлила желтая и голубая сера, распространяя в воздухе тяжелую вонь. Нас с Найджелом это потрясло. Это было невероятно, шикарно, незабываемо. Найджел без остановки щелкал затвором, дабы иметь подтверждение, что это все реально существует на свете.

Примерно на четвертый день я перестала потеть. Все кости болели от тряски в седле. Язык ворочался с трудом. Губы потрескались и саднили. Даже выросших в пустыне афаров пошатывало от зноя. Во время полуденной передышки Рыжая Борода соорудил низкий навес из снятых с верблюдов седел и куска ткани. Мы все вчетвером заползли под этот навес, дающий легкую прозрачную тень, и уснули как убитые, невзирая на то, что лежим вплотную друг к другу. К вечеру мне стало худо. Меня бил озноб, в глазах туманилось, мне казалось, что я теряю сознание. Спустился еще несколько часов наступила ночь. Мы

остановились на солончаке. Кристаллы соли, точно бритва, резали наши соломенные тюфяки. Найджел, озабоченно нахмурившись, лил воду в мой открытый рот. Я что-то говорила ему, я бредила, плохо понимая, где нахожусь. Над головой вращалось небо. Позже Найджел признался: он думал, что в ту ночь я умру и они повезут мое тело обратно через пустыню, привязав его к седлу, и во всем будет его вина. Но вышло иначе. Наутро я открыла глаза и села. Я чувствовала себя гораздо лучше, только голова немного болела. Когда я тронула Найджела за плечо, его глаза мигом распахнулись.

– Слава богу! – сказал он и погладил меня по волосам. – Ну ты нас и напугала!

Я видела, что он чувствует огромное облегчение. Я была тронута.

Я уговорила его не поворачивать обратно, а продолжать наш путь. Обещала пить больше воды и закрыться с головой от солнца. Найджел неохотно согласился.

– Ты мертвого достанешь! – сказал он, передавая мой рюкзак Верблюжьему Сплетнику, чтобы тот переложил его в багаж. – Вот характер!

В тот день мы преодолели последние мили, отделяющие нас от соляных приисков. Это было грязное, угрюмое, во всех смыслах экстремальное место, где пара сотен тощих афаров в шортах и футболках, используя длинные шесты, выковыривали из почвы огромные плиты серой соли, затем рубили ее на плитки поменьше и грузили на ожидающих верблюдов.

Увидев их, я и Найджел радостно спешили, потянулись, с облегчением размяли затекшие ноги, как будто бы наше путешествие окончено и нас ждет пенная ванна и обед из трех блюд. Потому что это та самая точка в конце пути, тот самый момент, когда вы с трудом достигли своей цели, это стоп-кадр полного удовлетворения, когда все ожидания оправдались и весь мир лежит у ваших ног.

Мы не вспоминали о том, что нам предстоит обратная дорога, что Найджел еще связан с Джейн, мы даже не замечали, что добытчики соли глядят на нас с откровенной враждебностью. И уже в следующий момент реальность грубо заявила о себе, и один из афаров, заметив в моих руках фотоаппарат, принял меня за инопланетную захватчицу – что, впрочем, было недалеко от истины, – схватил тяжелую глыбу соли и швырнул в мою сторону.

Глава 10. Фотоаппарат и планы

Из Эфиопии, следуя своему первоначальному плану, я отправилась в Каир, а Найджел улетел в Лондон, где должен был окончательно порвать с Джейн. Затем он вернется в Австралию, а я получу рабочую визу и присоединюсь к нему. Я купила мобильный телефон, чтобы он звонил мне, и он звонил почти ежедневно. Наши разговоры длились недолго – мы, как всегда, экономили, – но зато были полны любви. Чем дольше длилась разлука, тем больше я его любила. Скажи мне кто-нибудь раньше, что я побегу за парнем в Австралию, я бы не поверила, а теперь с радостью предвкушала эту перспективу.

Однажды он позвонил и расплакался в трубку. Правда вылетела из него, как пробка из бутылки. Оказывается, в Лондоне у него нет подруги. Женщина по имени Джейн, о которой он мне рассказывал, это его жена. Они вместе десять лет, но поженились только год назад. Найджел говорил, что их брак – это ошибка и они все равно разведутся, что он очень виноват передо мной, утаив от меня эту подробность, и тем самым совершил еще большую ошибку. Он говорил жалобным тоном, задыхаясь от рыданий. Я тоже начала всхлипывать. А через пару минут без предупреждения дала отбой.

Я стояла у окна, глядя на желтоватые небоскребы Каира, пока мои планы рушились, а сердце рвалось на куски. Неужели это правда? И как можно было так сгруппить? Пять месяцев нашего знакомства пронесли у меня в голове. Как я могла не заподозрить, что он женат?

Земля покачнулась у меня под ногами. Я чувствовала себя обманутой и покинутой. Следующие несколько месяцев я провела как в тумане – Египет, Иордания, Ливан, Сирия. Я мало что запоминала. В Дамаске, например, мне запомнился только огромный запутанный рынок, где продаются разные блестящие штучки – стеклянные бусы, шлепанцы со стразами, шелк, шитый золотом. Найджел звонил постоянно. Я не брала трубку. В минуты слабости я просматривала фотографии из Эфиопии, вглядывалась в его лицо, ища признаки вины и обмана. Я дошла до того, что как-то раз в интернет-кафе стала искать в Гугле информацию о его жене. Что она за человек? Я примеряла всем характеристики – ей, себе, Найджелу: хороший, плохой, злой, невинный, тупой, виновный, – пока окончательно не запуталась. Наверное, определение жертвы подходило каждому из нас. А может быть, и нет.

Я залечила свою сердечную рану единственным из известных мне способов: стала строить планы, большие планы. Я купила новый фотоаппарат, профессиональный, модернизированную копию того, что Найджел брал с собой в Эфиопию. В некотором роде, при моих скромных финансах, это была нелепая покупка, но я рассматривала это как инвестицию в будущее. Ведь у Найджела получилось. Фотография приносила ему доход, достаточный для путешествия длиной в несколько месяцев. Чем я хуже Найджела? Я путешествую, а в мире полно журналов о путешествиях. Кто сказал, что я не смогу продать свои фотографии в какой-нибудь из них? Я не думала о карьере фотографа, меня интересовал дополнительный заработок, чтобы можно было реже возвращаться домой для пополнения счета в банке. Фотоаппарат служил мне утешением, вместилищем моей мечты.

Я вернулась в Канаду и до конца 2006 года проработала официанткой. А между тем Найджел не оставлял попыток мне дозвониться. И однажды я ответила. Он был в Австралии, разводился с женой. Семья и друзья, сказал он, в бешенстве. И хотя все это было неудобно и странно, я стала с ним разговаривать, чувствуя смесь обиды и одиночества. Мне исполнилось двадцать пять лет. Я привыкла быстро зарабатывать в барах и затем медленно расходовать заработанное где-нибудь подальше от дома. Я умела жить на пятнадцать долларов в день, не ощущая голода и прочих неудобств. Восторг, что охватывал меня по приезду в новое место, был ни с чем не сравним. Но я выросла, постепенно перерастая юношескую впечатлительность. Мне не хотелось сидеть в офисе, но оставаться официанткой тоже не хотелось. Я стала учиться фотографии, посещая занятия в колледже между рабочими сменами. Я лелеяла мечту о том, что однажды смогу называть себя фотографом. Это было бы здорово.

Наши разговоры с Найджелом продолжались. Я гораздо больше смеялась и снова вернулась к мысли о том, что нам суждено быть вместе. А вдруг его отношения с женой были случайны, а наши с ним отношения, наоборот, предопределены судьбой? Он жил в доме, построенном собственными руками, и занимался любимым делом – работал фотографом в газете городка под названием Бундаберг. Мне казалось, что он ведет стабильную, взрослую жизнь. Узнав, что зимой 2007 года я планирую новую поездку в Азию, Найджел уговорил меня ненадолго заскочить в Австралию.

Я бы не сказала, что стоило мне его увидеть, как прежние

чувства вспыхнули с новой силой – но они не замедлили вернуться.

Когда одним февральским утром я сошла с самолета в Сиднее, мной овладела паника. Я вынуждена была некоторое время прятаться в туалете, пока нервы не успокоились. Затем я вышла в зал прилета. Найджел обернулся и посмотрел на меня с улыбкой. Борода и загар, знакомые мне по Эфиопии, исчезли. На нем были новые джинсы и глаженная рубашка. Он обнял меня, крепко и уверенно, будто этим объятием помещая в свой мир.

Мы отправились в этакий свадебный тур по Восточной Австралии. У нас было две недели до моего отлета в Бангкок и затем в Дели, где я должна была встретиться с Келли Баркер, моей любимой попутчицей. Келли больше не работала в барах. Теперь она работала стюардессой, что было весьма кстати – она помогала мне получить скидку на билеты в Азию, и сама летала почти бесплатно.

А пока мы с Найджелом бродили по мосту Харбор, устраивали пикники в роскошных зеленых парках и ездили на пароме на пляж Мэнли попрыгать в волнах. Потом мы полетели на север, сняли каюту на небольшом чартерном катере и отправились на Большой Барьерный риф, где плавали с аквалангами под водой, среди флегматичных черепах и нервных скатов, рассматривая кораллы психоделической расцветки. Вечерами мы много пили, ели розовых креветок и крабов, макая сладкое мясо в расплавленное масло. И до полуночи засиживались на берегу под огромными звездами, вдыхая душистый запах моря. А потом, счастливые, ложились в постель.

И все-таки у меня случались приступы паранойи. Этот мужчина, с которым я познакомилась в путешествии и сейчас снова путешествую, как он относится к тому мужчине, у которого недавно была жена, квартира в Лондоне и совершенно иное будущее? Кто из них настоящий? Он изменился благодаря мне или воспользовался мной как предлогом, чтобы изменить свою жизнь? Мне никак не удавалось побороть сомнения. Впрочем, обломки первого брака Найджела казались не такими ужасными, если представлять его крушение как неизбежность, как предназначенное судьбой болезненное испытание, необходимое для того, чтобы обрести настоящую любовь. У нас все должно получиться, если мы любим друг друга. Так оно и было, но на этот раз я не обещала переехать к нему в Австралию. Я пыталась быть храброй, чтобы не быть слабой. Я ставила ему условия. Сказала, что завершу это путешествие по Азии, собираюсь снова съездить в Афганистан и пробыть там дольше, а когда вернусь домой, попытаюсь найти работу фотографа. Если он хочет, чтобы

мы были вместе, пусть копит деньги и перебирается ко мне в Канаду. Словом, следующий шаг за ним. Если он решится, наша жизнь, сказала я, может быть сказочной.

Глава 11. Пропуск для прессы

Той весной я, как и планировала, поехала в Афганистан. Остановилась в гостинице «Мустафа» в центре Кабула, заплатила сразу за месяц и получила маленький номер с темным ковром и двуспальной кроватью под мягким розовым одеялом. Окно выходило на шумную площадь.

«Мустафа» – это знаменитый отель, где жили многочисленные иностранные журналисты, повалившие в страну с началом американского вторжения. Когда из города убрались талибы, здесь раньше, чем в прочих местах, начали продавать алкоголь. Война затянулась, и пресса рассосалась по городу: кто-то перебрался в посольства под охрану военных, а прочие – в другие гостиницы, превращенные в пресс-центры. Но многие организации не хотели держать постоянных корреспондентов в Афганистане, бросая все ресурсы на другую войну – в Ираке. В результате, как говорят, Афганистан превратился в рай для фрилансеров – конфликты здесь не прекращались, а журналистов было мало. И требования для начинающих здесь были не так высоки, как дома.

В мае 2007 года Кабул напоминал сад камней в удешевленном варианте: полуразрушенные дома советского стиля плюс буйно цветущие рынки. Пыль, точно вторая кожа, покрывала лица детей, продающих на улице жевательную резинку и старые карты. Свежий высокогорный воздух был отравлен вонью сотен дизельных генераторов, которые были призваны возместить людям отсутствие инфраструктуры.

С собой у меня были визитки: «Аманда Линдаут, независимый фотограф» – по-английски и на дари, самом распространенном языке Афганистана. Для контакта я указала электронный адрес, мой новый афганский номер телефона и совала свои визитки буквально каждому встречному. В «Мустафе» я познакомилась с фотожурналистом из Англии по имени Джейсон Хоуи, который в одиночку проехал охваченную войной Колумбию, побывал на арабо-израильской войне в Ливане в 2006 году и в Ираке. Сейчас его путь лежал в провинцию Гильменд, где находились британские войска. Он объяснил мне принципы фриланса. Ты планируешь все самостоятельно, платишь за все из своего кармана и действуешь на свой страх и риск. У тебя нет ни медицинской страховки, ни карьерных перспектив, ни сбережений. Ты придумываешь для себя задания, хватаешься за любую возможность заработать. Меня это совершенно не пугало. Не так уж много отличий от жизни бродяги-путешественника.

Я фотографировала все, что попадалось на глаза, хотя с людьми возникали трудности. Например, женщины, даже будучи скрытыми под паранджой, всегда отворачивались от моего фотоаппарата, а мужчины злобно таращились прямо в объектив. Я нашла Амануддина, торговца коврами, с которым познакомилась два года назад. Он перебрался из Пешавара в Кабул и открыл тут магазин. Я попросила его отвезти меня к кучис, одному из кочевых народов Афганистана. Кучис раскинули свой табор на бурых холмах у южной границы города. В том же районе был и его семейный дом, где я останавливалась в прошлый свой приезд.

Кучис – это многочисленный народ пуштунского происхождения, живущий в Афганистане повсюду. Некоторые племена кучис ведут оседлый образ жизни, другим по душе сезонное кочевание. Кучис можно увидеть бредущими по обочинам дорог где-нибудь в глуши, с отарой овец – женщины в ярких шерстяных платьях с широкими рукавами, расшитыми на груди бисером, и мужчины в шарфах и традиционных паколях, похожих на грибные шляпки.

Несколько сотен кучис, обитающие в глубоких долинах позади дома Амануддина, спали в разноцветных шатрах из шерсти. Местные – афганцы с жильем и землей – терпели их, но общаться с ними брезговали. Кучис напоминали мне аборигенов в Канаде, независимых и не вписавшихся в цивилизацию и потому ставших изгоями.

Собрав все свое оборудование, а также амбиции фотографа-новичка, желающего доказать, что он чего-то стоит, я предложила Амануддину провести ночь в таборе кучис.

– А это еще зачем? – резко ответил он.

Моя идея ему совершенно не понравилась. Он предпочел бы посидеть на тенистом берегу озера Каргха, поедая из газеты бараний кебаб и слушая музыку Болливуда. В его понимании так было куда интереснее. Словом, Амануддин был не тот проводник, который готов на любые жертвы во имя туризма. Но все-таки он обещал проводить меня в табор кучис и объяснить им, кто я такая и чего мне надо.

Когда мы добрались туда, солнце уж клонилось за горы, окрашивая все вокруг в мягкий блекло-сливовый цвет. Пастухи гнали овец и коз в лагерь. Издали эта пасторальная сцена вызывала умиление, но вблизи вонь, исходящая от сотен животных, просто валила с ног. Из-под навеса вышел человек в тюрбане, свободных белых одеждах и буром жилете и направился к нам. Это был вожак племени, который представился Матином. Матин и Амануддин коротко переговорили по-пуштунски, и

первый отвел меня к шатру, принадлежащему его сестре, сказав, что в этом шатре я буду спать. Амануддин все пытался отговорить меня, убеждал, что ночевать тут небезопасно, но я упрямо стояла на своем. На прощание он обнял меня за плечи, словно говоря: что ж, в случае чего пеняй на себя, пообещал вернуться за мной утром и, прежде чем тьма поглотила холмы, успел исчезнуть из вида.

Сестра вожака – женщина лет сорока, с загорелым обветренным лицом и двумя растрепанными черными косами, в красном платье с нашитыми поверх заплатами зеленой шерсти – откинула полог. Матин громко произнес ее имя: *Маркам*. Затем мое имя: *Алмонда*. Потом он приложил ладонь к сердцу – я догадалась, что он желает мне спокойной ночи, и повторила его жест.

Мариам махнула рукой, приглашая меня в шатер. Внутри был небольшой очаг, где горел огонь. Двое ее детей играли на ковре, постеленном прямо на землю. У дальней стены стояли два аккуратных холщовых мешка с вещами. Мариам приготовила ужин: рис, густой йогурт и наан. Тарелок не было, все ели прямо из кастрюль, запивая пищу сладким теплым чаем. После еды хозяйка подмела земляной пол и достала из мешков толстые шерстяные одеяла.

Мы с Мариам долго не спали. Лежали рядом в темноте, освещенные оранжевыми отблесками пламени, и разговаривали – каждая на своем языке, находчиво и неустанно жестикулируя. Мы говорили о наших семьях, о войне, и та крупница понимания, которая на самом деле была возможна между нами, превращалась в нечто большее, очень значительное. Если Мариам все-таки не удавалось мне чего-то объяснить, она со смехом брала меня за руку: мол, ничего страшного, мы ведь просто общаемся. Потом я уснула и время от времени чувствовала сквозь сон, как она поправляет мне одеяло, чтобы я не замерзла.

Утром я была вознаграждена за свою смелость. Когда я вышла из темноты под белое слепящее солнце, Мариам и ее золовки – старшие женщины, одобрительно защелкавшие языками при моем появлении, – погладили меня по волосам и прицепили мне на рубашку несколько амулетов из бисера. Потом стали демонстрировать собственные сокровища – тяжелые каменные ожерелья из Саудовской Аравии, браслеты с кусочками лазури, серебряные серьги в форме полумесяца.

Когда немного погодя я достала фотоаппарат, они восприняли это на удивление спокойно. Глядя в видоискатель, я навела на женщин объектив, но никто даже не вздрогнул. Ни одна не отвернулась, не попыталась спрятать детей, не бросила на

меня враждебного взгляда. В ту самую секунду, когда я появилась из шатра с Мариам и детьми, они поняли, что я не представляю для них опасности, и потому ничего не боялись. Мужчины пили чай под навесом. Женщины выстраивали коз для утренней дойки. Старуха, сидящая на корточках у одного из шатров, подняла на меня глаза – я была поражена и в этот момент успела нажать на спуск.

Эта фотография – портрет пожилой женщины с лицом, покрытом сетью морщин и удивительно ясными глазами – стала первым из моих опубликованных снимков. Несколько недель спустя он появился на обложке местного журнала для экспатов. Редактору журнала так понравилась фотография, что она попросила у меня разрешения распечатать ее и повесить у себя дома в гостиной, а потом предложила мне написать свои впечатления о кучис. Материал получился на три страницы. Итого три страницы текста и восемь фотографий.

По стандартам крупной журналистики это было ничтожно – пара публикаций в низкобюджетном англоязычном ежемесячнике, где печатались обзоры ресторанов, культурных событий, а большую часть занимали всевозможные объявления, рекламирующие все на свете – от карт «Виза» до собак и бронированных автомобилей. Но для меня это было большое достижение. Настоящая работа, деньги – награда за смелость и дополнительный повод оставаться в стране.

Воодушевленная первым успехом, я принялась изучать веб-сайты новостных журналов и газет, стараясь уяснить, что люди фотографируют и какие статьи пишут. Я знакомилась со всеми, кто приезжал в «Мустафу», спрашивала, где они были и что видели. Я пачками рассылала имейлы издателям в Торонто и Нью-Йорк, вкладывая снимки, сделанные во время вылазок в провинции, куда я ездила вместе с благотворительными организациями или другими фрилансерами из «Мустафы». Изредка приходил ответ или предложение быть на связи, но никто не хотел публиковать мои снимки. Всех интересовали только военные фотографии.

Любой инициативный фрилансер стремится получить от редактора или фоторедактора письмо о намерениях – несколько строк на официальном бланке или имейл с официальным адресом, где говорится, что редактору интересно было бы, например, почитать ваш материал о том, как опиумные плантаторы стали выращивать фисташки, или увидеть фотографии с таджикской границы. Подобные письма, в общем, ничего не значат – в смысле, не гарантируют публикацию, но при

общении с чиновниками и привратниками всякого рода они, случается, серьезно помогают.

Единственное письмо о намерениях, которое я когда-либо получала, раздобыл Энтони Малони, один из постояльцев «Мустафы». С этим бледным англичанином-заикой мы познакомились в баре. Он был один из тех коротко стриженных мужчин в замшевых туфлях песочного цвета, что ошивались в вестибюле на первом этаже и называли себя «рекрутерами частной охранной службы». Он жил в шикарном особняке в пригороде Кабула и имел штат прислуги. Он знал больших людей. Он устраивал вечеринки. Он вполголоса вел какие-то переговоры по мобильному телефону.

Однажды в баре за кружкой пива он сказал, что если мне нужна официальная бумага о командировке в зону военных действий, то он мне поможет. Через несколько дней он принес мне письмо от приятеля, редактора журнала «Комбат энд Сервайвал», который писал, что хотел бы получить от меня фотографии канадских военных в действии. Это письмо стало моим пропуском на войну.

В ту же неделю я отправилась в Кандагар.

«Комбат энд Сервайвал» – это журнал для солдат – как нынешних, так и бывших, а также всех, кто по какой-либо причине помешан на войне и воинской службе. Там печатаются обзоры боевой техники и репортажи мужественных военных корреспондентов, находящихся на передовой в Сербии и Центральной Африке. Мне не было дела до публикаций «Комбат энд Сервайвал», мне просто хотелось попасть туда, где происходит что-то стоящее внимания, что делает новости.

Я прилетела в Кандагар в конце июля. На улице было сто пятнадцать градусов. Помимо аппаратуры с собой у меня был огромный голубой бронежилет, который мне подарил Абдулла – добрый менеджер в «Мустафе», вытащив его из кладовки для забытых постояльцами вещей.

Я немного волновалась, подходя к канадской пресс-палатке. Там была съемочная группа «Глобал Ньюс», «КанВестМедиа» и еще сотрудник Си-ти-ви. Серьезные репортеры, занятые серьезной работой, с кейсами, набитыми аппаратурой, с телефонами спутниковой связи, в пуленепробиваемых очках и касках.

Вслед за мной в палатку впорхнула темноволосая женщина в длинной белоснежной блузе – свежая, точно только что из душа, и явно чувствующая себя тут как дома. Я сразу ее узнала – Мелисса Фанг, репортер «Канадиан Бродкаст Корпорейшн». Я много раз видела ее по телевизору, а сейчас она в двух шагах – миниатюрная, уверенная в себе, – деловито переговаривается со

своим оператором через видеомонитор на штативе.

Я чувствовала себя как новенькая в школьной столовой. Когда заполняла обязательную анкету, содержащую среди всего прочего зловещее требование указать контакты ближайших родственников, ко мне подошел один из репортеров «Глобал Ньюс» и представился. Его звали Фрэнсис Сильваджо. С напускной важностью я назвалась фотографом из Кабула, прибывшим сюда по заданию «Комбат энд Сервайвал». Слушая меня, он косился на мой огромный бронежилет, точно позаимствованный у Супермена, что лежал на земле рядом с рюкзаком.

– Что это? – спросил Фрэнсис.

Я робко пояснила, что это бронежилет, но только старый и слишком большой для меня, так как в моей кабульской гостинице другого не нашлось.

Фрэнсис удивленно поднял брови.

– Я фрилансер, – прибавила я, будто это было неочевидно.

Ожидала, что он снисходительно усмехнется или будет искать способа быстрее закончить разговор, но ошибалась.

– Знаете, – сказал Фрэнсис, – у нас тут где-то был лишний бронежилет. Мне кажется, он будет вам впору.

И вскоре благодаря «Глобал Ньюс» я получила удобный и сравнительно небольшой жилет «Кевлар» цвета сухой листвы. В нем я почувствовала себя не хуже других. Ну а после того, как в пресс-центре мне выдали каску, я и вовсе перестала выделяться на общем фоне. Вскоре в числе других журналистов я отправилась на базу передового отряда канадского контингента близ местечка Масум-Гхар. В новостях Масум-Гхар называли не иначе как «цитадель Талибана». Дорога туда занимала полтора часа. Мы должны были ехать в колонне легких БТР. Перед выездом один из офицеров провел с нами краткую беседу. Он громким отрывистым голосом предупредил нас об опасности подорваться на mine.

– Если обойдется без повреждений, мы двигаемся дальше, – сказал он. – В противном случае экипаж подбитого БТР покидает машину и пересаживается в другие. Не исключены столкновения с боевиками.

Поскольку следующие несколько дней стабильной связи не ожидалось, репортеры торопились позвонить своим редакторам, обсуждая предстоящую поездку и сроки сдачи материала. А я вышла из палатки и позвонила в Австралию Найджелу. Мне было страшно.

Между нами росло отчуждение. Возобновившиеся отношения быстро выдыхались. Один разговор по телефону мог быть полон

любви, вздохов и планов на будущее, а следующий – сухим и кратким. Теперь Найджел был официально в разводе, но вместо того чтобы чувствовать радость от предвкушения новой жизни, он чаще всего грустил. Я, с одной стороны, понимала, но, с другой стороны, понимать не хотела.

В Австралии был вечер.

– Собираюсь в поездку с военными, – сообщила я Найджелу, описала ему предыдущие события за день, свою каску, бронежилет, рассказала про «цитадель Талибана» и возможные мины на дороге.

Может быть, ему показалось, что я хвастаюсь. Наверное, так оно и было. В прошлый раз мы поссорились. Найджел давно уже обещал ко мне приехать, но билет покупать не торопился. Он обвинил меня в том, что я давя на него. Я говорила, что он слишком податлив.

– Десять дней связи со мной не будет, – сказала я. – Но ты не беспокойся.

Он долго молчал. Я представила себе Найджела, сидящего за столом в чистой рубашке, редактирующего фотографии, снятые за день в Бундаберге.

– О'кей, – холодно ответил он. – Смотри, чтобы тебя не убили. И дал отбой.

Следующие восемь дней я провела среди военных. Это были парни примерно моего возраста, в основном из сельских районов Канады. Попадая в лагерь, сразу понимаешь, что война – это не только опасность, но и тяжелый труд. Солнце палит Южный Афганистан немилосердно, так что от жары раскаляется даже жидкое мыло и туалетные сиденья. Солдату приходится таскать на себе неподъемную экипировку и дышать вездесущей пылью. Люди были разные. Тут был классический пианист, боявшийся испортить руки, и молодой отец, носивший портреты своих детей на цепочке вместе с солдатским жетоном. Однажды я слышала, как двое парней во время дежурства по лагерю травят анекдоты о певице Нелли Фуртадо.

На третий день пришло известие, что трое канадцев подорвались на mine к юго-западу от Кандагара. Солдаты жили в хорошо укрепленном лагере – с библиотекой, телефонной связью, спутниковым телевидением и с поваром, готовившим яичницу на завтрак, но, конечно, выходили за его пределы для патрулирования зоны своей ответственности. Смерть подстерегала их на каждом шагу. Боевики прятались в тени деревьев, среди коричневых складок ближайших холмов, в деревнях – неотличимые от обычных мирных жителей, поскольку

не носили униформу. Их оружием были в основном переносные ракетные установки и мины, которые они устанавливали вдоль дорог.

Определить, откуда грозит опасность, было невозможно. Опасность была повсюду, заставляя адреналиновые железы работать на износ. Верблюжьи пауки размером с чайное блюдце, трассирующие пули в ночном небе, плохие новости из дома, жуткая тишина на дороге – все за оградой лагеря могло обернуться катастрофой.

Для меня эти выходы были все равно что полеты в космос. Однажды утром мы вышли с группой пехотинцев, получивших приказ обследовать участок на некотором отдалении от лагеря, где предыдущим патрулем был замечен подозрительный провод. Путь туда лежал через виноградник. Солдаты были с автоматами, а я вооружена только фотоаппаратом. Мне было страшно, жутко. Я чувствовала себя совершенно беспомощной, хотя и шла в середине группы. Мы молча прыгали через глиняные стенки, разделявшие виноградник на квадраты. По мере приближения к подозрительному участку мои нервы натягивались все туже. Несколько афганских мальчиков наблюдали за нами, сидя в русле сухого ручья неподалеку. Интересно, что они знают, что видели? Не связаны ли они с боевиками? Наконец мы добрались до нужного места и смогли рассмотреть предмет, вызвавший переполох у нас в лагере: это был обрывок черной от солнца веревки, лежащий на дне канавы.

Глава 12. Красная зона

Будущее непредсказуемо – и это факт. Нельзя знать, что произойдет в будущем, пока оно не наступило. Может быть, за секунду до определенного судьбой поворота вас посетит озарение, но лишь за секунду, не ранее. Я вспоминаю дни, проведенные в Кандагаре в качестве полуофициального фотокорреспондента «Комбат энд Сервайвал», и троих канадских солдат, подорвавшихся в те дни на mine. Они не знали, что с ними случится. Дома их ждали родители и супруги, не готовые к звонку командира части, сообщившего им о гибели парней. Знаменитая Мелисса Фанг, корреспондент «Канадиан Бродкаст Корпорейшн», которая держалась столь важно и уверенно, не могла знать, что шестнадцать месяцев спустя, на обратном пути домой, ее похитят в окрестностях Кабула и двадцать восемь дней продержат в подземелье на хлебе и воде. Энтони Малони, сотрудник британских спецслужб, который достал мне пропуск на войну, окажется заключенным в одной из самых знаменитых афганских тюрем по обвинению в мошенничестве и просрочке долговых платежей, где проведет два года. Джейсон Хоуи, фрилансер из «Мустафы», сделает международную карьеру, будет продавать фотографии во все крупные издания – «Фигаро», «Таймс» и «Нью-Йорк таймс».

И я несла по жизни собственную судьбу. Все, что было суждено, сидело где-то внутри, пряталось до поры до времени, зрело до степени неизбежности, готовясь проявиться в назначенный час.

Я уехала из Афганистана, когда закончились деньги. Наверное, другой на моем месте был бы разочарован неудачей, что постигла меня на поприще фотографа, – ведь, кроме единственной публикации в журнале «Афганская жизнь», мне нечем было похвастаться. Но только не я! Я не пасовала перед трудностями. Я была полна надежд, увлеченно постигала новую профессию, строила планы. Мои планы больше не были связаны с Найджелом. Наши отношения окончательно заглохли.

Я нашла новую работу в ресторане «Севен». Это было шикарное место, больше подходящее для Майами, с белыми кожаными диванами и белыми стенами. Клиенты не скупались на чаевые, работа была нетрудная. Бегая с подносом на четырехдюймовых шпильках, я ни на день не забывала о своем кабульском опыте. Я сняла комнату в кондо, принадлежащем девушке моего возраста, расставила повсюду сувениры, развесила по стенам фотографии Пакистана и Индии. Несколько раз в

неделю, в память о тех местах, где я бывала и куда хотела вернуться, я брала уроки фотографии у местного фотографа – он учил меня снимать черно-белые фото и работать в «Фотошопе».

Незадолго до Рождества мне неожиданно предложили работу на телевидении. На телевидении Багдада. Должность тележурналиста с зарплатой четыре тысячи долларов в месяц плюс покрытие всех текущих расходов за счет компании. Невероятно, но факт! Знакомый по отелю «Мустафа» иранец Эсан прислал мне имейл, сообщая, что телекомпания в Иране ищет англоязычного корреспондента. Набрав в Гугле название компании – «Пресс ТВ», я убедилась, что у них имеется собственный приличный веб-сайт. «Пресс ТВ» – новая компания с круглосуточным вещанием на английском языке, финансируемая правительством Ирана, что-то вроде «Аль-Джазиры» и «Си-эн-эн Интернешнл». Подобно «Аль-Джазире», они нанимали западных репортеров для работы на камеру. Собственные корреспонденты уже имелись в Нью-Йорке, Лондоне, Бейруте и Москве.

В течение нескольких недель я вела переписку и телефонные переговоры с продюсером. На работе я часто думала, каково это – жить в Багдаде. У меня не было четкого представления о моих работодателях. Я знала, что в Иране правят исламисты и у них большие проблемы с правами человека. Но я в свое время много общалась с Эсаном – молодым, умным иранцем, полным надежд на перемены у него на родине. Он жил в Тегеране и рассказывал, как много среди его знакомых рафинированных свободных людей, которые пишут стихи, посещают подпольные ночные клубы и отличаются широкими взглядами.

Когда я поинтересовалась у продюсера, существует ли у телекомпании определенная точка зрения, продиктованная спонсором, она ответила отрицательно: мол, «Пресс ТВ» – независимая компания и ратует за объективность. Этого мне было достаточно. Зарплата, работа на телевидении, жизнь в такой стране, как Ирак, – что может быть увлекательнее? Отбросив последние сомнения, я начала собираться в дорогу.

Мама помогла мне упаковать вещи и отвезла меня в аэропорт. Она даже не пыталась отговаривать меня – она давно поняла, что это бесполезно.

Я прилетела в Багдад в конце января 2008 года. «Пресс ТВ» сняла мне номер в огромном отеле «Палестина» плюс второй номер под рабочий кабинет. Отель, построенный в восьмидесятых годах прошлого века, без сомнения, считался в свое время шикарным, но за сорок лет он сильно устарел и обшарпался. В

кабинете стояли несколько диванов по углам, холодильник и столы с видеомониторами и кассетными проигрывателями. Вся аппаратура была хоть и древняя, но в полной исправности и готовности для работы. Мне представили моего координирующего продюсера Энас – это была пухлая уроженка Ирака с широко поставленными карими глазами и крашеными рыжими волосами длиной до плеч. Затем у меня состоялся телефонный разговор с мистером Надьяфи – новостным директором из Тегерана, моим непосредственным начальником.

По красоте Багдад значительно уступает Кабулу, окруженному фантастическими лунообразными холмами. Тут такие же такси и пробки на дорогах, как во всех больших городах, где мне доводилось бывать, тот же зловонный смог. Здесь золотой вечерний свет и широколистные пальмы, как в Дамаске, Бейруте и Аммане. А еще КПК, бетонные блоки и высоченные стены из мешков с песком на каждом шагу. Сквозь безликие квадратные коробки домов и плоский песчаный горизонт трудно рассмотреть славное прошлое города, каким бы волшебным оно ни было, те реки меда и молока, что здесь когда-то протекали.

Багдад, казалось, больше других городов пострадал от войны. Под окнами моего номера в отеле «Палестина» был транспортный круг и призрачная мечеть с куполом-лампочкой. На этой площади под названием Парадиз-сквер еще пять лет назад стояла огромная статуя Саддама Хусейна, которую снес американский танк. В соседнем квартале протекала река Тигр – вялая, грязная, несудоходная.

Среди постояльцев отеля «Палестина» почти не было европейцев и американцев. Тут вообще было мало людей. Правда, из отеля вел вещание телевизионный канал «Аль-Хурра», передающий информацию о политике США на арабском, но почти все сотрудники жили в Багдаде и на ночь расходились по домам. А в остальном восемнадцатизэтажный отель был пуст, и я догадывалась о причинах – при такой высоте он представлял собой удобную мишень для обстрелов.

В первую ночь я лежала без сна, слушая дробные автоматные очереди и рев сирен за окном. Мне было страшно еще и потому, что я пыталась прыгнуть выше головы. Мне предстояло многому научиться. Во время своих лихорадочных сборов я скачала в Интернете руководство по тележурналистике, своеобразный «Телерепортаж для «чайников», и несколько раз проштудировала его от корки до корки. В Дамаске, где провела неделю в ожидании иракской визы, я начала читать толстенную книгу Роберта Фиска «Великая война цивилизаций: покорение Ближнего Востока» и поняла, что почти ничего не знаю. Вечерами, сидя у

себя в номере, я трудилась над понижением регистра моего голоса, превращая высокое девичье сопрано в суровый репортерский альт. Энас, координатор и переводчик, стала моей подругой. Ей было около тридцати пяти лет. У нее была широкая улыбка и полная сумка конфет, что помогало ей легко завести разговор с кем угодно. В свободное время мы ходили по магазинам – покупали головные платки и пили сок в барах на рынке Карада. Еще мы гуляли по разбитой набережной Абу-Навас на восточном берегу Тигра, куда до недавнего времени вход гражданским был запрещен. Энас рассказывала, что до войны здесь было самое оживленное место в городе – прогуливались парочки, работали богемные галереи, рыбные рестораны, где подавали холодное пиво. Теперь все было закрыто, лишь в стенах чернели пулевые пробоины. В парке, заросшем сорной травой, вечером появлялись дети. Они приходили играть на площадках, установленных здесь на деньги европейских благотворительных фондов.

Энас была мусульманкой, но платок надевала по настроению и не молилась пять раз в день. Никто из знакомых иракцев – ни сотрудники канала «Ал-Хурра», ни оператор, с которым мы работали, – не молился так часто. Они были такие же мусульмане, как и мои друзья дома – христиане. Они отмечали главные праздники, посещали мечеть по пятницам, и каждый имел собственные отношения с Аллахом. Да, они искали поддержки в Коране, но были против радикального ислама, как и все здравомыслящие люди. Они разделяли мнение, что войну начали радикальные группировки внутри суннитов и шиитов, чем воспользовались иностранные государства, заинтересованные в иракской нефти.

Возможно, работа в иранской компании была не совсем то, чего хотела Энас, но она не подавала виду. Утром она, тихо напевая, готовила нам крепкий чай и затем зачитывала по блокноту план работ на день. Ирак оккупировал Иран в 1980 году, когда Энас была еще ребенком. Война продолжалась восемь лет, унеся жизни полумиллиона иракцев. Победы никто не добился, но с тех пор соседи относились друг к другу с неприязнью. Понятно, что многие иракцы ненавидели Иран. Мне встречались люди, которые отказывались давать интервью, узнав, что я представляю иранское телевидение. «Простите, – сказал один торговец на рынке, – я хоть и не хочу, чтобы вас ругало начальство, но поймите – Иран нам принес много горя».

Очень скоро я поняла, что являюсь частью пропагандистской машины. Я, Энас и оператор ездили по стране, делали репортажи о бездомных детях, раненых мирных жителях, о перемирии,

которое мало чем отличалось от военных действий, а мистер Надьяфи редактировал отснятый материал так, чтобы выставить американских солдат и политику США в наихудшем свете. Согласно текстам, которые он для меня писал, любое упоминание о войне должно было сопровождаться фразами «американская оккупация» или «американское вторжение». Коран всегда был «Священный Коран». Нам не единожды приходилось выезжать в Шадр-Сити – почти полностью разрушенный и опасный район, где случались стычки между Армией Махди и американскими войсками. Когда я попросила мистера Надьяфи нанять нам с Энас охранника, он ответил отказом. Во мне крепло чувство, что меня попросту используют.

Вечером я звонила по скайпу маме, жадно вслушиваясь в ее голос, ловя знакомые интонации – особенно когда бывало страшно. Ее очень встревожило мое признание, что босс скупится на деньги для охранника, и она просила меня скорее сменить работу. Я стала изучать в Интернете репортажи крупных багдадских тележурналистов, рассматривать работы известных фотографов, надеясь перенять что-то полезное, уяснить, что они освещают и как они это делают. Я рассылала резюме в канадские газеты, а главного редактора нашей местной «Ред-Дир адвокат» я уломала дать мне еженедельную колонку. Он обещал мне тридцать пять долларов за статью и двадцать пять за каждую фотографию.

Когда одиночество меня окончательно добило, я вместе с офисом перебралась в отель «Хамра», находящийся среди жилых домов в двух милях от «Палестины». Народу там было куда больше – журналисты, иностранные спецы всех мастей, в основном из Европы и США. Одни каждый день уезжали на работу, другие сидели в номерах безвылазно.

Отель «Хамра» имел форму полукруга. Балконы выходили во внутренний двор с бассейном и пластиковыми шезлонгами. В баре на первом этаже продавали пиво «Найнекен» и ливанское вино, а в ресторане готовили блюда местной кухни. Гостиничный комплекс, который помимо основного включал еще два здания – причем в одном находилось бюро «Вашингтон Пост», был защищен высокой стеной. В отеле жили сотрудники «Лос-Анджелес Таймс», «Эн-би-си Ньюс», «Ю-эс-эй Тудей» и других компаний. Вечером постояльцы собирались у бассейна с бутылками бомбейского джина, раздобытого у военных. Горничные расставляли столики, официанты приносили стаканы, лед, пиво, вино и еду из ресторана.

В один из первых вечеров в «Хамре» я приделась и тоже вышла к бассейну. Заказала пиво, пытаюсь делать вид, что я не

хуже других. Все журналисты вокруг говорили о работе – кто с кем встречался, у кого брал интервью или договорился об интервью на следующей неделе. Меня захлестнула волна радостного возбуждения. Наконец-то я среди людей, у которых есть чему поучиться!

Я подошла к группе парней у одного столика и сказала:

– Привет! Я Аманда!

Они все заулыбались и пожали мне руку – как коллеги, товарищи. На вид им было лет по тридцать. Ах, как здорово! А потом один из них спросил, где я работаю.

– «Пресс ТВ».

– А что это?

Я стала объяснять, что это иранская телекомпания и, конечно, я планирую вскоре уволиться, как только найду другую работу.

Последовало долгое пренебрежительное молчание. Свет фонарей, отражаясь в бассейне, бросал на нас зеленую рябь.

– А вы? – спросила я, пытаюсь сместить фокус. – Вы где работаете?

Они называли своих работодателей – все из США, все крупные серьезные медиакомпании. Мы поболтали еще с минуту, а потом они под разными предлогами ушли, оставив меня одну.

В первые недели в «Хамре» кто бы и что у меня ни спросил, я не знала, что отвечать. Откуда я? Из маленького городка в штате Альберта, Канада. Где я закончила аспирантуру? Я вообще не училась в университете, не говоря уж об аспирантуре. Кем я работала прежде, чем приехала сюда? Хм... никем. Все эти люди говорили на непонятном мне языке, как иностранцы. Я никогда не бывала в Вашингтоне, не знала Нью-Йорк. Я, конечно, читала сайты ведущих новостных агентств в Интернете, но мало была знакома с медиасферой США. В Багдад я попала точно так же, как попадала в другие города – Бейрут, Алеппо, Хартум, Кабул, но я не училась в Йеле или Колумбийском университете. Я много работала и использовала любую возможность пообщаться с профессиональными журналистами, но всякий раз чувствовала себя не в своей тарелке.

Не все они были снобами. Однажды я познакомилась с репортером «Эн-би-си Ньюс» Ричардом Энгелем. Это был привлекательный спортивный человек чуть ниже меня ростом, с ослепительной улыбкой и выбритыми, как у моряка, висками. Когда настал неотвратимый момент и я призналась, что работаю на «Пресс ТВ», он отнесся к этому сочувственно и сказал, что и сам начинал как фрилансер. Впервые он приехал в Ирак в 2003 году, и из оборудования у него была одна ручная видеокамера. А

теперь, по прошествии пяти лет, он ведущий тележурналист на «Эн-би-си Ньюс». Вскоре я узнала, что его назначили иностранным шеф-корреспондентом всего канала.

– Все где-то начинают, – говорил он мне, – воспринимайте это как первую ступень карьеры. Но только не забывайте, что нужно двигаться дальше.

Месяц спустя я уволилась из «Пресс ТВ» и стала работать внештатным корреспондентом «Франс 24» – парижской телевизионной станции, вещающей на английском. Я сделала для них репортаж об Иракском национальном симфоническом оркестре, об иракских беженцах, возвращающихся домой, и о трудной жизни палестинских беженцев в Багдаде. И как во времена «Пресс ТВ», меня потрясали встречи с простыми иракцами. Когда я видела усталого врача в переполненной ранеными больнице, учительницу в Шадр-Сити, которая выметает из класса осколки оконного стекла, разбитого взрывом, братьев-сирот, продающих «Клинекс» на улице, я не могла не чувствовать трагизма их положения. И помочь им хоть немного, донести до мира весть об этих людях, живущих среди войны, было для меня честью.

Денег мне хватало лишь на самое необходимое. За каждую минуту в эфире «Франс 24» перечисляла мне тысячу пятьсот евро, а также я продолжала вести колонку в газете моего родного города, но почти все забирали расходы, связанные со съемками репортажей. Всякий раз нужно было нанимать водителя, переводчика, оператора, редактора, а еще три тысячи в месяц уходили на оплату номера в «Хамре». У меня появился друг – скромный американский фрилансер Дэниел, которого, как и меня, не принимала журналистская тусовка. Иногда мы вместе стояли у меня на балконе и наблюдали, как они роятся там внизу – смеются, выпивают, плавают и танцуют. Мы прозвали их мажоры. Хотя с одной девушкой из их компании – американкой по имени Джули – у меня сложились теплые отношения. Она была моей ровесницей и, как все, работала в ведущем новостном агентстве.

– Знаешь, – сказала она однажды за стаканом вина, когда мы сидели у меня в номере, – а они все на тебя злятся.

– Почему? – удивилась я, недоверчиво глядя на Джули. Я недавно вернулась из отпуска – мы с Келли путешествовали по Португалии. Что же могло произойти в мое отсутствие?

Оказалось, что один из постояльцев «Хамры» нашел на «Ю-Тьюбе» мое видео двухмесячной давности, снятое еще во время работы на «Пресс ТВ». Я и не знала, что «Пресс ТВ» выкладывает

все репортажи в Интернет. Джули скинула мне ссылку. Когда я открыла ее, внутри у меня все похолодело от ужаса. На экране иранский ведущий спрашивал у меня, почему ведущие западные средства массовой информации поддерживают политику Джорджа Буша, если количество погибших в Ираке американских военных перевалило за четыре тысячи. Я стояла на раскаленной крыше пустого отеля «Палестина», у меня за спиной мирно шелестели пальмы. И я ответила ему то, что искренне считала правдой. К тому времени я не успела еще повидать иностранных журналистов. Те, что мне встречались, работали в надежно охраняемой Зеленой зоне, получая информацию на пресс-конференциях Временного коалиционного правительства. А иракцы с канала «Аль-Хурра» рассказывали, как западные журналисты предпочитают побережь жизнь и здоровье, которые, согласно политике некоторых компаний, не всегда застрахованы, и нанимают местных, чтобы те делали для них выездные интервью. А затем клепают сборный материал, сидя в полной безопасности у себя в офисе.

«Дело в том, – говорила я репортерским голосом, над которым так упорно трудилась, – что они не знают, что тут на самом деле происходит. Они живут в охраняемых комплексах, внутри Зеленой зоны. И по контракту не имеют права выезжать в Красную зону, где сейчас нахожусь я...»

Боже, кто тянул меня за язык? Я представила, как все мажоры собрались вокруг компьютера и на все лады высмеивают каждое мое слово. Мне стало дурно. С момента своего появления в «Хамре» я переживала, что никто не хочет со мной общаться, а сама дала такого маху, рассуждая о журналистах, которых тогда еще в глаза не видела. Не успев проработать в Багдаде и двух месяцев, я присвоила себе право вещать с позиции мудрости и опыта, по телевидению, и что самое ужасное, это теперь увековечено на «Ю-Тьюбе» и доступно для просмотра всем желающим.

Господи, какую чушь я несла! Может быть, не совсем по своей вине, меня отчасти дезинформировали, но правды это не умаляло – в Красной зоне полно журналистов, которые там работают и живут. Об этом я узнала позже. Казалось, на моей журналистской карьере можно ставить жирный крест. Я больше не пыталась расширить круг профессиональных знакомств в Багдаде. Позор тяжелым грузом лег мне на плечи. Я проверила баланс своего банковского счета и стала искать дешевые билеты на самолет, решив, что надо перебираться в другое место – может быть, в Африку. Раньше успокоить нервы мне помогала дыхательная гимнастика или медитация, которой я научилась в хостелах

Индии, но здесь это не помогало. Я зашла в тупик. Я страдала от одиночества и депрессии.

И вдруг мне в почту свалилось неожиданное сообщение от Найджела. Простое дружеское письмо, где он рассказывал о себе. У него, мол, новая подруга, и они живут в Шотландии. Он работает смотрителем поместья недалеко от Глазго. Он интересовался, как у меня дела, и желал мне всего самого лучшего. В конце он написал: «Держись там, детка, и береги себя». Несмотря на весть о новой подруге, его письмо меня умилило, подняло настроение – а именно в этом я и нуждалась.

Мы стали переписываться, а несколько дней спустя он мне позвонил. Услышав в трубке его голос, я едва не расплакалась. Ах, как мне не хватало таких отношений, что были когда-то у нас! Найджел вышучивал свою должность, погоду в Шотландии. За время, что минуло с нашего последнего разговора, он построил новую жизнь, но голос его звучал не слишком радостно. Непонятно, что заставило его бросить работу в газете в Бундаберге и переехать в Шотландию, чтобы стричь кусты, и как он провел последний год. Но я поняла, что фотографию он забросил.

В свою очередь, я рассказала ему пару историй о Багдаде, давая понять, что веду захватывающую, насыщенную событиями жизнь. О том, что все вокруг меня ненавидят, я умолчала. Мы поболтали еще минут десять, и наступила пауза. Потом я не выдержала и спросила:

– А почему ты больше не фотографируешь? Что случилось? У тебя было столько планов...

Мне действительно хотелось знать. Отчасти во мне говорила обида. В глубине души я была возмущена тем, что именно я, которой удалось создать некое подобие мечты, придуманной нами в Эфиопии, чувствую себя полной неудачницей.

– Не знаю, – задумчиво и даже угрюмо отвечал Найджел.

Тут меня прорвало. Я сказала, что собираюсь купить билет в Найроби, а оттуда полечу в Сомали, что у меня есть идеи насчет сюжетов для репортажей, которые предложу директору новостей на «Франс 24». У меня и впрямь были такие планы, но довольно туманные, и я впервые заговорила о них вслух. И пока я говорила, внутри раздался знакомый щелчок надежды.

– Слушай, поехали вместе, – сказала я. – Там столько всего интересного. Ты будешь фотографировать, а я делать что-нибудь для телевидения.

– Может быть, – промычал Найджел.

Я положила трубку, будучи уверенной, что он не приедет. Ведь он не прилетел ко мне в Кабул, когда мы любили друг друга,

а теперь, почти год спустя, у него новая девушка и он, без сомнения, успел привыкнуть к комфорту и безопасности домашней жизни.

Впрочем, это было не важно. Главное, что, пока мы разговаривали, у меня созрело решение. Я была готова оставить Багдад.

В мире журналистики есть знаменитая история о Дэне Ратере, молодом неопытном репортере одного из второстепенных телеканалов в Хьюстоне, штат Техас. В начале шестидесятых, когда ужасный ураган несясь по Мексиканскому заливу, приближаясь к острову Галвестон, все прочие репортеры поспешили покинуть остров и укрыться на материке, в своих безопасных студиях. И только Дэн Ратер стоял на мосту и ждал. И когда шторм обрушился на остров, вырывая с корнем деревья и сбрасывая крыши домов, когда огромные океанские волны бешено забили о берег, он вел прямой репортаж, с огромным риском для жизни.

Тот день мог закончиться для него неудачно. Он мог быть ранен или убит во время шторма. И новость об этом пустили бы бегущей строкой – мол, такой-то и такой-то намеренно подверг себя опасности и погиб, став жертвой собственных амбиций. Но его ставка выиграла. Он уцелел. И поскольку был там, рисковал, то смог передать все события живо и осмысленно. Его карьера состоялась. Ему воздалось за то, что он предупредил тысячи зрителей, находящихся на пути урагана, о необходимости эвакуироваться в безопасное место. Он заключил долгосрочный контракт с национальной телекомпанией.

После семи месяцев в Багдаде я обратила свой взор на Сомали. Причины у меня были самые прозаические. В Сомали был полный бардак. Все знали из новостей, что там который год идет война, свирепствует голод и религиозный экстремизм. О культуре Сомали было мало что известно. Я понимала, что это враждебная к иностранцам, полная опасностей страна и что редкий репортер отважится туда поехать. Но тем лучше – у меня будет меньше конкурентов. Я сметаюсь туда ненадолго – ради нескольких репортажей, прогуляюсь по краю пропасти и вернусь. Я сделаю такие репортажи, которые покупают крупные телекомпании, которые заставляют людей задумываться. Затем я займусь более серьезными вещами. Сомали может стать моим ураганом.

Глава 13. Широко распахнутые двери

Задерживаться в Африке я не собиралась. Четыре недели, не более. Словом, туда и обратно. Знакомый по Багдаду фотограф – француз Жером – снабдил меня контактами посредника, работающего в столице Сомали Могадишо. Посредник – это помощник из местных, который договаривается об интервью, возит аппаратуру и часто служит переводчиком. Рекомендованный мне посредник по имени Аджус Санура был известен среди западных журналистов как человек надежный и толковый. Сам Жером бывал в Сомали дважды. Недавно ему предложили поехать в третий раз, но он отказался, потому что ездить в Сомали стало слишком опасно. Но Жером был женат и имел сына-подростка, так что его осторожность была вполне объяснима.

Он предупредил меня, что везение рано или поздно заканчивается, и нет никаких преимуществ в том, чтобы всю жизнь скитаться по войнам. «Пока вы молоды, займитесь чем-нибудь еще», – сказал он. Но я не представляла себе других занятий. Мне было двадцать семь лет, и мои самые крупные достижения – при всей их скромности – были связаны с работой в зоне военных действий.

Дешевле всего добраться в Найроби из Багдада через Аддис-Абебу, где два года назад я познакомилась с Найджелом. Из чувства ностальгии я зашла в отель «Баро» и убедилась, что он ничуть не изменился. Такая же дыра, полная восторженных, одурманенных солнцем и травкой бродяг, которые сбиваются в группки или подбирают себе пару для совместных приключений. Я не забыла это чувство, этот азарт, но вызвать его у себя уже не получалось, будто они танцевали под музыку, которой я не слышала.

Десятого августа я прилетела из Аддис-Абебы в Найроби. Обычно я жила в самых дешевых однозвездочных гостиницах, но на этот раз вынуждена была остановиться в гостинице классом повыше, поскольку у меня с собой был ноутбук и пачка денег, которых мне не хотелось лишиться раньше времени.

Я хотела уехать как можно скорее, ведя переписку с посредником Аджусом по электронной почте. Он всегда быстро отвечал на мои письма, что меня очень ободряло. За сто восемьдесят долларов в день он готов был взять на себя все хлопоты, найти переводчика и охранника. Он снимет мне номер в

гостинице «Шамо» – единственном месте, достойном, по его мнению, иностранцев. Номер стоил сто долларов за ночь. Я написала ему, что мне хотелось бы сделать в Сомали. Я хотела посетить лагерь беженцев, взять интервью у женщины-врача, известной своей благотворительной деятельностью, и снять на камеру прибытие канадского военного корабля, сопровождающего судно с продовольствием для голодающих Сомали, по линии Всемирной продовольственной программы.

Аджус, кажется, полагал, что это все возможно. Главная проблема заключалась в том, что мне требовался попутчик, например Найджел, чтобы разделить расходы. Десять дней в Сомали грозили окончательно меня разорить. Найджел тем временем писал, что никак не может определиться, ехать ему или нет, хотя соскучился по фотографии и новым впечатлениям. Я тщеславно надеялась, что и по мне тоже.

На второй день я отправилась в посольство Сомали и получила журналистскую визу на три месяца, заплатив пятьдесят долларов. Сомали считалась самой опасной страной в мире, но двери туда были широко распахнуты.

Пришло очередное сообщение от Найджела. Он наконец решился. Он приедет. Купил билет, упаковал фотоаппарат и через несколько дней вылетает из Лондона в Найроби.

Признаться, я была удивлена. Что это значит? Между нами осталось так много недомолвок. В последний раз мы виделись с ним в Австралии шестнадцать месяцев назад – мы расставались в аэропорту, уверенные, что наши отношения продлятся вечно. Но вышло по-другому. Честно говоря, я приглашала его в Сомали, чтобы услышать его «нет», чтобы он помучился, жалея об утраченной мечте. Но он сказал «да», он согласился! Представив себе, что я его увижу, что он физически будет рядом, я занервничала. Что ему от меня нужно? Что я буду с ним делать? Что бы нас ни связывало в прошлом, какие обиды ни остались бы невысказанными, мне не улыбалось начинать все заново, особенно в Сомали.

Очертаниями Сомали напоминает цифру «семь». С запада страну подпирает Эфиопия, более короткая береговая линия смотрит на север в сторону Йемена, а более длинная обращена на восток, к северной оконечности Индии, отделенной от Сомали сотнями морских миль. Благодаря тому, что Сомали располагается между Ближним Востоком и остальной Африкой и имеет выход к морю, открывающий сравнительно простой путь в Азию, эта территория всегда имела большое значение, особенно для торговли. В былые дни в порт Могадишо доставляли на судах

специи из Индии, увозя обратно золото, слоновую кость и пчелиный воск. Позже сюда пришли итальянцы и британцы, и страна стала модным курортом. В сороковых – пятидесятых годах европейцы приезжали сюда поваляться на белом песочке пляжа Лидо-Бич близ Могадишо и побужить в ночных клубах и кафе. Но того Сомали давно нет. О современном Сомали в Интернете пишут совсем другое.

Например, в Могадишо, в шестистах тридцати милях к северо-востоку от Найроби, царят хаос, анархия и насилие – что нормально для столицы раздираемой войной страны, откуда местные жители еще пятьдесят лет назад выгнали колонизаторов в надежде построить демократию, но так и не построили. Власть без конца делят группировки различного толка – родовые и криминальные кланы, военные. В течение двадцати лет страной правил диктатор-социалист Сиад Барре, которого свергли в 1991 году. И в течение семнадцати лет эти группы боевиков, порой объединяясь с исламскими фундаменталистами, ведут борьбу за власть. Тринадцать попыток установить центральное правительство не увенчались успехом. Четырнадцатое по счету правительство, сидящее в одном из пригородов Могадишо, по всем признакам абсолютно неэффективно. Дипломаты называют Сомали «несостоявшимся государством», подразумевая, что не существует способа решить многочисленные проблемы этой территории, поскольку институты государства тут разрушены и восстановлению не подлежат.

Кроме того, лето выдалось ужасным. За сезон дождей не выпало ни капли дождя. Урожай погиб, начинался голод. Вооруженные бандиты, понимая, что продовольствие – это власть, захватывали грузовики, перевозящие гуманитарные грузы ООН, иногда убивая водителей. По меньшей мере двадцать сотрудников гуманитарных миссий были убиты в этом году, еще несколько похищены с требованием выкупа. Международные благотворительные организации отказывались работать в Сомали.

Однако я не испытывала сомнений накануне поездки. Опыт подсказывал мне, что каким бы ужасом ни разило от заголовков международных новостей, на месте всегда есть что-то более обнадеживающее и человеческое. Когда приезжаете в страну, вы видите, что ее образ, созданный в вашем воображении средствами массовой информации, мягко говоря, отличается от действительности. В каждой стране, в каждом городе, в каждом квартале найдутся родители, любящие своих детей, соседи, которые помогают друг другу, и дети, готовые играть. Я верила, что найдутся и достойные сюжеты для моих репортажей и что моя работа принесет пользу. Нет, я не была наивной дурочкой, не

подозревающей, что случается и плохое, – ведь я успела повидать много оружия и горя. Но поскольку я наблюдала за всем со стороны и пыталась делать добро, то зло проходило мимо, не задевая меня, будто меня там и нет.

Глава 14. Переход

Найджел вышел из таможни в международном аэропорту Найроби днем 16 августа, неся красный рюкзак, знакомый мне по Эфиопии. Он почти не изменился – те же яркие глаза, те же ямочки на чисто выбритых щеках.

– Иди сюда, Траут! – крикнул он, распахнув объятия.

Траут – это мое школьное прозвище, созвучное фамилии. Найджелу оно нравилось, и он привык звать меня так в Эфиопии.

Мы обнялись.

– Рада тебя видеть, – сказала я абсолютно искренне.

Мне было очень одиноко в последнее время, ведь меня ненавидели почти все знакомые. Правда, незадолго до отъезда из Ирака у меня завязалась легкая интрижка с одним американским журналистом, соседом по «Хамре», несмотря на весь его снобизм. Но это вызвало еще большее отторжение у остальных.

Дружеская фамильярность Найджела действовала на меня благотворно, успокаивающе. Он обнял меня за плечи, и мы вышли на улицу. Я позволила себе оболящаться его присутствием, тем, что он сел в самолет и прилетел в Африку – да, он прилетел работать, но еще и повидаться со мной. Мы взяли такси и поехали в гостиницу. Найджел оставил вещи у себя в номере, и мы прибегли к единственному средству, помогающему быстро преодолеть смущение при встречах после долгой разлуки, – напились.

Сначала мы выпили пива в кафе, потом поужинали с вином в ресторане, затем перебрались в бар на другой стороне улицы. Там было полно кенийцев в деловых костюмах. Пробившись к стойке, мы заказали текилу и снова пиво. Мы уже болтали как ни в чем не бывало и перестали смущенно отводить глаза, если случалось встретиться взглядами. Однако щекотливых и эмоциональных тем избегали.

К тому времени, когда мы добрались до дымного бара с караоке, когда мы, совершенно пьяные, влезли на сцену, включили динамики на полную мощность и выдали в микрофон песню Джорджа Майкла для группы местных, которые встали и отплясывали, пока мы пели, я почувствовала, что нам не нужно обсуждать наши отношения. Почти не нужно. Я была где-то на девяносто процентов, даже на девяносто пять, уверена, что мы больше не любим друг друга и можем быть просто друзьями. Напоследок, к восторгу кенийской толпы, я еще кое-что спела и дала себе обещание утром подумать о работе.

Когда мы наконец вернулись в гостиницу, Найджел, пошатываясь, наклонился и поцеловал меня – неловко, будто по принуждению, и это было так странно и неуместно, что сомнений больше не осталось: между нами все кончено.

* * *

Несколько дней спустя мы снова были в аэропорту Найроби, готовясь сесть в самолет авиакомпании «Даалло Эйрлайнс». Мы сосредоточенно тащили по взлетному полю свои тяжелые сумки и фотоаппараты к старому и ветхому на вид самолету. С собой у нас было несколько тысяч долларов наличными, поскольку в Сомали американский доллар более популярен, чем все местные валюты, вместе взятые. Накануне вечером мы пошли в итальянский ресторан «Траттория», устроив себе что-то вроде последнего застолья перед отбытием в голодный край. Зная, что в Сомали все мусульмане, а мусульмане не пьют, мы напоследок также хорошо заправились спиртным. Потом Найджел снова попробовал поцеловать меня, но не тут-то было. «У тебя есть девушка», – оттолкнула его я. Надо думать, что девушка была тоже им по многим причинам недовольна.

В самолет набились человек сто сомалийцев, сомалиек и детей, которые тут же пустились лазать по креслам с рваной обивкой. Еще на взлетной полосе мной овладела тоска, дурное предчувствие, и я, как ни старалась, не могла от него отделаться. Появилось даже головокружение и легкая тошнота.

Многие женщины были в черных консервативных хиджабах. Были и паранджи, закрывающие все, кроме глаз. А некоторые, я заметила, надели под сандалии пластиковые пакеты, стремясь скрыть от чужих глаз каждый миллиметр кожи. В салоне помимо пассажиров уместилось безумное количество ручной клади – пластиковые сумки всех цветов, набитые под завязку одеждой, книгами, продуктами. Стены салона были в грязных подтеках. Дверь туалета болталась на одной петле. Пока мы ждали посадки, я познакомилась с единственным, кроме нас, белым человеком на рейсе – пожилым итальянцем, говорящим по-английски. Это был сотрудник христианской неправительственной организации, базирующейся в Харгейсе, столице независимой провинции Сомалиленд, куда он и планировал отправиться из Могадишо. Узнав, что мы, наоборот, остаемся в Могадишо, он удивленно поднял брови и даже сложил губы трубочкой, будто собирался присвистнуть.

– Будьте осторожны, – сказал он. – Голова белого человека, –

он постучал себе по темени, – стоит там полмиллиона долларов. И это только голова.

Я поняла, что он имеет в виду. Белые – это ценная добыча в Сомали, даже мертвые. Труп – это трофей, а живых заложников можно обменять на выкуп. Как известно, операция американских командос «Черный ястреб» в 1993 году закончилась тем, что боевики триумфально протащили по улицам Могадишо трупы американских солдат. А потом сомалийские пираты начали захватывать иностранные корабли, и сумма залога выросла до семизначных цифр. Словом, я уловила намек итальянца, но только мне не нравилось слышать об этом.

Наши с Найджелом места находились в конце салона. Пассажиры громко разговаривали по мобильным телефонам, вскакивали и кричали что-то в соседний ряд, будто узнали что-то очень важное. Рядом оказалась женщина, говорящая по-английски. Она выросла в США и теперь работала в Харгейсе.

– Они говорят, что в аэропорту Могадишо началась война, – перевела она нам. – На дороге бои. Может быть, аэропорт закрыт, и мы не сможем лететь.

Я не очень хорошо поняла ее. Что значит война «началась», если она не прекращается уже почти двадцать лет? Однако у пассажиров самолета эта новость вызвала переполох. Мы ждали официального объявления. Кровь тяжело стучала в висках. На секунду я позволила себе расслабиться и помечтать, что рейс отменяют, нас высаживают из самолета и возвращают в терминал. У нас было бы законное оправдание нашей трусости. Вот было бы хорошо!

Но вскоре двигатели самолета ожили. Стюардесса закрыла двери, оставив за бортом утреннюю африканскую жару, и по громкоговорителю велела отключить мобильные телефоны. К черту войну в аэропорту, мы летим! Сидящий рядом Найджел посерел от волнения.

– У меня дурные предчувствия, – пожаловался он, – ничего не могу с этим поделать. Мне кажется, должно произойти что-то ужасное.

Я стиснула его руку. Мысленно я убеждала себя, что все будет в порядке. В аэропорту нас встретит Аджус и целая команда вооруженных телохранителей, которые отвезут нас в гостиницу. Аджус писал, что там живут и другие иностранные журналисты. Что с нами может случиться? Если аэропорт и правда захвачен боевиками, если в районе идут бои, то пилот вместо Могадишо направит самолет в Харгейсу. Все, кажется, предусмотрено. С нами все будет в порядке.

Я повернулась к Найджелу.

– Это нормально, когда летишь в зону боевых действий, – сказала я с напускной уверенностью. – Так бывает у всех. Тебе станет легче, когда мы прилетим.

Самолет вздрогнул и покатился вперед, дребезжа и подпрыгивая, как старый драндулет, все быстрее и быстрее, пока наконец не оторвался от земли. Меня вжало в сиденье, желудок прилип к позвоночнику. Найроби остался далеко внизу – конгломерат из трущоб под блестящими на солнце жестяными крышами и плоских бурых пустырей. Пока самолет набирал высоту, я сидела в оцепенении и смотрела в окно. Итальянец в соседнем ряду вынул из сумки Библию, надел очки в черной оправе и стал тихо читать. Я включила ноутбук, надела наушники и включила файл аудиомедитации, который слушала по вечерам в Багдаде, в «Хамре», чтобы быстрее уснуть. Эта запись осталась у меня с тех времен, когда мы с Джеми посещали курсы медитации. Ее надиктовала руководитель нашей группы. Звучным ласковым голосом, под тихий аккомпанемент фортепиано, она велела делать медленные глубокие вдохи, снова и снова, повторяя, как заклинание: «С этим вдохом я выбираю свободу. С этим вдохом я выбираю мир». Я сидела, закрыв глаза, и дышала, и слова складывались в моем сознании в новую ритмо-смысловую модель: «Свобода, мир, свобода, мир». В попытках успокоить нервы прошло около получаса. Когда я открыла глаза, мне было лучше, гораздо лучше. Я остановила запись и заметила, что итальянец смотрит на меня.

– Вы молились? – спросил он.

– Ну типа. То есть да.

Он улыбнулся и ничего не сказал.

– Я просто пыталась успокоиться, – прибавила я. Интересно, миссионер он или священник?

Итальянец кивнул. Он был старый, наверное, как мой дедушка. Косматые брови кустились над маленькими бесцветными глазками.

– Хорошо, что вы летите в Могадишо, – вдруг сказал он, наклоняясь ко мне. – Это достойно уважения. Только не забывайте об осторожности.

Вероятно, он хотел извиниться за то, что напугал меня ранее. Он думал, что я уже воображаю свою отрубленную голову на тарелке одного из племенных вождей. Но, так или иначе, он нас, можно сказать, благословил.

Полтора часа спустя после вылета из Найроби самолет начал снижение. В окне я впервые увидела, что собой представляет побережье Сомали – густые зеленые заросли, дюны белого песка и бурлящее море цвета мяты. Красота! Наверное, это один из самых

красивых видов на земле. Вокруг ни дорог, ни гостиниц, никаких признаков обитания человека. Только природа – густые джунгли, дикие, косматые, – как девственный тропический рай в подзорной трубе первооткрывателя. Когда внизу показался город Могадишо, все так и прилипли к окнам. Он был потрясающий – белоснежный улей колониальных зданий, а внутри гавань в форме креста. Сомалийка, говорившая по-английски, печально покачала головой.

– Могадишо красив только сверху, – сказала она, обращаясь к нам с Найджелом.

Что до Найджела, то он даже не взглянул в окно. Он сидел как истукан. Его тело превратилось в каменную крепость, внутри который скрылся веселый парень, который когда-то пел мне залихватские австралийские песенки, сидя на верблюде. Я ощутила острый укол вины. Я слишком много от него хочу. Сомали как район военных действий не подходит для начинающих.

Посадочная полоса протянулась прямо вдоль пляжа, где разбивались сапфировые волны. Сырой воздух отдавал рыбой. Терминал международного аэропорта Аден когда-то был выкрашен в цвет морской волны, но теперь об этом можно было лишь догадываться. Внутри было сумрачно и тесно. Мы с Найджелом встали в очередь на паспортный контроль. На земле он и впрямь немного ожил – вскинул на плечо свой красный рюкзак и слабо улыбнулся. К нам подскочил стройный молодой сомалиец, стоявший у паспортной будки. В руках у него была табличка: «Аманда. Отель «Шамо».

Какое облегчение! Нас встречают. Я с благодарностью пожала ему руку:

– Вы Аджус?

Это был не Аджус, а оператор, нанятый Аджусом для меня. Его звали Абдуфата Элми. У него было обаятельное симпатичное лицо с тонкой козлиной бородкой.

– Зовите меня Абди, – сказал он.

Аджус ждал нас в гостинице. Дорога, где всего пару часов назад шли бои, снова была открыта для проезда транспорта. Война пока закончилась.

– Идем, идем со мной, – торопил Абди.

Мы вышли в зал прибытия. Я была в джинсах и длинной рубашке. Абди привез мне толстый зеленый платок, закрывающий голову и плечи, что, впрочем, совсем не помогало мне сойти за местную. Нас с Найджелом толкали и отпихивали. Никто не улыбался. Мы пробились сквозь толпу зазывал, носильщиков,

таксистов – под охраной бойцов армии Африканского союза. Все они были уроженцами Эфиопии и Уганды, в зеленой камуфляжной форме и с автоматами Калашникова. В каких только многолюдных местах мне не приходилось бывать, но это место было совершенно особое. Толпа здесь была взвинчена, опасна, как и окружающий ее хаос. Он был вездесущ, этот хаос, он пронзал воздух, был в легких каждого человека в аэропорту, ядовитое испарение гражданской войны. По крайней мере, мне так казалось. Я велела своему воображению умерить пыл.

Толпа носильщиков обступила багаж, который выгрузили из самолета. Многие были голые по пояс, костлявые, блестящие от пота. Я протянула свой багажный талон высокому и тощему, как жердь, молодому человеку. Вдруг что-то со свистом пронеслось в воздухе у меня над головой. Я оглянулась и увидела дородного эфиопского солдата с кнутом в руках. Заметив, что я смотрю на него, он улыбнулся и игриво помахал передо мной кнутом. Потом размахнулся и снова опустил его на кучу багажа и спины суетливых робких носильщиков. Если таким образом он пытался отделить настоящих носильщиков от потенциальных воров, то было непонятно, как он их различает. Вжжжжик! Сутулый сомалиец отскочил в сторону. Вжжжжик! Этот удар достался юноше, держащему мой талон. Он едва успел с торжествующим видом водрузить себе на голову мой грязный черный рюкзак. Похоже, промедление считается в Могадишо одним из самых страшных грехов. Хватай и беги. С каждой минутой простоя риск получить кнутом по спине возрастает в несколько раз.

Абди тоже торопил нас. Мы почти бегом добрались до парковки, где нас ожидал внедорожник «мицубиси», опять же под охраной военных. Наш носильщик, не обратив внимания на удар кнутом, быстро погрузил наши вещи в багажник. Я сунула ему пять долларов – целое состояние в стране, где взрослый человек живет в среднем на двадцать долларов в месяц. Я никогда в жизни не видела, чтобы людей били кнутом. В этом плане Сомали меня сразу огорошило. Пока мы выбирались из аэропорта, я все думала, не надо ли было дать носильщику двадцатку.

Помимо нас с Абди в машину поместились трое других мужчин – водитель и два мрачных вооруженных охранника. Эти парни состояли на службе Переходного федерального правительства и должны были сопровождать нас повсюду, куда бы ни поехали. Насколько я поняла, сомалийские солдаты получали официальную зарплату за охрану иностранцев, но им требовалось приплачивать, чтобы они не продали нас какой-нибудь банде. Все это покрывала сумма, которую следовало отдавать Аджусу.

На земле Могадишо выглядел совсем не таким

привлекательным, как с воздуха. Нет, он, может, и ничего, если обращать внимание только на пурпурные бугенвиллеи на белых стенах и не замечать развалин, заколоченных окон в домах, провалившихся внутрь крыш и пулевых пробоин, точно оспа покрывающих все строения. Этот город явно пережил апокалипсис.

Мы мчались на полной скорости, лишь пару раз притормозив на пропускных пунктах. Один раз мимо промелькнул грузовик с четырьмя тощими подростками и пулеметом в кузове. Длинный ствол торчал сзади, как копье.

Я спросила у Абди, что он знает об утренних беспорядках в аэропорту, которые заставили переволноваться весь самолет. Абди снисходительно покачал головой, как местный старожил, а не эмигрант из Найроби, бывающий в Могадишо только по большим праздникам.

– Ну постреляли немного, – усмехнулся он. И прибавил, что между боевиками и охраной аэропорта часто происходят стычки.

– А убитые есть?

Абди меланхолично пожал плечами:

– В Сомали каждый день кого-нибудь убивают. Вот и сегодня пять-шесть человек пристрелили.

Несколько часов спустя мы с Найджелом стояли на крыше отеля «Шамо», вдыхая теплый влажный морской воздух. В вечернем свете город снова преобразился, и вид был потрясающий. Могадишо раскинулся перед нами – экзотический курорт, нежащийся в лучах заходящего солнца. Длинные узкие улочки, низкие дома окрасились в нежные пастельные оттенки розового и голубого, почти серебристого в сумерках цвета. Густая богатая зелень деревьев, что росли между домами, придавала пейзажу сочность и контраст. Вдалеке вздымались синие океанские волны. Город был красив вопреки самому себе.

По приезде из аэропорта мы успели кратко побеседовать с владельцем гостиницы – толстым мистером Шамо, по-видимому выходцем из богатой семьи. У него были дома в Танзании и Дубае, а у его братьев даже какой-то завод. Судьба улыбнулась мистеру Шамо, когда в 1992 году в Могадишо явилась команда «Си-би-эс Ньюс» во главе со знаменитым Дэном Ратером – героем урагана. Они снимали репортаж о гражданской войне и готовящемся прибытии в Сомали войск США. Кто-то попросил мистера Шамо приютить журналистов в его скромной тогда гостинице, даже если им придется спать на полу. Деньги, которые они заплатили, позволили мистеру Шамо превратить свою резиденцию в полноценный пятиэтажный отель, защищенный

высокими стенами, и нанять вооруженную охрану. Понятно, что теперь дела у отеля идут не лучшим образом. Мистер Шамо сказал, что он бывает в Могадишо наездами, тем более что двое его детей живут в США, один в Атланте, второй в Северной Каролине.

Он выдал нам ключи от номера с огромной кроватью королевского размера, большим гардеробом и ванной. Я и Найджел поселились вместе из соображений экономии, а еще Аджус предупредил нас, что мы должны делать вид, будто мы женаты. «Так надо, чтобы не смущать прислугу, – объяснил он мне по телефону. – В исламе свободные отношения считаются *харам*». Харам – это арабское слово, которое обозначает все запретное.

Мне оно было знакомо по предыдущим путешествиям. Ну а в Могадишо, где исламисты контролировали целые районы, устанавливая там крайнюю форму шариата, запрещая музыку, телевидение, спорт, понятие *харам* распространялось на очень многие вещи. Я читала, что по законам Аль-Шабаб, одной из главенствующих экстремистских группировок, мужчины должны носить бороды, а женщинам запрещено появляться на улице одним.

Мы смотрели, как темнота медленно захватывает город, и думали каждый о своем. Странно, но вдалеке горели огни. Выходит, в Могадишо – там, где есть электричество, – свет не отключают на ночь? Багдад, например, с наступлением ночи почти целиком погружается в темноту.

– Ты веришь, что мы здесь, Найджел? – спросила я.

– С трудом, – ответил он, закуривая сигарету.

От влажности его волосы стали пышнее. Он выглядел утомленным поездкой, но страх у него, похоже, прошел или притупился.

– Здесь совсем не так, как в Багдаде, – пробормотала я, пьяная от усталости.

В Багдаде каждую ночь слышались взрывы, стрельба, то и дело ревели сирены – пронзительные, резкие, всегда близкие и пугающие. Вспоминая об этом, я поняла, что толком не сплю уже много месяцев. В Могадишо, наоборот, стояла кладбищенская тишина. С улицы не доносилось ни звука, будто с наступлением ночи город вымер. Я слышала, как деревья шелестят на ветру, и больше ничего.

Да, Могадишо совсем не Багдад. Он другой. Он кажется таким мирным, хотя иностранные газеты описывают его как «ад на земле». Я была рада, что мы приехали сюда и увидели его собственными глазами. Я пока не понимала, насколько

обманчива эта тишина.

Глава 15. Мой ураган

За все годы, что читала «Нэшнл джиографик», в самых смелых мечтах о журналистской карьере, я и представить себе не могла, что когда-либо встречу человека, который работает в этом журнале. Это было просто невообразимо, немыслимо. И вот это произошло. Они жили здесь, в Могадишо, – журналист и фотограф, американец и француз. Именно эти двое оказались нашими единственными соседями в отеле «Шамо», насчитывавшем сорок восемь номеров.

Роберт Дрейпер был авторитетный журналист из Вашингтона. Его светлые волосы были разделены пробором, он говорил с легким техасским акцентом и держался с уверенностью выдавшего вида человека. Его коллега Паскаль Мотре, джентльмен и ветеран фотожурналистики, жил с семьей в Париже, но большую часть времени проводил в командировках. Он изъездил всю Африку и успел уже не раз побывать в Сомали. В Могадишо они прибыли тремя днями ранее, предварительно наняв Аджуса. Мы познакомились в столовой. Когда они рассказали о себе, я почувствовала смесь благоговения и обиды. Выходит, Аджус предпочитает работать с ребятами из «Нэшнл джиографик», а нам подсунул этого мямлю Абди, которому явно недостает опыта. Позже выяснилось, что помимо Абди у Аджуса была договоренность с переводчиком, но прямо перед нашим приездом тот отказался, побоявшись появляться в компании белых. Поэтому Абди вынужден был выступать сразу в роли оператора, переводчика и посредника.

Когда я попросила Паскаля, фотографа, рассказать мне, чем они занимались в Сомали, где побывали, думая почерпнуть из его опыта что-нибудь полезное, он вежливо, но твердо отказался.

– Извините, – произнес он с сильным французским акцентом, – если я вам расскажу, то вы, чего доброго, поедете по нашим следам. Это огромный риск. В Сомали нельзя делать одно и то же дважды. Они вас поймают.

Я поняла: «они» – это Аль-Шабаб или другие бандиты. Все, кто не прочь поживиться за счет иностранцев.

Паскаль нравился мне своей прямоотой. Да, он оберегал свои находки, но в то же время искренне заботился о нашей с Найджелом безопасности. Приехав в Сомали на десять дней, Паскаль и Роберт усердно работали и не тратили время по пустякам. Рядом с ними мы выглядели жалко – неопытные, стесненные в средствах и бесцельные. Но если они так думали, то держали свое мнение при себе.

– Шевелите мозгами, – посоветовал Паскаль в первый день, – и слушайте Аджуса.

Аджус Санура, темнокожий серьезный человек в прямоугольных очках, ни на минуту не выпускал из рук телефона, собирая новости по всему городу. У него было много друзей. Сомалийцы, объяснял он, любят поговорить, обменяться сплетнями. В городе, где отсутствует инфраструктура, где каждый день на улицах стреляют, где постоянно меняется власть, сотовый телефон – это поистине линия жизни. Новости распространяются быстро благодаря семейным связям, образующим обширные сети. «На рынок Бакаара сегодня не ходите», – сообщают в одной сети. Или: «Стреляют на перекрестке К-4. Убиты две женщины, один солдат ранен». Аджус стремился проникнуть в как можно большее количество сетей. Карманы его всегда были набиты мелкими купюрами. Он давал взятки, чаевые, оказывал услуги, имел контакты во всех бандах, в правительстве и за пределами города. У него были друзья среди боевиков Аль-Шабаб, в армии Эфиопии, в Переходном правительстве и в различных кланах. И все это ради его клиентов – иностранных журналистов. Он мог устроить им любое интервью, сообщить самые свежие новости, организовать безопасный проезд по дороге, контролируемой самыми свирепыми отморозками. На левом запястье он носил тяжелые золотые часы.

Аджусу было лет сорок. У него была жена и десять детей. Его дом находился в другой части города, но когда приезжали иностранцы, он снимал номер в отеле «Шамо». Мы встретились с ним утром за завтраком. Аджус, бегло говорящий по-английски, заверил нас, что обо всем позаботится и что Абди держит его в курсе наших дел и постоянно на связи. И повез куда-то Роберта и Паскаля. Говоря с нами, он успевал отвечать на телефонные звонки – с самого утра по очереди начала отзваниваться армия его незримых информаторов, сообщая ему последние известия.

Работать с белыми в Сомали хоть и рискованное, но очень прибыльное дело. Не каждому дано быть посредником. Карьера Аджуса началась в 1993 году, когда его наняли носить по городу штатив для оператора Би-би-си. Ранее он служил официантом в ресторане у Шамо. С тех пор он добился больших успехов, хотя сейчас его бизнес, как и бизнес мистера Шамо, сильно страдал от войны. Белые боялись ехать в Сомали. Двое из его подопечных журналистов были убиты. Он говорил, что они погибли оттого, что невнимательно отнеслись к его советам. Женщину-продюсера Би-би-си застрелили в 2005-м – она вышла из отеля «Сахафи» и ждала на улице машину. Очень легкомысленный поступок.

Другой случай произошел со шведским оператором в 2006 году. Этот вошел в толпу во время политической демонстрации, хотя Аджус предупреждал его, что живым он оттуда не выйдет. Так и получилось – какой-то подросток выстрелил ему в спину. Казалось, Аджус до сих пор тяжело переживает обе эти потери.

Вот и мы получали от Аджуса строгие указания насчет того, где можно, а где нельзя появляться в Могадишо. Источники поминутно снабжали его информацией. К примеру, на второй день мы хотели посетить лагерь беженцев к западу от города, но его информатор предупредил, что сейчас не время разъезжать по той дороге. Аджус не объяснил причин, но спорить мы не решились. В конце концов, все городские и пригородные дороги были предметом раздора между конкурирующими бандами.

Мы ездили повсюду с Абди и двумя вооруженными охранниками, но даже в такой компании я чувствовала свою уязвимость. Эти черные «мицубиси-паджеро», в которых перевозили иностранцев, выдавали нас с головой. Пусть никто не видел наших лиц за тонированными стеклами, но всякий, видя этот черный внедорожник, понимал: в отеле «Шамо» живут иностранцы. Новость тут же распространялась среди многочисленной родни, и таким образом все в городе узнали о нашем присутствии.

На второй день мы посетили два пункта питания, организованных в Могадишо по линии Всемирной продовольственной программы. Мы с Найджелом много фотографировали. Абди записывал на камеру мои интервью с сомалийцами, которых война и голод вынудили бросить свои дома и бежать в Могадишо. Я впервые столкнулась с таким ужасом и безысходностью – они не просто голодали, а буквально погибали от голода. Внутри ограды сотрудники готовили огромные котлы чечевичной похлебки и жидкой пшенной каши, а за оградой ждали истощенные люди, выстроившись в бесконечные спутанные очереди. Их было не менее тысячи. В одной стояли мужчины, в другой женщины и дети. В руках у каждого было пустое жестяное или пластиковое ведро. Апатичные большеголовые дети с распухшими коленями сидели на земле у ног матерей. Несколько детей забились под остов разбитой ржавой машины, дававший прозрачную тень. Из-за войны, морских пиратов и бандитов на дорогах продовольствие привозили нерегулярно. Иногда люди добирались издалека лишь затем, чтобы их отправили обратно.

Когда ворота открылись, люди, ожидавшие в очереди, ринулись вперед. Мужчины с руганью отталкивали тех, кто слабее. Поднялся страшный шум. Заплакали дети. Военные,

которые охраняли пункт питания, заработали дубинками и кнутами, пытаясь сдержать толпу.

Добравшись до котлов, мужчины получали три половника съестного, женщины два, а дети один. Некоторые падали на колени прямо здесь и мгновенно съедали свою порцию, чтобы иметь силы добраться домой. Однако многие сомалийцы из пригородов, как объяснили мне сотрудники пункта, предпочитали не возвращаться домой. Они устраивали шалаши где-нибудь поблизости, чтобы не пропустить следующий подвоз пищи. Вдоль дорог, где меньше всего стреляли, образовались целые лагеря голодающих.

Для меня все это было как в кино. Я стояла в стороне и наблюдала часто сменяющиеся и непонятные кадры, которые никак не могли быть реальностью. Нет, не совсем так. Я попробовала воду в реке чужого горя и была потрясена, растеряна. Я была как бы в стороне, но в то же время и внутри. Пока Абди снимал все на камеру, я мысленно составляла сценарий будущего фильма. Я верила, что смогу хоть чем-то помочь.

Вернувшись в гостиницу, я быстро написала статью для колонки в «Ред-Дир адвокат». Конечно, это был не «Нэшнл джиографик» и даже не «Франс 24», а наша местная газета, тиражом не более тринадцати тысяч экземпляров, которую читают жители далекой канадской прерии. Вряд ли на мою статью кто-то обращал внимание, кроме отца и Перри, – они-то читали и даже отправляли мне потом имейлы с отзывами. Но для меня это значило много. Раз в неделю я отсылала в редакцию новую статью длиной в семьсот слов и свежие фотографии. Как часы, каждую пятницу с марта по август. Из Багдада, Аддис-Абебы, Найроби. Меня это дисциплинировало. Мне нравилось выполнять задания точно в срок и учиться писать, переводить свои впечатления в слова. У меня это получалось.

Просмотрев на ноутбуке свои рабочие записи, я придумала текст о красоте и отчаянии Могадишо. Я писала о войне, засухе, инфляции, из-за чего в стране разразился жуткий голод. Я описывала очереди у пункта питания и опасности, подстерегающие людей на улице. Я рассказала о женщине по имени Халиимо, которой пришлось бежать с семьей из Центрального Сомали, когда один из детей умер от голода. У нее я взяла интервью. Я приводила данные Всемирной продовольственной программы, отражающие размах бедствий в Сомали, хотя цифры мало убеждают, пока не увидишь все собственными глазами. Тем не менее я писала, что более трех

миллионов сомалийцев страдают от голода, в том числе каждый шестой ребенок.

Закончив писать, я перечитала статью несколько раз, добавила фотографии с пункта питания и кликнула «отправить».

Сеть Wi-Fi в «Шамо» работала отвратительно, скорость была низкая, связь все время обрывалась. Через десять минут сигнал пропал, и я получила сообщение об ошибке. Так повторялось несколько раз. Я наблюдала, как синяя полоска медленно ползет вправо и замирает. Сегодня пятница. Скоро газета в Канаде должна выйти в печать.

В тот вечер нам с Найджелом устроили пир. Сначала молодой симпатичный официант в ресторане принес жирную уху, потом большое блюдо с запеченной целиком рыбой. Далее были свежие лобстеры в соке лайма. Мы съели сколько влезло, запивая манговым соком. Затем официант принес спагетти, блюдо козлятины, бананы и корзину с булочками. Когда мы наконец сказали, что хватит, он еще успел принести разрезанную на ломтики папайю и предложил чай.

После ужина Найджел пошел в общую гостиную и сел смотреть по телевизору Олимпиаду из Пекина, а я вернулась в номер и снова попробовала отправить мое сообщение с фотографиями. Опять на экране выскочила ошибка. Поздней ночью, когда прошли все сроки, я решилась на последнюю попытку. И – о чудо! – связь не прервалась. Через пятнадцать минут ожидания мой текст и фотографии отправились адресату на другом конце света.

Статью напечатали пару дней спустя, в понедельник, в выпуске «Адвоката» под заголовком: «В Сомали или нигде».

К тому времени я и сама буду служить живой иллюстрацией этого заголовка. В понедельник я буду неизвестно где.

Глава 16. Похищение

Потом я поняла, что нас пасли, наблюдали за нашим отелем. Они знали, что мы там живем. В точности не знали, кого они берут, но знали, что иностранцев. Все было спланировано заранее – насколько может быть спланировано похищение: ружья смазаны, силки расставлены, наняты исполнители, подготовлено надежное место, чтобы нас спрятать. Возможно, нас сдал кузен кузена того официанта, что работал в ресторане. Возможно, виноват был наш блестящий черный «мицубиси», на каких разъезжают миллиардеры. Глядя на такую машину, редкий сомалиец не захочет поживиться за счет ее пассажиров. Скорее всего, кому-то из служащих отеля – водителю, охраннику – предложили деньги за информацию о наших передвижениях. Словом, кто-то – уж не знаю кто – нас продал.

В субботу двадцать третьего августа Найджел с утра надел розовую рубашку с орнаментом пейсли и дизайнерские джинсы. Мы спали на противоположных концах нашей королевской кровати. Это нас напрягало. Он посылал имейлы своей девушке в Шотландию, мне один раз позвонил из Багдада мой приятель – американский журналист, с которым я недолго встречалась. Что до Найджела, то, разлюбив его, я пока не умела быть ему другом. Быть коллегами у нас получалось немного лучше.

За два с половиной дня в Сомали мы увидели лишь малую часть того, что хотели увидеть, поскольку остальное было слишком опасно. Теперь мы возлагали надежды на прибытие канадского военного корабля, конвоирующего судно с гуманитарным грузом. Мы побывали в Старом городе, где было относительно спокойно, увидели белые заброшенные итальянские виллы, бассейны без воды, видевшие лучшие дни. В больнице мы видели множество гражданских с огнестрельными ранениями, без рук и ног. Всякий раз, когда мы выходили из машины, нас окружали вооруженные автоматами Калашникова охранники. Несмотря на оружие, мне казалось, что они не слишком бдительно нас охраняют.

Жаркое солнце светило в окно, кричали петухи. Найджел повязал на шею красный шарф и надел огромные авиаторские очки с синими стеклами. В таком виде он собирался на встречу с командой угандийского минного тральщика. Я решила, что не поеду. Мне хватало шипения и грохота взрывов с соседней улицы – мины рвались прямо у нас под боком.

– Ты прикалываешься? – спросила я.

– А что такое?

– Здесь нельзя так одеваться, Найдж. Африканские солдаты тебя не поймут. Это просто невозможно.

Когда-то мне нравился стиль Найджела, его любовь к ярким цветам и дизайнерским маркам одежды. Но сейчас это казалось признаком инфантильности. Бросив на меня испепеляющий взгляд, он снял шарф и очки, но остальное оставил как есть.

Внизу Аджус сообщил нам, что минеры сейчас высаживаются на угандийской военной базе близ аэропорта, но ехать сегодня к ним «не самая лучшая идея», зато он обещал уточнить, можно ли проехать в лагерь беженцев, куда нам не удалось попасть накануне. Начальником в лагере была Хава Абди, знаменитый сомалийский врач-гинеколог, которая открыла у себя на ферме первую и единственную в стране клинику для женщин. Когда в 1991 году началась гражданская война, она позволила беженцам расселяться на своей земле, и теперь их число перевалило за девяносто тысяч. Тем временем, несмотря на угрозы Аль-Шабаб, доктор Хава продолжала работать и расширять свою клинику. Еще она вела образовательную программу для женщин. Две ее дочери, отучившись на Западе, вернулись, чтобы ей помогать. Словом, мне было бы очень интересно взять у нее интервью.

– Подождите, я должен сделать несколько звонков, а потом скажу, можно ли сегодня туда ехать, – пообещал Аджус, набирая на телефоне номер. – Через полчаса мы будем знать точно.

Ферма доктора Хавы находилась в двадцати километрах к западу от нашего местоположения, прямо за городом. Участок дороги в границах Могадишо контролировали правительственные войска. Но дальше начиналась дикая земля, территория боевиков, неподвластная ни Переходному правительству, ни миротворческим силам Африканского союза. Аджус предупредил, что пара солдат, что нас охраняют, не смогут выехать туда. За городом нам потребуется другая охрана, что обойдется в сто пятьдесят долларов.

Аджус обо всем договорился. Через несколько километров за последним армейским блокпостом нас встретят новые охранники. Помимо Абди и водителя нас будет сопровождать начальник охраны в лагере доктора Хавы, который уже выехал в отель. Логистика была безупречная. Кроме того, нам было не с чем сравнивать. Ведь я не могла сказать что-то вроде: «А вот в прошлый раз, когда я выезжала на территорию, которую контролируют боевики, мы делали так...»

Поэтому я просто собрала рюкзак в дорогу. Взяла фотоаппарат. Широкоугольный объектив. Запасную карту памяти. Айпад. Маленький ноутбук. Две ручки. Бальзам для губ. Щетку для волос. Две бутылки с водой.

На мне были джинсы, зеленая футболка и кожаные сандалии, купленные в Кении. Поверх я надела плотную сомалийскую абайю, которую Аджус позаимствовал для меня у своей невестки. Она была из черного полиэстера и напоминала свободную робу, какие надевают церковные певчие. Волосы я закрыла черным платком. Так я одевалась всегда, если выходила на улицу.

За двадцать минут до нас на своем «мицубиси» уехали Роберт и Паскаль из «Нэшнл джиографик». Как обычно, их сопровождали солдаты и Аджус. Они тоже поехали на запад, но их маршрут был еще опаснее, поскольку уходил дальше в глубь неподконтрольной правительству территории – в прибрежный город Мерка. Они предприняли дополнительные меры безопасности, наняв вторую машину с охраной.

Когда мы выезжали за ворота «Шамо», я не смотрела по сторонам. Я сидела точно в трансе. Такова привычка многих репортеров – вы включаетесь, когда нужно работать, и потом выключаетесь. Вы проводите столько часов в суете и тревогах – пытаетесь все предусмотреть, думать на два шага вперед, выбрать лучшую точку съемки, вы задаете вопросы, записываете ответы, и, если выдается время спокойно посидеть в машине, вы используете его для отдыха.

Мы ехали по ставшим знакомыми улицам. Они казались не такими опасными, как два дня назад. Начальник охраны из лагеря доктора Хавы – пожилой человек в белой рубашке и сомалийском саронге, не говорящий по-английски, – настоял, что машину поведет он. Абди сел на пассажирское переднее сиденье, а наш прежний водитель устроился посередине, мы с Найджелом устроились вдвоем на заднем, а охранники в багажном отделении.

Из Могадишо вела широкая мощеная дорога. Правда, вся разбитая. Мимо мелькали серые изрешеченные пулями здания. Женщины продавали бананы и манго, мужчины толкали тележки, груженные бутылками с растительным маслом и дровами. Позади остались два армейских блокпоста. Дорога сузилась, машин почти не было. Мои мысли унеслись далеко. Я вспомнила маму, которая перебралась в Британскую Колумбию и нашла работу в пекарне. В последний раз, когда мы с ней говорили по телефону, ее голос звучал весело. В Канаде сейчас лето. Люди жарят гамбургеры на гриле и плавают в прохладных озерах. Мысли о доме были мне приятны. Но чтобы съездить домой, надо еще поработать, продать несколько статей. Я достала из рюкзака фотоаппарат и стала просматривать отснятые кадры. Попадались хорошие пейзажи – среди них фотографии каменного собора, построенного итальянцами в двадцатых годах, который сильно

пострадал от недавних минометных обстрелов. А вот серия снимков, сделанных внутри танка миротворцев, – на них эфиопские солдаты и вид на улицу с их стороны.

Мы приближались к границам города. По обочинам целыми семьями тянулись беженцы. Они шли на запад, прочь от запруженных городских улиц. Вдоль дороги раскинулись стихийные лагеря. Жилища, построенные из сучьев, тряпок или брезента. Часто покров держался на нижних ветках деревьев, пригнутых к земле. Лагерь походил на грязный и оборванный парусный флот. Маршрутки, ходившие между Афгой и Могадишо, беспорядочно двигались по обеим сторонам дороги. В воздухе висела желтая песчаная пыль.

И вот мы остановились на последнем армейском блокпосту. Несколько дюжин солдат в униформе сидели в тени под большим навесом. Кто-то поднял заднюю дверь, и наши охранники молча вышли из машины. Водитель опустил стекло и сказал им что-то на сомали, а секунду спустя мы снова продолжали путь уже по нейтральной земле, разделяющей территории, подконтрольные правительству и боевикам.

Блокпост скрылся из вида. Абди на переднем сиденье говорил по телефону. Я смотрела фотографии – очень милые снимки, на которых Найджел пинает мяч с детишками в Старом городе, – как вдруг машина замедлила ход. Я подумала, что мы готовимся забрать новых телохранителей. Найджел тоже увлеченно рассматривал фотографии на своем фотоаппарате. Я даже не подняла головы. Но воздух в салоне сгустился, зазвенел от напряжения. Сомалийцы на переднем сиденье что-то пробормотали. Я взглянула в окно. Сначала увидела синий фургон «судзуки», припаркованный у противоположной обочины, а потом человека впереди – вооруженного мужчину, голова и лицо которого были закрыты красным клетчатым платком, какие в ходу у исламских боевиков по всему миру. Сквозь щель в платке смотрели на нас темные вытаращенные глаза. Ствол автомата упирался в наше ветровое стекло.

– Кажется, у нас проблема, – сказал Абди по-английски.

Из-за фургона выскочили другие бандиты, окружили нашу машину. Всего двенадцать человек.

У меня промелькнула надежда, что это ограбление, что они быстро заберут наши вещи и смоятся.

Кто-то открыл багажную дверь – в прохладную капсулу кондиционированного салона хлынула жара. Они кричали что-то на сомали. Абди и двоих других вытащили с переднего сиденья и швырнули в канаву у дороги. Потом вышел Найджел. Человек в платке рывкнул что-то мне в лицо. Пот стекал с его лба на платок.

Он был молодой. Я подняла руки – как миллион раз видела в фильмах – и вылезла из машины под слепящее солнце.

Неужели все это происходит на самом деле? Не может быть!

Потом краем глаза я заметила женщину, скользнувшую за поворот, как привидение. Она почти бежала, пригнув голову, притворяясь, что не видит нас. Я начала догадываться, что все происходящее – правда. Меня толкнули в спину – и я полетела в канаву. Сначала упала на колени, а потом лицом в песок. Рядом лежал Найджел и остальные.

Стало тихо. Они обыскивали нашу машину. Скосив глаза, я увидела у своей головы дуло автомата и почувствовала, как жуткое спокойствие парализует мой мозг и тело. Они нас сейчас расстреляют, это точно.

Бандиты схватили нас и подняли на ноги. Абди, Найджела и меня снова загнали в машину. Один бандит перетряхивал рюкзак Найджела. «Наверное, все-таки ограбление, – подумала я. – Они заберут наши шмотки, а нас отпустят».

Потом трое бандитов уселись впереди. Мы вчетвером – я, Найджел, Абди и еще один тип – сзади. Остальные влезли в багажник. Не знаю, куда подевались наш водитель и начальник охраны, но все прочие, кажется, набились в «мицубиси», поглощая из воздуха остатки кислорода. Резко несло потом и страхом. У моих ног стоял мой рюкзак, где лежал дорожный фотоаппарат. Почему они не требуют деньги? Бандит за рулем повернул ключ зажигания, заработал двигатель. «Судзуки» развернулся и поехал впереди, а мы – следом. Пару минут мы тряслись на дороге, а потом резко повернули вправо, на почти невидимую колею в песке.

Черт. Меня охватила паника. Нас везут куда-то в глушь. «Мицубиси» карабкался по красным холмам, поросшим кустарником, скакал по бездорожью, по колючкам уже безо всякой колеи. Нас швыряло из стороны в сторону, мы бились головами и плечами. С каждой минутой я все отчетливее понимала, что мы едем в такое место, где никому не придет в голову нас искать. Я обливалась потом под своей абайей. Мокрые джинсы облепили мне ноги.

– Абди, – сказала я высоким дрожащим голосом, – что происходит?

– Молчать! – рявкнул один из бандитов на переднем сиденье.

Я отметила, что он говорит по-английски.

Отчаянно желая услышать слова поддержки, я попробовала еще раз.

– Что происходит, Абди? – Я почти визжала. – Все будет хорошо? Скажите мне! Все в порядке?

– Тихо, – прошептал Абди со злостью.

Ничего себе поддержка. Он, похоже, напуган не меньше моего.

Я вспомнила, что в рюкзаке лежит мой телефон. У меня есть номер Аджуса. Но как мне достать телефон? И что я ему скажу? Я обернулась и увидела направленный на меня ствол, а за ним ребенка, который держал автомат. Платок упал с его лица. У него были круглые детские щеки и ужас в глазах. Он судорожно цеплялся за оружие, словно впервые держал его в руках. Ему, наверное, было не больше четырнадцати лет.

Человек на переднем сиденье что-то сказал, поднимая руку. Абди перевел. Ну конечно, они требуют отдать им наши телефоны. Сердце у меня в груди упало. Я отдала свой телефон, то же сделал Абди. Телефон Найджела был у него в рюкзаке, который они уже забрали. Я смотрела, как бандит вытаскивает из телефонов аккумуляторы.

Потом обе машины остановились посреди пустыни. Водитель «судзуки» вышел и открыл дверь с моей стороны. Он был в гражданской одежде и черно-белом платке, закрывающем голову и плечи, но его чисто выбритое лицо оставалось открытым. С виду ему было лет двадцать пять. Он наклонился, внимательно посмотрел на меня и сказал по-английски – приветливо, будто метрдотель на пороге ресторана.

– Здравствуйте!

У него были густые ресницы и торчащие вперед верхние зубы. Найджел его не заинтересовал.

– Меня зовут Ахмед. – У него вышло «Ок-мед». – Идемте со мной, пожалуйста. – Он поманил меня к себе. Меня одну.

Нас разлучили. Я даже не оглянулась, чтобы посмотреть на Найджела, боясь, что выдам свою панику. Я одна, а их шестнадцать. Теперь меня разлучают с моим единственным союзником. Я должна делать вид, что мне все равно.

Ахмед усадил меня на заднее сиденье «судзуки». Рядом сел второй бандит в маске. Позади были двое с автоматами. Мы снова рванули вперед, поднимая вокруг песчаную бурю.

Что там я учила о том, как нужно разговаривать с бандитами, чтобы остаться в живых? Как воззвать к совести плохих парней, напомнить им, что ты человек? У меня появилась идея. Надо обращаться к Ахмеду. Он как раз обернулся и смотрел на меня с улыбкой – как рыбак, поймавший на удочку какую-то крупную рыбу.

Собрав остатки выдержки, я заговорила. Я назвала свое имя, сказала, что я из Канады, из страны, где живет много сомалийцев. Объяснила, что я журналист и мы ехали в лагерь беженцев, чтобы

сделать репортаж и помочь людям в других странах больше узнать о Сомали. «Я успела полюбить Сомали, – говорила я, – здесь потрясающе красиво». Я старалась говорить со всей искренностью, на которую была способна, осторожно обходя вопросы политики. Первый раз в жизни я радовалась, что работала в иранской телекомпании, потому что мистер Надьяфи показал мне, как выворачивать слова, чтобы они звучали помусульмански. «Мне очень грустно, – сказала я Ахмеду, – что ваша страна оккупирована». Под оккупацией я имела в виду присутствие в Сомали эфиопских, угандийских солдат, христиан и вообще иностранцев. И прибавила, что работала на исламском телевидении в Багдаде.

Рядом со мной сидел человек, закутанный в алый платок, и зыркал на меня сквозь узкую щелку. Потом я узнала, что его зовут Али. Если Ахмед был дружелюбен, держался почти на равных, то этот – судя по глазам – был злой и подлый.

– Ты христианка? – спросил он с сильным акцентом.

Это был непростой вопрос. Из опыта путешествий я знала, что мусульмане лучше относятся к верующим – будь то христианин или иудей, – чем к атеистам.

– Да, – ответила я, – но я глубоко уважаю ислам. – И замолчала, ожидая реакции.

Ахмед снова улыбнулся, что показалось мне обнадеживающим.

– Сестра, – сказал он, – не волнуйся, с тобой ничего не случится. Здесь нет проблем. Иншалла. – Он хотел сказать: на все воля Аллаха. – Мы воины армии ислама. Наш командир хочет задать вам кое-какие вопросы. Мы везем вас на базу. У нас есть подозрение, что вы шпионы.

Горло у меня сжалось от страха. Западных журналистов часто обвиняют в шпионаже. Я продолжала говорить. Я трещала без умолку. Я назвала все исламские страны, где побывала, будто это могло завоевать их доверие. Впереди между сиденьями лежал золотисто-коричневый меховой коврик.

– Что это за мех? – спросила я, делая нелепую, отчаянную попытку вовлечь его в разговор. – Какого животного?

Ахмед не ответил. Он набрал номер на телефоне и сказал пару слов. Несколько минут спустя машины остановились. Бандит с моей стороны вышел и впустил Найджела, который появился из «мицубиси». Он тяжело и часто дышал, почти задыхался. Бандит втиснулся следом.

– Найджел, – бодро сказала я, жестом указывая на переднее сиденье, – это наш брат Ахмед. Эти люди – солдаты. Ахмед обещал, что с нами не случится ничего дурного. – Я широко и

фальшиво заулыбалась.

Найджел, наверное, подумал, что я сошла с ума, и бросил на меня злой недоумевающий взгляд. Я ответила ему тем же. Нельзя сказать, что это было общение, но облегчение от его присутствия я ощущала.

У меня в голове происходила битва рационального и иррационального. Одна часть моего сознания хотела верить, что это какое-то недоразумение, что исламисты просто хотят показать нам, что мы чужие у них в стране, что тут нельзя ездить на шикарной машине и иметь белую кожу. Они нас отругают за нарушение законов и отпустят восвояси. Но, находясь в Ираке и Афганистане и читая местные новости, я узнала, что экстремисты любят отрезать своим пленникам головы. Непонятно, какая из этих мыслей была более дикой.

Каждый раз, когда машина подскакивала на кочке, ствол автомата бил меня по затылку. Я опасалась, что если так пойдет дальше, то могу потерять сознание.

– Брат Ахмед, – сказала я, – не могли бы вы попросить солдата сзади отвести оружие от моей головы? Я ведь не вооружена. Я не представляю для вас опасности. Меня это пугает.

Ахмед произнес что-то на сомали. Бандит поднял ствол, но не более чем на пару дюймов. Я заметила на запястье у Ахмеда золотые часы. От его протянутой руки исходил слабый запах одеколона. Я пыталась думать стратегически, представить себе, каков будет наш разговор с этим неизвестным полевым командиром, который ждет нас, чтобы обвинить в шпионаже. Как убедить его, что мы не шпионы? Может быть, тогда они возьмут наши вещи и отпустят нас обратно в Могадишо? Могадишо вдруг стал мне мил, точно дом родной. Я уже тосковала по нему. Представив, как этот неведомый командир роется среди наших вещей, я вспомнила о фотоаппаратах. Там десятки, если не сотни, снимков солдат Африканского союза, солдат Переходного правительства, патрулирующих Могадишо. Эти снимки могут создать у него впечатление, что мы на другой стороне священной войны, что мы союзники неверных. Все, что ему потребуется, – это включить фотоаппарат и начать нажимать кнопки.

– Извините? – обратилась я к бандиту, сидящему рядом. – У меня пересохли губы. Можно я возьму крем из сумки?

Он тупо уставился на меня, потом махнул рукой – бери, мол.

Я наклонилась и стала шарить в рюкзаке, делая вид, что ищу бальзам для губ. Мои пальцы нащупали фотоаппарат, потом нужный слот, вынули крохотную карту памяти и сунули в потайной карман в задней стенке рюкзака. Теперь, по крайней мере, они не сразу найдут мои фотографии. Затем я схватила

бальзам-карандаш и торжественно вытащила его наружу.

Али отвел глаза в сторону, когда я стала мазать им губы, но я знала, что он подглядывает.

– Сестра, почему ты не боишься?

– Что?

Он задал вопрос, не глядя на меня. Его, казалось, озадачивает мое спокойствие, каким бы напускным оно ни было. Его злит, что я не плачу и не молю о пощаде.

Я задумалась на секунду и громко проговорила:

– Я не боюсь, потому что мой брат Ахмед обещал, что со мной ничего плохого не случится.

Ахмед на переднем сиденье снова говорил по телефону. Я надеялась, что он слышал мои слова. Найджел, сидя по другую руку от Али, пытался совладать с дыханием. Интересно, куда делся его фотоаппарат.

Мимо проехала машина – грузовик, набитый вооруженными молодыми людьми. Я обернулась, чтобы посмотреть им вслед. За все двадцать минут пути мы не видели ни одного человека, ни животного, ни строения.

Али больно ударил меня по руке.

– Не смотри! – взвизгнул он.

Схватил свободный конец моего платка и бросил мне в лицо. В его голосе звучал необъяснимый ужас.

Некоторое время мы ехали молча, потом я снова попробовала заговорить с Ахмедом.

– Брат мой, – сказала я, по-дружески наклоняясь к его затылку, – вам нужны деньги?

Он обернулся. На его лице вдруг появилась широкая улыбка, будто нам в голову одновременно пришла эта мысль, будто мы с ним заодно.

– Ну да, – ответил он. – Может, и так. Возможно, ты права.

Глава 17. Тунец и чай

Примерно через сорок пять минут езды, частично по мощеной дороге, мы приехали в маленькую деревню – лабиринт, где узкие песчаные улочки вились среди сбившихся в кучу домов за высокими стенами. Машина остановилась у широких ржавых ворот, некогда крашенных голубой краской. Ахмед вышел, достал ключи и отпер ворота. Когда ворота распахнулись, я увидела внутри людей в масках и какие-то постройки. Вокруг была высокая стена. «Мицубиси» из отеля «Шамо» исчез вместе с Абди и двумя другими сомалийцами.

Я взяла рюкзак и вышла, понимая, что с минуты на минуту меня начнут обыскивать. Бандитов в платках было человек десять. У каждого на плече висел автомат. Помимо платка, закрывающего лицо, на них были джинсы и рубашки. Судя по стройности и гибкости их тел, все они были молоды. И они заметно нервничали. Смотрели на нас молча. Наверное, им запретили с нами разговаривать. Один вышел вперед и закрыл за нами ворота.

Если это и была военная база, как говорил Ахмед, то очень маленькая и плохо оснащенная. Тут было приземистое, низкое и вытянутое, как обувная коробка, здание под жестяной крышей и с тремя дверями с каждой стороны. У развесистой акации, протянувшей свои ветви через весь двор, притулился навес из горбыля, где было обустроено что-то вроде кухни. Сарай у ворот, наверное, служил туалетом.

Я обернулась к Ахмеду:

– Можно мне в туалет?

– Конечно, сестра моя, – великодушно разрешил он, указывая на сарай.

Один из солдат сопровождал меня. Я взяла с собой рюкзак, надеясь, что никто не заметит. Крыши в туалете не было. В цементном полу была неглубокая дыра, откуда исходил застоявшийся запах нечистот. Похоже, этим туалетом давно не пользовались. Я поспешно вынула фотоаппарат и включила его, ежась от электронного писка и молясь, чтобы никто не подглядывал в щели по обеим сторонам деревянной двери. Я вынула карту памяти, вставила в слот и щелкнула «удалить все». Так свидетельства нашего пребывания в Могадишо были уничтожены. Напоследок, раз уж выдалась такая возможность, я присела на корточки и отлила.

Когда я вернулась, Али грубо приказал что-то молодому солдату, и тот сбежал и принес пластиковое ведро с водой, чтобы

я помыла руки. Затем Али отконвоировал меня в темную комнату в левой части дома, где уже находился Найджел. Он сидел на куске грязного поролона, опершись спиной о замызганную стену, когда-то давно покрашенную в розовый цвет. Воздух в комнате был спертый. Маленькое окно в одной из стен закрывали металлические ставни, на полу валялись обрывки электропровода. Найджел сидел с отрешенным видом и курил.

Али молча указал мне на второй поролоновый коврик у противоположной стены. Я послушно села. Когда он ушел, Найджел поднял на меня глаза. С момента похищения нас ни на секунду не оставляли одних.

– Что будем делать? – спросил он.

– Не знаю.

– Это похищение, верно? Или это называется по-другому?

Я задумалась о разнице между похищением и задержанием. Однажды нас – меня, Энас и оператора-иракца – задержали вооруженные люди, когда мы снимали репортаж в Шадр-Сити. Окружив нашу машину, они заставили нас ехать в штаб своей шиитской партии, где нам устроили допрос о наших политических взглядах, поскольку они заподозрили в нас сторонников суннитов. Мне удалось по телефону связаться со знакомым шиитом, который занимал высокий пост, и примерно через час нас отпустили. Это было страшно, неприятно, но быстро закончилось и больше не повторялось. Как жаль, что сейчас дело обстоит совсем иначе.

Не успела я ничего ответить Найджелу, как снова появился Али. В руке у него был газетный лист. Картинным жестом, словно для того, чтобы подчеркнуть важность своих действий, он сложил лист пополам и скрутил из него тугой конус, отогнул снизу кончик. Затем его длинные пальцы шустро слепили верхнюю кромку. Пепельница-оригами. Он наклонился и положил свое изделие на пол рядом с Найджелом. Мы молча смотрели на него.

– Вы когда-нибудь видели такое прежде? – спросил Али. У него был резкий, но вполне понятный акцент – наверное, он учил английский по школьным учебникам.

Мы покачали головами. Лицо Али было по-прежнему скрыто под платком, но мне казалось, что он улыбается. Он уселся на корточки у порога и сказал:

– Я курил раньше, до джихада. Но уже два года не курю. Ноу смокинг.

Я догадалась, что ему хочется поговорить, и пыталась подавить страх перед ним, несмотря на свирепый блеск его глаз и оружие у него в руках, а также на то обстоятельство, что мы сидим в каком-то грязном сарае у черта на куличках и не знаем,

что с нами будет дальше. Я напомнила себе, что хорошие отношения с похитителями очень важны в нашей ситуации.

Оказалось, у Али было много мыслей насчет политики Сомали и джихада. Джихад, по его мнению, был нужен для того, чтобы прогнать из страны эфиопских солдат. Подростки с автоматами, что гоняли вокруг Могадишо на грузовиках, наверняка тоже так считали. В Эфиопии живут в основном христиане, а Сомали – мусульманская страна, и ей нужно исламское правительство, которое утвердит верховенство ислама, говорил Али. Он сражается с оккупантами уже два года – с 2006-го, когда правительство Эфиопии отправило к ним войска. С тех пор он моджахеддин. Христиане, сказал он, напрямую вмешиваются в дела мусульман. Он ненавидит эфиопов всей душой.

– Два года моя жизнь – джихад.

Али сидел у стены, подпирая коленями подбородок. Его автомат стоял рядом.

Быть воином ислама означает отказаться от всех удовольствий и целиком посвятить себя цели. Нужно принимать и соблюдать самые суровые законы ислама. Запрещается смотреть телевизор, слушать музыку, курить и, что особенно тяжело для Али, нельзя заниматься спортом. Раньше Али очень любил футбол. Сам играл и смотрел по телевизору матчи Кубка Африки.

Мы, как могли, старались расположить к себе Али. Сопереживали его борьбе. Кивали, когда он рассказывал, как тяжело все время сражаться против неверных. Найджел подсказывал ему имена звезд футбола и названия соперничающих команд, и это как будто вызывало у него интерес. Но всякий раз, когда намечалось какое-то сближение, мы натывались на стену.

– Ваша страна, – со злостью говорил Али, грозя нам пальцем, хотя мы только что мирно беседовали, – послала нам эфиопов.

Его не волновало, что Найджел австралиец, а я канадка. Какая разница? Неверный белый иностранец, откуда бы он ни приехал, это неверный белый иностранец. Западным миром, чужим и развратным, правит сатана, или шайтан по-арабски. Когда мы напоминали Али, что мы приехали в Сомали как журналисты, чтобы рассказать о том, как здесь страдают люди, это не производило на него впечатления. Наоборот, он становился подозрительным. Я знала, что его подозрительность к иностранцам не вполне необоснованна. Мне доводилось читать, что США тайком посылают в Сомали войска в помощь эфиопам и Переходному правительству. Мне рассказывали, что в небе над Могадишо часто жужжат большие стальные стрекозы – беспилотники.

Когда Али ушел, мы с Найджелом долго сидели молча. Что они от нас хотят? Ахмед говорит, что все будет в порядке. Али злится, но пока нас не трогает. Почему они не требуют денег?

Сквозь щель между ставнями в комнату проникал свет. На подоконнике лежала стопка книг в переплете – восемь экземпляров Корана. В углу разместилась вешалка с какой-то одеждой. Жестяная крыша сильно нагревалась под солнцем, и внутри было жарко, как в печке. Волосы под платком у меня на голове слиплись от пота. Мы стали переговариваться, снова и снова перебирая недавние события, пытаюсь разгадать этот ребус. «Это похищение», – говорил Найджел. «Нет, это политическое недоразумение», – возражала я. Или наоборот. Пока мы разговаривали, нам было не так жутко.

Потом в дверь заглянул Ахмед.

– Я уезжаю, – сообщил он, словно зашел попрощаться с друзьями. – Ведите себя хорошо. Эти ребята убьют вас, если вы ихслушаетесь.

Куда он едет? Зачем? Мне отчаянно хотелось, чтобы он остался. Слышать его правильный английский, видеть его открытое лицо было большой поддержкой. Он единственный не носил оружия. Я мысленно снова и снова повторяла его слова, сказанные в машине: «Не волнуйся, с тобой ничего не случится».

– Подождите, а командир? – напомнила я. – Я думала, он хочет с нами познакомиться.

– Ах, – отмахнулся он, – иншалла. Завтра.

Уж не обманул ли он нас? Может быть, и нет никакого командира, и никто не станет с нами разговаривать?

– Брат мой, – сказала я, пытаюсь задержать Ахмеда, чтобы вытянуть из него все возможное. – У меня к вам одна просьба. Позвольте нам позвонить домой, нашим родным? Если мы не вернемся в отель, они узнают, что с нами что-то случилось. Мы просто скажем, что с нами все в порядке.

Ахмед кивнул, словно одобряя мое предложение:

– Возможно, это будет следующим пунктом программы.

Я спросила, нельзя ли позвонить Аджусу из отеля «Шамо», чтобы он помог всем получить то, что им нужно, но Ахмед снова ответил с улыбкой, что это будет следующим пунктом программы. И тихо закрыл дверь, оставив нас в темноте. Мы услышали скрип ворот и удаляющийся шум мотора.

Когда Ахмед уехал, Али остался за старшего. И тут уж он проявил себя. И следа не осталось от его желания разговаривать о жизни, политике и джихаде. Ненависть заполняла все его существо, и мы стали ее единственным объектом.

Он сразу потребовал деньги.

– Где они? – заорал он.

Я отдала ему все, что нашлось в рюкзаке – двести одиннадцать долларов. Остальное лежало в гостиничном сейфе. У Найджела было с собой несколько монет и помятая сотка в кармане рубашки.

Сосчитав деньги, Али презрительно сморщился:

– И это все?

– Да, – сказала я.

– Я не верю, не верю, – повторял он с нарастающим гневом. – Как такое может быть?

Мы молчали.

– Где деньги? – снова спросил Али.

– В отеле. Мы все оставили там.

– Ваши паспорта. Давайте их мне.

– Они тоже в отеле.

Али, прищурившись, оглядел меня с ног до головы, будто принимал некое решение. Я потупилась, не зная, что лучше – покорность или вызов. Когда я отвела взгляд, он расхохотался, гнусно захрюкал. Потом вышел, посоветался во дворе с поделщиками и вскоре вернулся.

Теперь Али схватил мой рюкзак, вытряхнул его на пол у двери, где было светлее, и принялся с презрительным выражением перебирать мои вещи. Фотоаппарат, блокнот, бутылки с водой. Он открыл мой бальзам для губ, долго вертел в руках расческу, рассматривая ее со всех сторон. Каждый предмет он брал очень осторожно, точно опасался, что тот взорвется. Ощупав и осмотрев все, он сморщился и покачал головой – вещи, которые я взяла с собой в дорогу, вызывали у него отвращение. Несколько раз он выбегал во двор, и когда возвращался, становился еще злее, словно где-то во дворе стоял резервуар с ненавистью, из которого он заряжался. Последний раз он вернулся и заорал:

– Вставай!

Его глаза чуть не выпрыгивали из глазниц.

Мы с Найджелом переглянулись. Я встала, чувствуя покалывание в спине и ногах, затекших от долгого сидения. Али указал на дверь.

На улице ослепительно сияло солнце. Мы пересекли двор и остановились у другой закрытой двери. Вверх вели три ступеньки. Али распахнул дверь и жестом велел мне входить. Я на секунду замешкалась, и его кулак тяжело ткнул меня в спину.

– Ты хочешь, чтобы я тебя убил?

Я, спотыкаясь, поднялась по ступеням.

Комната, куда мы вошли, была тесная и темная. У одной стены стояла металлическая койка. Жаркий воздух был недвижим. Али захлопнул дверь.

– Пожалуйста, – попросила я дрожащим голосом, – не делайте этого. – В полумраке я нашла его глаза и продолжала говорить: – Прошу вас, вы же мусульманин. Мусульмане самые добрые люди на земле. Вы знаете, это против законов ислама...

Когда мы ехали сюда в тесной машине, сдавленные, как селедки в бочке, я думала, что вряд ли дальше будет хуже, но я сильно ошибалась.

Если Али и слышал меня, то виду не подал. Он протянул руку и сорвал с меня хиджаб. Когда я попыталась закрыться, он ударил меня по голове. От удивления я вскрикнула.

– Ты хочешь, чтобы я тебя убил? – повторил он, толкая меня к стене.

На подоконнике лежали такие же толстые книги, как и в нашей каморке, – и тут Коран.

Я почувствовала, как жадные пальцы Али лезут мне под футболку, мнут под бюстгальтером грудь. Он хрипло и прерывисто дышал. Я закрыла глаза, чтобы не видеть его лица. Затем свободной рукой он расстегнул мне джинсы, толстым пальцем пощупал между ног и быстро отдернул руку. Отвращение, дурнота поползли вверх по ребрам. *Не волнуйся, с тобой ничего не случится.* Разве не так говорил Ахмед? Я судорожно всхлипывала, с чувством, что в горло мне забили деревянный кол.

– Это плохо, – прохрипела я, – ты плохой мусульманин.

Он снова толкнул меня, на этот раз к двери.

– Ты думаешь, мне это надо? – сказал он, в гневе выплевывая слова. – У меня две жены. Ты уродливая, грязная женщина. – Он поднял с пола автомат и жестом велел мне одеваться. Он вел себя так, будто это я обидела его, оскорбила его честь, а не наоборот. – Я искал деньги, только деньги.

Дрожащими руками я запахнула абайю, впервые радуясь тому, что она закрывает меня с головы до ног, завязала на голове платок.

– Нет проблем, ноу проблем. – Я ненавижу эти слова, но они вырвались у меня помимо воли.

Он велел мне замолчать и отвел обратно в комнату, где сидел Найджел – на полу, в грязном сумеречном свете. Увидев его, я почувствовала, что слезы снова хлынули из глаз. На лице Найджела была полная безысходность – отражение той, что он видел на моем лице.

Прежде чем выйти, Али погрозил мне пальцем.

– Проблема – это ты, – сказал он.

Я и Найджел были уверены, что за стеной находится школа. До нас долетали детские голоса, порой целый хор детских голосов. Мы слышали, как они играют во дворе и смеются. Поскольку повсюду валялся Коран, мы предполагали, что наш сарай стоит на территории медресе, мусульманской религиозной школы. Однако пол в каждой комнате, где мы бывали, был усыпан проводами, батарейками, какими-то трубками, и это подсказывало, что тут моджахеды изготавливают бомбы.

Хуже всего была неизвестность. Мы понятия не имели, где находимся. Где-то к западу от Могадишо. Мы слишком долго ехали по голой пустыне, напрочь лишенной ориентиров, чтобы хоть что-то запомнить. По пути нам тогда встретились два погонщика верблюдов и один грузовик с боевиками. Здесь не ездили машины, не летали самолеты, лишь изредка громко трещала жесь на крыше, лопааясь от жары под палящим солнцем. У меня было чувство, что мы сидим в коробке внутри другой коробки, изолированные от всего, что мы когда-либо знали.

Али принес нам обед: флягу сладкого черного чая, полбутылки воды и по ложке холодных отварных спагетти в синих пластиковых пакетах. И еще банку консервов из тунца. Я почти ничего не ела. Накопившийся за день страх плескался у меня в желудке, вызывая тошноту.

После обеда нам разрешили ненадолго выйти во двор. На песке под акацией мы с Найджелом сыграли несколько партий в крестики-нолики, искоса наблюдая за нашими малолетними сторожами, которые лениво валялись в пыли, бросив рядом автоматы. В небе над нами проплывали пышные белые облака.

– Ты в детстве играл в такую игру, когда нужно назвать предмет, который тебе напоминает облако? – спросила я Найджела.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

Когда нас загнали обратно, он заплакал, а я боялась обнять его или просто сесть рядом, чтобы хоть как-то подбодрить. Когда ранее Ахмед спросил, женаты ли мы, я ответила, что нет. Это был тактический ход, поскольку я уговаривала его погуглить наши имена, дабы убедиться, что мы журналисты, а не шпионы, и мне не хотелось быть пойманной на лжи. А теперь я страшилась даже приблизиться к Найджелу, чтобы еще больше не разозлить Али. Как бы он и вовсе не разлучил нас! Согласно исламским законам, мужчине и женщине, если они не супруги, запрещено находиться рядом, тем более касаться друг друга. Так что я не хотела рисковать.

Взамен я ласково заговорила с Найджелом, произнося все те слова, которые мне самой хотелось услышать.

– Все будет хорошо, – сказала я. – Мы выберемся отсюда. Главное, что мы вместе.

Потом мы увидели во дворе Абди и двоих сомалийцев, которых бандиты вели куда-то под дулом автомата. Мы с Найджелом гадали, не они ли продали нас, но эти люди, похоже, были такие же невольники, как и мы, и сидели в одной из комнат нашего здания.

Я предложила Найджелу медитировать вместе со мной. Мы шепотом взывали к миру и свободе, как я делала в самолете из Найроби два дня назад, пока не уснули, сморенные жарой и усталостью. Не знаю, как долго я проспала, но когда проснулась, в первый счастливый миг не поняла, где нахожусь, но быстро вернулась к реальности. Грязные стены. Обкромсанный поролон. Напротив лежит Найджел, неотрывно глядя в потолок. Звуки иностранной речи за дверью. Когда мой мозг вобрал в себя все эти обстоятельства, внутри у меня что-то оборвалось. Что же делать?

Дверь распахнулась. Вернулся Ахмед. С ним был Али и еще двое мужчин. Один высокий, в круглых очках и оранжевой полосатой рубашке поло, с блокнотом и ручкой. Ему было лет двадцать пять. Его худое свежее лицо засияло от удовольствия при виде нас, двух живых трофеев в клетке. Он представился Адамом.

– Я командир, – сказал он, протягивая руку Найджелу. Мне он руку не протянул.

По-английски он говорил с еле заметным акцентом.

– Откуда вы? – спросил он у Найджла.

– Из Австралии, – ответил Найджел.

Адам записал его ответ в блокнот.

– А из какой деревни? – последовал второй вопрос.

Второго, с белой бородой, звали Яхья. Он был самый старший и казался очень грубым и равнодушным человеком. Что-то в развороте его плеч заставляло думать, что он бывший военный. Я узнала его – это он сел за руль нашего «мицубиси», когда нас захватили. Он с презрением смотрел на розовую рубашку Найджела.

Адам записал в блокнот наши имена, профессии и адреса. Я продиктовала телефон отца в Силван-Лейк, жалея, что у меня нет маминого телефона в Британской Колумбии. Я была уверена, что она бы лучше перенесла этот удар. Найджел назвал номер сестры, Никки. Адам улыбнулся и закрыл блокнот.

– Иншалла, – сказал он, – все скоро закончится. – Вы мои брат

и сестра.

Адам ушел и вскоре вернулся, неся хорошие новости.

– Мы больше не считаем вас шпионами, – сообщил он. Но не успели мы обрадоваться, как он прибавил: – Аллах вложил в мое сердце просьбу о выкупе.

Я попробовала представить, каково это будет. Отец услышит в телефонной трубке голос Адама. Что он ему ответит? Как вообще отвечать на такое? Отец больной человек, хроник, и живет на пособие. Мать зарабатывает гроши. Мой банковский счет почти пуст. Мои подруги в Калгари официантки, и ни одной миллионерши среди них нет. Я вообще не уверена, что кто-то из моих друзей или соседей сможет показать на карте Сомали. В Ираке тоже остро стоит проблема похищений. Настолько остро, что об этом говорят в «Хамре». Крупные журналисты обычно имеют на такой случай страховку от работодателя, которая выплачивается компании-посреднику, обсуждающей с похитителями условия освобождения. У фрилансеров, конечно, ничего такого нет. На правительство тоже не стоит надеяться. Правительства не выкупают заложников. Это слишком дорого и сложно. Ни одно правительство не хочет получить обвинение в финансировании террористов.

Вечером нам с Найджелом снова позволили выйти из комнаты – в туалет и проветриться. Али снова дал нам банки с консервами и флягу с чаем. Стало понятно, что мы остаемся на ночь. Я медленно распрощалась с мыслью, что это всего на один день, и стала привыкать к мысли, что на два дня. Это как положить один камень, но взять другой. Ничего, я перенесу. С наступлением ночи воздух немного посвежел. В небе растянули экран, пронизанный булавками звезд, под которым чувствуешь себя маленькой и потерянной.

У навеса коротали вечер малолетние солдаты. Кто-то сидел на земле, кто-то лежал. Они слушали радиоприемник, настроенный на волну сомалийской службы Би-би-си. Мужской голос бормотал что-то неразборчивое на сомали, наверное новости с фронтов гражданской войны. Потом с удивительной ясностью прозвучали слова «отель «Шамо». Под навесом это вызвало оживление. Солдаты вскочили и стали переговариваться. Али, сидевший у стены на соломенном тюфяке, тоже вскочил и замахал нам рукой, указывая на радио. В это время диктор произнес: «Канадааа». А затем: «Австралиииия». Это точно про нас. Эффект был сокрушительный. Это было свидетельство того, что мы попали в самую настоящую большую беду.

Глава 18. Выкуп

Теперь я знаю, что похищения с требованием выкупа случаются гораздо чаще, чем можно подумать.

Они случаются в Мексике, Нигерии и Ираке. А также в Индии, Пакистане, Китае, Колумбии и в других местах. Иногда похитителями движут политические или личные мотивы, но чаще всего ими движут деньги, просто деньги. Похищение – это спекулятивный бизнес, который кормится за счет людей вроде меня. Мы живые цели, рыбки, просящиеся на удочку, мы сравнительно богаты на фоне повальной нищеты в этих странах.

Рабочие нефтяных скважин, коммивояжеры, журналисты, туристы – их крадут из машин, во время деловых встреч, выводят из ресторана, приставив к затылку пистолет. Дома вам невдомек, как часто похищают людей, если вы специально этим не интересуетесь. Сообщения в новостях появляются и исчезают: американский турист пропал в Бенине, за голландского специалиста требуют выкуп в Йоханнесбурге, британского туриста вытащили прямо из автобуса в Турции.

Они звонят родственникам, родственники обращаются к властям. Приводится в действие определенный механизм. Нельзя сказать, что это обычный случай, но стандартные процедуры на этот счет уже отработаны, по крайней мере, в западных странах.

Что до меня, то первыми о случившемся узнали не родители, а радиопродюсер в Ванкувере, который услышал короткий репортаж из Сомали вскоре после нашего исчезновения. Сообщалось, что двое журналистов, канадка и австралиец, пропали на дороге в пригороде Могадишо. Ничего, кроме имен, но я работала с этим продюсером ранее, когда жила в Ираке, и он знал, что я еду в Сомали. С помощью Интернета он нашел телефон моего дяди в Ред-Дире. Дядя позвонил моему отцу. В этот момент они с Перри грелись на солнышке на крыльце своего дома.

Папа позвонил маме. Мама позвонила моим братьям. Никто не знал, что нужно делать. Радиопродюсер передал телефон министерства иностранных дел в Оттаве. Когда мой отец позвонил туда, одна из служащих ответила, что они слышали сообщение в новостях, но подтверждения пока не поступало. И дала ему другой номер, чтобы связываться в случае чего, а пока сказала сидеть и не рыпаться.

Новость распространилась по всем каналам. Телефон у отца разрывался от звонков журналистов. Два телефургона дежурили на улице возле его дома, собралась толпа соседей. Отец перестал

отвечать на телефонные звонки, Перри открывал дверь только близким друзьям и родственникам. В общем, они ждали, что будет дальше.

Первый звонок из Сомали раздался утром следующего дня. Скрипучий мужской голос, назвавшись Адамом, произнес в автоответчик: «Привет. Ваша дочь у нас». Пообещав перезвонить для переговоров насчет денег, он повесил трубку. Это и называется подтверждение. Я не потерялась, не убежала. Меня похитили. Есть похитители, и у этих похитителей есть требования.

Представляю себе маму, покидающую свой небольшой домик в Британской Колумбии. Она успела набраться и не решается садиться за руль. Она просит подругу помочь ей. Десять часов едут они через Скалистые горы в Альберту, где живет мой отец. Машина карабкается вверх по серпантину. Вокруг сосновый лес. Мама, как статуя, сидит на пассажирском сиденье. Дело происходит в августе. Вдоль дорог цветет люпин, на вершинах белеют венчики снега. В небе летают ястребы. Но мама ничего этого не замечает.

К ночи в Силван-Лейк прибыли трое агентов Королевской канадской конной полиции (КККП). Вместе с отцом, Перри и моей мамой они сидели за круглым обеденным столом, задавая вопросы и записывая ответы. Несколько раз они прослушали запись с автоответчика, попросили разрешения на прослушивание телефонов моих родителей, посоветовали, что говорить, когда Адам позвонит в следующий раз. Необходимо, чтобы Адам передал трубку мне, дабы убедиться, что я хотя бы жива, и понять, как со мной обращаются. Когда речь зайдет о деньгах, нужно говорить правду: денег нет, и правительство тоже не готово выплачивать выкуп. Мои вещи – путевой дневник, зубную щетку, все, что осталось в отеле в Могадишо, – передадут в канадское посольство в Найроби. Мои родители получают полный официальный список пожитков, путешествовавших в моем багаже: «Зеленая шаль – 1 шт., коричневая футболка – 1 шт., купальный костюм – 1 шт., ноутбук Apple MacBook – 1 шт., головной платок – 1 шт., солнцезащитный крем «Нивея» – 1 шт., брюки черные – 2 шт., ручки, блокноты, авиабилеты, распечатки электронных авиабилетов, денежные купюры Таиланда, Индии, Пакистана». Потом мама говорила мне, что часами рассматривала этот список, будто он был способен что-то ей объяснить, подсказать.

Репортеров, что развернули лагерь на газоне перед домом моего отца, велено было игнорировать. А также не обсуждать эту тему с соседями и друзьями. Была надежда, что без притока свежей информации шум вокруг моего похищения быстро

утихнет. Чем меньше внимания, сказали агенты, тем лучше. Похитители довольно ушлый народ. Они умеют пользоваться Гуглом. Они читают новости. Они тоже сначала ищут информацию, дабы определить ценность своей добычи. Богат ли мой отец? Работаю ли я в крупной международной компании? Представляю ли я интерес для правительства? Один эмоциональный комментарий моей матери в прессе, дающий понять, что она готова на все, лишь бы я вернулась домой, – и сумма выкупа возрастает на порядок.

Основная мысль, которую полицейские хотели донести до моих родителей, – это то, что они не одни. Команды профессиональных переговорщиков, сменяя друг друга, будут приезжать в Силван-Лейк. Они будут спать на полу на матрасах, мониторить телефонную линию и двадцать четыре часа в сутки оказывать поддержку, пока все не закончится. Вместе они будут убеждать, лстить, обнадеживать наших похитителей, давить на все возможные рычаги, чтобы помочь мне выбраться из Сомали.

История каждого похищения, говорили они, когда-нибудь заканчивается. Это было сказано в виде поддержки. Такова была вторая основная мысль, несущая первые крупинки утешения на пути длиной в несколько месяцев. Мы с Найджелом теперь товар, подлежащий обмену. Бандиты потратились, чтобы поймать нас, и тратят деньги на наше содержание. Они сделали инвестицию, а это значит, мы интересны им живыми. Если они нас убьют, то все потеряют.

Мы с Найджелом, сидя в жестяном сарае, ничего об этом, конечно, не знали. Первые дни и ночи мое настроение менялось от паники до некоего подобия веры, уверенности, что весь этот ужас быстро завершится, стоит только нащупать правильную стратегию в общении с бандитами.

Рано утром на второй день к нам пришли Адам, Али, Яхья и Ахмед и объявили, что у них есть план. Они позвонят нашим родственникам и потребуют выкуп. Сроку дается один день. Если по истечении этого времени они не получают деньги, то нам конец. Они убьют нас.

Я сразу начала возражать.

– У наших родных нет денег, – сказала я. – Они не могут заплатить выкуп. А если бы даже и были, то сегодня воскресенье и все банки закрыты.

Адам был непреклонен.

Когда Найджел поинтересовался, почему они задержали именно нас, он с улыбкой ответил, что правительства наших стран ведут войну против ислама.

– Они плохие люди, ваши правители, – уточнил он словно для того, чтобы мы не принимали это на свой счет. И прибавил, что они не хотят денег от наших родных. – Если ваше правительство заботится о вас, оно найдет деньги на выкуп, – говорил Адам. Я заметила, что у него нет одного из верхних передних зубов.

– А сколько вы хотите? – спросила я.

– Ах! – воскликнул Адам, будто совсем забыл об этом. – Мы пока не решили. – Он окинул нас оценивающим взглядом. – Может, миллион долларов. Может, два.

Мы с Найджелом потрясенно замолчали. Они вышли, и вскоре мы слышали, как отъезжает машина. Мы, кажется, начали понимать структуру власти в этой банде. Адам и Ахмед здесь главари, а Яхья, отставной военный, и Али – их заместители, которые отвечают за солдат, или мальчиков, как мы прозвали малолеток, гоняющих по двору с автоматами. Главари приезжали сюда на «судзуки», а жили где-то еще – может быть, даже в Могадишо. Яхья непосредственно распоряжался мальчиками, отдавал им приказы на сомали, посылал куда-то по ту сторону стены за сладким чаем и спагетти. Возможно, в деревне был рынок.

Али был приставлен к нам. Когда Адама и Ахмеда не было, он то и дело забегал к нам в комнату, злой как черт, чтобы поиздеваться.

– Если ваши правительства вас не выкупят, вы умрете, – сказал он в один из визитов. И провел пальцем по шее – вам, мол, перережут горло. Потом с явным наслаждением шагнул ближе и прибавил: – Ну и как вы себя чувствуете, смертнички? – Голос его был очень высокий, совсем не мужской.

Медленно тянулись минуты. Каждые несколько часов кричал муэдзин, и затем за дверью раздавалось шарканье и бормотание. Найджел лежал ничком на своем коврике и тихо плакал, спрятав лицо в изгиб локтя, словно не мог видеть окружающее. Днем ранее Али выдал нам по большому куску хлопковой ткани. Найджелу достался красный кусок. Он обернул его вокруг талии, как юбку, и носил вместо джинсов, чтобы было не так жарко. Так одевались некоторые мальчики.

Я изнемогала от жары в своем платке и абайе поверх футболки и джинсов, но для меня это была единственная возможная форма одежды. Я должна была оставаться полностью закрытой. Свой кусок ткани – в белых и синих цветочках – я использовала как простынь, покрыв им грязный коврик.

Сомали находится в девяти часовых поясах от канадских Скалистых гор, думала я. Что они сейчас там делают? Спят,

может быть? Похитителя позвонят им среди ночи? Я глотала непрошенные слезы. Вокруг высокие стены, враги с оружием и полная неизвестность. Непонятно даже, где мы находимся. Мы тут совершенно беспомощны.

В дверь снова просунулась голова Али.

– Вас убьют через двадцать четыре часа, – напомнил он. – Как вы себя чувствуете? – Али снова провел пальцем по горлу и добавил по-змеиному зашипел.

Я пыталась не обращать внимания на его слова. Но что бы он ни говорил, по опыту я знала, что фундаменталисты действительно обезглавливают своих врагов. Однажды в Ираке мы поехали снимать репортаж в пригород Шадр-Сити, где образовалась целая свалка трупов. Туда свозили погибших в столкновениях между суннитами и шиитами и просто сваливали, как мусор. Одно тело привлекло мое внимание. Это был труп мужчины с головой, частично отделенной от тела, и обнаженные шейные позвонки белели на солнце, точно китовый скелет.

Тогда я получила урок, который до сих пор продолжаю усваивать: ты не знаешь, что возможно в жизни, пока не увидишь собственными глазами.

Вместо Али обед нам принесли двое солдат. Они нерешительно топтались в дверях – по-видимому, им хотелось попрактиковаться в английском. Один из них был, в общем, неплох. Его звали Джамал. Он почти не говорил по-английски, но компенсировал это большой тягой к общению.

Он сел на пол, скрестил ноги в бурых слаксах с закатанными по колено штанинами и улыбнулся. Он сказал, что ему восемнадцать лет. У него были длинные тонкие лодыжки, как у жеребенка, узкие плечи, гнущиеся вперед, точно он пытался сбросить часть своего высокого роста, и яркие блестящие глаза. На подбородке пробивалась первая щетина. От него исходил фруктовый запах дешевого одеколона. Я узнала его – он первым из бандитов подскочил к окну машины. Платок, закрывавший лицо, частично съехал, и я видела незабываемо огромные от страха глаза, выдававшие его неопытность.

Его напарник, Абдулла, был более плотно сбит и серьезен. Это он нес нам обед – два пакета с очередной порцией скользких макарон, которые, держа двумя пальцами, сбросил нам в руки, будто опасался, что мы его покусает.

Джамал, напротив, не скрывал своего любопытства, только при каждом вопросе смущенно глядел в сторону и улыбался, слыша ответ. Откуда вы? Вы женаты? Что вы думаете о Сомали? У вас есть машина?

Абдулла тоже сел, но я чувствовала скованность в его присутствии. Скучным голосом он сообщил, что ему тоже восемнадцать лет и что он ведет джихад.

– Солдат, – сказал он и с гордостью коснулся своей груди.

Я ощущала на себе его взгляд, когда он это говорил, хотя сама смотрела в сторону.

К еде мы с Найджелом не притронулись – есть при них означало демонстрировать свою слабость.

Джамал сказал, что у него есть невеста и вскоре они поженятся.

– Красивая? – спросила я.

Он застенчиво втянул голову в плечи и безудержно заулыбался.

– Да, красивая.

– А когда свадьба?

– После этого.

– Скоро?

– Да, – кивнул он, – иншалла. Свадьба это... – Он сложил пальцы щепотью.

– Дорого?

– Да, да, – закивал Джамал, обрадованный тем, что его поняли.

Я догадывалась, что значит «после этого». То есть когда они получат выкуп. Скорее всего, Джамалу было плевать на джихад. Он ждал, чтобы ему заплатили и он мог поехать домой и жениться на своей девушке.

– Вам осталось жить семнадцать часов, – уведомил нас Али, когда мы совершили ежевечернюю прогулку до туалета и снова уселись в комнате.

Найджел лег на бок и отвернулся к стене. Я была на удивление спокойна, даже странно обнадежена. Али уйдет, и вернется жизнерадостный Джамал. С ним хоть немного легче. Найджел отрешенно молчал. За целый день я не услышала от него ни одного слова поддержки или просто доброго слова.

– Эй, вы слышите? – разозлился Али.

– Да.

– Вы скоро умрете.

У меня ломило бедра от сидения на жестком цементном полу. Все кишки внутри высохли от жары. Меня тошнило от его подлости. Мне стало все равно.

– Ну, – начала я, готовясь произнести весьма легкомысленные слова, – уж если такова воля Аллаха...

Али тотчас взбеленился. Он подскочил, словно собирался

ударить меня.

– Ты, – зашипел он сквозь зубы, – ты думаешь, это шутка? Если ты готова умереть, так и скажи.

Я струсила.

– Нет, нет, нет, простите, – испуганно забормотала я, давая волю страху, ведь если много часов подряд копить внутри страх, то рано или поздно он возьмет свое. Найджел повернулся на спину и тихо слушал. – Я знаю, что это не шутка, брат мой. Я не хочу умирать. – Я опустила голову. – Но если настало мое время, то я ничего не могу поделать. Это я хотела сказать.

Али внимательно смотрел на меня. Даже его гнев немного улегся. Мне в голову пришла одна идея, возможность.

– Если мне суждено умереть, – сказала я, призывая на помощь всю свою кротость, – то мне хотелось бы прежде побеседовать с имамом.

Он удивленно склонил голову набок:

– Нет. Это право имеют только мусульмане.

В Сомали много предусмотрено только для мусульман. Потому что почти каждый тут мусульманин.

– Что ж, – сказала я, думая, что это хоть ненадолго продлит мне жизнь, – возможно, я захочу перед смертью обратиться в мусульманство.

В ту ночь нас снова повезли куда-то в «судзуки» Ахмеда вместе с кучей сомалийцев, закутанных в платки. Среди них были Ахмед, Адам, Али и Яхья. По дороге их автоматы бились о рожки с патронами, перекинутые через плечо. Адам сидел за рулем. Абдулла, злой напарник Джамала, ехал сзади, нацелив нам в затылки АК-47.

Ахмед, который пришел за нами часом ранее, одарил нас своей обычной солнечной улыбкой и говорил с неизменной профессиональной вежливостью сотрудника пятизвездочного отеля.

– Все в порядке? – спросила я.

– Да, да, все хорошо, – отвечал он.

– А как насчет двадцати четырех часов?

Он сделал вид, что удивлен.

– Ах, мы вам дадим больше, ноу проблем. Мы поселим вас в хорошем доме. Прошу прощения, что вам пришлось спать на таких неудобных кроватях.

Мы не знали, верить или нет.

Машина ехала вдоль деревенской улицы, из-под колес летел песок. Мы с Найджелом крепко держались за руки. Судя по виду за окном, мы никуда не уезжали – все те же стены и низкие

колючки. Адам в черных очках энергично крутил руль. Двигатель ревел, пытаясь найти сцепление. Я спросила Адама:

– Вы дозвонились нашим родным?

– Да-да. – Он обернулся через плечо и посмотрел на Найджела: – Я говорил с вашей сестрой. Она... как это говорится?... паникует. – Адам довольно оскалился, сверкая щербиной.

Горло у меня сжалось.

– А с моими родителями?

– Ваша мать – да, – небрежно ответил Адам, – она в порядке.

И больше ничего не сказал.

Глава 19. Электрический дом

Новый дом находился недалеко и почти ничем от старого не отличался. Через десять минут мы остановились у другой высокой стены, и нас гуськом провели через узкую металлическую калитку. Мальчикам пришлось плотнее прижать автоматы, дабы пролезть в дверь. Тут мы увидели песчаный двор и одноэтажную постройку. На крыльце уныло болтались обвисшие бельевые веревки. Внутри почти все оказалось знакомым, разве что в доме было электричество и маленький туалет с настоящим унитазом, промывать который следовало водой из ведра.

Два конвоира отвели нас в сырую комнату с парой грязных матрасов на полу. Всю дальнюю стену покрывала черная плесень. Когда солдаты вышли, мы с Найджелом, не сговариваясь, растащили матрасы в противоположные стороны, как можно дальше друг от друга.

Адам принес какие-то пакеты и швырнул их нам. На лице его при этом читалась непритворная гордость. Он знаком велел открыть пакеты. Там была одежда. Найджел получил двое шортов и брюки, а я мужские джинсы, две мужские рубашки и маленькую юбку с блестками, годную разве что для ребенка. Все было новое. Еще Адам купил мне блокнот, ручку, шампунь «Хед энд Шолдерс» два в одном, туалетную воду, мыло, зубную щетку и семейную зубную пасту. Он был очень доволен своей рачительностью. Взглянув на Найджела, я увидела, что он держит в руках такой же огромный тюбик зубной пасты.

Если они и собирались убить нас, то, видимо, не слишком скоро.

Меня захлестнула волна облегчения, которую сменило чувство жуткой усталости. «Боже, – думала я, глядя на зубную пасту, – сколько они будут нас тут держать?», а вслух сказала:

– Ого, как тут много!

Адам улыбнулся, польщенный.

– О, – он воздел руки, – вы мои брат и сестра. И можете видеть, что это настоящая паста «Крест»...

Мы с Найджелом принужденно восхитились подарками. Я догадывалась, что американскую зубную пасту не так-то просто отыскать в Сомали, и стоит она немало. Но Адам, конечно, все просчитал. Скоро он получит семизначную сумму в долларах, и эти затраты будут выглядеть смешными.

На прощание он улыбнулся и пожелал нам спокойной ночи.

Следующие несколько ночей я провела почти без сна. После вечерней молитвы дом погружался в тишину. Свет выключался внезапно, как и включался – без расписания. Мы с Найджелом шептались, пока он не засыпал, о всяких приятных вещах, которые только приходили на память. Мы вспоминали наших питомцев, школьные дни, прошлые путешествия. В темноте я видела очертания его лица. Для него сон был способом убежать от реальности. Днем тревога настолько одолевала его, практически уродовала, что он бывал сам на себя не похож. Когда мы жили в Доме, Где Делают Бомбы, – так я его прозвала, – Найджел все шарил в нашей пустой комнате, думая, чем бы вскрыть себе вены, дабы опередить Али, грозившего перерезать нам горло.

Я лежала, обернувшись своей простыней, точно в коконе, и с завистью слушала сонное дыхание Найджела. По углам шуршали тараканы.

В туалет нашего нового дома – Электрического Дома – тюремщики приносили в коричневом ведре воду, которую набирали в колодце. Мы использовали эту воду для мытья и чтобы смывать унитаз. Вечером перед сном, прежде чем повсюду гас свет, я обтирала свое тело, не снимая одежды, по частям. Расстегнув абайю, я могла намочить ключицы. Я закатывала рукава, спускала джинсы только до колен. Раздеться я боялась, хотя вода приносила облегчение. Относительное. Все было относительно. Страхи одного дня были больше или меньше, чем предыдущего.

Заснуть ночью мне тоже мешал страх. Я боялась, что меня изнасилуют. Я была единственной женщиной среди двенадцати, если не ошибаюсь, мужчин, не считая Адама и Ахмеда, которые на ночь всегда уезжали. Правда, четверо мужчин были невольниками. Абди, наш водитель и охранник – Марвали и Махад – жили в комнате рядом, как мы не без облегчения узнали. Их обувь валялась у соседней двери.

Дом был полон тем, что я бы назвала мужской энергией – гудящая наэлектризованная масса подавляемой молодой силы. Я ощущала ее, когда мальчики приносили нам еду, когда они стреляли в меня глазами, не осмеливаясь задержать взгляд, поскольку я сама и мысли, которые я вызывала, были греховны и постыдны. И когда приходил Али, усаживался на полу и начинал свои бесконечные разглагольствования про западные страны, про христиан, виновных в войне в Сомали. Казалось, он испытывает ко мне смесь интереса и отвращения, как к миру за пределами

Сомали. «Ваши женщины...» – сказал он однажды Найджелу и изобразил руками пышную грудь. И вышел, презрительно сжав губы и не имея, кажется, слов, чтобы выразить свою гадливость. Меня он нарочно не удостоил внимания.

Но сильнее всего я чувствовала это в те темные ночные часы, когда лежала, завернувшись в простыню и абайю, служащие лишь хлипкой преградой между мной и ними, и слышала шорох или стон где-нибудь в доме.

Для них я была какое-то недоразумение, противное их морали и совершенно незащитное. Они не знали, что со мной делать.

Как-то раз Ахмед признался, что произошла ошибка: они планировали похитить журналистов «Нэшнл джиографик».

– Видите ли, нам сказали, что будет двое мужчин...

В середине недели пришел Ахмед и протянул мне сотовый телефон.

– Поговорите с вашей матерью, – сказал он.

Я поднесла телефон к уху.

– Мама?

Послышался ее голос, зовущий меня по имени, потом раздался треск, и голос исчез как не бывало. Ахмед включил громкую связь и велел мне держать телефон так, чтобы он тоже слышал. Связь происходила с задержкой в долю секунды, и наши вопросы и ответы пересекались, создавая путаницу.

– Ты в порядке? – спросила я.

– Ну, не совсем. А... ты?

– Да, мы в порядке, – сказала я.

– ...в порядке, – врзалось эхо с ее стороны.

Было такое чувство, что мы плывем среди огромных океанских волн, постоянно теряя друг друга из виду, крича в стены из воды. Она сказала, что любит меня, что наши друзья и знакомые молятся за нас. Спросила, со мной ли Найджел. И еще, что они пытаются насобирать денег. Так и сказала: «насобирать». Что это значит – я понятия не имела. Я спросила у нее, сколько нужно. Она, помедлив, ответила: «Полтора миллиона». Мы пару секунд помолчали. Столько собрать невозможно, и мы обе это знали.

– Аманда, – запинаясь, сказала мама, – у тебя есть... есть какие-нибудь идеи?

Я не очень ее поняла. Потом я узнала, что ей подсказывали переговорщики из полиции, слушающие наш разговор, что маму поселили в специально арендованный для нее дом в Силван-Лейк, служивший также оперативным центром. Она и консультант

пытались определить, насколько категоричны требования похитителей, как с нами обращаются и кто нас удерживает. А между тем я сидела в Электрическом Доме, в окружении бандитов – Ахмеда и остальных – и слушала мамин голос, звук из другого мира, такой далекий и слабый...

– Нет... – сказала я, чувствуя, как глаза наполняются слезами. Пока я мучительно соображала, что еще ей можно сказать, связь прервалась, и в трубке раздались гудки.

Мной овладела навязчивая идея обязательно остаться вместе с Найджелом, делать все, чтобы нас не разлучили. Пусть он смущает их, плача у них на глазах, но он им все-таки ближе. Он все равно остается мужчиной, а это, по их мнению, заслуживает уважения. Пока мы вместе, они обращаются с нами более или менее одинаково. Его близость меня оберегает.

Когда главари приходили к нам, а это случалось каждый день или через день, я изо всех сил старалась выглядеть собранной, деловой и всякий раз говорила им одно и то же: у наших родных нет денег, наши правительства не станут платить выкуп. Иногда мне помогал Найджел. Порой он молча ронял слезы, следуя моей инструкции не допускать никаких отчаянных или эмоциональных высказываний. Я уже не верила в успех переговоров, но очень надеялась, что через несколько недель им надоест, и они нас отпустят. И каждый день я работала над тем, чтобы им сложнее было нас убить. Что бы они ни говорили, я оставалась дружелюбной и нейтральной в вопросах политики и религии. «Главное, не раздражать их, – думала я, – и когда мы им наскучим, они, возможно, отвезут нас обратно в «Шамо», как две невестребованные посылки, месяц пролежавшие на почтовом складе».

– Как дела? – спрашивал Ахмед, входя в нашу темную комнату, неизменно вежливый, учтивый джентльмен, в свежей рубашке и отглаженных брюках хаки. На этот вопрос было два ответа. Первый мне хотелось крикнуть ему в лицо: дела наши хреновые, спасибо вам большое. И был тот, что помогал поддерживать статус-кво, получать макароны дважды в день и зубную пасту, которой хватит до окончания времени, и он был предпочтительнее.

– Все хорошо, – отвечала я Ахмеду, – но мы хотим домой.

– Да-да, – говорил он. – Мы над этим работаем.

Когда главари уезжали, мальчишки толклись у нас в комнате, болтая с Найджелом. Они держали его почти за равного. На своем ломаном английском они говорили о машинах, о спорте, что хотя бы ненадолго отвлекало его от грустных мыслей. Мы узнали, как

их зовут. Одного четырнадцатилетнего парня звали Измаил. Еще был Яхья – тезка их командира, Юсуф, два Мохаммеда и Хассам – такой же дружелюбный, как Джамал. Помимо АК-47 каждый носил с собой сотовый телефон и карманное издание Корана размером с колоду карт.

Со мной мальчики были более осторожны. Потому, наверное, что впервые близко видели женщину, которая не является членом их семьи. Я, как могла, старалась расположить их к себе. Часто упоминала, что жила в Афганистане и Ираке и путешествовала по странам вроде Пакистана, Судана и Сирии. Они симпатизировали этим странам, особенно Афганистану и Ираку, где, по их мнению, исламистские воины сражаются с захватчиками из числа неверных. Всякий раз, когда я демонстрировала осведомленность в исламской традиции или культуре – например, говорила, что скоро начнется Рамадан, вспоминала красоты мечети Аль-Акса в Иерусалиме или путешествие по Тора-Боре, – их подозрительность, кажется, уменьшалась, а желание пообщаться – наоборот.

Единственный из мальчиков, кто не страдал подозрительностью, был Джамал. Он вообще не был рожден для страданий. Он бегал вприпрыжку туда-сюда, таскал нам фляги с чаем, связки мелких зеленых бананов и неизменно улыбался. Порой он прыскал со смеху, если ему случалось понять какую-нибудь шутку Найджела, и тут же прикрывал рот рукой, словно пытался засунуть свой смех обратно. Однажды он стащил на рынке пару пачек сигарет и принес их Найджелу, очень довольный своей проказой.

Вслед за Джамалом часто являлся Абдулла, как мистер Хайд за доктором Джекилом. Он не говорил, не смеялся, но с интересом слушал наши разговоры. Если другие мальчики бросили прятать от нас лица, то Абдулла неизменно кутался в платок, лишь глаза сверкали сквозь щель. Их выражение было мне непонятно. Посидев, он начинал спрашивать про моджахеддинов в Афганистане – какое у них оружие, как они одеты, есть ли у них машины.

Постепенно мы выяснили кое-что о мальчиках. Большинство прошли обучение в исламистских тренировочных лагерях, где готовят боевиков. Четырнадцатилетний Измаил не был в лагере, он получал необходимые навыки на практике, участвуя в каких-то бандитских разборках в пустыне. Джамал взял в руки оружие от горя и из чувства долга. Два года назад эфиопы убили его отца. Мать была жива. Когда Джамал говорил о своем отце, глаза его начинали влажно поблескивать. «Тогда для меня и начался джихад», – объяснил он.

Мы узнали, что до джихада Ахмед и Адам работали учителями. Старший Яхья был фермером. Кто-то из мальчиков учился в школе. Теперь им платили, но немного. Я читала, что деньги для войны поступают в Сомали через радикальные исламистские организации. Надо думать, что немалую роль в финансировании войны играл захват судов в Аденском заливе, за освобождение которых пиратам перечисляли огромные суммы. И, как обычно, почти все забирали себе главари. Это можно было наблюдать хотя бы на примере шайки, что держала нас в заложниках. Ахмед, Адам и третий – высокий человек по имени Ромео – были относительно богаты. Они носили дорогую одежду и ездили на машинах. У мальчиков же не было ничего, кроме веры в Аллаха. За службу они получали оружие, кое-какую еду и пристанище.

«Джихад» в переводе с арабского означает «борьба». В исламе существует два типа джихада – большой и малый. Оба одинаково праведны. Большой джихад – это внутренняя борьба каждого мусульманина, пожизненное преодоление соблазнов и желаний, укрепляющее веру. Малый джихад – это общая борьба с внешним врагом, война против неверных. Для наших похитителей джихад включал борьбу с эфиопами, и похищения были призваны помогать этой борьбе. Мало того что мы выходцы из «плохих», по словам Али, стран, деньги, полученные в виде выкупа, пойдут на благо воинов ислама.

Молодые сомалийцы, судя по всему, были организованы в ячейки. Они жили дома, пока их не вызывали на «войну». Например, требовалось отбить что-то в Могадишо или взять заложников вроде нас. Кто их вызывал – было непонятно.

Если Джамал имел планы на будущее – собирался жениться, поехать изучать информационные технологии в Индию, где, как он слышал, много университетов, то Абдулла был помешан на войне. Однажды я спросила его, что он собирается делать в жизни, ведь его дежурство возле нас когда-нибудь закончится. Он сердито посмотрел на меня и жестами показал, что надевает на себя жилет, а потом воспроизвел звук взрыва.

– Ты хочешь стать смертником? – догадалась я.

Абдулла кивнул. Мучеником. Он, конечно, верил, что воины Аллаха попадают в рай через отдельную калитку, а мученики – так и вовсе без очереди.

Джамал покачал головой.

– Нет-нет, – сказал он, – я не хочу, чтобы он умирал. Он мой друг.

Глава 20. Амина

– Почему вы не мусульмане? – однажды утром поинтересовался скупающий Али. – Почему вы не молитесь?

Он не первый раз выражал свое удивление нашей духовной праздностью. Наши дни не подчинены молитвенному расписанию, тогда как его дни разделены на пять равных частей, на пять равных промежутков между свиданиями с Аллахом, – от первого утреннего часа до последнего вечернего. Али был уверен, что мы подобно всем лентяям попадем в ад.

Раньше он всегда очень злился, проклиная нас за то, что мы это мы, но сегодня гнев его поутих – может быть, из-за жары. Сегодня солнце палило как никогда. Затхлость в нашей комнате была невероятная.

– Молиться все-таки лучше, – вздохнул Али и сел, прислонясь к стене.

Мне пришло в голову, что, будь он на нашем месте, то есть окажись он в заложниках, не прекратил бы молиться. Он жил бы так, как диктует его вера. Мы слышали, как Абди и его сокамерники молятся по-арабски в соседней комнате. Наверное, так действительно лучше. Это придает силы, особенно человеку в нашей ситуации, когда целыми днями ждешь неизвестно чего.

Разговаривать с Али о религии было весьма опасно, в чем я уже имела возможность убедиться, но в часы затишья, когда он не слишком на нас гневался, это сходило с рук. Как-то раз Найджел обмолвился, что он склоняется к буддизму, но Али это не впечатлило.

– Мы знаем, как надо молиться, брат, – сказала я, не глядя на Найджела, который вырос среди атеистов и имел привычку все подвергать сомнению. – Нам просто надо больше узнать об исламе.

И спросила, нет ли у Али копии Корана на английском. Али неожиданно обрадовался.

– Я посмотрю на рынке Бакаара, – пообещал он, переводя блестящий взгляд с меня на Найджела и обратно. – Иншалла, там найдется.

Рынок Бакаара расположен в центре Могадишо и известен тем, что там можно найти все, включая оружие. Как-то раз, когда мы жили в отеле «Шамо», я предложила Аджусу свозить нас туда. Он лишь рассмеялся. «Бакаара – вотчина Аль-Шабаб, – сказал он. – Там очень-очень опасно появляться белым».

– Иншалла, – ответила я Али.

Я всем своим видом демонстрировала готовность. В Ираке я

знала мусульман, которые утверждали, что между христианской религией и исламом не так уж много различий, что две религии почитают одного бога, но под разными именами. Мусульмане признают Моисея и Иисуса, у них это Мусса и Иса. Они признают Тору и Псалтырь, а Евангелие для них, как и для христиан, откровения Господни. Дабы перейти в ислам, требуется объявить Мухаммеда пророком, заветам которого ты готов следовать.

И я сказала Али, что много читала Библию, что все детство молилась на коленях, что мои бабушка и дедушка истинно верующие люди.

– Ну тогда ты, считай, наполовину мусульманка, – живо откликнулся он. – Тебе надо только произнести шахаду – исламский символ веры, – и ты попадешь в рай.

Найджел нетерпеливо покосился на меня. Он знал, что это все значит, и ему это не нравилось. Мы дважды обсуждали с ним возможность принять ислам, но он был категорически против, считая, что риск слишком велик. «Если они поймут, что мы притворяемся, – говорил он, – они сразу нас убьют, потому что для них ислам – это святое».

Я возражала, предполагая, что отношение к нам сразу улучшится, потому что мы станем единоверцами. Им придется быть более терпимыми. Ну а мне это поможет смягчить образ распутной западной женщины, каковой они меня видят. Моя свобода – путешествия, работа, одежда, образ жизни, отсутствие мужа и детей – их просто бесит. В их глазах это грех, проклятие. И чем скорее я смогу переродиться – тем лучше.

Тем временем Али встал, отряхнул штаны и вышел.

– Ты с ума сошла, – зашипел Найджел. – Не делай этого!

Будто по команде, где-то неподалеку включился громкоговоритель. Муэдзин – не тот, что был в прошлый раз, а старше, – откашлялся в микрофон и запричитал, призывая к молитве.

Найджел громко вздохнул и покачал головой.

– Слушай, если хочешь, принимай ислам, – сказал он, – но я не буду.

Это означало бы, что нас разделят, а это совершенно недопустимо. Это невыносимо.

– Нет, так не пойдет, Найджел, – решительно воспротивилась я. – Иначе нас расселят, ты же знаешь. Мусульманка не может жить в одной комнате с немусульманином.

– Не может, – согласился он.

Разговор зашел в тупик. Дальше могло быть только все или ничего. Я решила подождать.

Сквозь решетку на окне нашей комнаты мы видели соседний дом и слышали смех, разговоры, детские крики. Там жила семья. Иногда мелькала спина женщины, но я, конечно, не осмеливалась окликнуть ее – она могла поднять шум. Однажды к нам на подоконник прыгнула тощая рыжая кошка, и это стало единственным случаем нашего общения с внешним миром через окно.

Нам позволяли свободно выходить в туалет, примыкавший к нашей комнате. Там, в стене напротив унитаза, довольно высоко было маленькое окошко, забранное решеткой, – вентиляция. Стоя на цыпочках, можно было заглянуть в нижнюю щель под решетку и увидеть, что происходит во дворе, где наши тюремщики проводили почти все время.

Эта щелка стала нашим выходом во внешний мир, телевизором, нашей новостной станцией.

Однажды утром я и Найджел, по очереди заглядывая в вентиляцию, увидели во дворе нового человека с желтым пластиковым пакетом в руках. Это был толстяк средних лет, хорошо одетый. Он ходил, согнувшись под весом собственного живота, как будто совсем недавно растолстел и пока не привык таскать на себе такую тяжесть. Дважды обнявшись с Али и Яхьей-командиром – как принято у сомалийцев при приветствии, – он огляделся и вынул из пакета толстую пачку сомалийских шиллингов, местной валюты. Толстяк отдал деньги капитану Яхье, они поговорили пару минут, и толстяк ушел.

Так мы впервые увидели либо спонсора наших тюремщиков, либо посредника, передававшего им деньги. Он появлялся не реже чем раз в неделю и помимо денег привозил продукты и прочее. Раз или два мы видели у него большую кастрюлю домашней стряпни, которую он оставлял мальчикам. Мы дали ему прозвище Дональд Трамп.

Через наше вентиляционное окошко мы наблюдали, как мальчики занимаются во дворе физкультурой, дабы скоротать время. Следуя командам крупного коренастого Юсуфа, они маршировали, делали приседания и упражнения для бицепсов с воображаемыми гантелями. Иногда капитан Яхья устраивал соревнования по борьбе. Он был за рефери, но часто прерывал поединки, чтобы показать соперникам какой-нибудь прием. Мальчики часто жаловались, что он слишком суров, что опять запретил им то-то и то-то.

Вентиляция давала пищу для глаз, но не давала надежды. Напрасно я стояла на цыпочках, вытянувшись в струнку, до судорог в икрах, пытаюсь сообразить, как можно отсюда выбраться. Побег был невозможен. Вокруг слишком много народу

и всего одна узкая калитка в железных воротах. Высокие стены поверху были опутаны колючей проволокой. За ней скрипучий голос муэдзина снова зывал к правоверным, напоминая, что пора оставить все дела и повернуться лицом к Мекке.

Минуло несколько дней после нашего разговора с Али. И как-то утром он принес нам две толстые книги в синих кожаных переплетах. Сверху была надпись замысловатой арабской вязью и рядом по-английски: «Священный Коран». Али торжественно вручил одну мне, вторую Найджелу. Книги были новые. Страницы из тонкой бумаги и бисерный шрифт – арабский оригинал с одной стороны и перевод на английский – с другой. Признаться, я была бы рада любой книге – лишь бы занять мой страждущий мозг, – но Коран в тот момент казался просто даром небес, этаким ключик к таинственному коду.

В течение первой недели мне разрешили дважды поговорить с мамой. Оба раза разговор продолжался не дольше минуты и окончился безрезультатно, разве что мама узнала, что я жива. Найджел один раз разговаривал с сестрой Никки. Все понимали, что помощь или освобождение нам не светит.

Я читала Коран в надежде, что их религия поможет мне договориться с нашими тюремщиками. Несколько дней я и Найджел читали безотрывно, лишь изредка обмениваясь комментариями. Когда мы ели или выходили в туалет, книги аккуратно клали на подоконник.

Видя наше усердие, Али разрешил нам пару раз выйти во двор и посидеть на низком бордюрике, окружавшем ствол тощей папайи. Во дворе было сухо и жарко. Вокруг лениво шатались мальчики, не обращая на нас внимания.

Я читала страницу за страницей, пытаюсь заглушить бурлящий во мне страх. Я искала логические нити, ключи к сознанию тех, кто держал нас в плену. Я сравнивала абзацы между собой. Текст был порой поэтичен, чаще деспотичен, насыщен ускользающими смыслами. Много строф было посвящено джихаду и врагам, но также доброте и милосердию. Рай манил, как роскошный фрукт. Женщины были не женщины, а жены. Витиеватая фраза «те, кем владеет твоя правая десница» означала рабов и невольников. Тут как будто все было ясно: невольники, они же рабы, являются собственностью хозяина. Иные строфы советовали относиться к пленникам по-доброму и освобождать их за хорошее поведение, зато другие непрозрачно намекали, что невольницу можно по праву считать сексуальным объектом. Где Коран запрещал мужчинам внебрачные отношения с женщинами, было вселяющее тревогу исключение в виде «тех,

кем владеет твоя правая десница». Словом, мы должны были примерно себя вести и уповать на милость наших хозяев. Но Коран давал нам силу. Он дал нам язык, нужные слова для общения с ними. Это было все равно что заглянуть в операционную систему, на основе которой функционируют наши похитители.

Я нашла два любопытных утверждения, которые, как мне казалось, могли бы существенно изменить ситуацию: мусульманин не должен убивать единоверца. Раб-мусульманин достоин большей снисходительности, чем раб из числа неверных.

– Найджел, – сказала я, – они не смогут нас убить, если мы примем их веру.

И он нашел эти строки, но все-таки боялся. Слишком опасно, говорил он. Они почувствуют фальшь и сочтут это оскорблением. Я вспомнила, как Али угрожал обезглавить нас, как он в подробностях изображал процесс – его жесты, его шипение, и подумала, что лучше рискнуть, чем каждый день ждать, что сегодня тебе перережут горло.

На одиннадцатое утро нашей неволи я проснулась и поняла, что пора действовать. Ничего не менялось. У меня было чувство, что нам самим надо что-то изменить, вызвать сдвиг энергии. Найджел был в подавленном настроении – угрюмо сидел на своем матрасе, уткнувшись в Коран.

Когда вошел Али и, как обычно, завел речь об Аллахе и исламе, я, улучив момент, сказала:

– Думаю, мы готовы к шахаде.

Я не успела обдумать эти почти невольно вырвавшиеся у меня слова. Но они были произнесены, и я склонила голову, изображая смирение и избегая смотреть на Найджела.

Али восторжествовал, воспринимая это как свою личную победу. Он упал на колени и коснулся лбом пола.

– Аллаху Акбар! – воскликнул он трижды. Бог велик. Бог велик. Бог велик.

Впервые за одиннадцать дней я почувствовала, что мне удалось хоть как-то повлиять на ситуацию.

Потом Али поднялся и внимательно посмотрел на меня. Я вспотела от напряжения, намеренно не глядя в сторону Найджела. Али понял, что между нами существуют разногласия. В его голосе зазвучала сталь.

– Это не игра, – сказал он, – это серьезная вещь.

Я кивнула, пытаюсь показать, что способна к великому смирению и набожности.

– Конечно, брат мой, – ответила я, – мы понимаем.

– Значит, решено, иншалла. Готовьтесь, в одиннадцать часов

вы станете мусульманами. – *Моо-сульманами* прозвучало у него.

Он вышел из комнаты.

Найджел захлопнул Коран и недоверчиво уставился на меня.

– Какого черта? – возмутился он. – Почему мы прежде это не обсудили?

Мне хотелось возразить, что мы достаточно времени потратили на обсуждение, но я сдержалась.

– Найдж, мы должны. Я знаю, это безумие, но иначе нам не выжить.

Мы осознавали, что страшно рискуем. В Коране были слова, имеющие прямое отношение к нам. Если они поймут, что мы принимаем ислам, не веруя в Аллаха, мы обречены. Мы и есть те лицемеры, внутренние враги, которые куда опаснее, чем враги на поле боя. Коран давал четкое описание того, что ждет всех лицемеров: *да истребит их Аллах*.

Вернулся Али. Он велел нам переодеться в чистую одежду из наших запасов и следовать за ним во двор, где мы должны будем постирать старую. Одно это новшество было сродни свободе. Мусульмане помешаны на чистоте тела, и это, рассуждала я, должно было значительно облегчить наши страдания.

Взяв одежду, я вышла следом за Али, а Найджел – за мной. Мимо комнаты, где содержались Абди и другие, мимо маленькой кухни, которой никто не пользовался, мы прошли на бетонную веранду с видом во двор. Когда я обернулась, чтобы взглянуть на Найджела, он, к моему удивлению, улыбнулся и шепнул:

– Во что ты теперь нас втягиваешь, Линдаут?

В его вопросе была одновременно нежность и горечь. Я подумала, что вся наша история – с того самого момента, когда я приметила Найджела на веранде в Аддис-Абебе, – это сплошное безумие. Безумная страсть, безумная путаница и, может быть, под конец безумная трагедия. А если бы я не представилась ему тогда? Что, если бы я просто прошла мимо и не стала с ним знакомиться? Я уверена, что в уме он много раз переписывал эту историю и ее исход.

Жарко светило солнце. Мы стирали нашу одежду в пластиковом ведре, наливая воду из крана под высоким деревом, а потом развесили ее на веранде для просушки. Мои нервы были натянуты до предела. Несмотря на жару, мои руки и ноги были холодны как лед. Я пыталась подбодрить Найджела, напоминая ему, что я много ездила по исламским странам и много знаю. На самом деле я не знала почти ничего. В отношении ислама я была просто любопытной туристкой. Теперь мне и самой было жутко от моего решения.

Когда мы вернулись, нам дали по банке консервов на ужин.

Мальчики принесли несколько ведер воды, чтобы мы помылись. Мы расчесали волосы и надели чистую одежду, которая успела к тому времени просохнуть. Под абайю я надела свой старый топ и мужские джинсы из новой коллекции. Все божественно пахло стиральным порошком. Мы с Найджелом будто готовились к свадьбе, готовились переступить порог, соединить наши судьбы. Я посмотрела на него – он был чист, как младенец. Таким чистым я не видела его уже давно. Зачесанные набок мокрые волосы, невеселый взгляд больших голубых глаз... Кажется, во мне даже шевельнулось что-то похожее на прежнее чувство. Его отросшая серая щетина цветом походила на стены нашей унылой камеры.

Когда мы любили друг друга, я часто загадывала на будущее – представляла себе, какие возможности нам откроются, какие удивительные приключения ожидают нас. Но ничего подобного я и представить себе не могла.

Я плотно закуталась в хиджаб, оставив открытым только лицо. Найджел надел черную рубашку – одну из тех, что ему выдали тюремщики. Вернулся Али – он тоже переоделся и сбрызнулся одеколоном.

Чтобы стать мусульманином, нужно сделать всего одно честное заявление о вере. Для этого не обязательно идти в мечеть или приглашать имама. Процедура довольно проста: вы произносите две простые фразы на арабском, хотя смысл в том, что вы чувствуете веру в своем сердце. Искренность – вот что главное.

Мы с Найджелом стояли в комнате и нестройным унисоном торжественно повторяли за Али арабские слова шахады. Мы свидетельствовали, что нет иного бога, кроме Аллаха, и Мухаммед посланник его.

В этот момент я не чувствовала ни поражения, ни протеста. Это был просто ход в шахматной партии – ход конем – две клетки вперед и одна в сторону. Мы не предавали и не оскорбляли ничью веру – ни свою, ни их. Это был способ ощутить себя менее чужими в их мире, меньше бояться. Мы поступали так, чтобы выжить.

Когда все закончилось, Али вышел из комнаты, а все мальчики вошли и по очереди пожали Найджелу руку.

– *Мубарак*, – сказал нам Джамал, что значит «поздравляю».

Другой кивнул мне и назвал меня сестрой. Молодой Яхья сказал что-то на сомали, а Абдулла перевел:

– Он говорит, что вы попадете в рай.

Дверь, может быть, для нас приоткрылась. Поскольку мы теперь мусульмане, сказал Али, мы больше не Найджел и Аманда. Они дали нам новые имена: Найджел получил имя Мохаммед, а я должна была называться Мариам. Через несколько дней нам

разрешили взять другие имена, созвучные прежним, – Ноах и Амина. Я долго прожила с этим именем. А еще позже я нашла его арабское значение: Амина – значит «верная, честная».

Глава 21. Рай

Теперь нам предстояло научиться молитве и молиться всякий раз вместе с нашими тюремщиками. Это самое первое, что делает каждый мусульманин, просыпаясь утром, и последнее, что он делает перед сном. Принятие ислама было похоже на путешествие. Как будто мы с Найджелом одиннадцать дней плыли по морю, а теперь пристали к берегу, где наши тюремщики встречают нас, выстроившись на пирсе. Меня не оставляло чувство неуверенности. Мальчики сильно подобрали, демонстрируя невиданную доселе вежливость. Вместо того чтобы врываться к нам в комнату, как раньше, без предупреждения, они стояли на пороге и ждали разрешения войти. Моим наставником вызвался быть Абдулла, а Джамал обучал Найджела. Они давали нам небольшие задания, указывали строки в Коране, которые следовало заучивать наизусть. Они заставили нас записать порядок движений, выполняемых во время молитвы: большие пальцы возле мочек ушей, правая рука поверх левой – и слова, которые нужно при этом произносить. У меня было чувство, что они делают это от скуки. Другие мальчики иногда приходили посмотреть на нас. Им забавно было слышать, как мы пытаемся выговорить что-то по-арабски.

Мусульманская молитва состоит из циклов, называемых *ракаат*. В зависимости от времени суток цикл повторяют два, три или четыре раза, что немного напоминает приветствия солнцу в йоге. Каждая молитва сопровождается движениями. Начинают молитву стоя, потом опускаются на колени, кланяются, касаясь лбом пола, садятся на пятки, в созерцании, затем начинают все заново.

Каждый цикл начинается с семи первых строк из первой главы Корана, охватывая затем и другие главы, *суры*. Самые прилежные мусульмане заучивают наизусть весь Коран – все 114 сур, или 6200 строф.

У меня плохо выходило молиться. Я была неловкая. Я неправильно располагала руки возле ушей и забывала прятать мыски ног, когда кланялась. Арабские слова смешивались у меня в голове. Некоторые фразы я помнила по Ираку, но тут мы учили не предложения, а скорее слоги, соединяя их вместе, – пару слов за одно занятие. *Бис-миллахил рахман ар-рахим, аль-хамду лиллахи рабб ель ала-меен*.

Я узнала, как нежно может это звучать, как слова и фразы могут струиться, прибывать и убывать, подобно волнам. В одном месте я запнулась.

– Ар... ар-рахим?

Абдулла уловил вопрос в моем тоне.

– Нет! – рывкнул он, наклоняясь. – Неправильно.

Он не обладал ангельским терпением.

Для разговорного арабского моя копия Корана была бесполезна, поскольку арабский там был представлен в виде нечитаемых закорючек, без всяких фонетических знаков. Поэтому я записывала за Абдуллой в блокнот нужные слова английским алфавитом, чтобы потом практиковаться. У стены напротив сидел Джамал, подтянув к подбородку худые колени, и терпеливо вдалбливал ту же науку в голову Найджеда.

– Не могли бы вы повторить последнюю часть? Не так быстро.

Но Абдулла покачал головой и поднялся, давая понять, что урок окончен.

– Плохо, Амина, – мрачно изрек он и указал подбородком на Найджеда-Ноаха, будто тот, в отличие от меня, схватывал все на лету. – *Ар-рахман ар-рахим. Малики йом ул дин. Ийяк наабуду уа ийяка настаим. Ихдина ассират ал муста-кум*, – выпалил Абдулла одним духом и затем, смакуя свой скудный английский, нарочито медленно проговорил: – Ты очень глупая женщина.

* * *

Рай в исламе – это совершенно особое понятие. Всю жизнь правоверный мусульманин стремится попасть в рай. Он верит, что любые удовольствия, удобства, красоту, богатства, недоступные ему в этом мире, он обретет в раю, где нет ни боли, ни бедности, ни войн. Рай – это такой огромный и красивый сад. Там все носят красивые одежды, там повсюду лежит щедрое угощение и стоят удобные диваны, расшитые драгоценными камнями. Там тенистые леса, мускатные горы и прохладные речные долины. В раю настолько идеальный климат, что фрукты никогда не портятся, а человеку там всегда тридцать три года и ни днем более. За воротами рая кончаются все земные невзгоды и наступает вечное счастье и блаженство. У ворот ждут ангелы, приветствуя всех входящих. «Мир тебе, входящий, терпеливо дожидавшийся этого светлого часа, – говорят они. – Добро пожаловать!»

Чем больше я читала про рай, тем тверже убеждалась, что мальчики ждут именно этого, об этом они молятся пять раз в день, будто у них зарезервировано местечко в раю, за которое они ежедневно вносят малую часть платы, пока не выплатят все и не настанет время встречи с ангелами.

К счастью, моя копия Корана была снабжена примечаниями на английском, содержащими обширные цитаты из хадисов – древних текстов, в которых описывается жизнь пророка Мухаммеда. Хадисы добавляют контекст и подробности к слову Аллаха, представленного в Коране. Они помогли мне найти ответы на некоторые вопросы. Я узнала, что в раю есть семь уровней, а верхний уровень разделен еще на сто частей, и самые высокие местечки занимают самые праведные мусульмане. Понятно, что наши тюремщики, не имея иных занятий, кроме как сторожить нас, старались изо всех сил, копили свою добродетель в ожидании Судного дня.

Если Абдулла и подозревал меня в лицемерии, то виду не подавал. Он стал часами просиживать у нас в комнате, пристально глядя мне в лицо, с неослабевающим вниманием надзирая за моими первыми шагами в произнесении молитв по-арабски. Если мне удавалось выдать кусок текста длиной в несколько минут без единой запинки или паузы, Абдулла хвалил меня. «Ты очень умная, – говорил он. – Это хорошо». Но стоило мне оплошать, его настроение мгновенно менялось. Он пользовался моим промахом, чтобы излить на меня свою ярость. Однажды я взглянула ему в лицо, пытаясь понять, в чем моя ошибка, но он закричал: «Смотри вниз!» – и замахнулся, намереваясь ударить меня. У него, я заметила, были огромные руки.

Когда он ушел, мы с Найджелом стали вслух обсуждать, чем могли быть вызваны его вспышки ярости – опьянением властью или психическим заболеванием. Но, так или иначе, он, кажется, считал, что я его собственность.

Пошла третья неделя нашего заточения, и я, изучая новый язык и религию, радовалась тому, что мне есть чем занять время. Когда мы с Найджелом оставались одни, мы сравнивали свои выписки из Корана. Найджелу особенно нравились правила, которые Аллах установил насчет обещаний и клятв. Если ты дал клятву именем Аллаха, ты обязан ее исполнить. Найджел хотел заставить главарей поклясться, что они нас освободят.

Мальчики, собравшись во дворе группой, читали молитвы даже вне расписания. Их голоса сливались в один продолжительный гул. Интересно, как им удастся так долго не отвлекаться? – удивлялась я. Неужели они действительно имеют глубокую веру? Я ожидала, что молитвой руководит кто-то из старших – капитан или Али, – но оказалось, что маленький кроткий Хассам, чуть ли не самый младший. Хассаму было шестнадцать лет. Джамал пояснил, что отец Хассама – имам в мечети, и потому он много знает из Корана, и его выбрали для

ведения молитвы. Он стоит впереди, лицом к Мекке, и читает на память молитву, а они все стоят рядами позади него. Я видела сквозь щель в туалете, как он примеряет на себя роль старшего. Он пел молитвы громким чистым голосом, жестами подчеркивая вступление для остальных.

Я и Найджел тоже должны были молиться в нашей комнате. Найджелу полагалось стоять впереди меня, потому что он мужчина и потому что главный. Часто Джамал приглашал его молиться вместе со всеми во дворе. Найджел, понятно, не мог отказаться, и уходил, бросив на меня виноватый взгляд. Меня как женщину они бы никогда не пригласили присоединиться к ним. Я не могла лишний раз глотнуть свежего воздуха, как Найджел, но зато, оставшись одна, могла пренебречь молитвой. Я знала, что никто не побеспокоит меня до конца молитвы, и была рада просто сидеть, уставившись в стену.

– Нет, это нехорошо, – сказал Дональд Трамп однажды вечером, когда зашел к нам в комнату и увидел наши грязные матрасы и черную плесень на задней стене. – Нельзя держать тут людей! – с притворным возмущением воскликнул он и отшвырнул ползущего по полу таракана. На нем была длинная розовая рубашка с длинными рукавами и мешковатые штаны длиной чуть выше лодыжек – согласно хадису, – чтобы штанины не касались земли.

Дональд один из главарей шайки – в этом не было сомнений. Каждые пять-шесть дней он привозил ребятам деньги и еду. Али куда-то исчез. На самом деле Дональда звали Мохаммед, но один Мохаммед тут уже был. Кроме того, он держал общак и был более других похож на цивилизованного человека. Он неплохо говорил по-английски – часто заходил к нам поболтать и травил байки о своих путешествиях по Европе. Рассказывал, что жил в Германии, пел серенады итальянскому оливковому маслу, утверждая, что это самое вкусное масло в мире. Дональд многое знал и видел и хотел, чтобы мы его за это ценили, чтобы выделяли его среди прочих бандитов. В тот вечер он снова заявился, принес нам по банке теплой колы. Он опустил на корточки у стены и сказал:

– Знаете, эти люди, они необразованные. Им нужны только деньги.

– У нас нет денег, – ответила я, глядя в его жирное лицо, освещенное светом электрической лампочки. – Нет у нас денег. – И стала медленно цедить кока-колу, словно это коктейль.

Дональд высоко поднял и резко опустил плечи.

– Будь моя воля, вы были бы свободны в течение недели, – улыбнулся он, – нет, в течение часа.

Я не верила ему.

К середине сентября мы без малого четыре недели провели в неволе. Шел Рамадан, священный месяц, когда положено особо заботиться о чистоте помыслов и упражняться в терпении. Мы стали чаще молиться. С восхода до заката солнца все постились, но для нас это не имело значения, поскольку мы и так ели всего два раза в день. Утром, пока не рассвело, Хассам или Джамал приносили нам завтрак – рыбные консервы и пакет с какими-то булочками, отдаленно напоминающими мини-хот-дог, но в мусульманской стране, где действует запрет на свинину, в тесто клали что-то другое. Впрочем, это нас не интересовало. Мы ели без аппетита равно утром и вечером. Днем мы ничего не ели и не пили.

Я грезилa о шоколаде. Жуть как хотелось хоть маленький кусочек. Порой, когда Найджел лежал в полудреме на своем матрасе, я рассказывала ему сказки собственного сочинения со счастливым концом, в которых я находила целый фунт горького шоколада или большую гору M&M и съедала все за один присест. Я спрашивала у него: «Что бы ты предпочел: кусок шоколадного торта или сандэ с горячим ирисом? Сандэ или Hershey's Kisses?» Он не отвечал, но я не допытывалась. И обмахивала себя от жары ладонью.

В моей версии рая текли карамельные реки и была вечная прохлада. А между тем пот день и ночь струился мне в бюстгальтер, маринуя мои груди, отчего кожа становилась пористой и жесткой. Найджел перенял привычку сомалийцев носить мужскую юбку вместо брюк – так было прохладнее. Я сменила абайю на длинное бесформенное платье из красного полиэстера, которое мне принес Дональд. Джинсы я больше не надевала, но заставить себя отказаться от бюстгальтера не могла – у меня было чувство, что это хоть слабая, но защита.

Дональд всякий раз спрашивал, что нам купить на рынке. В один из его приходов я вручила ему целый список, составленный заранее. Тут я дала волю фантазии – среди прочего я указала мыло, аспирин, шоколадки, велосипед-тренажер, ватные палочки для ушей и телевизор.

Дональд с озадаченным выражением смотрел в список, пока я, водя карандашом по строчкам, отчетливо читала вслух каждое слово:

– ...тре-на-жер.

– Ах да, да, я знаю, – сказал он, не желая терять лицо и признаваться, что он не понимает.

– Можно ли найти это на рынке, Мохаммед? Не все, но хоть что-то?

– Да-да, думаю, можно.

Несколько дней спустя он принес нам мыло, упаковку огромных пилюль ацетаминофена, пакет ватных палочек и маленькие ножницы, чтобы Найджел мог подстригать бороду. Еще я попросила у Дональда новый бюстгальтер и книги на английском. Книг нам не хватало больше всего, потому что от голода сохнет не только тело, но и мозг.

Был еще один вопрос, который мне требовалось обсудить с Дональдом. У меня все внутренности сводило от одной мысли, что придется обращаться к нему по такому поводу, но ничего другого не оставалось. Дело в том, что у меня была двухнедельная задержка месячных. Интрижка с американским шефом бюро в Багдаде, слабость, которую я позволила себе, думая немного развеяться и скрасить одиночество, вышла мне боком в самое неподходящее время! Я никогда не была беременной и не знала, каково это. Может быть, ноющая боль в бедрах – это один из симптомов? Может быть, льющий с меня ручьями пот – это не следствие жары, а признак того, что внутри меня растет новая жизнь, еще один маленький заложник? Я не знала, что и думать, но молчать было нельзя.

И вот, в следующий его приезд, Найджел тактично попросил разрешения выйти из комнаты, чтобы я могла обсудить проблему с Дональдом. Мы подумали, что так будет лучше. Я рассчитывала на то, что Дональд, живший в Германии, единственный из наших тюремщиков способен воспринять эту новость более или менее спокойно, без моралистского ханжества и осуждения. Хотя на этот счет тоже не могло быть большой уверенности, потому что на лбу у Дональда красовалась так называемая метка праведника – темная мозоль вследствие усердного биения лбом об пол во время молитвы. Такая мозоль составляет гордость многих мусульман и говорит об их особой набожности.

– Мохаммед, – нерешительно начала я, – я должна вам кое-что сказать.

Он, почувствовав мой тон, сразу насторожился.

– Прежде чем стать правоверной мусульманкой, я... у меня была связь с одним мужчиной в Багдаде...

Стыдливо потупившись, я объяснила ему ситуацию. Сказала, что неверная, которой я была ранее, воспользовалась моим телом ради получения удовольствия.

– Мне просто надо знать, – сказала я, – будет ли у меня ребенок. – И прибавила: – Иншалла, – не ведая, что говорят в подобных случаях.

Это могло означать как «бог даст, я беременна», так и «боже, подскажи мне, как решить эту проблему». Мне было двадцать

семь лет, и я не хотела ребенка – особенно от случайного мужчины. И прежде всего, мне не улыбалось быть беременной в Сомали. Хотя, может быть, беременность поможет мне освободиться. У меня голова шла кругом от этих мыслей. Самое меньшее, они должны показать меня врачу, а врач может сообщить обо мне властям. Но есть ли в Сомали власти, способные вызволить меня отсюда?

Дональд выслушал меня спокойно.

– Хорошо, хорошо, – сказал он не вполне уверенно, но и не сердито. Я чувствовала себя девочкой-подростком, делающей признание отцу. – Дети – это дар Аллаха.

Через несколько дней Дональд вернулся и принес мне пластиковый стакан с плотно закрывающейся крышкой.

– Это тебе, – сказал он, – для твоего пи-пи.

Когда он вышел, я и Найджел покатались со смеху. Где он выучил это «пи-пи»? Не то чтобы нам было жуть как весело, но мы смеялись при каждом удобном случае – чаще, если слышали какое-то диковинное сочетание звуков от наших похитителей. Иначе можно было загнуться с тоски.

Помимо этого стакана Дональд притащил несколько брошюр на английском и с гордостью вручил нам. Их он купил на рынке. Там был каталог учебных заведений для студентов из Малайзии, выпущенный Британским образовательным центром в Куала-Лумпуре в 1994 году, включавший список учебных курсов, доступных по программе студенческого обмена в некоторых университетах Великобритании. Еще он оставил нам две старые книжки сказок для мусульманских детей и темную от плесени хрестоматию с текстами о Лондоне, напечатанную в 1981 году. А также почему-то часы – дешевые китайские мужские часы с цифровым циферблатом. Наверное, он полагал, что, если мы будем знать, который час, это облегчит нам жизнь. Мы с Найджелом как следует высмеяли эти подарки и снова погрузились в мрачное молчание, владевшее нами большую часть времени.

Потом я пошла в туалет, сделала «пи-пи» в стакан, закрыла его крышкой и отдала Дональду, который сел в машину и уехал.

В тот вечер, когда настало время молитвы, я не знала, о чем и молиться.

Глава 22. Хороший день

Я разглядывала руки Найджела. Несмотря на жару и грязь, они были чистые – ногти аккуратно подстрижены, между пальцами ни следа сомалийской пыли. Найджел был педант и чистюля. Он был таким всегда. Навещая его в Австралии, я видела, как тщательно он умывается по утрам, чистит зубы и одевается. Когда мы жили в палатке на острове у побережья Квинсленда, это он всегда вытряхивал песок из наших спальных мешков и следил за тем, чтобы я не бросала вещи в кучу. А сейчас руки были самой чистой частью тела Найджела. Благодаря вуду – ритуальным омовениям, которые принято совершать перед каждой молитвой. Джамал показал нам, как это делается. Нужно трижды вымыть руки, трижды прополоскать водой горло, промыть ноздри, омыть лицо, голову, уши и под конец ноги.

Мы с Найджелом по очереди исполняли это в туалете, используя воду из ведра, которую приносили нам мальчики. Сами они совершали омовения во дворе под краном или в отдельном туалете в другой части дома – им же пользовались трое других узников, поскольку в наш туалет они не приходили.

Я всегда пренебрегала мытьем ноздрей, только нарочно шумно сморкалась – на тот случай, если кто-то подслушивает.

Омовения очень важны. Они очищают вас перед беседой с Аллахом. Судя по результатам, Найджел намывался, как хирург, готовящийся войти в операционную. Эта часть ислама не вызывала у него отторжения. «Частота – это половина веры», – сказал Пророк, и на этом фронте, хотя бы в части рук, Найджел весьма преуспел.

Я рассматривала его руки просто потому, что больше смотреть было некуда. Иногда мы наблюдали, как по решетке ползают насекомые. А однажды, глядя в окно, заметили в переулке за домом толстую бурую змею, может быть, целых восемь футов длиной. Больше, к сожалению, она не появлялась.

Я вспоминала, как руки Найджела доставляли мне когда-то удовольствие и успокаивали меня. Это были умелые руки. Руки, которые построили дом. В нашей темнице его руки казались мне продолжением мозга – они томились без дела и цели.

Однажды после полудня, в самое жаркое время суток, когда у бандитов наступала сиеста, Найджел стал шарить в пакетах с вещами. Очевидно, он что-то придумал.

Час спустя мы играли в нарды. Из ватных палочек Найджел сделал фишки, из таблеток ацетаминофена при помощи ножниц вырезал кости – крохотные кубики – и ручкой написал на них

цифры. На листке из блокнота он нарисовал два ряда обоюдоострых треугольников, и мы стали играть. Мы играли часами, мы играли днями. Он выигрывал, я выигрывала. Мы играли быстро и молча, как две мартышки в каком-то психологическом эксперименте на выживание. Если в коридоре раздавались шаги, мы быстро прятали все мне под матрас. Игры, как и другие развлечения, считались *харам*. Мы знали, что, если они найдут у нас нарды, мы будем наказаны.

Наконец, явился Дональд. Он подал мне листок бумаги, где было указано название аптеки и вымышленное женское имя, которое он использовал, чтобы сдать мою мочу на анализ. Возраст был мой.

– Ребенка нет, – сказал он.

– Аллаху Акбар, – вырвалось у меня, хотя по лицу Дональда было видно, что зря я это сказала. Нельзя благодарить Аллаха за отсутствие ребенка, потому что дети – это дар Божий, как бы там ни было.

Итак, я не беременна. Ложная тревога. Месячные не начинались из-за стресса, повлиявшего на работу гормонов.

Эта новость принесла мне облегчение, хотя и смешанное с разочарованием. Я не могла не почувствовать себя еще более одинокой. Где-то на заднем плане разочарования, как маленький жужжащий мотоцикл, маячило бледное воспоминание о сексе – чувственная роскошь, которая теперь казалась почти нереальной.

В первых числа октября закончился Рамадан. Наши тюремщики отмечали Ийд – праздник разговения. Они приготовили тушеную козлятину. Нам с Найджелом дали на двоих маленькую миску мяса, горсть липких фиников, тарелку печенья в сахарной глазури и даже несколько ирисок. У нас была одна ложка, которую Найджел из вежливости уступил мне. Козлятина была восхитительная – нежное отварное мясо с рисом и маслом. Но вскоре после еды у нас разболелись кишки. Мы по очереди бегали в туалет, страдая кроме прочего от головокружения и обезвоживания. Но ириски, оставлявшие сладкие лужицы на языке, мы съели все равно – мы не могли ждать, когда нам полегчает. Потом мы снова сели за нарды, стараясь не думать о том, что наш мир сузился до размеров обезболивающего в виде крохотного кубика.

Прошло пять недель. Однажды на шестой неделе я проснулась в бодром настроении.

– Сегодня будет хороший день, – сказала я Найджелу, когда нас разбудил первый крик муэдзина.

Он, как обычно, сделал вид, что не слышит меня.

Хороших дней у нас не бывало, но я чувствовала необходимость в надежде, хотя надеяться было все равно что бить кулаком в глухую стену, думая, что кто-то может откликнуться.

– Слушай, – сказала я как-то раз, – я не могу так долго молчать.

Мы лежали на своих матрасах, Найджел – отвернувшись к стене. Он не ответил, и это почти взбесило меня.

– Найдж, – продолжала я, – мы нужны друг другу. Мы должны разговаривать. Я просто схожу с ума, когда ты так молчишь.

Он перевернулся на другой бок и возмущенно спросил:

– Ты считаешь, что, если я буду говорить, тебе станет легче? Ты считаешь, я должен говорить, чтобы тебе было легче?

Мы были точно старые супруги, очень старые, давно надоевшие друг другу, но по привычке продолжающие жить вместе, как вздорные соседи. Еще тяжелее было оттого, что мы оба боялись прикосновений. Мы никогда не брались за руки, не говоря уже о том, чтобы обняться ради взаимной поддержки. Когда Найджел выходил молиться с мальчиками, он больше не выглядел испуганным и не торопился обратно после молитвы. Однажды я услышала его смех на веранде. Они все смеялись, все вместе.

Когда Найджел вернулся, я поинтересовалась, что их рассмешило.

– Ничего, – ответил он и устало закрыл глаза.

Найджел каждый день занимался с Джамалом английским, помогал учить слова. Они казались почти приятелями, Джамал и Найджел, в то время как Абдулла – мой наставник – становился все несноснее. Всякий раз, протягивая руку, чтобы перевернуть страницу или указать мне что-то в тексте, он будто случайно поглаживал мне колено или плечо.

Однажды Джамал принес нам тарелку жареной рыбы, подарок от Дональда, который ел на веранде с мальчиками. Поставив тарелку на пол, Джамал попробовал пошутить. Он взглянул на меня с улыбкой и надул щеки – мол, если я съем все одна, то меня раздует.

Найджел тут же расхохотался.

– Амина *толстая*, – произнес он, подчеркивая слово тем же тоном, каким читал Джамалу английские слова. – Да, толстая.

Джамал захихикал. Найджел захохотал еще громче.

Его жестокость ошеломила меня. Я побежала в туалет и захлопнула дверь. Мне было плевать на мнение Найджела о моей фигуре, на эту шутку, но он заискивал перед ними. Неужели он переметнется? Оказывается, я не могу его развеселить, а мальчики могут.

Вернувшись к себе на матрас, я мысленно составила список всех слабостей Найджела, я припомнила все его промахи. Потом я составила второй список, с помощью которого защищала себя от его нападок, опровергала все его обвинения. Я представила, что мы ссоримся и даже деремся. Мы орали друг на друга, пока не выпустили весь пар. После чего мы бросились друг другу в объятия и разрыдались. На самом деле ни Найджел, ни я не вставали с матраса. Все произошло без единого слова, без единой слезы. Но мне стало немного легче.

На второй месяц начались переезды. Нас возили из Электрического в другой дом неподалеку, потом обратно, и так несколько раз. Наконец, мы все-таки остались в новом доме.

Переезды происходили ночью. Нас заталкивали в «судзуки» Ахмеда. Мальчики закутывались в платки, обвешивались автоматными рожками и садились сзади. Стволы их автоматов заполняли все пространство у нас над головами. Вторым рейсом перевозили Абди и двоих других. По дороге мы не встречали ни души.

В коридоре Электрического Дома я иногда мельком видела пленных сомалийцев – обросших, больных, подавленных, – когда кто-то возвращался из туалета. Я часто слышала, как они молятся в своей комнате. Насколько я могла понять, там было абсолютно темно. Порой Абди читал Коран, сидя на пороге, где было немного светлее. Несколько раз я отваживалась подать ему знак, безмолвно спрашивая: «О'кей?» Он безнадежно качал головой и клал руку на живот. Наверное, это означало, что он голоден, что их плохо кормят.

Ранее, еще в Электрическом Доме, нас вывели во двор, где ждали Ахмед, Ромео, Дональд и Адам с видеокамерой на штативе. Лица у всех были закрыты. Потрясая автоматами, они велели нам опуститься на колени и расхваливать ислам, пока они снимают нас на камеру. Якобы это должно подвигнуть наши правительства заплатить выкуп. Называть конкретную сумму нам не велели, но я много раз слышала от них, что они хотят полтора миллиона за одного и три за двоих. Так в барах, где я работала официанткой, заявляли напитки дня.

Они сделали много дублей, заставляя нас повторять снова и снова. Видео предназначалось для показа по телевидению. Я попыталась представить, что увидят мои родные. Они увидят меня и Найджела, стоящих на коленях в окружении вооруженных до зубов головорезов. Они увидят мою бледность и слезы в глазах – потому что свои контактные линзы, за неимением специального раствора, я споласкиваю сырой водой из ведра. Я постаралась

расправить плечи, хотя Ахмед приказ смотреть вниз на землю. Своему голосу я пыталась придать твердость – в надежде, что мои родители поймут, что я не сдаюсь.

– Хорошо, хорошо, – наконец сказал Ахмед и выключил камеру.

И в награду за наши старания разрешил ненадолго задержаться во дворе.

Много позже я узнала, что пленка попала на телеканал «Аль-Джазира» и что на Запад они выпустили только часть. В Канаде этот отрывок, показанный в новостях вскоре после нашей съемки, шел без аудио. То, что увидели мои родители, длилось около девяти секунд: я, одетая как правоверная мусульманка, беззвучно шевелю губами, опустив глаза долу. Моих слов не было слышно за голосом диктора.

Когда мы навсегда покидали Электрический Дом, произошел отрядный случай. По дороге Найджел вдруг нащупал в темноте мою руку, сжал ее и долго не отпускал.

Новый дом получил название Дом Побега, но это случилось позже. Нас поселили в огромной комнате, размером больше напоминающей гостиную, чем спальню. На полу лежали два совершенно новых поролоновых матраса в пластиковой упаковке, сверху на стенах над матрасами были укреплены москитные сетки. В комнате был белый кафельный пол и два окна с металлическими ставнями. Просвет окна закрывали декоративные металлические решетки. Одно окно выходило в соседний двор, где виднелся маленький сарай из рифленой жести, закрытый на висячий замок. Второе смотрело в переулок с высокой белой стеной ровно посередине.

Каждый вечер приходил кто-то из мальчиков и закрывал ставни, а утром опять приходил, чтобы их открыть. Когда никого не было рядом, мы с Найджелом пытались расшатать решетки, но они крепко держались в бетоне по обеим сторонам окна. Время от времени я просовывала палец наружу, чтобы если не вдохнуть, то хотя бы пощупать свежий воздух. Кричать в окно и звать на помощь мы, конечно, не решались. Ахмед и его подельник Ромео сразу предупредили нас, что в округе полно сторонников Аль-Шабаб. Другими словами, нас окружали враги еще более злые, чем наши похитители, поскольку эти, казалось, не принадлежат ни к одной из крупных экстремистских группировок. Боевики Аль-Шабаб, сказал Ромео, обязательно захватят нас, если мы привлечем их внимание. Мне хватило этой угрозы, чтобы сидеть тихо, пусть я и не поверила ему.

Стоя слева у окна, выходящего в переулок, я рассматривала

двор соседнего дома за стеной. Однажды там появилась женщина и стала развешивать на веревке белье. На ней было свободное домашнее платье с ярким рисунком и свободный головной платок, открывающий шею. Я видела ее со спины. Ее неторопливые движения просто убивали меня. Она наслаждалась своим уединением. Она повесила белую рубашку, затем еще одну, потом какое-то женское белье, по виду принадлежащее ее бабушке, светло-желтое детское платье, пару цветных хиджабов, мужские трусы и что-то вроде ночной рубашки из хлопка. Когда она закончила, я увидела всю ее семью, развешанную на веревке.

Уже шесть недель мне не позволяли поговорить по телефону с мамой. Но мне казалось, что она способна слышать мои мысли, когда я думаю о ней. Каждый день я мысленно с ней беседовала. Я просила ее держаться, и у меня было чувство, что она отвечает мне в том же духе. На самом деле я могла только догадываться о том, что происходит дома. Родители были весьма ограничены в средствах. Единственное, что можно было выгодно продать, – это дом отца и Перри в Силван-Лейк, окруженный цветочными клумбами, которые отец пестовал уже много лет. От одной этой мысли становилось тошно. Меня терзало чувство вины. Я никогда не прощу себе, что заставила их пойти на это. С самого первого дня я убеждала похитителей, что наши родные не могут заплатить выкуп. Если они держат нас тут по политическим мотивам, как они утверждали, то мы не те люди. «Не беспокойся, не беспокойся, – много раз заверял меня Ахмед, – нам нужны деньги только от ваших правительств, мы не хотим навредить вашим семьям».

Я верила ему, потому что мне так хотелось верить, пусть Найджел говорил, что я сумасшедшая. У его родных было больше возможностей. Его родители, выйдя на пенсию, выгодно продали семейную ферму. Найджел полагал, что у них должно быть достаточно денег, чтобы заплатить выкуп. О том, что выкуп за него, но не за меня, он не упоминал. В наш последний разговор с мамой я пыталась внушить ей, чтобы она не думала продавать ничего из нашего скудного имущества.

– Не знаю, как вы там пытаетесь собрать деньги, – говорила я, – но делать этого не нужно. Ничего не продавайте.

Не то чтобы я надеялась на помощь государства, однако я всерьез надеялась, что нашим тюремщикам надоест без толку возиться с нами и они нас освободят. Отношение к нам было, в общем, сносное. Они не морили нас голодом, не разлучали. Я по-прежнему верила, что ожидание – это лучшая стратегия.

Невесту Джамала, которая жила в Могадишо, звали Хамди. Ее

Джамалу выбрала мать. Накануне Рамадана две семьи праздновали обручение. Джамал тогда отсутствовал пару дней и вернулся коротко стриженный и с глупой улыбкой на лице.

– Как Хамди? – спросила я.

– Ах, – ответил он, пытаясь проглотить свою улыбку, – такая красивая!

Когда настал праздник Ийд, Джамалу позволили отправить невесте подарки. Он купил ей новый хиджаб и шоколадку – взрослый поступок для подростка, который, по его собственному признанию, впервые заговорил с незнакомой женщиной два месяца назад.

– Женщины, они *до-ро-ги-е*, – заявил он, гордый тем, что смог произнести это слово. Он знал, что это нас повеселит.

Теперь Джамал грезил о предстоящей свадьбе. Ему хотелось, чтобы будущее наступило скорее. Он рассказывал, что свадьба будет скромная, потому что большие собрания в Могадишо привлекают внимание эфиопских солдат. А я не сомневалась, что, будь его воля, он пригласил бы весь город. Но их семьи не хотели рисковать. И Джамал не настаивал. Ему просто нужна Хамди.

Мы с Найджелом искали повод, чтобы лишний раз произнести ее имя и увидеть, как эмоции играют на лице влюбленного. Он отчаянно хотел слышать это имя, но произнести его стеснялся. Часто, отправляясь на рынок за едой, он забывал купить булочки, похожие на хот-доги, которые составляли основу нашего рациона.

– Ах, Хамди... – театрально вздыхали мы, когда Джамал возвращался без хлеба. Мы изображали, как он бродит по рынку, рассеянно почесывая лоб. Он смеялся.

Порой, глядя сквозь решетку на тот кусочек внешнего мира, который был виден из окна, я пыталась представить себе Хамди. Высокая она, худая или полная? Робкая или смелая? Со страхом или с нетерпением она ждет своего будущего? Интересно, хорошо ли ее знает Джамал. Любит ли он ее или просто взволнован предвкушением любви? Он никогда не признавался, но я догадывалась, что мысли о Хамди помогают ему скрасить долгие дни в нашем доме.

Как-то раз Джамал обнаружил каталог учебных заведений, который принес нам Дональд, – тот самый, предназначенный для малазийцев, желающих обучаться в Великобритании. На каждой странице были фотографии студентов, одетых по моде девяностых годов, с книгами идущих по дорожкам среди зеленых газонов и готических каменных зданий. Джамал листал страницы, увлеченно рассматривая фотографии. Потом показал мне одну – на ней студенты сидели у пруда, где плавают два лебедя, – и

спросил:

– Это похоже на Канаду?

– Да, похоже, но этот каталог посвящен британским университетам.

Я сидела у себя на матрасе, Найджел тихо стоял у окна, уткнувшись в Коран. Джамал, наморщив лоб, провел пальцем по строчке, будто читал.

– Я слышал, – сказал он, – что Канада красивее Британии. Потому что Британия, Лондон... – Он указал пальцем на стены и потолок в комнате.

– Бетон? – догадалась я.

– Да, бетон. В Лондоне бетон, – ухватился он за мою подсазку.

– Лондон очень красивый, Джамал, – сказала я. – Тебе бы понравилось. Там старые здания, там много мусульман.

– Но это не мусульманская страна, – возразил он после секундного размышления, назидательно поднимая палец. – Лучше жить в мусульманской стране.

Я знала, что мне положено согласиться – сказать, что да, мол, конечно, лучше, но поскольку это был Джамал, а не кто-то другой, я промолчала.

С тоски я и Найджел погрузились в рутину. Мы жили как семья из двух человек. Каждый имел свои обязанности. Я разливала чай, Найджел стирал одежду. Посуду мы мыли по очереди. У нас были две алюминиевые миски и одна ложка на двоих. Из своей однообразной еды мы составляли меню – иногда ели на первое хлеб, а на второе рыбные консервы, а иногда наоборот. Большой квадратный кусок коричневого линолеума служил нам столом. Если нам приносили что-то еще – например, папайю и лук, – то я прямым концом ложки крошила все на куски, а Найджел, как шеф в телевизионном кулинарном шоу, перемешивал, готовя свой знаменитый во всем мире фирменный салат из тунца. Иногда Джамал приносил нам несколько вялых листиков салата, и тогда я, как заправская официантка, радостно объявляла блюдо дня – салат из тунца на листьях салата!

Утром мы поправляли матрасы и рассказывали, что нам приснилось ночью. Я видела яркие сны о старых друзьях, которых не встречала уже много лет. Часто мне снилась Рианна, моя лучшая школьная подруга, и родственники – бабушка с дедушкой, кузены, тетки. Во сне я всегда была свободна, но потом, прямо во сне, понимала, что это только сон.

Мы разговаривали с небывалой откровенностью. Я рассказывала Найджелу о том, какой шок и ярость испытала,

когда выяснилось, что он женат, как была огорчена. Он рассказал мне, как разводился, чувствуя, что страшно виноват перед всеми. Я узнала, что его подругу в Шотландии зовут Эрика, что она работает поваром и у нее есть собака. Эрика очень хороший человек, и он по ней скучает. И какой он идиот, что бросил ее, помчавшись сломя голову в Африку.

Мы обсудили вопрос денег. Я сказала, что мои родители, если скинутся, наберут около пятидесяти тысяч долларов. Найджел сказал, что у его родителей есть больше.

Каждый вечер, ложась спать, я говорила ему:

– Ну вот, мы стали на один день ближе к свободе.

Однажды утром, на третьей неделе октября, к нам в комнату ворвались мальчики – Абдулла, Мохаммед, Яхья-младший и Хассам. Мы завтракали на полу. Когда они вбежали, мы задержались.

– Вставайте, – велел Хассам.

– А что случилось? – спросила я.

– Вставайте, – резко повторил он.

Я заметила, что все, кроме него, вооружены. Мы вскочили. Меня била дрожь. Абдулла и Мохаммед начали перетряхивать наши вещи – перевернули матрасы, вывернули на пол пакеты, будто что-то искали. Но что? Помимо самодельной игры в нарды, которая лежала запрятанная в одной из книг, у нас не было ничего запрещенного. Да и то – если они ее найдут, то вряд ли поймут ее назначение.

Пока Хассам стоял и хмуро глядел на нас, остальные стали выносить наши пожитки – мой рюкзак, фотосумку Найджела, наши блокноты, ручки, туалетные принадлежности и одежду. Все исчезло. Затем Яхья взял за угол матрас Найджела и потащил его к выходу.

Тут до меня дошло, что происходит. Абдулла снял со стены москитную сетку, висевшую со стороны Найджела, и унес ее.

Рядом была вторая комната, куда мы иногда заглядывали по пути в туалет и обратно. Через стену слышались удары молотка – это Абдулла вешал сетку. И под конец они вернулись за Найджелом. Направив ему в грудь автоматы, они велели выходить. Они разлучили нас. Без всяких объяснений, разговоров. Я молча проводила его взглядом. Мы даже не попрощались.

Он просто ушел.

Глава 23. Виновата женщина

Я долго лежала на матрасе, надеясь, что Найджел вернется. Я ждала, что пойдет кто-нибудь из мальчиков, неся вещи Найджела, его матрас, а второй приведет его самого, может быть даже с виноватым видом, потому что произошла какая-то ошибка. Я прислушивалась – не раздастся ли скрип, шарканье – что-нибудь, свидетельствующее о передвижении, о том, что вскоре все станет как прежде. Но в доме было тихо. Тишина тяжело давила на уши. Я была одна.

Прошел час, затем второй. Одиночество было как новая страна, как неизвестная необитаемая планета – только я, матрас под простыней в голубой цветочек и четыре стены, которые высятся подобно огромным деревьям в темном лесу. Без Найджела мне не с кем было перекинуться словом, не на что бросить взгляд, буквально нечем дышать. Оставшись одна в большой комнате, я стала совсем маленькой.

Я ломала голову, гадая, что могло случиться. Почему они расселили нас именно сегодня? Может быть, они озлобились оттого, что долго нет выкупа? Ведь они сторожат нас уже восемь недель. Наверное, уже отчаиваются.

Накануне днем перед домом была какая-то суeta. Приезжали главари. Долго что-то перетирали во дворе со Скидсом. Похоже, просили готовиться к тому, что мы еще долго тут просидим – дольше, чем планировалось вначале. Скидс давно тяготился нами. Он не говорил по-английски и не питал к нам ни малейшего интереса. Я подозревала, что именно он велел нас разлучить. Тем самым он хотел показать, кто в доме хозяин.

Позже явился Джамал, неся мой рюкзак, мою одежду, туалетные принадлежности и книги. Он бросил все на пол с глухим стуком.

Я уставилась в стену – в пустоту, где раньше висела москитная сетка над матрасом Найджела. Будь он со мной, я нашла бы ободряющие, добрые слова, которые помогли бы как ему, так и мне. Я бы, например, сказала: «Ничего страшного, надо просто пережить это утро». Или: «Расскажи мне о своем самом классном дне рождения». А что теперь? Какой в этом смысл? «Успокойся, – велела я себе, – тише, тише, тише».

Я села, взяла блокнот на пружинках, который предназначался для уроков ислама, и открыла его на чистой странице. «Бредбирд, – писала я, вспоминая, как звала его в Эфиопии, – держись, не сдавайся. Мы выберемся отсюда и вернемся домой. Посылаю тебе свой горячий привет из-за стены». Я перечитала

записку несколько раз. Когда мы были вместе, я говорила ему эти слова каждый день. Верил ли он? Не знаю. Но писать это было приятно. Подумав, я добавила еще одну строчку: «Смой это в унитаз, как только прочтешь».

Я вырвала листок из блокнота и оторвала лишнюю бумагу, чтобы остался только текст. Записку я скатала в маленький шарик размером не больше ластика и затем, не дав себе времени на раздумья, постучала в дверь, будто мне надо в туалет.

Мальчики ленились конвоировать нас в туалет и обратно, как раньше, и теперь если кто-то из нас стучал в дверь, то часовой, сидящий на веранде, поглядев в нашу сторону, громко щелкал пальцами несколько раз – иди, мол.

Коридор в доме имел форму буквы L, и комната Найджела находилась как раз за поворотом, невидимая для часового. Туалет был дальше.

Когда раздался щелчок, я вышла в коридор, пряча маленький шарик между пальцами. Коридор был футов пятнадцать в длину, с толстыми синими стенами и белым кафельным полом. Комната Найджела находилась справа, как и моя. Проходя мимо открытой двери, я скосила глаза вправо, чтобы убедиться, что в комнате, кроме Найджела, никого нет, и незаметным движением кисти отправила ему мое послание. Бумажный шарик, подскакивая, покатился по полу. Найджел лежал на матрасе лицом вверх – наверное, спал. Я молилась, чтобы он успел подобрать записку прежде, чем ее найдут бандиты.

Потом я поняла, что расположение наших комнат не позволит ему отправить мне ответ, ведь Найджелу незачем ходить в мою сторону. Наше общение будет односторонним.

Вернувшись к себе, я задумалась над нашей новой реальностью. Я представила, как Найджел сидит за стеной, варится в собственных страхах, хотя понимала, что сейчас я более уязвима. Зеленая стена была покрыта венами трещин, расплзшихся по штукатурке. Для чего-то я стукнула по ней кулаком. Звук – глухой, тягучий – сгинул в стенной толще. Медленно тянулись секунды. Я сидела, парализованная тишиной. И вдруг, с другой стороны, дважды постучали. Я подскочила от радости. Найджел услышал меня! И ответил. Я могла бы перестукиваться так целый день, если бы не часовой, который каждый час притаскивался с веранды и заставлял себя обходить коридор дозором. Если они поймают нас, то отселят Найджела еще дальше. И я только раз стукнула в стену, чтобы Найджел знал, что я услышала. И мы из осторожности надолго замолчали. Да, мы могли вроде как общаться, но это ничего не значило.

Наступил вечер. Я лежала в ползучей темноте, гоня от себя

панику. После того случая в самый первый день, когда Али облапал меня, ища деньги, меня оставили в покое. Тем не менее я каждую секунду ощущала, что я женщина в окружении стаи голодных самцов. Я знала, что Коран разрешает мусульманам обращаться с невольницами как с женами, но не знала, насколько буквально понимают это наши тюремщики. Невольники, о которых шла речь в Коране, были либо захваченные на поле битвы солдаты семнадцатого века, либо деревенские вдовы, которых завоеватели принуждают на себя батрачить. Мне это все казалось древней историей, оставшейся в далеком прошлом. Но главари этой банды, казалось, существуют именно в тех древних реалиях. Всякий раз, говоря с нами, они просили не принимать все происходящее на свой счет. Выходит, мы были просто пешки в религиозной войне, в старой страшной сказке, повторявшейся на новый лад.

Всю ночь в огромной комнате я не сомкнула глаз. Мои мысли неслись галопом. Я отчаянно нуждалась в собеседнике, в полноценном общении. Придя в туалет для омовения перед вечерней молитвой, я внимательно осмотрела все еще раз. Там был унитаз, раковина, на стене алюминиевая фольга вместо зеркала и под ней хлипкая пластиковая полка. Было и маленькое зарешеченное окошко с широким подоконником. Утром после завтрака я снова бросила Найджелу записку, где объясняла свою новую идею. Я оставляю записку в туалете, спрятав ее на подоконнике, и стукну ему, давая знать, что она там. Когда он прочтет и спустит ее в унитаз, он также подаст мне сигнал. Свои записки он будет отправлять мне тем же способом.

Затем мы провели тестовое испытание. Спрятав записку в туалете, я вернулась к себе и стукнула в стену. Примерно через сорок минут Найджел дважды постучал в ответ. Это было маленькое, но важное достижение. Мы стали переписываться. Раз или два в день мы писали друг другу короткие бодрые сообщения, дополняя их рисунками. Записки мы стали прятать в пустой патрон от лампочки, торчащий на полке под зеркалом из фольги, – нам казалось, что там надежнее.

Я писала Найджелу, чтобы он нашел у себя в комнате какую-нибудь красивую вещицу, пусть самую маленькую, и смотрел на нее. Я нарисовала ему рисунок – мы в самолете чокаемся бокалами с шампанским, покидая Африку в шикарном салоне первого класса, и он говорит: «Может, еще бутылочку?» Записки Найджела были нежные, смешные и тоже о будущем – что мы будем делать, что есть, когда отсюда вырвемся. Он нарисовал мне жирафов и двоих улыбающихся туристов в национальном парке Найроби.

Каждую записку я заучивала наизусть, прежде чем порвать ее в клочки и смыть в грязный унитаз, поливая водой из ведра. Мы перестукивались через стену несколько раз в день. Тук-тук – как удары сердца.

Ты здесь? Я здесь.

Когда нас разлучили, весь наш распорядок дня вылетел в трубу, будто наши тюремщики работали теперь на батарейках другой фирмы. Джамал больше не заглядывал в мою комнату. Абдуллу, который помогал мне заучивать строки из Корана, сменил Хассам. Он приходил в первой половине дня, сначала к Найджелу, затем ко мне. При иных обстоятельствах я бы сочла Хассам симпатичным, несмотря на порченное оспой лицо. Он часто улыбался, обнажая идеально ровные белые зубы, и умел заинтересовать. Хассам был очень мал для своего возраста, и товарищи из озорства любили схватить его и бросить через плечо.

– О'кей, сегодня урок про то, как быть хорошим мусульманином, – говорил он мне.

Хассам объяснял, что Аллах оберегает нас, а молитва помогает держаться прямого пути в рай. Что до нашего похищения, он почти сожалел о нем.

– Это все деньги, не ислам, – однажды сказал он мне.

Если Абдулла ничего толком не объяснял, а только требовал, то Хассам был очень основательный и терпеливый учитель. Он произносил стихи Корана нараспев, поощряя меня копировать интонацию, подъемы и падения тона в той или иной фразе.

– *Лаху ма фис-самавати ва ма филь-ярд*, – пропевал он и ждал, пока я повторю. Это означало: *Ему принадлежит все сущее на земле и небесах.*

Мы с Найджелом провели много времени, обсуждая, кто из наших тюремщиков самый страшный. Например, Мохаммед-младший – угрюмый широкоплечий тип с близко посаженными крысиными глазками, от которого мы не слышали ни слова. Но иногда он грозил нам пальцем и прищелкивал языком, точно говоря: «Вы плохие люди». Еще не зная его имени, мы стали называть его между собой Сын Сатаны – из-за ненависти в его глазах. Верхнюю строчку в нашем списке по праву занимал Абдулла, с его холодным, злым взглядом, перепадами настроения и мечтами стать террористом-смертником, чтобы взорвать себя и заодно кучу народа.

Теперь, когда Хассам вместо Абдуллы приходил давать мне уроки, стало немного легче, я бы даже сказала «лучше», если бы не круглосуточная тревога, вызванная одиночеством.

Я люто ненавидела одиночество. Бывали дни без единого

слова, когда Джамал молча оставлял еду и уходил, а Хассам пропускал занятие. У меня возникало ощущение, что я сижу в колоде – сыром и глубоком. Теперь я понимала, как совершенно здоровый человек, запертый в сумасшедшем доме, может и впрямь сойти с ума. Такое показывали в кино. Мой мозг бунтовал. А если я закричу, кто-нибудь ответит? А если умру, заметит кто-нибудь? Все мои обещания Найджелу, что это скоро закончится и мы будем сидеть у бассейна с пивом и сэндвичами, теперь казались фарсом. Стена моего мужества, которую я по кирпичику собрала за все время странствий, теперь крошилась и рассыпалась.

Мальчики начали пренебрегать правилами хорошего тона. Один раз в день перед полуденной молитвой мне разрешали помыться в душевой, которая находилась в конце коридора, за туалетом. Дверью служила хлопковая шторка. Если повернуть кран, то из душевой головки под окном иногда лилась тонкая струйка ржавой воды. Но чаще приходилось мыться водой из ведра. Я наслаждалась моментами в душе, прохладой, которую давала вода, запахом немецкого мыла. Мне были необходимы эти пять минут полной наготы и струйка воды, даже ржавой, омывающая мое тело. Ощущение, которое давал мне душ, отдаленно напоминало радость.

Вот только шторка в душе была прозрачная. Я и мальчики обнаружили это одновременно. В свете полуденного солнца, льющегося в окно, мой силуэт был явственно виден сквозь ткань, а я видела, что происходит в коридоре. Хассам был первым, кого я заметила по ту сторону шторы. Он стоял на четвереньках и силился заглянуть под штору снизу. В следующий раз я услышала сдавленный смехок и увидела две знакомые фигуры – Джамал и Абдулла маячили, как привидения, по другую сторону шторы.

Ночью я почти не спала от страха, но днем, особенно после полудня, когда бывало особенно жарко, меня одолевала дремота. Я лежала на своем пропотевшем насквозь матрасе, то засыпая, то просыпаясь, страдая от головной боли, вызванной обезвоживанием. В один из дней в комнату ввалились двое – Абдулла и Мохаммед. Я резко проснулась. Они были взвинчены и злы.

– Мохаммед, Абдулла, – сказала я дрожащим голосом, – что случилось?

Я всегда нарочно старалась называть их по имени. Так было проще вызвать их на разговор, вытащить из них хоть несколько слов.

Традиционное арабское приветствие *ас-саламу алейкум* значит «мир вам». Я слышала его много раз в Бангладеш,

Пакистане, Афганистане, Египте, Сирии и Ираке. Есть сокращенная версия – *салам* и полная – *ас-саламу алейкум ва рахматула ва баракату* – «да пребудет с вами мир и милосердие Аллаха». К тому времени я уже достаточно читала Коран, чтобы знать, какие правила установил Аллах насчет приветствий, – на вежливое приветствие положено отвечать еще более вежливым или, во всяком случае, не менее длинным и вежливым. Я всегда этим пользовалась. Кто бы ни входил ко мне в комнату, я старалась заставить его задержаться хоть на пару секунд, пока дилились наши приветствия, ибо в течение этих секунд я ощущала себя человеком.

Однако сегодня приветствий не было. Абдулла шагнул ко мне и направил мне в грудь автомат.

– Повернись, – велел он, показывая, что я должна лечь на матрасе лицом вниз.

Я медленно повернулась. Они стояли рядом. Я видела у своего лица голые безволосые лодыжки Абдуллы цвета кофе. Мне казалось, что я падаю, вниз, вниз... Они тяжело дышали. Я закрыла глаза, ожидая, что будет дальше.

– Ты плохая женщина, – сказал Мохаммед.

– Ты проблема, – сказал Абдулла.

Ствол, точно стальной палец, уперся мне в затылок. Мысли мои остановились. Они обсуждали что-то на своем языке, будто пока не решили, что им предпринять. Потом они замолчали. Мохаммед пнул меня ногой в ребра. Весь левый бок заломило от боли, слезы брызнули из глаз.

– Ты плохая, – повторил он, – мы убьем тебя, иншалла.

Они повернулись и вышли. Хлопнула дверь. Комната снова погрузилась в тишину.

Двадцать минут спустя я все еще плакала, когда в дверь заглянул Джамал. Увидев мои слезы, он оробел, но прежде, чем успел скрыться, я выдала полное приветствие по-арабски, и он вынужден был отвечать. Потом я попросила его:

– Джамал, пожалуйста, скажи мне, что происходит.

Нерешительность промелькнула у него на лице – возможно, ему запретили со мной разговаривать. Но потом он вздохнул и ответил:

– Почему, – сказал он, – почему ты сказала матери не платить? – и укоризненно покачал головой, будто я сама во всем виновата. – Мы сидим здесь, потому что она не платит. Солдаты очень злые.

И я почти услышала бархатный голос Ахмеда, внушающий эту теорию капитану Скидсу, который затем, как следует приправив ненавистью, передал его слова мальчикам. *Во всех*

ваших разочарованиях и несчастьях виновата эта женщина. В том, что вы два месяца сидите на одном месте, тоскуя по дому и родным, виновата эта женщина. Во всем, чего у вас нет, что вы смогли сделать, виновата эта женщина. Это она сказала своей матери не платить.

Глава 24. Майя

В доме по соседству жила маленькая девочка, дочь женщины, которую я однажды видела развешивающей белье на веревке во дворе. После обеда, в самые жаркие часы дня, когда мои тюремщики дрыхли в тени на веранде, я слушала, как девочка играет, пока ее мать моет посуду или снова развешивает белье. Девочка визжала, капризничала, иногда истерически вскрикивала «майя!», что на сомали значит «нет». Я часами слушала ее тонкий голосок. Я выворачивала шею, пытаясь заглянуть к ним во двор, – за стеной мелькала голова и плечи матери, что-то тряпичное желтого или темно-синего цвета. Я просовывала сквозь решетку руку с зеркальцем, которое принес мне Дональд, – в зеркале отражалась часть двора, невидимая мне из-за решетки. Но я редко делала так, боясь, что зеркало отбросит «зайчик» или кто-нибудь заметит мою белую руку, торчащую из окна. Мной владел страх быть похищенной у моих похитителей более свирепой бандой, которая также станет требовать денег или убьет меня забавы ради.

Соседская девочка были слишком мала ростом, чтобы я могла видеть ее через забор, но, судя по голосу, ей было около двух лет. Она бегала по двору и кричала «майя» всякий раз, когда ее пытались загнать домой.

Мать учила ее разговаривать.

– *Иска уарран?* (Как дела?) – говорила она девочке.

Если та была в настроении, то повторяла:

– *Иска уарран?*

– *Уаа фиканахей.* (Хорошо.)

– *Уаа фиканахей,* – повторяла девочка.

«Уаа фиканахей», – шептала я вслед за ними.

Большую часть из того, что они говорили, я не понимала, узнавала лишь тон их голосов: мать и дитя, смесь любви и раздражения.

Иногда во дворе раздавался мужской голос или голос пожилой женщины. Порой я с завистью слышала несколько женских голосов, воркующих над девочкой. Наверное, это подруги матери. Они представлялись мне хорошими, добрыми людьми, которые могли бы спрятать меня у себя в доме. Я бы вошла через заднюю калитку и подошла к ним, сидящим за обеденным столом, – привидение белой женщины. И спросила бы по-сомалийски: «Как дела?»

Имени девочки я так и не смогла расслышать. Для меня она была просто Майя.

Днем меня чаще всего сторожил Абдулла. Он бродил по коридору, без стука врывается ко мне в комнату и стоял, угрюмо глядя на меня и сжимая в руках автомат. Или принимался переворачивать мои вещи, будто что-то искал, – швырял все на пол с особой свирепостью. Он был единственным из банды, кто по-прежнему прятал лицо под платком. Он был плотнее других парней, с мощным торсом и длинными руками, и говорил глубоким лающим басом, слегка гнусавым из-за платка, закрывающего рот. Всякий раз я пыталась завести разговор. Например, спрашивала, что будет сегодня на ужин и голоден ли он. Чаще всего Абдулла не отвечал.

Потом я догадалась: швыряя на пол мои вещи, он проверял, насколько шум из моей комнаты слышен в доме и во дворе. Он придумал, как занять свободное время.

С тоски я стала читать макулатуру, что принес нам Дональд несколько недель тому назад, – почерневшие от времени и плесени буклеты, над которыми мы с Найджелом так потешались. Там была хрестоматия с текстами про палату общин и расцвет экономики в Великобритании плюс вопросы к текстам и письменные упражнения, где нужно было заполнить пропуски подходящими по смыслу словами. Была книжка сказок о мусульманских братьях-близнецах, которые учились доброте. Ну и образовательный каталог, призванный соблазнить богачей из Малайзии везти свои денежки в британские университеты. Ха, ха, ха – смеялись мы тогда с Найджелом, листая слипшиеся страницы. Самые чистые страницы он вырвал – на них я резала лук и папайю для нашего фирменного салата из тунца. Мы издевались над Дональдом, потому что он отдал деньги за эту ерунду, считая это ценностью, и за гордый вид, с которым он преподнес нам свои подарки. Мы издевались над всем Сомали за то, что здесь собирают разный мусор, ненужный в других странах, и продают на рынке. Это воспоминание мне было не менее дорого, чем память о салате из шпината или куске торта, которые я ела дома в Канаде.

Теперь я взяла все это и принялась изучать слово за словом. Сверху над моей головой стонала и потрескивала от жары жестяная крыша, а я усердно выполняла задания в конце каждого текста в хрестоматии. *Эта статья отражает субъективную или объективную точку зрения? Приведите примеры из текста.*

Когда дело дошло до образовательного каталога, я по-настоящему увлеклась. В каталоге были университеты Лондона, Манчестера, Оксфорда, Уэльса и другие, о которых мне никогда не доводилось слышать ранее. Я и не догадывалась, что Англия

такая большая. Текст был не очень интересный – в основном данные о числе студентов в группах и учебные программы, но зато цветные фотографии, пусть грязные и выцветшие, были все еще красивы. Я рассматривала величественные здания из серого камня, траву, цветы, довольных студентов, шагающих с книгами по дорожкам, обсуждающих, наверное, очень увлекательные вещи. Теперь эти студенты десять лет как окончили университет. У них семьи, дома, собаки, дети. Почему я не захотела для себя такой жизни? Почему я тратила деньги не на учебу, а на авиабилеты? Я попробовала представить себя в аудитории, во дворе университета с новым ноутбуком в руках, в комнате общежития, в студенческом кафе. А что – я хорошо бы там смотрелась. Это интересный план.

Дверь открылась и закрылась. Я подняла голову и увидела Абдуллу. На нем был малиновый саронг и вытянутая майка, пожелтевшая от пота. Его глаза злобно сверкали сквозь щель в платке. На этот раз он не притворялся, что пришел устроить обыск. Он поставил автомат к стене и сказал:

– Вставай.

Я не пошевелилась.

– Вставай, – повторил он.

Что толку было жить в вечной тревоге? С ощущением, что это рано или поздно должно случиться? Это ничего не меняет. Подготовиться к этому нельзя.

Я отложила каталог и медленно поднялась, чувствуя дрожь во всем теле и спазм в горле.

– Пожалуйста, – прошептала я, – не надо.

Одной рукой Абдулла схватил меня за шею и прижал к стене. Край его ладони сдавил мне горло, так что я чуть не задохнулась. Я чувствовала, как его пальцы зажимают мне рот, впиваются в глазницы.

– Не надо, не надо, – мычала я под его тугой ладонью.

– Заткнись, – сказал Абдулла и лишь крепче сжал мою шею.

Его саронг теперь валялся на полу. Он сунул свободную руку под широкую резинку своих спортивных шортов и стал себя наглаживать. Мой мозг сделался жидким и вытек, не в силах удержать ни одной мысли.

– Не надо, не надо. – Мои руки напрасно пытались его оттолкнуть.

Он ударил меня кулаком в висок и потянул вверх подол моего сомалийского платья. Мое тело оцепенело.

– Заткнись, я убью тебя!

И потом мне захотелось умереть. Через десять секунд все закончилось. Десять невыносимо долгих секунд. Их хватило,

чтобы земля загремела и раскололась, образовав пропасть между той, что я была, и той, что стала.

Когда он отпустил меня, я съехала по стене на пол, как тряпичная кукла. Абдулла взял автомат, открыл дверь и выглянул в коридор. Я сидела, спрятав лицо в ладонях и не глядя на него. Потом я сказала, что мне нужно в туалет. Мне отчаянно хотелось спрятаться, выплакаться, помыться. Еще раз убедившись, что в коридоре никого нет, он сказал:

– Иди.

Прежде чем выпустить меня за дверь, Абдулла приставил ствол к моей груди – будто собирался повторить – и предупредил:

– Скажешь кому-нибудь, убью.

И я в этом не сомневалась.

Глава 25. Уловка 22

Все было по-прежнему, но все изменилось. Зеленая штукатурка на стенах была прежней, окна, ставни, решетки, слой грязи на полу, крыша над головой. Джамал принес на ужин такую же, как обычно, хоккейную шайбу консервов. Призыв к молитве из мечети по соседству, гул голосов, бубнящих во дворе строки Корана, – все было прежним. Изменилась только я.

Я неподвижно лежала на матрасе, с ломотой в спине и саднящей болью между бедер. Я не открывала глаз, прикрыв одной рукой лицо. У меня было чувство, что меня выселили из собственного тела, что оно стало слишком тесным для меня. А взамен в мое тело вселилась какая-то чужеродная вредоносная сила. Я была как призрак, бродящий на обломках разрушенного города. Я должна была ненавидеть Абдуллу, но я ненавидела себя. Я вспоминала все промахи, все глупости, когда-либо допущенные мной в жизни. Зачем я поперлась в Сомали? Что я с собой сделала? Восемь недель я занималась самообманом, твердя, что это все временно и скоро закончится. Как бы не так! Шли минуты, часы – ничего не менялось. Становилось только хуже. Я была одна. Одна я была никто. Ко мне вернулись все страхи, что когда-либо мучили меня, даже детские, – я боялась темноты, непонятных звуков. Паника накатывала огромными волнами. Мыслить рационально не получалось. Я думала о том, как приблизить неизбежное. Я гадала, выйдет ли петля из моей простыни в цветочек и можно ли прицепить ее где-нибудь в туалете, чтобы мои мучения быстрее закончились. Он не сможет убить меня, если я убью себя первой.

Я пролежала так два дня, поднимаясь только для того, чтобы сходить в туалет, изобразить мнимую молитву и выпить воды. Я все-таки не могла решиться на самоубийство, но интереса к жизни тоже не испытывала.

На третье утро я с тоски оставила для Найджела довольно легкомысленное сообщение. Я не стала писать о случившемся, просто пожелала ему доброго утра. Если притворяться, что утро доброе, может быть, оно действительно станет добрым? Я стукнула в стену, снова легла на матрас и стала ждать ответного стука. Мой взгляд заскользил по комнате – безобразный пол, соломенный свет, пробивающийся сквозь решетку на окне, все как обычно. И все же... Неужели все так плохо? Неужели мне в голову не придет ни единой позитивной мысли? Должно быть что-то хорошее, стоящее того, чтобы о нем думали. Надо только дожидаться, и оно даст о себе знать. И ожидание началось, пустило

корни. И это ожидание заменило мне позитивное мышление.

Позже я встала и зашагала по комнате. Сделала круг, затем второй. Движение явно шло мне на пользу, оно давала цель. Мои босые ноги передвигались неторопливо, размеренно. Одной рукой я приподнимала длинный подол платья, чтобы не наступить на него. Я разговаривала с собой, и слова передавались прямо мне в ноги. *Я выберусь отсюда. Все будет хорошо.* Эти слова несли утешение. Я твердила их, как заклинание, и двигалась. В кои веки я радовалась, что меня держат в такой большой комнате. Я наворачивала круги и не видела причины останавливаться. Заглянул Хассам – он пришел, чтобы учить со мной новую суру. Видя, что мой Коран лежит на подоконнике, но я не делаю попыток взять его, Хассам озадаченно постоял, поглядел на меня и вышел. Я была уверена, что никто из них не знает, что сделал со мной Абдулла. Когда наступил полдень – жаркие тихие часы, которых я теперь боялась, – я все ходила, потяя, как олимпиец. Джамал принес чай и бутылку воды. Пару раз Мохаммед открывал дверь, усмехался и снова исчезал. А между тем я готовилась к побегу. Я изгнала неуверенность из своих планов, а также отчаяние, трусость и невнятные оговорки, которые обычно ее сопровождают. Раньше я думала: «Если я выберусь отсюда, то буду добрее, щедрее» – и прочее в том же духе. Теперь я думала: «Когда. Когда я выберусь отсюда... Когда я вернусь домой, я буду обнимать отца сто раз на дню. Мы с мамой поедem в Индию, где она всегда мечтала побывать. Я буду есть здоровую пищу, поступлю в университет, встречу мужчину, который будет меня любить, сделаю для людей что-нибудь важное. О Сомали я буду рассказывать друзьям. Это не будет счастливая история, но история с концом». Так, накручивая круги по комнате, я придумала себе будущее и решила, что буду за него держаться.

Не прошло и нескольких дней, как Абдулла явился снова. Как и в первый раз, он схватил меня за шею и толкнул к стене, уничтожая всю накопленную мной решимость. Через несколько дней все повторилось, и так еще много раз. У меня было ощущение, что он грабит меня, высасывает из меня жизнь. Порой он только бил меня и уходил.

Шесть-семь часов в день я шагала по комнате. Иногда быстро, иногда медленно. Подошвы моих ступней огрубели. Мои следы образовали на грязном полу неровный овал, миниатюрную беговую дорожку. Я делала перерывы, чтобы выпить воды и сходить в туалет. На время молитвы я тоже прерывалась, но сидела на матрасе, не утруждая себя дополнительными телодвижениями. Несколько раз в день я меняла направление, чтобы сменить

нагрузку на ноги. Со стороны, наверное, я напоминала животное в состоянии стресса, мечущееся по клетке, но сама я если не чувствовала, то верила, что становлюсь сильнее. «Я выберусь отсюда, все будет хорошо», – твердила я себе. Я надела на руку мужские часы – подарок Дональда. Знать время вдруг стало важным. Это позволяло планировать. Глядя на часы, я думала: «Так, сейчас восемь часов. Я похожу до полудня, а затем пойду приму душ». Ходьба помогала бороться с отчаянием. Мое тело превратилось в систему жестких мышечных жгутов и узлов. Время от времени меня останавливал Хассам, чтобы заучить со мной новую порцию из Корана. Когда он уходил, я возвращалась на круг, в котором черпала утешение. И всякий раз, слыша, как за окном протестует маленькая Майя, я мысленно выражала свою с ней солидарность.

Когда явился Дональд, я стала упрашивать его вернуть обратно Найджела. Он спокойно отвечал, что Коран запрещает совместное проживание мужчины и женщины, если они не являются супругами.

Конечно, мне это было известно. Знакомая уловка 22. Будучи мусульманкой, я должна подчиняться законам ислама. Пусть в мире полно умеренных мусульман, которые смотрят на эти вещи так же, как и я, но мои похитители – фундаменталисты, и если я стану оспаривать их взгляды, то выставлю себя неверной. Странно, что они позволили нам так долго оставаться вместе.

– Это хорошее место, – ворковал Дональд, обводя рукой комнату. – Так лучше для всех.

Дональд лукавил. Я знала, что наш образ жизни вызывает у него отвращение. Не только мой и Найджела, но и всех обитателей дома. Он всегда отмечал грязь и отсутствие мебели. Из Могадишо он часто привозил для мальчиков жареную рыбу или кастрюли с тушеным мясом, приготовленным его женой. Со мной же он притворялся любезным хозяином. Раз за разом я просила у него одно и то же – поговорить с мамой, большую шоколадку и больше еды. Он энергично кивал, будто и впрямь готов был исполнить мою просьбу, и ничего не делал.

– Как дела? – всегда интересовался Дональд после окончания исламских приветствий.

– Плохо, – отвечала я, – я хочу домой.

– Я думаю, что ждать осталось недолго, иншалла, – неизменно отвечал он.

Слово «ислам» имеет арабское происхождение и значит «подчиняться богу и почитать его». Каждый день я наблюдала действие этого принципа в жизни. Мы все, равно заключенные и тюремщики, должны были ждать, что будет, и не жаловаться.

Но в тот день я решила рискнуть.

– Для нас *не лучше* сидеть в разных комнатах, – сказала я. – Один из мальчиков приходит ко мне, – я нарочно не называла имени, боясь, что Абдулла узнает и убьет меня, – и делает *харам*.

Дональд понял, что я имею в виду, и совсем не удивился, разве что легкая тень смущения на миг омрачила его лицо. Я, чуть не плача, бросала на него умоляющие взгляды. Главари мне всегда казались не такими грубыми, как солдаты. Они, конечно, осудят Абдулла. Дональд либо проведет расследование, либо сделает мальчикам выговор и предпримет что-нибудь для моей защиты. Например, вернет мне Найджела.

– Я ваша сестра в Аллахе, – продолжала я, – вы должны мне помочь. Аллах учит, что мусульмане должны помогать друг другу. Вы бы не хотели, чтобы подобное случилось с вашей женой или дочерью, верно? Пожалуйста, остановите это. Я хочу домой к своей семье. Для меня слишком опасно оставаться здесь среди этих солдат.

Дональд прокашлялся, затем пальцем указал на мой Коран, лежащий на матрасе. Я подала ему книгу. Он полистал страницы, читая по-арабски, нашел нужное место и ткнул в английский перевод: сура 23, стихи 1–6. Я знала, о чем там. Это один из пассажей в Коране, где речь идет о невольницах, которых правоверным дозволено использовать в качестве жен. Я всегда с тоской читала эти строки, а теперь они огрели меня, точно обухом по голове:

*Воистину, преуспели верующие,
которые смиренны во время своих намазов,
которые отворачиваются от всего праздного,
которые выплачивают закят,
которые оберегают свои половые органы от всех,
кроме своих жен или невольниц, которыми овладели
их десницы, за что они не заслуживают порицания.*

– Вот видишь, – сказал Дональд, – то, что происходит, – вовсе не обязательно, но допускается. – И сложил ладони вместе, как мудрец, который только что открыл мне некую истину. – Это не запрещено.

Я знала, что мальчишки принимают все, что написано в Коране, за чистую монету, но думала, что главари – особенно Дональд, живший в Европе, – допускают некоторые интерпретации, глядя на Коран сквозь призму прошедших веков. Так мои набожные бабушка и дедушка читали Новый Завет, где есть свои провокационные строчки о невольниках и обращении с женщинами, отделяя, как говорится, зерна от плевел. Но Дональд,

очевидно, был не из тех. *Не заслуживают порицания* – таков был его вердикт.

– Но он ранит меня, мне больно, – упорствовала я. – То, что происходит, для меня проблема.

Он отдал мне Коран и сказал:

– Иншалла, сестра Амина, все будет хорошо. Ноу проблем.

Я и сама часто повторяла себе эти слова, но в его устах они прозвучали как издевка.

Наступил ноябрь. Я считала дни как одержимая. Я мысленно праздновала дни рождения друзей, представляя себе, как зима сменяет осень в Альберте. Не за горами было Рождество. Мне хотелось верить – и я верила, – что к тому времени я, живая и здоровая, буду дома. Каждую пятницу мальчики стирали одежду и по очереди ходили в мечеть, отмечая конец недели. Я продолжала до изнеможения наматывать круги по комнате и все ждала перемен. Вспоминала последний разговор с мамой в начале сентября, когда я сказала ей ничего не продавать и не платить. Последний раз я видела ее как раз в праздники, почти год назад – незадолго до того, как уехала в Ирак. Мы вместе встретили Новый год у нее дома в Кэнморе. Мы смотрели кино. Она сидела на диване, а я лежала на полу. Мы обе успели утратить интерес к шумным вечеринкам и пьяным конкурсам. Маме недавно исполнилось пятьдесят. Когда она была в моем возрасте, она забеременела мной. А бабушке было столько, сколько ей сейчас. Мы были как три стрелки на циферблате – молодость, зрелость, старость.

Иногда приезжал кто-то из главарей и задавал мне вопрос из викторины, проходящей на разных континентах. Вопрос о чем-то личном, отправленный из дома. *Какой приз недавно получил папа? Приз от мэриш за его цветочные клумбы.*

Где Ома хранит леденцы? В шкатулке в виде тыквы.

Мои ответы служили доказательством того, что я жива, что о моей свободе еще есть смысл договариваться. Я воспринимала эти вопросы как подарок, шанс съездить в гости к бабушке в Ред-Дир или полюбоваться георгинами во дворе у папы. Они напоминали мне, что за стенами моей тюрьмы существует жизнь. В своем воображении я вела бесконечные разговоры с мамой, представляя, что между нами через океан протянута нить, по которой передаются наши мысли. Она посылала мне свою любовь. И я говорю: *«Я тоже люблю тебя. Я люблю тебя. Прости меня»*. И совсем не так, как в прошлый раз, прошу: *«Пожалуйста, вытащи меня отсюда. Сделай что-нибудь. Продай все и заплати»*. Больно становилось от одной мысли, но теперь я и вправду так думала.

Каждый раз после Абдуллы я уговаривала себя не умирать.

Когда я не ходила и не лежала на матрасе, я часто стояла у дальнего окна, где было светлее, и читала Коран или какую-нибудь из чепуховых книжек Дональда. Иногда, особенно по утрам, я слышала пушечный грохот – где-то неподалеку шла война, рвались снаряды, рушились здания. Мне казалось, что нас держат в одном из пригородов Могадишо. По звукам невозможно было догадаться, кто воюет – Аль-Шабаб и армия Эфиопии или две противоборствующие банды. Грохот смолкал так же неожиданно, как и начинался. В округе наступала жуткая тишина. Люди еще долго прятались по домам, боясь, что обстрел повторится. Я вспоминала Аджуса в отеле «Шамо» и его несмолкающий сотовый телефон – друзья и родственники снабжали его самой свежей информацией о происходящем, о том, куда можно сегодня ехать, а куда нельзя, кто погиб, а кто уцелел. Я очень надеялась, что снаряд попадет в наш дом – крыша рухнет, везде будет темно от пыли и дыма, всех завалит обломками. Хорошо бы они все погибли, они все это заслужили, каждый из них. А у меня появится шанс на побег.

Однажды, стоя у окна, я заметила во дворе внизу мужчину. Он был примерно моего возраста и направлялся к сараю, разговаривая с другим мужчиной, которого я не видела. По его размашистой походке и по тому, как он держал руку, обнимая друга за плечи, можно было сказать, что это хороший человек.

Мое одиночество, наверное, передалось по воздуху, поскольку – не успела я окликнуть его – он поднял голову и взглянул прямо на меня, наполовину скрытую решеткой. Наши взгляды встретились, и мы оба от неожиданности вздрогнули. Я в страхе отскочила от окна. Узнай мои тюремщики, что меня видят соседи, они будут держать окна закрытыми день и ночь. Но один факт, что мужчина меня увидел, пробил брешь в стене окружавшей нас абсолютной секретности. Может быть, он расскажет кому-нибудь обо мне и что-то изменится?

Шли недели, ничего не менялось. Я совсем перестала подходить к дальнему окну и читала у второго окна, выходящего в переулочек. В этом месте иногда ощущалось слабое движение воздуха, хотя чаще воздух был горяч и неподвижен. Я пыталась уловить малейшие перемены в давлении и влажности, представляя себе, что где-то далеко над океаном формируется дождевая туча и движется в мою сторону, через джунгли и пустыню.

Однажды бетонная стена в переулочке покрылась темными крапинками – пошел дождь. Я стояла, облокотившись о

подоконник, и слушала, как дождь стучит по крыше. Небо сделалось серым. Порывы ветра шелестели в кронах невидимых для меня деревьев, которые брызгали водой на стену.

– Боже, как красиво, – произнес рядом чей-то голос, ясный как день, в точности выражая мысль, пришедшую мне в голову.

Голос был не мой, но знакомый.

– Найдж?

– Траут? – ответил голос.

Первое мгновение мы, потрясенные, молчали. Он был совсем рядом – стоял у окна за стеной. Благодаря тому что переулок был узкий и крыши нашего и соседнего домов перекрывались по краям, акустика была отличная – наши голоса отражались от крыши сверху и стены напротив. Мы могли переговариваться, стоя у окна каждый в своей комнате. Маленькое чудо физики. Мы прожили недели, не подозревая об этом.

Глава 26. Праздник

Я всегда думала, что в будущем мы с Найджелом останемся близки. Пусть романтические отношения между нами закончились, но их заменило что-то другое. Мы ведь друзья, настоящие, лучшие друзья. А как может быть иначе? Никто на свете не поймет, каково было слушать арабские молитвы наших тюремщиков во дворе или жить, подчиняясь равнодушным щелчкам их пальцев. Я думала, что мы должны это все лучше запомнить, чтобы потом обсуждать на досуге или на пенсии, сидя то на моем, то на его крыльчке.

А пока мы вполголоса переговаривались через окно. Мы болтали часами, держа в руках Коран – на тот случай, если кто-нибудь войдет. Больше всего я боялась, что нас поймают, однако мы уже знали, что им лень лишний раз покидать крыльцо, и в течение дня выдавались довольно длинные отрезки времени, когда нас никто не беспокоил.

Мое окно находилось на уровне плеч, и для того, чтобы лучше слышать Найджела, я поднималась на носочки и выворачивала шею, просовывая ухо сквозь решетку. Я стояла так, пока ноги не начинало сводить судорогой. Тогда я говорила: «Ну ладно, до скорого» или «Пойду поем» – как конторская служащая, готовая вернуться к своему столу. Часто на прощание я говорила: «Люблю тебя, Найдж». А он отвечал: «И я тебя. Не вешай нос, Траут». Если прежде мы с Найджелом воспринимали друг друга как нечто само собой разумеющееся, мы ссорились и раздражались, то теперь мы были рады и благодарны возможности слышать друг друга. Его голос был для меня той соломинкой, за которую я держалась.

Мы вспоминали старые истории, дополняя их новыми деталями. Мы играли в игры, рассказывали анекдоты. Мы обсуждали сны, отношения с мальчиками, работу кишечника. Найджел вслух мечтал о красивых женщинах. Его любимицей была Кейт Бланшет. Мы строили догадки о том, как проходят переговоры, какую сумму удастся собрать нашим родителям, и пришли к выводу, что соберут около полумиллиона и что бандитам придется на это согласиться. Мы обсуждали будущее, как будто будущее уже стояло на пороге. Найджел хотел вернуться к фотографии и, возможно, поехать в Афганистан. Я собиралась проводить больше времени в Канаде. Мыслями я была там, дома. О жизни моих братьев я не знала почти ничего, и в пору было знакомиться с ними заново. Бабушка и дедушка старели. Я давно не навещала друзей. Я грезила прохладой и

сугробами. Я мечтала поселиться в Ванкувере, который казался мне теперь самым красивым городом на земле. Во время своих пробежек по комнате я представляла, что вокруг не грязная пустая комната, а Стенли-парк и высокие колышущиеся кедры.

Долгое одиночество меняет человека. Мозг обретает особую силу – я бы сказала, мускульную силу. Он поднимает вас и несет. В продолжение месяца после разлуки с Найджелом я стала ощущать в себе новую энергию – одновременно физическую и не физическую. Держа ладонь в нескольких дюймах от бедра, я чувствовала внутренний жар. Новая энергия в моих руках могла быть инструментом, который послужил бы мне, научись я им пользоваться. Не знаю, хорошо это было или плохо, был ли это инструмент выживания или первые звоночки безумия. Однажды утром я съела банку консервов и долго сидела с ложкой в руке, глядя на нее и пытаюсь согнуть силой своей мысли. Хоть немного. У меня ничего не получилось. Однако во второй раз эта идея уже казалась не такой безумной. Потом, когда я через окно рассказала об этом Найджелу, он признался, что тоже экспериментировал с физической энергией, пытаюсь передавать своим родителям срочные сообщения насчет выкупа.

– Кого, – спросил Найджел, – кого из них ты ненавидишь больше всего?

Мы часто задавали друг другу такие вопросы. Почти всегда наши разговоры у окна начинались именно с них. Вообще общение у нас проходило в форме вопросов и ответов – туда-сюда. Мы вспоминали прошлое или мечтали о будущем. *Какая страна тебе понравилась больше всего? С кем и когда у тебя был самый лучший секс? Что ты съешь первым, когда мы отсюда выберемся? Чего тебе больше хочется – принять горячий душ или выспаться на свежей прохладной постели?*

Но этот вопрос касался настоящего, наших тюремщиков. Ответ был прост – конечно, больше всего я ненавижу Абдуллу. Я лютой ненавистью ненавидела все, что у него есть, – от безволосых подмышек до скверного запаха изо рта, ненавидела его жестокость, его садизм. Я ненавидела каждый послеполуденный час – когда он мог появиться. Обычно он приходил через день, а когда его не было, эти часы я все равно переживала в поту, адреналиновой лихорадке и страхе, что он вот-вот явится. Я мечтала вырвать автомат у него из руки и пристрелить его, чтобы все соседи проснулись от грохота и узнали, какая он мразь. Я мечтала убить его. Я желала ему смерти. Но эти мысли помогали мне выдержать самые тяжелые секунды, тогда как необходимо было держаться часы, много

часов. Ненависть кипела во мне, как раскаленная лава под натянутой проволокой каждого дня. Я видела ее, но мне не хотелось в нее погружаться. Я знала, что сгорю в ней. Так что предпочитала говорить о сексе и еде. «Давай не будем об этом», – сказала я Найджелу.

Про Абдуллу я ему не рассказывала. Мне не хотелось травить его понапрасну, ведь он ничем не мог мне помочь. Интересно, слышит ли он шум через стену? Мальчики относились к нему по-другому. Найджел рассказывал, как однажды ради гимнастики решил заняться йогой. Хассам и Абдулла, увидев однажды, как он выполняет позы, заинтересовались и стали повторять движения за ним. А потом приходили еще несколько раз и просили консультаций насчет той или иной позы. Их очень насмешила поза дерева, которую они пытались выполнить в своих юбках. Все это свидетельствовало о том, что они сходят с ума от скуки. А еще – что моя сторона стены совсем не такая, как сторона Найджела.

Помимо широких и абстрактных вещей вроде свободы, комфорта, безопасности, нужду в которых я ощущала постоянно, мне хотелось и более конкретных – например еды. Я грезилась о бифштексах, леденцах, холодном пиве в замороженной кружке. Я могла часами в подробностях представлять процесс приготовления какого-нибудь блюда. В мечтах меня часто посещал омлет. Я слышала, как сочно хрустит под ножом зеленый перец, как шипит таящее на сковороде масло, видела, как разбивают яйца и лимонно-желтые желтки шлепаются в чашку. Больше всего мне хотелось, чтобы меня обняли, хотелось упасть в объятия человека, который меня действительно любит. Но мне никогда не приходило в голову попросить чего-нибудь из дому. И вот однажды в середине ноября Дональд вошел в комнату, неся большой плотный почтовый конверт желтого цвета и черный поменьше.

– Тебе посылка из Канады, – сказал он и медленно вытряхнул на линолеум содержимое большого пакета. Там было несколько упаковок таблеток, с описанием препарата и инструкцией по применению – нороксин – 400 мг, роокситромицин – 150 мг и так далее; несколько ручек и карандашей, блокнот, пара маникюрных ножниц, косметическое молочко для тела, пять комплектов нижнего белья, резинки для волос, зубная нить, несколько пачек прокладок, коробка гигиенических салфеток и пачка британского печенья.

Затем он протянул мне небольшой черный кейс, где лежали две пары очков в толстой оправе и – мое сердце радостно

подпрыгнуло – книги.

– Тебе повезло, – сказал Дональд и вышел.

Я сидела и рассматривала все это, не веря своим глазам. По щекам моим текли слезы. Я даже боялась взять что-то в руки. Мне прислали сборник кроссвордов, тонкий англо-сомалийский разговорник и автобиографию Нельсона Манделы «Долгий путь к свободе» в двух томах, объемом около девятисот страниц. Я слышала, как Дональд стучит в соседнюю дверь, и надеялась, что и Найджел получил подарки.

Позже он сообщил через окно, что ему тоже прислали лекарства, туалетные и письменные принадлежности плюс недавний выпуск «Ньюсуик», головоломки sudoku, две книги Хемингуэя – «Снега Килиманджаро» и «Зеленые холмы Африки» – и второй роман Халеда Хоссейни об Афганистане – «Тысяча сияющих солнц». В его посылке тоже было пять комплектов хлопкового белья, но кто-то – скорее всего, Адам или Дональд – вскрыл упаковку и забрал один комплект себе. Мы потом узнали, что они копались в наших посылках, изымая письма, медикаменты и все, что им приглянется.

Первый том биографии Манделы я прочла менее чем за три дня и начала второй, описывающий двадцать семь лет, что он провел за решеткой в Южной Африке. Я жадно глотала текст, воспринимая его как личное послание. Мандела писал, что заключенные обменивались записками, пряча их в туалете. Его мозг тоже играл с ним злые шутки. Иногда ему казалось, что он сходит с ума. «Твердые убеждения – это секрет выживания в самых невыносимых условиях, – писал он. – Если ваш дух не сломлен, пустой желудок вас не убьет». Ранее Дональд принес мне маленький карманный фонарик, который я включала очень редко, экономя заряд аккумулятора, но теперь я пользовалась им, чтобы читать даже ночью.

Мы с Найджелом обменялись книгами через наш тайник в туалете – мы совали их на широкий подоконник. Мы вместе читали и разгадывали кроссворды. Среди моих книг была тонкая брошюра под названием «Борьба со стрессом: как восстановить присутствие духа за пять минут», где имелись такие строки: «Стремительный ритм жизни, желание хорошо выглядеть и добиваться успеха во всех делах приводит к тому, что все больше людей в наши дни страдают от стресса». Они страдают от стресса. Ага, страдальцы. Мы с Найджелом чуть животики не надорвали, когда прочитали это, но, как бы там ни было, брошюра была изучена до конца. У нас на подоконнике работал книжный клуб из двоих членов. Мы обсуждали все подробности любой книги, все ощущения, которые возникали у нас во время чтения.

«Зеленые холмы Африки» были полны описаниями приготовления и поглощения пищи – нас это мучило, но мы не сдавались и читали дальше. В «Ньюсуик» была статья с иллюстрацией на первой странице, посвященная зеленой энергии. По прочтении статьи мы стали экспертами в области возобновляемой энергии, хотя наши о ней сведения были почерпнуты из единственного источника. Тут же Найджел обнаружил фотографию, сделанную его приятелем, – снимок каких-то военнослужащих-афганцев. Он сразу приободрился, почувствовав в этой фотографии связь с реальностью.

Если сравнить полученные нами книги, газеты, брошюры с едой, то это был настоящий пир. Мы тщательно прожевывали каждое слово, будто в рот его нам положили близкие люди. Хотя если задуматься, то моя, например, посылка пришла не из дома, а откуда-то из посольства Канады. Да, очки были изготовлены по моему рецепту, но на футляре был логотип одной из оптик в Найроби. Мама не стала бы посылать мне такое пособие по борьбе со стрессом. Мы с ней столько лет смотрели «Опру», перечитали столько книг из серии «Помоги себе сам», что ей бы и в голову не пришло покупать этот смехотворный буклет. Много позже я узнала, что моя догадка была верна. Посылки, собранные агентами КККП и Австралийской федеральной полиции, были отправлены из Найроби в аэропорт Могадишо на имя Адама Абдуле Османа, одного из наших похитителей, того самого человека в круглых очках, который приезжал на второй день нашего пленения и с тех пор почти не появлялся.

Адам вел переговоры. Он звонил прямо из дома в Могадишо, где во дворе бегали двое его маленьких детей. Судя по распечаткам разговоров, которые я увидела позже, он часто называл мою маму «мама» и пару раз попросил разрешения жениться на мне. Когда она напомнила ему, что он женат, он сказал, что по законам ислама мужчине не возбраняется иметь несколько жен. Если Адам и беспокоился, что его могут поймать, то виду не подавал. Каждый раз он повторял требование выкупа и сообщал маме, что мое здоровье пошатнулось. Следователи из полиции полагали, что он использует вымышленное имя. Не знаю, был ли план по задержанию его в аэропорту, куда он должен был явиться за посылкой, но, скорее всего, он туда не ездил, а нанял кого-нибудь, чтобы это сделали за него.

Как бы я ни радовалась посылке, вместе с тем нельзя было не понимать, что никто – ни наши родные, ни правительства, ни похитители – не рассчитывает на скорое наше освобождение. Это была обратная сторона медали. А любой праздник когда-нибудь

заканчивается. Впрочем, я, как могла, старалась его продлить. Несмотря на постоянную головную боль и диарею, таблетки я приберегала на будущее, сложив их на матрасе у стены. Я сократила объем чтения до нескольких глав в день. Нельсон Мандела помогал мне пережить утро, а Хемингуэя с его бесконечными диалогами я оставляла на вечер. Я продолжала воспринимать наше положение как временное, но все-таки старалась не транжирить то, что у меня есть. Вот только печенья хватило всего на пару дней.

Посылка сначала вызвала у меня ликование, а потом я снова затосковала. Все имеет две стороны. В моем случае лишь тонкая черта отделяла спокойствие от отчаяния.

А еще у меня стало шелушиться и зудеть место над верхней губой. Взглянув в зеркальце, я увидела там какую-то белую сыпь, что-то вроде грибка. И с каждым днем эта сыпь распространялась все дальше – вокруг носа, вверх по одной щеке. Меня это убивало. Антибиотики, присланные в посылке, не помогали. Я попробовала смазать пораженные места новым кремом для кожи, но стало только хуже. Мне казалось, что Сомали начинает съедать меня заживо.

В минуту слабости я написала Найджелу записку. Тоска настолько овладела мной, что я не могла даже разговаривать. В записке я извинялась за свою хандру, объясняя ее тем, что ко мне ходит один из мальчиков. Я стукнула в стену, и через некоторое время раздался ответный стук.

Во время нашего следующего разговора Найджел был менее оживлен, чем обычно. Может быть, он и раньше обо всем догадывался.

– Кто он? – спросил Найджел. – Абдулла?

– Да, но я не хочу об этом говорить.

– И... что он делает? – с запинкой спросил Найджел. – Он... Когда это началось?

В первую секунду мне хотелось рассказать все, вывалить на него все жестокие подробности, чтобы он взорвался, закричал и очертя голову напал на наших тюремщиков. Но я уже пожалела о сказанном. Это было несправедливо по отношению к Найджелу и лишь усугубляло мое положение.

– Ладно, Найдж, забудь, – сказала я, зная, что он не забудет.

Я взяла себя в руки. Просто потому, что ничего другого не оставалось.

В сотый день нашей неволи – первого декабря – я написала Найджелу очередную записку. «Поздравляю, мы пережили сто дней, – писала я. – Мы должны держаться и верить, что на другом конце земли есть много людей, которые делают все возможное,

чтобы вытащить нас отсюда, чтобы Рождество мы отмечали дома». И как всегда, когда я записывала свои слова на бумаге, это помогло мне поверить в них. В них появлялась претензия на правду.

Глава 27. Пустыня

– Вставай, мы едем, – раздался голос в темноте.

Я спала. Было поздно. Дверь в мою комнату распахнулась, кто-то посветил мне в лицо фонариком. Я узнала Хассам и Скидса, стоящего у него за спиной.

– Мы едем, – повторил Хассам, освещая мои вещи – книги, туалетные принадлежности и одежду, – которые я хранила в ногах своей постели. – Одевайся и едем.

Я села. В доме было шумно от звука шагов. Похоже, нас перевозят на новое место – как всегда, внезапно и среди ночи.

– Мы переезжаем? – спросила я Хассам, избегая встречаться взглядом со Скидсом. – Собрать вещи?

– Нет, нет, – нетерпеливо отвечал Хассам. – Одевайся быстрее.

Что же это значит?

– О, вы нас отпускаете?

– Да, да, быстро, – сказал Хассам и поднял руку ладонью вверх, будто желал воскресить меня из мертвых.

В голове у меня взорвался фейерверк, разлетелись трескучие огненные искры радости, недоверия. Я надела мужские джинсы под красное платье, которое не снимала ни днем ни ночью, платок на голову и выскочила в темный коридор вслед за Скидсом и Хассамом, придерживая джинсы рукой, чтобы они не свалились с меня на пол.

Дверь комнаты Найджела почему-то была закрыта. Я спросила Хассам:

– Вы точно нас отпускаете на свободу. Да?

Он ничего не ответил.

Во дворе ждала «судзуки» Ахмеда, работал двигатель. Хассам жестом велел мне садиться на заднее сиденье. Во двор вышел Абдулла, закутывая лицо платком. Он сменил юбку на брюки, как обычно делали мальчики, когда уезжали куда-нибудь из дому. Следом шел Ахмед. Я никогда не видела, чтобы он закрывал лицо, но на этот раз он тоже был в платке, запечатанный с головы до ног. Я сидела в машине одна, чувствуя, как капля за каплей оптимизм покидает меня. Потом с обеих сторон ко мне подсели Абдулла и Скидс, а Ахмед сел за руль. Он повернул ключ зажигания, и мы выехали за ворота.

В горле у меня забулькала паника.

– Что происходит? Где Найджел? – слышала я чужой, высокий и хриплый голос, обгонявший мои мысли. – Он поедет с нами? Куда мы едем?

Никто не отвечал. Никто не говорил, где Найджел.

Мы ехали – я и трое моих тюремщиков – по ночной деревенской улице, в лабиринте высоких стен. Рациональная часть моего сознания подсказывала мне, что нужно запоминать дорогу на тот случай, если выпадет шанс сбежать, – сейчас, позже, вообще когда-нибудь, – но все выглядело совершенно одинаково. Один безликий переулок сменялся другим, в свете фар тянулись бесконечные бетонные стены. Мелькнул какой-то кустарник и сразу исчез.

Пару минут спустя Ахмед остановил машину возле темных ворот, где стоял ожидавший его человек. Это был Дональд Трамп, казначей. Я с облегчением увидела, что лицо у него открыто и при нем нет оружия. Дональд открыл заднюю дверь и молча сел рядом с Абдуллой. Теперь на заднем сиденье нас стало четверо.

Машина рванула вперед. Я повернулась к Дональду, все еще лелея слабую надежду, что меня отпустят, и спросила:

– Что происходит, Мохаммед? Что случилось? Куда мы едем?

Но Дональд даже не повернул голову, будто не слышал, лишь глаза нервно заматались по приборной доске.

– Куда они меня везут, Мохаммед? Где Найджел? Пожалуйста, ответьте мне. Вы не забыли, что я вам сестра?

Вдруг мои ребра сжались от страха. Они хотят продать меня! Они уже несколько раз угрожали сделать это, чтобы возместить расходы на мое содержание. Выкупа они до сих пор не получили и теперь собираются передать меня в руки Аль-Шабаб. Вот почему в машине нет Найджела! Семья Найджела собрала деньги, а моя – нет. Его они пощадят, а меня либо продадут, либо убьют.

Потом я инстинктивно сделала совершенно неисламский жест – я протянула руку над коленями Абдуллы и схватила Дональда за локоть, – надеясь привлечь его внимание. Разве не с ним мы обсуждали, как делают самое лучшее итальянское масло? Разве не он принес мне колу и тест на беременность? Я расплакалась. Его рука в моих пальцах была жесткая, как дерево.

– Пожалуйста, – умоляла я, – не позволяйте им убить меня. Скажите, что происходит? Где Найджел? Вы можете остановить их? Они хотят меня продать? Они продали меня? Скажите, что все в порядке!

Дональд неловко высвободил руку и откашлялся.

– Ну-у-у, – протянул он, искоса поглядывая на Ахмеда, – я не знаю. Иншалла, все будет хорошо, но я правда не знаю.

Сказав так, он погрузился в молчание.

Вскоре машина снова остановилась – на этот раз у двери, зажатой между двумя высокими стенами. Я узнала Электрический Дом, где мы жили более месяца назад, где мы с Найджелом

играли в нарды. Здесь в машину сели еще два человека, прячущие лица под платками. Один был Ромео, который всегда носил желтый платок в клетку, а второй незнакомый – широкоплечий, высокий и плотный.

Они все будто действовали по единой инструкции: никто не здоровался, никто не смотрел на меня, никто не произносил ни слова.

Мы ехали в плотной темноте, по проселочной дороге. Потом фары осветили место, похожее на рынок. Я видела закрытые на ночь киоски, сколоченные из досок и металлических обрезков, хижины из веток, картонных коробок, сломанных ящиков и гнутой жести. Каждое строение, большое или маленькое, было сделано из веток и мусора. Из-под колес летели пластиковые бутылки и обрывки бумаги. Впереди горел оранжевый костер, очень яркий на фоне черного неба и высокий, как башня, почти нереальный. Когда мы приблизились, я увидела, что это самое настоящее пламя, отбрасывающее свет, и его языки поднимаются выше человеческого роста. Пятнадцать подростков сгрудились вокруг этого адского огнища. Я обратила внимание, что у многих в руках автоматы – такие же, как у моих похитителей.

Ахмед проехал мимо, выжимая акселератор и пригнувшись к рулю.

Футах в ста дальше по дороге горел второй костер, поменьше, вокруг которого также стояли вооруженные мужчины. В темноте неподалеку маячило еще несколько костров. Было похоже, что мы проезжаем какой-то подземный грот с мерцающими то тут, то там свечками. Дональд заметил, что я гляжу в окно, и сказал, не поворачиваясь:

– Видишь? Видишь эти банды? – В его голосе сквозило пренебрежение. – Ты думала, здесь Париж или Торонто? Нет, здесь Сомали. – *Со-ма-ли*, вышло у него.

Как и все они, он произнес последнее слово со зловещей гордостью, пронизывающей каждый слог.

Мы ехали навстречу неотвратимому будущему. У меня было ощущение, что я лечу сквозь пространство, кувыркаюсь в обширной бесплотной пустоте, где не за что ухватиться и задержаться. Через несколько минут все исчезло – людей, костры, мусор, киоски и хижины поглотила темнота. Еще некоторое время мы двигались по мощеной дороге, затем Ахмед свернул в сторону, в песчаную целину. Я терялась в догадках. Неужели они собираются сплавить меня боевикам Аль-Шабаб за кучу наличных? Или убьют меня тут, чтобы заставить родных Найджела заплатить много и быстро? Ахмед плавно затормозил, как будто в точности знал, где и когда нужно остановиться, и

заглушил двигатель. За сорок пять минут дороги он не произнес ни слова. Фары освещали кустарник и деревья чуть поодаль. Я снова заплакала и заговорила почти механически, чтобы заполнить пустоту:

– Что происходит? Зачем мы сюда приехали? Что вы делаете? Пожалуйста, не убивайте меня.

Никто не отвечал. Все молча один за другим вышли из машины, а я еще сидела, съезжившись на заднем сиденье и чувствуя дурноту. Потом чьи-то руки потащили меня наружу.

Звезды ковром высыпали на небе, висел узкий синеватый месяц. Странно, но в этот момент я обратила на это внимание. Небо было вверх, а я внизу, наполовину в машине.

– Идем, – сказал Дональд – это был он. Я вцепилась в ручку двери. – Пошли, пошли, – устало повторял он, пытаясь отодрать мои пальцы от двери. Мои ноги заскользили в песке. Я разжала руки.

Мы шли через заросли чахлого кустарника на поляну, где росла высокая акация, сучковатый скелет в свете луны. Все уже собрались там, кроме Дональда и Абдуллы, которые конвоировали меня к дереву. Остальные выстроились в церемониальный ряд и угрюмо ждали. Поблизости не было ни людей, ни других машин. Я успела распрощаться с мыслью, что меня продадут Аль-Шабаб, – это, по сути, было бы предпочтительным вариантом. Нет, они убьют меня. Сейчас я умру. Слова непроизвольно полились из моего рта. Я обращалась скорее к себе, чем к ним. *Папа, мама, как мне вас не хватает. Я хочу увидеть мою семью.* Все мои желания сделались самыми элементарными. Помню, меня трясло от ужаса и рыданий, меня не покидало чувство, что я лечу в пустоту. Мне хотелось бы все это забыть, но я отчетливо помню каждый свой шаг. Как я вцепилась в Дональда, когда мы подошли к дереву, как он взял меня за плечи и развернул спиной к шеренге. Как его рубашка с треском порвалась, когда он толкнул меня в грязь на колени. Я помню шероховатый песок пустыни, тлеющий под моими джинсами, хранящий тепло ушедшего дня.

Кто-то сорвал с моей головы платок и рванул меня за волосы. Что-то твердое и холодное уперлось мне в шею – нож, длинный нож. Краем глаза я видела его закругленный конец. Я почувствовала, что не могу сделать вдох, и захрипела. Еще рывок – и нож скользнул по моему горлу с левой стороны. Его зазубренное лезвие впилось мне в кожу. Я хрипела, умоляя их о пощаде. Али и Абдулла, изображающие обезглавливание, и все обезглавленные трупы, что я видела в Ираке, пронеслись у меня перед глазами. Я болтала без остановки. В полном отчаянии я

лепетала такое, что никогда в жизни не приходило и не могло прийти мне в голову. *Вы не можете этого сделать. У меня еще нет детей. Я хочу иметь детей.*

Неужели это я? Да, это я.

Все, выхода нет. Они много раз грозились убить меня, и теперь исполняют свою угрозу. Мысли в моей голове превратились в дым, мышцы оцепенели.

Позади бандиты переговаривались о чем-то на сомали. Кажется, Дональд и Скидс, потом в спор вмешался Ахмед. Прозвучало резкое слово. Тот, кто держал меня за волосы, убрал руку, и я упала лицом в песок.

Когда я попыталась обернуться, чтобы увидеть, что происходит, голос Дональда сурово одернул меня:

– Отвернись.

Они говорили еще некоторое время, пока я всхлипывала на песке, как раненое животное, не владеющее речью. Я отчетливо помню это ощущение. Не знаю, сколько времени прошло и что заставило меня снова обернуться, но на этот раз я увидела, как Скидс вынимает телефон и набирает номер. Как позже выяснилось, он звонил Адаму. Дональд наклонился ко мне и взглянул мне в лицо – впервые за весь вечер. Мне показалось, что он испуган, что он боится за меня.

– Сколько денег есть у твоей семьи? – спросил он.

– Не знаю, не знаю, не знаю, – судорожно всхлипывала я, – они заплатят вам, сколько вы хотите. Пожалуйста, не убивайте меня. Они достанут деньги.

– Они хотят миллион, – сказал Дональд. – Тебе повезло, что я здесь. Я попросил их дать тебе последний шанс. Если через семь дней денег не будет, они убьют тебя.

И сунул мне телефон Скидса, где звучал мамин голос.

Глава 28. Звонок домой

Королевская канадская конная полиция
Санкционированный перехват телефонных переговоров
Идентификатор дела: Линдаут
Номер линии: 403-887- + +
Номер сессии: 1122
Дата: суббота, 13 декабря 2008
Начало: 12:04:24 MST
Направление: входящие
От: Адам Абдуле Осман
Номер телефона: 2521537 + +
Местонахождение: не определено
Кому: Лоринда Стюарт
Номер телефона: 403-887- + +
Местонахождение: 3939 50 Авеню Силван-Лейк, Альберта

(Неразборчивый разговор на заднем фоне.)

Абдуле Осман *(кашляет)*.

Стюарт. Алло?

Абдуле Осман. Алло?

Стюарт. Здравствуйте, Адам.

Абдуле Осман. О'кей, мы хотим поговорить, и Аманда...

(Связь временно прерывается.)

(На заднем фоне разговор на иностранном языке, звонок телефона.)

Абдуле Осман. ...и у нас мало времени. У вас мало времени, это понятно?

Стюарт. Да, понятно.

Линдаут *(плачет)*. Мама?

Стюарт. Аманда *(плачет)*, Аманда, я люблю тебя *(плачет)*, как ты?

Линдаут. Мама, послушай... послушай меня.

Стюарт. Хорошо.

Линдаут. ...внимательно.

Стюарт. О'кей, я слушаю, детка.

Линдаут *(плачет)*. Если вы не заплатите *(всхлипывает)* миллион долларов через неделю, они убьют меня, ясно?

(На заднем фоне разговор на иностранном языке.)

Линдаут. Этой ночью они вывезли меня, чтобы убить *(всхлипывает)*, но дали мне последний шанс поговорить с вами *(плачет)*.

Стюарт. Аманда, держись, держись детка. Мы...

Линдаут *(плачет)*.

Стюарт. ...мы делаем все...

Линдаут. Мама...

Стюарт. ...все возможное...

Линдаут. Мам, послушай: у нас одна неделя... и я... я ненавижу себя за то, что приходится так с вами поступать *(плачет)*.

Стюарт. Аманда, Аманда, о нас не беспокойся. Мы любим тебя.

Линдаут *(плачет)*.

Стюарт. Постарайся...

Линдаут *(плачет)*. Я знаю, что я...

Стюарт. ...держаться и...

Линдаут. ...*(неразборчиво)*.

Стюарт. ...постарайся следить за здоровьем.

Линдаут *(плачет)*. А вы... вы сможете заплатить им в течение недели?

Стюарт. Аманда, мы делаем все возможное, собираем деньги, потому что...

Линдаут *(плачет)*.

Стюарт. ...государство отказалось нам помогать. Мы возьмем кредит в банке...

(Обрыв связи.)

Глава 29. Рождество

Поздно-поздно ночью они привезли меня обратно. Я упала на матрас и натянула сверху свою простыню в голубой цветочек, будучи не в состоянии возиться с москитной сеткой. Дом погрузился в тишину. Не было никаких сил думать о том, что случилось, – была ли эта сцена при лунном свете нарочно подстроена, чтобы я поторопила свою мать с выкупом, посылая свой ужас за тысячи миль, или они и вправду собирались меня убить.

Наутро пришел Хассам и открыл ставни. Я встала с книгой к окну, дождалась Найджела и рассказала ему все, умолчав лишь о зазубренном ноже, который бандиты держали у моего горла. Мне не хотелось пугать его, точнее, сообщать о существовании ножа, и я не была уверена, что мне хватит мужества описать этот образ. Я сказала, что они угрожали мне автоматом. Наш разговор не принес мне облегчения. Говоря с Найджелом, я не могла сдерживать рыданий. Он сказал, что слышал, как они увозят меня, и потом долго плакал. Мы оба понимали, что вступили в новую, более опасную фазу отношений с нашими похитителями. Все шло к завершению. Они уже репетировали убийство, мое убийство. И как бы я ни гнала эту мысль, от нее было никуда не скрыться. Я безнадежно проплакала все утро.

В полдень явился Хассам, неся флягу с чаем. Когда он пришел, я по-прежнему сидела на матрасе и плакала – но если утром я громко всхлипывала, то теперь слезы бесконечными ручьями тихо сочились из глаз. Что-то в выражении лица Хассамы подсказывало мне, что, хотя он и оставался дома, ему известно, что произошло.

– Ты хочешь выйти во двор? – вдруг спросил он.

В первую секунду его предложение показалось мне злой шуткой, но потом я поняла, что это он всерьез.

– Во двор? Сегодня? Сейчас? Да, конечно. – Я полистала Коран, будто хотела взять его с собой, и сказала, потянув носом: – Я могу учиться там, на улице.

– Я спрошу, – кивнул Хассам и закрыл дверь.

Я не питала особых надежд, что он получит разрешение. Тот, кто читал работу «Борьба со стрессом: как восстановить присутствие духа за пять минут», знает, что надежда – это такая вещь, которая имеет свойство выгорать. И тогда становится совсем худо. Помимо обычных физических и эмоциональных симптомов стресса, страдалец погружается в безысходность, разочарование и цинизм. Словом, как раз мой случай.

Но, к моему удивлению, Хассам вскоре вернулся. Он велел мне взять Коран и следовать за ним. Мы прошли по коридору, мимо комнаты Найджела и туалета, мимо душевой, и вышли через дверь, которой редко кто-то пользовался. Дневной свет ослепил мои привычные к полумраку глаза. Некоторое время я ничего не видела вокруг, кроме желтых вспышек. Но когда это прошло, я поняла, что мы находимся в небольшом дворике, соединенном с подъездной дорогой, в стороне от веранды, где обычно торчали мальчики и капитан. Солнце сияло сквозь листья папайи, вверху свешивались несколько темно-зеленых шишковатых плодов. Теперь, когда мы вышли из дома, Хассам выглядел почти смущенным, несмотря на свой автомат. Он жестом указал, что я могу сесть в тень дерева на перевернутое ведро, а сам отправился сторожить ворота – те самые, которые мы проезжали ночью, в темноте, но сейчас они выглядели по-другому. Нас разделяло около двадцати футов, и большей свободы мне не доводилось иметь за все четыре месяца, проведенные в неволе.

Я сидела и рассматривал свои руки, лежащие поверх Корана, – синие вены под тусклой кожей. Я рассматривала папайю, ее изогнутые ветви и круглые листья. В ярком небе проплывали, как попкорн, белые облачка. Мое красное платье из полиэстера психоделически переливалось на солнце. Сияли высокие стены, выкрашенные белой краской с ярко-голубой каемкой и острой проволокой наверху. Все казалось очень ярким, странным, резало глаз. Я не торопилась открывать Коран, а Хассам стоял у ворот, задумавшись о чем-то и глядя в небо. Он, казалось, совсем забыл обо мне. Так продолжалось около двадцати минут, двадцать минут, которые можно было с натяжкой назвать уединением. И за эти двадцать минут солнце успело поджарить мои бледные щеки, нос, даже кончики пальцев, каждый открытый дюйм кожи до болезненной, но вызывающей смутную ностальгию розовой корочки.

* * *

Найджел сказал, что я должна все подготовить – на тот случай, если меня убьют. В смысле, написать записки каждому члену своей семьи или сказать все ему через окно, и он – если останется в живых – передаст. Поведать им свои последние мысли, признаться в любви, попросить у всех прощения, написать завещание и все в таком роде. А иначе они так никогда ничего и не узнают. Словом, это мой последний шанс. Я попыталась не

обижаться, хотя идея о том, что я умру, а он будет жить, была более чем обидной.

Он сказал, что смотрит на вещи с практической точки зрения.

– Ты подумай, а потом дай мне знать, – предложил он.

– Я и думать об этом не хочу, – возразила я.

Теперь мои представления о Найдзеле ограничивались его голосом, бесплотным, парящим в воздухе, как энергетическое поле. Я думала, что и он представляет меня так же, ведь все наше общение давным-давно проходило на слух. И вот однажды, когда я возвращалась из туалета, Найдзел открыл дверь и стоял на пороге своей комнаты, поджидая меня. За восемь недель нашей разлуки он изменился до неузнаваемости. Я была шокирована, хотя старалась не подавать виду. На нем была белая майка и саронг, обернутый вокруг пояса. Он стал бледен, тощ, как скелет, и густо оброс бородой. Его прежде голубые глаза сделались мутными и водянистыми, как у древнего старика. Я догадывалась, что и сама выгляжу не лучше. У Найдзела было такое выражение лица, будто он увидел ходячий фильм ужасов. Оно и понятно: свое иссера-бледное лицо я каждый день наблюдала в зеркальце. Да еще по щекам, как ленты сухой соли, расползлся шершавый грибок. Но мы оба нашли в себе силы улыбнуться друг другу и пожать плечами: ничего, мол, не поделаешь. Наверное, для каждого было бы все-таки лучше оставаться голосом из соседнего окна. Прежде чем уйти, я сжала руку Найдзела, и еще полминуты мы молча простояли, сцепив руки.

Прошла неделя. Каждый день я с тоской ждала, что придут Дональд, Ахмед или Ромео и увезут меня навсегда. Седьмой день тянулся убийственно медленно. Утром восьмого дня я проснулась, не чувствуя ничего, кроме ужаса. Они сказали, что убьют меня, если в течение семи дней не получат выкуп. Значит, это может произойти в любой последующий день, начиная с восьмого. Словом, раньше или позже, но они меня убьют. Восьмой день прошел, за ним девятый. Я ждала знака. Никто из главарей не показывался. Телефон капитана молчал. Я подсматривала за мальчиками в крошечную замочную скважину в моей двери, дающую небольшой обзор веранды. Они молились, спали, ели, пили чай. После полудня они часто собирались вокруг капитана Скидса, сидящего на низкой круглой стене – наверное, в лучшие времена она служила оградой цветника, – и слушали его лекции на военные, как мне представлялось, темы. Иногда он вставал и размахивал автоматом, демонстрируя какой-нибудь прием. Не раз я видела, как в свободное от молитвы и занятий время мальчики усердно выщипывают волосы у себя под мышками – согласно заветам Пророка, повелевшего мусульманам держать тело в

чистоте.

Я отчаянно надеялась получить знак, сигнал, который бы указывал, что непосредственная опасность миновала. В моей посылке был небольшой список фраз на сомали, с английским переводом, например: «Какое средство приносит вам облегчение?» или «Пожалуйста, не стреляйте. Мы здесь для того, чтобы спасти людям жизнь». Судя по ним, разговорник был предназначен для иностранных врачей и сестер, прибывших в Сомали с гуманитарной миссией. Я внимательно изучила их, ища способ объясниться с капитаном Скидсом, который никогда не заглядывал ко мне в комнату, но был единственным, кто мог знать о ходе переговоров относительно выкупа. Я надергала слов из разговорника и составила письмо, где спрашивала о новостях и заверяла его, что мои родители дома делают все, что в их силах, чтобы собрать необходимую сумму. Вот что у меня получилось: «Да пребудет с вами мир. Неделя прошла. Какова ситуация? Пожалуйста, ответьте. Мы делаем все, чтобы спасти людям жизнь». И подпись: «Амина».

Потом я постучала в дверь. Когда пришел Джамал, я отдала ему письмо и очень просила передать это капитану и получить у него ответ. Джамал уставился в мою записку. Сначала улыбнулся, затем захихикал.

– Все в порядке? – спросила я.

Как Джамал ни старался делать серьезное лицо, но губы так и разъезжались в улыбке.

– О'кей, о'кей, – сказал он, складывая мое послание вдвое. – Я передам.

И минуты не прошло, как на крыльце раздался смех. Я заглянула в замочную скважину. Передавая мою записку по кругу, мальчики потешались над моим сомали. Каждый сквозь смех читал и добавлял собственные комментарии, что сопровождалось громкими взрывами хохота. Я впервые слышала, чтобы они так гоготали. Подошел капитан Скидс, они бросились ему что-то возбужденно объяснять, перебивая друг друга и не переставая откалывать шутки. Для них это был настоящий подарок, развлечение, помогающее развеять скуку в жаркий день. Мне стало ясно, что ответа я не дождусь. «Что ж, – думала я, сидя за дверью, – черт с вами. Наслаждайтесь, сукины дети».

В начале декабря наши похитители снова праздновали Йид. По мусульманскому календарю этот праздник отмечают дважды в год: первый раз в конце Рамадана, когда устраивают разговение, и второй раз – два месяца спустя, в ознаменование хаджа, ежегодного паломничества в Мекку. Этот был второй Йид, или

Ийд-аль-Адха. Как и в прошлый раз, мальчики устроили большую стирку. Они принарядились и стали молиться в два раза чаще, ходя по очереди в мечеть. Я наблюдала за ними в замочную скважину. Однажды я увидела, что Скидс тащит большой мешок с продуктами, а затем он лично принес мне несколько ломтиков тушеной козлятины в алюминиевой миске, отнеся вторую миску Найджелу. Джамал дал нам по три ириски. Позже в тот же день они повели нас в большую пустую комнату в передней части дома, на совместную молитву. Я как женщина встала позади всех, и не без облегчения, поскольку давно пренебрегала молитвами и почти забыла, как это делается. Мне, понятно, не хотелось, чтобы они это заметили. А так, стоя одна в заднем ряду, я могла просто повторять их движения.

Вернувшись к себе, мы с Найджелом приняли большое решение. Мы договорились не есть ириски, а приберечь их на потом, на Рождество. Не знаю, был ли это пессимизм или прагматизм, говоривший нам, что домой мы до того времени не попадем, но сама перспектива провести Рождество вдали от родных, в пустой душной комнате, где есть только матрас, москитная сетка и кусок бурого линолеума, где Абдулла насилует меня через день, была совершенно чудовищна. И потому я решила хотя бы подготовиться.

Рождество – это единственное время в году, когда мы все собирались вместе: мои братья, бабушка с дедушкой, отец с Перри ели мамину жареную индейку и фотографировались, как нормальная дружная семья. Но шли дни, и становилось ясно, что даже грозящая мне смерть не привела к сдвигам в переговорах между похитителями и правительствами наших стран или похитителями и моими родными. И мы с Найджелом начали приготовления. Прежде всего, у нас были ириски. Свои я хранила на матрасе, как и сокровища из посылки. Мы договорились обмениваться подарками и рождественскими историями про самое лучшее Рождество в нашей жизни, во всех подробностях, особенно по части описания еды. Я очень старалась. Я вспоминала один из маминых подарков. Мама однажды удивила нас под Рождество – меня и братьев, – устроив нам поездку в Диснейленд. Мы жили в гостинице «Холидей-Инн» и три дня до одури катались на аттракционах. Я писала это равно для Найджела и для себя. В подарок ему я сделала куклу. Я взяла белую бутылку в форме песочных часов – из-под сиропа от кашля, присланного в посылке, – и нарисовала на верхней части улыбающуюся рожицу. Из своего черного носка я сшила маленький свитер с рукавами. Иглой мне послужила палочка для чистки ушей, а нитку я получила, распустив на волокна зубную нить. Чтобы раскроить

носок, я позаимствовала у Найджела ножницы – он оставил их на подоконнике в туалете. Впереди на свитере я вышила слово «Дружок». Еще я отправила Найджелу рождественскую открытку с веселой рекламой его новой игрушки: «Ты больше никогда не будешь один, ведь у тебя есть Дружок!» Дружка я завернула в бумагу, на которой нарисовала несколько круглых полосатых банок леденцов, и для надежности перевязала все зубной нитью. Из второго листа бумаги я сшила чулок, куда положила свои ириски. Утром накануне Рождества я пошла в туалет, сунув подарки под платье, и оставила их там на подоконнике: Дружка, чулок и целый блокнот с рождественским рассказом. Потом я вернулась в комнату и стукнула Найджелу, чтобы он забирал подарки. Через некоторое время он откликнулся, давая понять, что и мои подарки ждут меня в туалете. Это был какой-то сверток и украшенный рисунками бумажный чулок с его ирисками.

Все утро мы пели праздничные песни: «Вести ангельской внемли», «Радуйся, мир» и прочие. Мы медленно, растягивая удовольствие, сосали ириски. Найджел написал мне рассказ о том, как однажды в Рождество они с сестрой и братьями подарили родителям авиабилеты в Ирландию. Мы еще долго расспрашивали друг друга, чтобы выведать дополнительные подробности. Я никогда не любила его так сильно, как в то Рождество. Это было нечто большее, чем обычная любовь девочки к мальчику. Моя любовь была гораздо глубже. Я любила его как человека, без всяких сложностей. К счастью, наши тюремщики в тот день нас не беспокоили. Хриплыми от волнения голосами мы пели «Маленького барабанщика» и «Тихую ночь». Наконец, Найджел развернул свой подарок – я услышала его изумленный вздох – и разрешил мне открыть мой. Чулок он сделал, сшив вместе два раскрашенных красными чернилами листка бумаги. Вместо ниток, как и я, он использовал зубную нить. Сверху он приклеил обрывки высохших влажных салфеток – получилась белая опушка. Внутри, в обертке из разрисованной бумаги, лежала маленькая коробка от одеколона, который принес ему Дональд несколько месяцев назад. А в коробке был маленький тонкий браслет. Найджел сделал его из мелких колечек-ключей, имеющих на верхних торцах консервных банок. Он долго копил эти колечки, а затем аккуратно соединил вместе при помощи цветных ниток, которые вытащил из своего саронга. Он много дней связывал звенья в цепочку, делая узлы размером с маковое зернышко, – настоящая ювелирная работа, ничего подобного вы не встретите ни у «Тиффани», ни где-либо еще. В тот момент я была уверена, что лучшего подарка мне никогда не дарили.

Глава 30. Побег

Неужели и впрямь нет никакого выхода? Не может быть. В январе мы заговорили о побеге. Однажды Найджел сообщил мне, что он обследовал окно в туалете и пришел к выводу, что через него мы могли бы убежать.

Я тоже часто засматривалась на это окно, но никаких шансов на побег, по моему мнению, оно не давало. Это было даже не окно, а кирпичная стенка с широкими просветами для вентиляции, находившаяся в нише футах в восьми от пола. Внизу был бетонный подоконник. Мало того что кирпичи были зацементированы, сверху имелаась решетка из пяти горизонтальных металлических прутьев, крепко державшаяся в стене.

– Ты с ума сошел? – сказала я Найджелу. – Как мы выберемся?

– А ты посмотри внимательно, – ответил он, – цемент между кирпичами крошится. Мы могли бы вытащить кирпичи.

– Да, но решетка, прутья...

– Думаю, их тоже можно выломать. Наверное...

Меня мучили сомнения. Идея была совершенно безумна по многим причинам, и прежде всего потому, что если наши тюремщики застукают нас за подготовкой к побегу, то страшно даже представить, что они с нами сделают. Во-вторых, куда мы побежим? Когда меня вывозили в пустыню, я видела, какова вокруг обстановка – песок, костры, подростки с оружием. Побег совсем не означает, что мы окажемся в большей безопасности, чем сейчас. Ну и в-третьих, нельзя забывать о других невольниках, о троих сомалийцах – Абди, Марвали и Махаде. Что будет с ними, если мы устроим побег? Их, без всякого сомнения, убьют. А о совместном бегстве впятером не стоит даже и мечтать.

Я плохо знала этих людей, но чувствовала с ними почти родственную связь, ведь это по нашей вине они угодили в застенки. Всякий раз, проходя по коридору, я смотрела в сторону их комнаты, где рядом стояла обувь – две пары сандалий и пара походных ботинок, принадлежащих Абди. Иногда мне удавалось увидеть, как кто-то из них сидит и читает Коран или штопает одежду. Мои скромные сведения о них происходили от этих случайных взглядов и звуков в доме, а также от краткого знакомства незадолго до похищения. Абди был серьезный семейный человек. Марвали, водитель из отеля «Шамо», казался мне более легкомысленным. Я с признательностью слушала его смех, порой раздававшийся из коридора. Он смеялся вопреки

всему. Махад, начальник охраны лагеря, который мы собирались посетить в тот злополучный день, был очень религиозен. Чуть ли не целыми днями он громко читал Коран.

Подходил к концу четвертый месяц нашей неволи. Главным источником сведений о наших похитителях и о наших родных дома оставался Джамал.

– Есть новости? – спросила я его однажды утром.

– Нет новостей, – покачал головой Джамал и со вздохом прибавил: – Иншалла, все скоро закончится.

Когда я поинтересовалась, почему к ним не едет начальство, Джамал поджал губы с выражением душевной муки на лице и ответил:

– Не знаю.

Выходило, что главари не появляются уже месяц. Лишь благодаря Джамалу, который всегда был рад поболтать с нами по-английски, мы знали, что мальчики тоже в некоторой степени ощущают себя заложниками, живя здесь под пятой капитана Скидса и по воле невидимого начальства. Джамал жаловался, что их плохо кормят. Яхья-младший, парень лет восемнадцати, недавно пропустил рождение своего первого ребенка, потому что Скидс не позволил ему отлучиться домой, хотя и обещал. Джамал тоже просился в отпуск, чтобы жениться на Хамди, но получил отказ. Скидс сказал, что, пока они не получают выкуп, то есть до завершения «программы», как у них это называлось, никто никуда не поедет.

Мы все, каждая живая душа в доме, хотели, чтобы все быстрее закончилось. Я засыпала и просыпалась со словом «скоро» на устах, будто это слово – если повторять его почаще – избавит нас от необходимости разбирать кирпичную кладку в туалете.

Однажды, по дороге в душ, я увидела, что обувь, стоявшая у двери сомалийцев, исчезла. Это случилось четырнадцатого января, в среду. Из их комнаты не раздавалось ни звука. Их явно куда-то перевезли. Надежды на то, что их освободили, не было никакой – бандиты не стали бы отпускать свидетелей похищения. Позже я осмелилась спросить у Абдуллы, куда подевались наши сомалийские коллеги. Его ответ был весьма красноречив – он поднял вверх палец и с большим удовольствием провел им себе по шее. Я невольно вспомнила пустыню, одинокую акацию под луной. Неужели среди ночи приезжали главари и забрали их с собой? Но почему я ничего не слышала? Может быть, Абдулла меня обманывает? Когда мы с Найджелом обсуждали это через окно, он сказал, что тоже интересовался судьбой сомалийцев. И если Джамал не дал прямого ответа, предположив, что их освободили, то Абдулла произвел все тот же красноречивый жест.

Сомнений не оставалось – их убили, и в этом была наша вина. Незадолго до похищения Абди с гордостью демонстрировал мне фотографии своих детей – двоих улыбающихся мальчиков и девочки в школьной форме, которые теперь благодаря мне осиротели. Исчезновение Абди и других дало нам понять одну важную вещь: деньги на наше содержание заканчиваются, и бандиты готовы идти на крайние меры. Если дошло до того, что они убили троих мусульман, своих братьев-единоверцев, то за нами дело не станет. Все вопросы отпали. Мы должны бежать.

Окно в туалете было расположено очень высоко. Дабы оценить его перспективы, надо было встать на унитаз, схватиться за подоконник и подтянуться – будто вылезая из бассейна. Поскольку подоконник был слишком для меня узок, пришлось лечь на живот, опираясь на локти и свесив ноги вниз. Зато я сразу убедилась в правоте Найджела: кирпичная кладка, закрывающая просвет окна, держится некрепко. Стоило колупнуть раствор между кирпичей, и он струился вниз ручейками белой пыли, особенно если использовать что-то острое – вроде маникюрных ножниц, которые были у меня с собой. Этот цемент и вправду, как говорил Найджел, легко крошился. Другое дело – металлические прутья, закрывающие кирпичи. Казалось, они надежно укреплены в стенах. Хотя один прут Найджелу уже удалось расшатать, и он уверял, что постепенно расшатает и вытащит все пять.

Чувствуя большой прилив душевных сил, я спрыгнула на пол, вся в белой цементной пыли и паутине, и поспешила обратно в комнату. Впервые за несколько месяцев я позабыла об опасности, голоде, тревогах, поглощенная идеей сделать большую дыру и выбраться наружу.

Мы с Найджелом принялись за обсуждение плана. Какое время суток выбрать для побега? Что взять с собой? В каком направлении двигаться? У кого искать помощи и что говорить? Мы спорили, лучше ли бежать ночью, когда почти все бандиты спят и меньше шансов, что поднимется шум на улице, либо днем, когда, наоборот, легче привлечь к себе внимание местных жителей и властей – если они тут есть, конечно. Но, так или иначе, нам придется попросить у кого-то из местных телефон, чтобы позвонить если не в Канаду или Австралию, то хотя бы в Мogaдишо Аджусу. Я хранила клочок бумаги с его номером, как и с номером директора местного филиала Всемирной продовольственной программы.

Прежде всего было необходимо как можно скорее мимикрировать под местных, чтобы наши преследователи потеряли след. Допустим, я, в абайе и хиджабе, выглядела как

любая другая женщина на улице, но спрятать белую кожу Найджела было не так-то просто. Мы даже думали, не переодеться ли ему женщиной, но вся моя одежда доходила ему максимум до середины икры. Кроме того, подобный маскарад мог потом выйти нам боком. Любой из вариантов неизменно заводил нас в тупик. Каждая идея была большой авантюрой.

Мы провели много часов, обсуждая план, и по очереди бегали в туалет с ножницами, где ковыряли кирпичную кладку, – занятие не более благодарное, чем хирургия или старательство. Иногда, в те пять – десять минут, что я могла находиться в туалете, не возбуждая подозрений тюремщиков, мне удавалось добыть только песок, а порой и целый большой кусок цемента. Перед тем как выйти в коридор, я должна была тщательно удалить с одежды все следы белой цементной пыли.

Сидя взаперти, я страшно сдала физически. Ходьба помогала кое-как поддерживать в форме мышцы ног, но мышцы на руках стали вялыми и дряблыми. На второй день я, как ни старалась, не смогла подтянуться на подоконник, а Найджел находился в лучшем положении, чем я, и мог наведываться в туалет незаметно для наших тюремщиков. В это время я следила за ними в замочную скважину, готовая в случае чего отвлечь на себя их внимание. Используя список медицинских фраз, я составила записку и спрятала ее в карман джинсов, которые собиралась надеть под абайю. Там были такие слова: «Пожалуйста, помогите. Я мусульманка. Не бойтесь». Я твердила их снова и снова: *Фадлан и каави. Вааа ислаан. Ха бакуин.* На втором клочке бумаги я написала телефоны знакомых сомалийцев и тоже спрятала в карман.

Каждый раз, заходя в туалет, я проверяла, насколько продвинулась работа Найджела. Несмотря на то что он очень старался прятать следы, не заметить повреждений было нельзя. Раскрошив цемент, он временно ставил кирпичи обратно, но на подоконнике оставались горки песка и обломков. Правда, мальчики заглядывали в туалет не чаще двух раз в неделю, чтобы наполнить большое ведро с водой, но все-таки риск был велик. После исчезновения Абди и других сомалийцев я от стресса практически не могла есть, ну а теперь желудок и вовсе не принимал ни крошки.

На третий день Найджел сообщил, что кладка полностью разобрана и осталось вынуть пару прутьев. Он считал, что этого будет достаточно. Но прежде мы должны были еще раз подтвердить свою решимость к побегу. После того как Найджел вытащит эти прутья, откосы, скорее всего, рухнут, и обломки нельзя будет спрятать. Нам действительно не останется ничего

другого, как только бежать. Мы решили бежать той же ночью, после восьмичасовой молитвы. Последние три ночи мы провели почти без сна, и в дальнейшей проволочке не было смысла. Я боялась, как бы у нас не сдали нервы.

Мы надеялись, что темнота поможет нам скрыться. Решено было, что Найджел закроет голову и лицо простыней, на плечи накинёт одеяло и сторбится, как старый больной человек. Я сделаю вид, что веду его к врачу. Руки я спрячу в складках его одеяла. В рюкзак я положила Коран, чтобы доказать, что мы мусульмане, а не враги. Мы постучимся в какой-нибудь дом – с виду гостеприимный, где живут женщины и дети. «Женщина, – думала я, – нам не откажет».

Тот вечер, как и все прочие вечера, проходил согласно заведенной рутине: молитва, ужин, молитва, сон для всех, кроме двоих сторожей, назначенных в ночное дежурство. Сторожа обычно сидели на веранде и лениво переговаривались, чтобы не уснуть.

Я вздрогнула, когда ко мне в комнату неожиданно явился Джамал. Он принес ужин на час раньше времени.

– Ассаламу алейкум, – сказал Джамал, хитро улыбаясь.

Я запаниковала. Они что-то заподозрили? Что случилось? Последнюю неделю я провела в такой тревоге, что, наверное, вполне могла выделять какой-то особый запах, выдающий наши планы.

Джамал знаком велел мне поставить на пол мою алюминиевую миску и затем вытряхнул туда что-то из пластикового пакета. Это был тонкий кусок рыбы, обжаренный в масле. Из кармана он вынул два маленьких лайма и положил их рядом с рыбой. И наконец, достал два сваренных вкрутую яйца.

Протеин. Он заботится о моем питании.

– Нравится? – спросил Джамал, гордый своим подарком. – Я могу приносить тебе это каждый день, – он указал на рыбу, – но только вечером. Утром на рынке это не продают.

Пару секунд мы стояли, молча глядя друг на друга, пока я не смогла выдавить из себя улыбку и слова благодарности.

– Ах, Джамал, – сказала я, чувствуя легкий укол вины, – как это мило.

Я надеялась, что главари не очень строго накажут его за наш побег.

Когда он ушел, я заставила себя все съесть – не для того, чтобы подкрепить силы, а чтобы не вызвать подозрений.

После вечерней молитвы я, как было условлено, попросила разрешения выйти в туалет. В ту ночь на посту дежурил Абдулла. Это было совсем некстати, потому что Абдулла не ленился

расхаживать по коридору, как прочие. Сердце у меня в груди упало. Но отступать было поздно.

– *Макууша*, – сказала я, показывая на свой живот, – туалет. Мне плохо, очень плохо.

Абдулла щелкнул пальцами. Обычно я не выходила в туалет после вечерней молитвы, но несварение желудка было таким доводом, с которым даже наши тюремщики не решались спорить. Это также выигрывало для меня дополнительное время, а рыба от Джамала придавала моему случаю правдоподобность.

Медленно и спокойно я прошла по коридору. Найджел ждал в дверях своей комнаты. Тут Абдулла уже не мог нас видеть, и мы заторопились. В нашем распоряжении было десять, самое большее пятнадцать минут, прежде чем он забеспокоится, что меня долго нет, и пойдет узнать, что стряслось.

Пока Найджел, стоя на унитазе, вынимал прутья, я достала из принесенного сюда ранее рюкзака абайю и надела ее поверх платья. Предварительно Найджел уже вырвал прутья из стены, но для прикрытия оставил на месте, замаскировав кусками цемента, и теперь требовалось бесшумно спустить их вниз. Оба оконных откоса были совершенно разворочены.

Найджел передал мне прутья, которые я поставила на пол у раковины, влез на подоконник и принялся убирать кирпичи. Один кирпич, второй, третий, четвертый – он отложил их в сторону. Путь был свободен. Затем он спрыгнул на пол и подсадил меня наверх, подставив мне скрещенные ладони.

Всего пару секунд я смотрела в окно, но мне хватило их, чтобы увидеть все. Внизу был переулок, темная деревяня без единого огонька и абсолютная неизвестность. Мы прикинули, что до земли было около двенадцати футов, учитывая, что дом стоит на бетонном фундаменте. Мы боялись переломать ноги. Мы боялись всего, что помимо свободы ждало нас по ту сторону. Но обратного пути не было. Следуя инструкции Найджела, я повернулась и стала вылезать в окно ногами вперед. Влажный ночной воздух охлаждал мне лодыжки. Я осторожно спускала ноги вниз и вдруг застряла. Проем был слишком узок, и как я ни пыталась протиснуться между прутьями, ничего не выходило. Если я не могу сюда пролезть, то Найджел и подавно не сможет.

– Быстрее, быстрее, – торопил меня Найджел.

– Не могу! Слишком узко! – Я сделала рывок, чтобы показать ему, что это действительно так.

Его лицо исказилось от боли и ужаса.

– Ты можешь вытащить еще один прут?

– Только не сейчас, – зашипел он, – будет много шума.

Подоконник был завален кирпичами и обломками цемента.

Абдулла, наверное, уже удивляется, почему я так долго не возвращаюсь. Вот так переплет! Нет, какой там переплет, это полный конец!

Найджел махнул рукой, говоря мне слезать.

– Возвращайся к себе, быстрее. Я попробую что-то сделать.

– А мой рюкзак?

– Оставь его. Я возьму его с собой.

Я сняла абайю, засунула ее в рюкзак и как ни в чем не бывало вернулась к себе в комнату, громко хлопнув дверью, чтобы Абдулла знал, что я на месте. Потом я лежала и слушала, как в туалете рвет Найджела – нервы подвели его. В коридоре раздались шаги, мелькнул фонарик. Найджел успел выскочить из туалета и бормотал, что его тошнит и ему нужно больше воды, чтобы промыть унитаз. Свет погас, затем появился снова, и Найджел вернулся в туалет, один. Я знала, что еще несколько часов – и все откроется. Наши тюремщики обнаружат гору из кирпичей, гнутые железные прутья, закрывавшие прежде окно в туалете, или просто прочтут весь наш глупый план в моих глазах.

На рассвете пришел Хассам и открыл перед молитвой ставни. Мы с Найджелом наскоро все переиграли. Зная, что неподалеку есть мечеть, мы решили бежать туда. Нам казалось, что это неплохой вариант, потому что там всегда много народу.

Я приняла от Джамала завтрак в пакете, стараясь не встречаться с ним взглядом. После дневной молитвы, когда мальчики размякли от жары и начали дремать, я стукнула в дверь – мол, пустите в туалет. Найджел ждал меня там, с моим рюкзаком и абайей. Рано утром ему удалось выломать третий прут. Он снова вынул кирпичи, и на этот раз я не теряла ни секунды. Лежа на животе, я опустила одну ногу в проем, затем вторую, сползла ниже, держась на вытянутых руках за один из оставшихся прутьев, и прыгнула. Следом прыгнул Найджел. Два мягких толчка в песок.

Мое сердце взлетело и рухнуло в пропасть. Едва коснувшись земли, я поняла, что дела наши плохи. Вокруг все было по-другому, совсем не так, как я себе воображала. Свое представление я склеила из кусочков, виденных из окна своей комнаты, из воспоминаний от поездки на машине. Я думала, что тут верблюды, люди на улицах, заросли кустарника, что тут маленькая деревня с кучей укромных местечек, где можно спрятаться. Но я ошибалась. Слева был покосившийся забор из жести, старых сплюснутых бочек из-под краски и другого мусора. А справа стояли в ряд какие-то лачуги, также слепленные из разнообразных отходов. Нигде не было ни кустика, ни былинки, только сухие колючки, торчавшие в песке. Но самым неприятным

было внезапное появление ребенка, рахитичного голопузого мальчика лет семи. Он глядел на нас, в ужасе вытаращив глаза, и видно было, что он вот-вот закричит.

Я сделала доброе лицо и попыталась улыбнуться. Я приложила палец к губам. Ребенок переводил взгляд с меня на Найджела и обратно, и его глаза становились все больше и больше. И вдруг дал стрекача. Можно было не сомневаться, что он расскажет о нас первому же попавшемуся взрослому. И точно стартовый пистолет прозвучал или вздрогнул воздух, возвещая о начале землетрясения, прошла волна над крышами в сторону веранды, где дремали наши тюремщики. С этого момента все подчинялось инстинктам. Даже не переглянувшись, мы с Найджелом как безумные бросились бежать.

Глава 31. Сестра

Мальчик рванул вправо, мы – влево, вдоль стены дома, где примерно через десять ярдов переулок вливался в улицу. Наши ноги тонули в глубоком песке. Наши шлепанцы сковывали каждый наш шаг. Теперь, на бегу, Найджелу было бы странно закрываться простыней и играть роль больного старика, а мне – его помощницы. Притворство потеряло всякий смысл. Наша стратегия вылетела в трубу, едва мы, забыв обо всем, бросились наутек.

Мы выскочили на дорогу. Тут стояли лачуги, торговые киоски и далее простиралась плоская бурая пустыня. Найджел звал на помощь – еще одно обстоятельство, шедшее вразрез с нашим планом.

– *И каауин, И каауин*, – кричал он, – помогите!

Все неслось с панической скоростью. Мне удавалось ухватить только обрывки: полуразрушенная стена, несколько нервных коз, мужчина в дверной арке, осел, запряженный в повозку. Свобода, о которой мы столько грезили и которая нас так жестоко обманула, пронеслась мимо, как в страшном сне. Найджел кричал не переставая. Впереди шли какие-то женщины в цветных хиджабах – свободные розовые, синие, желтые концы развевались на ветру. Мы прибавили скорости, чтобы догнать их. Они стали оборачиваться, указывать на нас руками, переговариваться. И вдруг тоже побежали. Другие прохожие, заметив нас, разбежались кто куда. Улица быстро опустела. Впоследствии я поняла, что в Сомали бегущего по улице человека все воспринимают как знак приближающейся опасности и тоже стремятся убежать.

На углу мы инстинктивно свернули влево, где дорога расширялась. Мы договорились бежать в мечеть, искать защиты у людей, собравшихся на полуденную молитву, вот только мечети нигде не было. Наконец, Найджел оглянулся и увидел позади минарет, тонкой иглой уходящий в небо. Мы повернулись и рванули в противоположную сторону. Когда до мечети оставалось не более десяти ярдов, я заметила на улице молодого человека, который с интересом нас разглядывал. Я тотчас узнала его – это был наш сосед, тот самый, с кем я однажды переглянулась через окно. Я бросилась к нему, на ходу поправляя сбившийся хиджаб.

– Помогите, помогите нам, пожалуйста, – взмолилась я. – Вы говорите по-английски?

Он кивнул без тени удивления.

– Вы видели меня, помните? – продолжала я. – В окне? – Он снова кивнул. – Мы мусульмане. Нас похитили пять месяцев

назад. Вы не могли бы проводить нас в мечеть?

Молодой человек секунду помедлил, будто взвешивал свои варианты. Что-то подсказывало мне, что он чувствует вину перед нами, ведь, живя по соседству, ничего не сделал, чтобы нам помочь.

– Идемте со мной, – наконец сказал он.

Я и Найджел схватили его под руки и буквально потащили по ступеням, боясь, как бы он не передумал. Увидев на деревянной платформе у входа гору обуви, говорящую о том, что внутри полно людей, я ощутила нечто вроде облегчения – давно забытого чувства, которое мне даже не сразу удалось распознать.

И тут из-за угла выскочил человек и остановился футах в тридцати поодаль – темная худая фигура на светлом холсте песка. Это был Хассам, знаток Корана. На нем был саронг, а не брюки, так как он выскочил из дому в страшной спешке. Лицо его выражало смесь изумления, злобы и ужаса. Следом выскочил Абдулла – с открытым лицом и автоматом.

Я бросилась в мечеть, забыв снять шлепанцы и оставить их у входа. Мечеть была размером с хороший спортивный зал и полна мужчин – они стояли на коленях, сидели, бродили мелкими группами. На полу лежали ряды моленных ковриков. Когда я вбежала, многие обернулись, некоторые поднялись. Я услышала собственный голос, кричащий по-английски и по-арабски:

– Помогите! Да благословит вас Аллах! Я мусульманка, помогите мне! Помогите, помогите!

От отчаяния я не вполне понимала, что делаю. Найджел тоже кричал.

Вокруг нас собралась толпа озадаченных и встревоженных мужчин. Наш сосед объяснял им что-то на сомали. И тут вбежали Абдулла и Джамал, оба в саронгах. Абдулла бросился ко мне, но я успела отбежать в дальний угол, где сидела другая группа мужчин. Я сказала им все арабские слова, которые знала, но они лишь поднимали ко мне бородатые лица с выражением тупого недоумения. У другой стены Джамал избивал Найджела, со всей силы бил его кулаком по голове. Найджел пробовал защищаться и кричал:

– Джамал, Джамал! – точно хотел напомнить ему, что они в своем роде старые приятели.

Абдулла снова настигал меня. Он уже протянул руку, но я успела выскочить через боковую дверь на улицу, не думая о том, хорошо это или плохо.

Страх придавал мне скорости. Я прыгнула со ступеней в обжигающий белый песок и метнулась в заросли колючего кустарника, огибающего мечеть с одной стороны. Освободившись

от шлепанцев, я стала быстра и легка, как олень. Абдулла отставал от меня на два шага. Колючки рвали мне кожу, но боли я не чувствовала, даже когда один большой шип впился под большой палец левой ноги. Потом позади грохнул одиночный выстрел. Я оглянулась и увидела, что Абдулла остановился и направил на меня автомат. Внутренний голос подсказывал, что лучше вернуться в мечеть, – там Найджел, там безопаснее. Я сиганула через колючки, обежала вокруг Абдуллы и вихрем влетела в мечеть. Он преследовал меня, но с тяжелым и громоздким автоматом ему было за мной не угнаться.

Внутри было на удивление спокойно. Найджелу удалось освободиться от Джамала, и теперь он сидел, притворяясь безмятежным, впереди у полукруглой платформы, служащей кафедрой имаму. Вокруг было человек пятнадцать бородатых мужчин. Многие из них стояли. Позади группы маячили Джамал и Мохаммед, нервно сжимавшие в руках оружие. Что-то произошло, и расстановка сил изменилась. Наверное, кто-то поставил мальчиков на место. Я опустилась на колени рядом с Найджелом, который по-английски толковывал сидящим рядом, что он тоже мусульманин. Они, кажется, сомневались. Я вспомнила, что в рюкзаке у меня лежит Коран. Я достала его и сунула им в руки.

– Смотрите, смотрите, – говорила я. – Мы мусульмане. Прошу вас, помогите нам.

Я умоляла их, я напомнила им, что долг любого мусульманина помогать единоверцам.

Они стали передавать мой Коран из рук в руки, заинтересованно листая страницы.

В стене с одной стороны кафедры была ниша, низкое окно, и я вдруг заметила там женщину в черном с головы до ног. Она заглядывала в окно, пока один из мужчин не подошел и не захлопнул металлические ставни.

Абдулла теперь тоже был в мечети, сидел у задней стены. По щекам его катился пот. Впервые за пять месяцев я видела его лицо. Его широко расставленные глаза были мне хорошо знакомы и ненавистны, но теперь они имели контекст – широкий полукруглый лоб, коротко стриженные кудрявые волосы и редкую бородку, придававшую его облику что-то детское. Поймав мой взгляд за чужими спинами и плечами, он злобно усмехнулся. Я быстро отвела глаза.

Между тем Найджел начал громко читать на память одну из сур Корана, точно школьник перед экзаменационной комиссией. Людей в мечети значительно прибавилось. Некоторые были в платках, закрывающих лица, и с оружием. Как знать, кто они?

Больше всего меня удивило количество народа, понимающего по-английски. Один человек объяснил, что кто-то звонит местному имаму, отбывшему по делам в соседний район, чтобы он приехал и выслушал нашу историю. Он, мол, рассудит по справедливости.

– Иншалла, все будет хорошо, – сказал он, показывая, что до тех пор мы должны оставаться в мечети.

Эту весть я восприняла с облегчением. Я думала, что имам должен нам помочь. Позади спорили – правда, вежливо – Джамал, Абдулла и еще кто-то.

И вдруг, растолкав вооруженных мужчин, сквозь шумную толпу пробилась женщина. Я сразу ее узнала – это она заглядывала в окно. На ней была абайя и полный хиджаб, включая никаб, закрывающий рот, нос, все лицо, кроме глаз. Все мужчины смотрели на нее, но она не обращала внимания. Она подошла ко мне и опустилась на колени. Машинально я взяла ее за руку. Наши пальцы переплелись, и на миг я почувствовала себя в большей безопасности, чем когда-либо. Ее карие глаза были странно мне знакомы, будто мы уже где-то встречались. Тыльную сторону ее ладоней покрывали тонкие узоры из рыжей хны – такие украшения женщины рисуют на руках друг у друга. Она обратилась к окружающим нас мужчинам. Я не понимала ее речь, но знала, что она говорит в мою защиту. В ее голосе звучала боль. Когда она взглянула на меня, в ее глазах я прочитала сопереживание. Подчиняясь порыву, я подняла руку и провела пальцами по ее лицу, ощущая сквозь ткань тепло ее щек. Я привлекла ее к себе и спросила:

– Вы говорите по-английски?

– Немного, – ответила она. – Вы мусульманка?

– Да, из Канады.

– Значит, вы моя сестра, – сказала она, – из Канады.

Она простерла руки, и я упала к ней в объятия. Я зарылась лицом в ее мягкое тело, я вдыхала сиреневый аромат ее духов. Она крепко меня обняла. Моя настороженность растаяла, и я расплакалась. Пока вокруг трещали мужчины, эта женщина сжимала меня в объятиях. Такой теплоты я не ведала уже давно, с полгода это точно, и даже больше, если считать одинокие месяцы в Ираке. Мне хотелось навсегда остаться в этой мечети. Мне хотелось рассказать ей все. Подняв голову, я взглянула в ее глаза и сказала, что я невольница и что я хочу домой. Мой голос дрожал. При слове «домой» я стала всхлипывать. Я указала на Абдуллу, который с ухмылкой наблюдал за нами, и выпалила:

– Он меня насилует, – и для лучшего понимания жестами показала, что имею в виду.

Круглыми глазами она посмотрела на Найджела, который

кивнул, подтверждая мои слова.

– Харам, харам, – прошептала женщина, – харам.

И вдруг выражение ее лица изменилось. Оно стало жестким. Продолжая гладить меня по волосам, она вытянула шею и резко выкрикнула что-то на сомали. Внезапно все замолчали. Женщина стала пронзительно и торопливо говорить и пригрозила пальцем каким-то мужчинам, которые не хотели слушать. Я почувствовала, как по ее телу прошла дрожь, и увидела, что она тоже плачет. Найджел сидел рядом и смотрел в пол, понуро опустив голову.

Вдруг в мечети возникло движение. Это ввалились Ахмед и Дональд Трамп, взбешенные и злые, а за ними Скидс, точно флагом размахивающий пистолетом. Хотя их не было целый месяц, в случае кризиса они, кажется, умели материализоваться почти мгновенно.

Увидев меня, Ахмед заорал:

– Ты! – Он вытянул в мою сторону указующий перст. – Ты сделала большую проблему!

Народ все прибывал, сплошь мужчины. Весть об иностранцах в мечети быстро распространилась по деревне. Стало душно, шумно и нервно. Потом раздался громкий, оглушительный треск – это был выстрел. Он нарушил равновесие в соотношении сил, и не в нашу пользу. За первым выстрелом последовал второй, и люди засуетились, бросились кто куда. Я увидела, что Абдулла, расталкивая толпу, пробирается ко мне, нагнув по-бычьей голову. И вот он налетел, схватил меня за ноги, потащил прочь от моей названной сестры. Автомат, висящий у него на плече, больно колотил меня по лодыжкам. Абдулла тащил меня к боковой двери. Никто из свидетелей не пытался его остановить, кроме этой женщины. Она обеими руками держала одно из моих запястий и не отпускала, упираясь что было сил и крича что-то на сомали. В какой-то миг мне показалось, что они разорвут меня надвое. А потом Абдулле стал помогать незнакомый мужчина, схватив меня за одну ногу. Тогда моя защитница буквально упала на меня всем телом, и ее руки сместились мне на плечи. Теперь они тащили к двери нас двоих, дюйм за дюймом. Плечи ломило так, будто они вот-вот вылетят из суставов. Наконец, им удалось стряхнуть с меня женщину, ее руки, державшие меня за плечи, разжались, и Абдулла с помощником быстро подтащили меня к двери. Я смогла поднять голову и оглянуться. Женщина лежала, распростертая, на полу и горько плакала. Платок и никаб сбились во время борьбы, обнажив ее пухлое нежное лицо, высокий лоб и волосы, заплетенные в мелкие косички. Ей было лет пятьдесят с небольшим, как моей маме. Ее окружили трое вооруженных

мужчин.

Очередной помощник Абдуллы поднял меня за спину, и они стащили меня по ступенькам во двор. Я отчаянно крутилась и брыкалась, била локтями в песок, пытаюсь за что-нибудь уцепиться. Абайя и платье съехали мне на пояс, джинсы, наоборот, сползли до колен, а заодно и ветхое белье. Я была практически голая – от живота до колен. Абдулла волочил меня по песку, как тачку, зажав мои ноги у себя под мышками. Вокруг стояло человек двадцать мужчин, наблюдая за этим шоу и неодобрительно бормоча. Вдруг я почувствовала у себя на животе что-то мокрое и догадалась, что они плюют в меня.

Впереди был железный столб, обозначающий границу между двором и улицей, где собралась еще большая толпа. А далее стоял синий фургон с работающим двигателем. Я поняла, что надо сделать все, чтобы не попасть в этот фургон, и обеими руками уцепилась за столб. Отчаяние придало мне сил. Абдулла остановился и с удивлением оглянулся. Где-то у мечети снова прогремел выстрел. «Найджел, – подумала я, – они убили Найджела». От одной этой мысли впору было умереть. Абдулла дергал меня за ноги, но я крепко вцепилась в столб, пытаюсь высвободиться из хватки Абдуллы. Совсем рядом в толпе любопытных стояла женщина и смотрела на меня. Я не видела ее выражение лица, но закричала:

– Почему вы не поможете мне?

Женщина остолбенела.

– Я не говорю по-английски, – сказала она на хорошем английском.

Вдруг костяшки моих пальцев пронзила резкая боль – кто-то ударил мне ногой по рукам, чтобы заставить меня выпустить столб. Пальцы сами собой разжались, и Абдулла потащил меня дальше, к фургону, где были два ряда сидений и четыре двери. У фургона меня поставили на ноги, и Абдулла стал заталкивать меня на заднее сиденье. Тут я увидела свой последний шанс. Я с силой ударила его ногой в пах, так что он свалился на землю, а сама тем временем выскочила с противоположной стороны и ринулась в толпу, размахивая руками и крича по-арабски молитву из первой суры, которую ежедневно произносит каждый мусульманин: *«Бисмилляхи р-рахмаани р-рахим. Альхамду лилляхи раббиль 'алямин. Аррахмаани р-рахим. Малики яумиддин. Иййякя на'буду ва иййякя наста'ийн. Ихдина с-сырааталь мустакийм...»* Что означает: *«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Хвала Аллаху, владыке миров, милостивому, милосердному, царю в День Суда! Тебе только мы поклоняемся и Тебя только просим помочь! Наставь нас на путь тех, кого Ты одарил благами, не тех, кто*

находится под гневом и не заблудиш. Да будет так!»

Я произносила многие слова неправильно, торопливо и слишком громко, но очень надеялась, что они поймут, эти десятки зевак, что если моя вера не совершенна, то хотя бы тверда, а если и не тверда, то я, простоволосая грязная иностранка, все-таки тоже человек.

Никто не пошевелился. Никто, казалось, не знает, что мне ответить. Они только смотрели на меня с ужасом, пока я кричала свою арабскую молитву. Все было впустую. Я кричала до хрипоты даже тогда, когда чьи-то руки подхватили меня сзади и понесли обратно, и я увидела, как двое мужчин выводят Найджела из мечети и волоком тащат к фургону. Увидев, что он жив, я испытала секундное облегчение, но вслед за тем и новый приступ тоски. Не прошло и сорока пяти минут, как мы выпрыгнули из окна. Что толку было в нашем бегстве? Мы пересекли реку только до половины. Да, мы оба пока живы, но теперь это все равно что мертвы.

Глава 32. Безвкусный дом

Мы с Найджелом сидели, сцепив руки, на заднем сиденье, стиснутые между Мохаммедом-младшим и одним из двоих мужчин, которые только что в мечети защищали нас, но успели уже принять сторону наших врагов. Второй сел за руль, рядом с Абдуллой и Скидсом. Джамал прыгнул в кузов. Двери захлопнулись. Взревел двигатель. Несколько человек в толпе замахали руками.

Куда бы мы ни ехали, там все будет по-другому, не так, как прежде.

Меня начала бить дрожь. А потом я заговорила, обращаясь в основном к Мохаммеду и новобранцам в банде.

– Как вы могли это сделать, – говорила я, глядя на Мохаммеда, который смотрел вперед и не поворачивал головы. Заталкивая меня в машину, он нанес мне несколько ударов по лицу, так что едва не свернул челюсть. – Вы говорите, что вы мусульмане, но мы тоже мусульмане. Вы держите нас в заложниках, и это неправильно.

Никто не отвечал, лишь Найджел крепче сжал мою руку. Впереди, наполовину скрытая в облаке желтой пыли, ехала машина Ахмеда и Дональда.

Через десять минут езды по ухабам у фургона лопнула шина. Это случилось прямо напротив розового здания с вывеской «Университет Могадишо», что подтверждало мою догадку о том, что нас держат в пригороде, если не в самом городе. Стены здания были изрыты пулями и снарядами: студенческая жизнь в Могадишо – это вам не прогулка в парке.

Мальчики выгнали нас на улицу и пересадили в машину Ахмеда. За руль сел Дональд, а Ахмед остался в обездвиженном фургоне. Скидс, занимавший переднее пассажирское кресло, обернулся, потыкал пальцем в меня и Найджела и сделал «пиф-паф».

– Они сейчас убьют нас, – безучастно сказала я, чувствуя страшную усталость во всем теле, хотя могла бы и не говорить – все и так было ясно.

Я заметила, что майка у Найджела порвана почти пополам и сквозь прореху виднеется кожа воскового оттенка. Мохаммед, сидевший рядом, вдруг ударил его в лицо. Найджел уронил голову и закрыл глаза. Я видела, что он едва сдерживается, чтобы не заплакать. Тут у Мохаммеда зазвонил телефон – на рингтоне у него квакали лягушки, – и это, возможно, уберегло Найджела от следующего удара.

Пока Мохаммед болтал по телефону, я шепотом говорила Найджелу, что он должен будет передать моим родным, если меня убьют, а он останется в живых. Помимо очевидных слов любви, сожаления и просьб о прощении, я попросила сказать моей маме, чтобы она съездила в Индию, если хочет лучше понять меня.

– А папа и Перри пусть съездят в Таиланд, – говорила я, – им там очень понравится.

Найджел в свою очередь просил и меня передать такие же слова его родителям, братьям, сестре и его девушке – сказать, что он любит их и что он очень виноват перед ними.

Мохаммед нежно ворковал в свой телефон. Мне даже показалось, что я слышу в трубке щебечущий голос ребенка, который смеется, слушая, что говорит ему Мохаммед.

Мимо проносились городские дома, эвкалипты, мини-автобусы, автомобильные покрышки, разложенные вдоль дороги. Штукатурка на некоторых зданиях пожелтела, как старая кость. Мужчины, толкающие тачки, женщины с ведрами, дети, глазеющие на машины, – все это было словно за закрытой дверью, напоминая, как глухо Сомали к нашему в нем присутствию. Один раз мы остановились, чтобы заправиться. На углу стояла тощая сомалийка и несколько канистр. В руках она держала жестяную банку. Скидс протянул в окно деньги, и она банкой налила в бак бензин. Мы с Найджелом на заднем сиденье были хорошо ей видны, но, заметив мой умоляющий взгляд, она отвернулась. Мы поехали дальше. У меня было ощущение, что нас возят кругами, дожидаясь некоего часа, чтобы убить. Словом, нам осталось недолго.

Сзади в багажнике сидел Дональд. Помня, что он не раз на протяжении всех этих месяцев выражал нам сочувствие, я повернулась и схватила его за рукав рубашки.

– Пожалуйста, помогите нам.

Дональд вспылil.

– Вы думаете, вы такие одни? – в ярости зашипел он. – Есть немцы, итальянцы, они все запросто уезжают домой. – Наверное, он слышал о подобных случаях по телевизору. – Никто не хочет за вас платить, а теперь вы делаете проблемы. – Он вырвал у меня свой рукав.

Я отвернулась. Мое израненное тело обрело чувствительность, которую ранее заглушал адреналин. Кожа на спине была содрана до мяса, ноги распухли и были все в засохшей крови. Если бы не пульсирующая боль, я могла бы подумать, что они чужие.

Мы кружили по дорогам, пока не остановились у какого-то

дома. В отличие от прочих наших пристанищ это было обитаемое. На крыльце валялась детская обувь, на веревке висела женская одежда. Дональд и Скидс молча протащили нас по коридору, мимо нескольких закрытых дверей, в одну из комнат, и оставили там – под охраной Абдуллы и Мохаммеда. Рядом находилась кухня – до нас долетал запах стряпни.

Я догадывалась, что это дом капитана. Комната, в которой нас оставили, была спальня, и не просто спальня, а настоящий будуар с рюшами, оборками, ситцевыми занавесками в райских птицах и цветистым покрывалом на огромной супружеской кровати. На деревянном секрете были аккуратно расставлены тюбики крема, флаконы духов и баночки с гелем для волос. Судя по всему, мы неожиданно угодили в чье-то милое семейное гнездышко. Со двора долетал рассерженный и возмущенный женский голос. Надо думать, что хозяйка не обрадовалась прибытию двоих иностранцев и банды немытых подростков с автоматами.

Вернулся Дональд.

– Сидеть, – велел он нам, указывая на пол.

Мы сели у стены напротив кровати, и Дональд начал допрос. Точнее, капитан Скидс задавал вопросы на сомали, а Дональд переводил, передавая не только смысл вопросов, но и бешенство, присутствующее в оригинале. *Почему вы убежали? Как вы выбрались из дома? Кто вам помог? Вы хотите умереть?*

На каждый вопрос приходилось отвечать по несколько раз. Дональд разносил нас, говоря, что мы глупцы и плохие мусульмане, а мы просили прощения, клялись, что нам никто не помогал, говорили, что не хотим умирать и только хотим домой.

Скидс ткнул в меня трясущимся от ярости пальцем.

– Это все ты, – перевел Дональд, – это была твоя идея.

Конечно, они считали, что во всем виновата я, греховная и недостойная женщина.

Вопрос сопровождался избиением. Когда я сгибалась от боли, Мохаммед бил меня прикладом между лопаток.

Под конец Дональд озвучил кульминационный вопрос.

– Почему, – зашкварчал он, брызжа слюной, – почему ты сказала, что мы тебя трахаем? Да ты знаешь, что это такое? Мы могли бы, но не делаем это с тобой. Ты лгунья!

Обвинение повисло в воздухе. Я кожей ощутила горящее во взгляде Абдуллы предупреждение. Все хмуро смотрели на меня.

Мои мысли понеслись вскачь. Настал момент разоблачить Абдуллу, и все же что-то не позволяло мне сделать это. Страх. Он, без сомнения, станет все отрицать, и снова вина падет на меня.

– Та женщина не понимала по-английски! – сказала я

Дональд. – Она не поняла. Я такого не говорила. Я не лгала, я мусульманка! Скажи им, что я не говорила, – обратилась я к Найджелу.

Найджел молчал.

Пока Скидс и Дональд совещались, Абдулла и Мохаммед продолжали меня избивать. Я чувствовала слабость и тошноту, будто подо мной провалилась земля. Дональд принялся шагать по комнате. Когда он проходил мимо, я ухватила его за штанину.

– Пожалуйста, помогите мне! Помогите!

Найджел шепнул мне:

– Они уже все решили. Тебе лучше не отпираться.

Я потом долго помнила эти слова. Очень долго. Даже во время самых тяжелых испытаний, что мне еще предстояли, я обдумывала их, крутила так и этак в своей памяти, точно камень в руке, ища несуществующий шов.

Тебе лучше признать свою вину.

– Не могу, – шепотом отвечала я Найджелу.

Дональд и Скидс продолжали допрос, мальчики продолжали бить меня. Найджел молчал о том, что идея побега принадлежала ему, что потом мы вместе обсуждали этот план. Нет, он держался так, будто не имеет к этому отношения. Самое большее, на что он решился, так это сказать хриплым от страха голосом: «Простите, я не знал, что я делаю. Напрасно я послушал». То есть напрасно он послушал *меня*. И мне лучше не отпираться.

Какие чувства вызывал у меня Найджел? Ненависть, любовь, недоумение, зависимость – все сразу. В тот момент мне было недосуг распутывать этот узел. Он был Найджел, а я была Аманда, и мы с ним были в одной лодке. Если задуматься, то мои тогдашние чувства к нему мало отличались от тех, что я испытывала ребенком, когда жила в раздираемой страстями семье. Невозможно злиться, когда тебе кто-то настолько необходим.

Не могу в точности сказать, сколько еще продолжался допрос – семь минут, пятнадцать или пятьдесят. Я чувствовала только, что мое сознание проваливается куда-то в пустоту, в пропасть без пола и стен, без связи с внешним миром.

Я, помнится, думала: «Мы умираем. Они будут бить нас, пока у нас не отнимется язык. Они оставят нас только после смерти».

Наконец, Дональд сказал, что ему пора. Сидя на кровати под покрывалом в цветочек, он покачал головой, будто мы ему страшно надоели и он совершенно измучен.

Я не хотела, чтобы он уходил. Все-таки он был не такой зверь, как Скидс.

– Пожалуйста, не надо, – пробормотала я, – останьтесь.

Дональд посмотрел на меня почти отеческим взглядом и похлопал ладонью по кровати – иди, мол, сюда. Мохаммед начал было возражать, но Дональд лишь отмахнулся. Я с трудом поднялась, преодолевая боль в ребрах, и села на кровать.

– Ты очень плохо выглядишь, – заметил он, касаясь моей вздувшейся щеки. От его прикосновения щеку будто огнем обожгло.

Он прибавил, что надо идти и он сожалеет о том, что нас еще ждет.

– Я не знаю, что будет, но будет плохо.

Зазвонил его телефон.

– Салям, – кратко ответил Дональд и поглядел на меня, держа телефон далеко от уха.

Я услышала скорострельную женскую речь.

– Вот видишь? – Дональд с улыбкой поднялся. – Я уже опаздываю. Я должен идти.

Когда он ушел, явился Хассам, неся что-то в коричневой сумке, которую передал Скидсу. Скидс вытряхнул из сумки содержимое – две длинных цепи и четыре замка со звоном рухнули на пол. Тяжелые толстые цепи почерневшей стали – такие, наверное, покупают на местном рынке для хозяйственных нужд, чтобы, например, соединить две двери.

Взгляд Хассамы скользнул по мне, по вздувшемуся от побоев лицу, кровоподтекам и ссадинам, и мне показалось, что в нем на мгновение мелькнули тревога и даже сочувствие и тут же исчезли, как кролик в лесу.

Скидс взвесил цепи на руках, довольный их солидностью. Одну он протянул Мохаммеду, и тот, наклонившись, обернул ее концы вокруг моих лодыжек и повесил с двух сторон по замку. Теперь обе моих ноги были заключены в плотные манжеты из прохладной стали и соединены между собой цепью длиной дюймов шесть. Найджелу досталась такая же цепь.

Они заковали нас в кандалы. Я не смотрела на Найджела. Теперь мне трудно было видеть в нем союзника или хотя бы товарища по несчастью. Я была одинока – как никогда в жизни, заперта в собственном теле, в собственной судьбе. Ходить я могла, но только очень медленно, и при каждом шаге металлические звенья впивались мне в кожу, причиняя боль. Побег был исключен. Мы целиком принадлежали нашим похитителям. Мы проиграли.

Глава 33. Документы

Вечером нас увезли из этого дома с ситцевыми занавесками. Я догадывалась, что хозяйка – та самая, что устроила истерику во дворе, – потребовала, чтобы мы выметались. Перед отъездом она прислала нам ужин: тарелку макарон, кувшин свежееотжатого апельсинового сока плюс два пластиковых стаканчика. И все это на подносе! Так шикарно нас не обслуживали уже много месяцев. От боли в разбитой челюсти я почти не могла жевать, но вкус макарон, возможность пить из стакана несли хоть и слабое, но облегчение.

Абдулла смотрел, как мы едим, очень довольный собой. И вдруг ни с того ни с сего спросил:

– Ты трахаешь много мужчин? – Ему явно нравилось это новое слово. Я знала, что в присутствии остальных он бы никогда не осмелился так говорить. – Сколько? Сколько мужчин ты трахаешь?

Я не отвечала.

Тогда Абдулла посмотрел на Найджела.

– Ты, – сказал он, – сколько женщин ты трахаешь?

Найджел шумно сглотнул. Его лицо тоже распухло от побоев.

– Четыре? – вопросительно ответил он, будто пытался угадать правильный ответ.

– Ага, четыре! – широко улыбнулся Абдулла. – Много!

Мы с Найджелом молча закончили ужин.

К нашему удивлению, они снова привезли нас в Дом Побега, откуда мы сбежали утром. С их стороны это было рискованно, потому что вся округа теперь знала о нас. Но у них, наверное, не было других вариантов.

В моей комнате все осталось по-прежнему – книги, одежда, увлажняющий крем и пачки таблеток так и лежали на матрасе у стены. Рядом – свернутая простыня в голубой цветочек. Ставни были закрыты. Я легла. Все кости ломило, кандалы врезались в лодыжки, тело было липкое от пота после целого дня беготни. Я потеряла свои шлепанцы, рюкзак, очки, Коран и две брошюры о том, как быть правоверной мусульманкой. Я думала о женщине в мечети, о ее отваге, которая не останется без последствий, и молилась, чтобы судьба была благосклонна к ней.

Позже, когда пришел Джамал, я сказала, что мне нужно в туалет. Он повел меня по коридору, держа ствол у меня между лопаток.

В туалете был полный разгром. На полу валялись куски цемента и кирпичи, в стене, как рана, зияла огромная щербатая

дыра, портал, открытый в ночную темноту. Я представила себе шок, который испытали наши тюремщики, увидев, что мы с Найджелом натворили. Джамал не уходил, сторожил меня за шторой, будто боялся, что я опять убегу. Это смущало меня, но делать было нечего.

Всю ночь я не сомкнула глаз, ожидая, что они придут и заберут меня. Меня мучили видения пустыни, кривой акации и ножа у моего горла.

Потом запел муэдзин. Солнце протиснулось сквозь щель между ставнями, освещая тошнотворные зеленые стены. Настало утро, дом проснулся. Я слышала, как наши тюремщики встают, умываются, молятся, как обычно, и почувствовала теплую волну облегчения. «Может быть, – подумала я, – все будет хорошо».

Жить было бы куда проще, если бы все плохое случалось только в темноте, если бы жизнь четко делилась на два лагеря – темноты и света. Как бы мне хотелось, чтобы солнце, осветившее в то утро наш дом, всю округу, соседей, весь город Могадिश, могло гарантировать, что до заката ничего дурного не произойдет. Но это был один из тех моментов, когда не знаешь, что будет дальше. Я слышала, как бандиты совещаются на крыльце. Наверное, они тоже пока не решили, что с нами делать. Вчера для них был плохой день. Два драгоценных мешка с деньгами внезапно отрастили ноги и едва не сбежали.

Вскоре капитан Скидс и Абдулла принесли мне завтрак. Это было странно: Скидс никогда не нисходил до работы по дому, и Абдулла никогда не разносил нам еду, но сегодня они вошли, глядя на меня почти по-доброму, и положили передо мной совершенно роскошное угощение – спелое желтоватое манго и булочку. А рядом поставили чашку теплого чая.

– Ешь, – спокойно сказал Абдулла без тени своего обычного бешенства, – мы подождем.

Мое сердце тревожно забилося. Подождем чего? Я смотрела на еду у себя в руках, чувствуя голодное головокружение. Вчерашний день стоил мне последних сил, что у меня были.

Они вышли. Абдулла напоследок обернулся с неясным выражением и закрыл дверь.

Я достаточно изучила голод и понимала, что желание заглотить сразу как можно больше – это инстинкт стадных животных. Если ты один и еду никто не отнимает, в этом нет никакого смысла, только вред. Я откусывала маленькие кусочки булки и запивала их чаем. Почистив манго, я сначала высосала всю мякоть, приставшую к кожуре. Внутри манго было оранжевое, по краям бледнее и темное у сердцевины. Вдруг за стеной

раздался болезненный вскрик – они были у Найджела. Неужели опять избивают? Минут через десять в дверь просунул голову Абдулла.

– Ну как, вкусно? – поинтересовался он, будто и впрямь хотел знать.

Я кивнула, показывая ему, что я еще ем. Когда я прожевала последнюю крошку хлеба, последний кусочек манго и выпила весь чай, они снова пришли. У Абдуллы в руках был АК-47, а у Скидса – пистолет.

– Ты все? – спросил Абдулла и велел мне следовать за ними, взяв с собой простыню в цветочек.

Мы вышли в коридор. Кандалы сковывали каждый мой шаг. Стараясь не упасть, я двигала вперед одну ногу, а вторую подтаскивала следом, будто выполняла движения какого-то извращенного танца. Я была босиком и вся в грязи после вчерашнего. На мне был хиджаб, платье из полиэстера, а под ним зеленый топ и широкие мужские джинсы. Абайя осталась в комнате. Дойдя до середины коридора, я потеряла равновесие и упала, больно ударившись бедром. Скидс с явным удовольствием наблюдал, как я пытаюсь подняться и снова падаю. Он очень гордился тем, что сумел доставить мне такие неудобства.

* * *

Они привели меня в большую пустую комнату, где однажды мы все вместе – наши тюремщики, Найджел и я – молились в ознаменование исламского праздника Ийд, когда мусульмане чествуют Ибрахима (Авраама), принесшего собственного сына в жертву Аллаху. Тогда я стояла у задней стены и смотрела в спины своих мучителей, но больше в окно – на раскидистое дерево, которое они видели каждый день, а я нет.

В этот раз все было иначе. Их любезность как ветром сдуло. Абдулла толкнул меня в середину комнаты. Скидс говорил на сомали, а Абдулла переводил.

– Ты дурная женщина, – почти орал он, – ты убежала. Где твои документы?

– Документы? – удивилась я. – У меня нет документов.

– Ты врешь, – заявил Абдулла.

Я догадалась, что они, обыскав комнату Найджела, нашли у него клочок бумаги, на котором были написаны несколько сомалийских фраз с просьбой о помощи. Это вряд ли можно было назвать документом, но для них документом была любая записка. Письменная речь в их глазах обладала мистической силой.

Скидс в упор взглянул на меня, и мне не понравилось его выражение. Я инстинктивно подняла руку, чтобы оттолкнуть его, но он был проворнее. Левой клешней он схватил меня за ворот и врезал мне по голове рукояткой пистолета, так что боль пронзила все мое тело от макушки до кончиков пальцев, даже зубы и глаза. Первая моя мысль была, что он проломил мне череп. Я накренилась в сторону, но Скидс крепко держал меня за ворот. Он бросил пистолет и второй рукой тянул вверх подол моего платья, а заодно и топик. Когда я попробовала сопротивляться, он снова ударил меня. По его команде Абдулла взял мою простыню в цветочек и надел мне ее на голову, завязав сзади концы. Вот для чего она была нужна. Теперь я ничего не видела, кроме синего света. Их руки начали ощупывать мое тело. Я крутилась и извивалась, пытаюсь оттолкнуть их, но они били меня. Кружилась голова, тошнота подкатывала к горлу. Мне казалось, я теряю сознание. Кто-то стянул с меня джинсы. Я осталась совершенно голый. Вокруг говорили на сомали. Я узнала голоса Мохаммеда, Юсуфа, Хассама. *Неужели и он тоже?*

Я пыталась прикрыть грудь и бедра руками. Кто-то возился внизу, у моих скованных кандалами лодыжек, куда упали джинсы. Слышалось бормотание и затем общий удивленный возглас. «Аджус, – говорили они, – Аджус». Сердце у меня в груди оборвалось. В кармане моих джинсов они нашли два крохотных клочка бумаги, куда я перед побегом скопировала сомалийские фразы и телефоны. Судя по их голосам, они торжествовали, будто, обнаружив эти бумажки, получили право продолжать.

И они воспользовались этим правом. То, что они сделали со мной утром в этой комнате, называлось у них «обыск». Участвовали все. Позже я поняла, как важно было, чтобы никто не остался в стороне, чтобы все были повязаны, чтобы каждый разделил общую вину и не смог бы осуждать остальных ни тогда, ни потом – в течение следующих месяцев. Вместе они пересекли черту, за которой не было достоинства. У меня открылось кровотечение и не прекращалось несколько недель.

Глава 34. Новые правила

С того дня я погрузилась в темноту. В физическую темноту, в черную пустоту, ограниченную четырьмя стенами. Это была комната в новом доме, находящемся где-то далеко за пределами Могадишо, в катакомбах еще одной безымянной деревни.

В ту же ночь они затолкали нас с Найджелом в машину и повезли. Всю дорогу я просидела не шевелясь – любое движение отзывалось в моем истерзанном теле дикой болью, так что порой мое сознание отключалось и наблюдало за всем происходящим как бы со стороны. Рядом громко сопел Найджел. Так громко, что я боялась, как бы они снова не начали его бить. Он был голый до пояса – страшно было даже представить, по какой причине. В багажнике, под ногами у мальчиков с автоматами, гремели горшки и шуршали пластиковые пакеты – знак того, что нас перевозят на новое место.

* * *

В новом доме я не успела ничего рассмотреть, поскольку меня спешно проволокли по коридору и толкнули в комнату. Но перед тем как выйти из машины, я обернулась и сказала Найджелу сквозь слезы:

– Держись, мы выберемся отсюда, Найдж. Но может быть, не скоро увидимся.

Он тоже заплакал. Вопреки всему мне хотелось, чтобы он меня обнял.

Меня поселили в темной комнате без окон – швырнули мне туда поролоновый матрас, пакеты с вещами и кусок бурого линолеума, который теперь повсюду меня сопровождал. Огромная, как пещера, комната наверняка должна была служить кладовой. В затхлом воздухе – ввиду отсутствия вентиляции – висел стойкий запах мочи и плесени. У двери была ниша, откуда несло сыростью. Там находился туалет. Если раньше я все время мечтала, что нас найдут: кто-нибудь засечет сигнал сотового телефона, Канада и Австралия пошлют нам на помощь солдат или наемников, проговорится кто-нибудь из жен, кузенов или матерей наших похитителей, и нас вырвут из плена, то теперь – в этом черном душном ящике – все мои надежды задохнулись.

Я потеряла много крови и страдала от лихорадки и головной боли. Я была уверена, что умираю мучительной медленной смертью. Но пока я была жива и, лежа на матрасе, слушала

темноту – пыталась уловить даже легчайшие звуки, достигавшие моей темницы: писк крысы в дальнем углу, стук молотка по стене в другом конце дома – наверное, там вешали москитную сетку. А потом я услышала покашливание в коридоре – сухой человеческий кашель. Это было что-то новенькое. Я решила, что схожу с ума, тем более что кашляла явно женщина.

Наконец, я уснула, подумав, что утром станет легче и светлее. Но когда проснулась, в поту, ознобе, по-прежнему чувствуя каждую ссадину на теле, под дверью белела тонкая полоска, которая ничего не освещала.

Таков был Темный Дом. Здесь были новые правила, и тюремщики стали требовать их выполнения с самых первых минут. Мне было запрещено разговаривать и сидеть на матрасе. Я могла лежать только на боку. Пить и есть я должна была, опираясь на локоть. За малейшее нарушение меня избивали. Моя тюрьма больше не была размером с комнату, она съежилась до размера моего матраса семь футов в длину. Раньше мне покупали на рынке чистую питьевую воду в бутылках, а теперь давали на день такую же двухлитровую бутылку, но с водой из-под крана. Вода имела вкус железа, и после нее оставался полный рот ржавчины.

На второй день Абдулла пришел с фонариком и обнаружил, что я перевернулась на спину. Он злобно пнул меня под ребра и зашипел:

– На бок! Вот так!

И снова ударил меня, чтобы я тверже запомнила правило. Я догадывалась, чем это вызвано. Они видели, как я перед побегом целыми днями ходила по комнате, укрепляя мышцы, и теперь делали все, чтобы я ослабела и не могла опять убежать. Они запрещали мне лежать на спине, думая, что это придаст мне сил. Наверное, они боялись, что я начну поднимать ноги, качать пресс и снова что-нибудь придумаю в плане побега. Пять раз в день меня водили в туалет. Я тащила свои кандалы, а сзади шел мальчик с автоматом. Под потолком в туалете имелась вентиляционное окошко, сквозь которое днем проникал тусклый мозаичный свет – этого хватало, чтобы разглядеть унитаз, раковину и ржавую душевую головку в углу. Водопровод, разумеется, не работал. Воду мальчики приносили в кувшине.

После омовения следовала молитва. Теперь я была рада, что я могу молиться пять раз в день, поскольку других движений мне не позволяли. Чаще всего позади стояли два тюремщика, освещая меня фонариком или экраном сотового телефона, и следили, чтобы я делала все правильно. Я читала молитвы и клала

поклоны на своем моленном коврикe из линолеума, а кандалы резали мои лодыжки. Сесть на пятки в завершение каждого цикла молитвы я вообще не могла.

Мальчики высмеивали мой скверный арабский и тембр моего голоса.

– Ты плохая мусульманка, Амина, – говорил Абдулла, – ты лгунья. – Его смех, как хлыст, стегал темноту.

На четвертый день мне стало совсем худо от грязной воды. Желудок горел огнем, кишечник бурчал. Я была в пол пластиковой бутылкой, показывая, что мне нужно в туалет. Мальчики иногда приходили на мой зов, а иногда и нет. Они взяли за привычку оставлять мою дверь приоткрытой, чтобы бесшумно входить и пугать меня, когда я сплю. Несколько раз я просыпалась от шума и света направленного на меня фонарика и видела, что Абдулла и Мохаммед швыряют об стену мои вещи, опять требуя предъявить «документы». С переездом в Темный Дом они забрали мои книги и таблетки. У меня остались только ватные палочки, косметическое молочко для тела, духи, огромный тюбик зубной пасты и единственная смена одежды. И больше ничего. Нет, была еще одна вещь, непонятно как попавшая ко мне, – малиновая рубашка Найджела, вся в дырах и без рукава, – которая была на нем в день побега. Я засыпала, сжимая ее в руках. Порой я слышала, как в коридоре позвякивает его цепь. А еще часто повторялся этот незнакомый кашель – сухой, лающий, явно женский. Поскольку он был слышен и днем и ночью, то женщина жила в доме. Откуда здесь женщина? Она тоже невольница? Может быть, чья-то жена? Прислуга? Я ломала голову над разгадкой этого странного явления, хотя уже успела понять, что далеко не каждая женщина готова прийти мне на помощь. Но, так или иначе, она была не менее больна, чем я.

В темноте течение времени меняется. Время приобретает эластичность, растягивается и сжимается, как аккордеонные мехи. Час может тянуться целый день или целую ночь. Мой матрас, точно плот, болтался среди черного океана. Окружающая темнота была осязаема. Она имела вес. Густая, как деготь, застревала у меня в горле, склеивала мои легкие. Мне приходилось учиться дышать темнотой. Порой темнота становилась агрессивной, словно пыталась проглотить меня, – я не видела своей протянутой руки. Тогда я обмахивалась ладонью, чтобы вызвать ветер, чтобы продемонстрировать темноте свою власть. А иногда жала на впадину в основании шеи, проверяя, существую я еще или уже нет.

Так прошло восемь дней. Я пыталась не заикливаться на

времени, но, поскольку круглые сутки меня окружала темнота, это было невозможно. Мысли мои были просты: *Без паники. Не сходи с ума.* В голове у меня был своеобразный игрушечный поезд, который я толкала по круговой железной дороге. *Не волнуйся. Это временно. Скоро они перевезут нас в другое место. Только без паники.*

Днем хотя бы были молитвы. Совсем рядом, буквально за забором, стояла мечеть, где надтреснутым голосом кричал старый муэдзин. Мне казалось, что в темноте мой слух обострился. Я слушала тихое радио на волне сомалийской службы Би-би-си, пытаясь уловить знакомые слова, хотя их было всего несколько штук. Свой сомалийский лексикон я приобрела в первые дни в Могадишо, когда мы общались с Абди, и в первые недели плена, когда наши тюремщики охотно болтали с нами. Я знала, что «бариис» значит «рис», «бийо» – «вода». Знала, как на сомали будет «отель», «журналист», «туалет», «мечеть», «как дела», «хорошо», «помогите» и «мы делаем все, чтобы спасти людям жизнь».

Но по радио ничего такого не говорили, либо мне просто не удавалось расслышать. Чаще всего я узнавала географические названия и имена знаменитостей. За несколько дней я услышала, как диктор произнес «Могадишо», «Эфиопия», «Германия» и «Джордж Буш». Эти знакомые слова звучали как музыка.

Иногда до меня долетал звон посуды и все то же «кхе-кхе». Наверное, тут жила кухарка, которую наняли готовить еду для банды. Они таскали куда-то в конец коридора шуршащие пакеты – скорее всего, продукты с рынка. Потом в мою темницу проникал запах жареного лука. Я решила, что женщина – одинокая вдова, отчаявшаяся найти работу, в противном случае – будь она замужняя или незамужняя, старая или молодая – родня не позволила бы ей жить в компании молодых людей.

От слов, от звуков я иногда переходила к мечтам. Однажды, когда я лежала с закрытыми глазами, мне почудилось, что я слышу смех Найджеда. Конечно, я принимала желаемое за действительное. Одиночество мое было абсолютно и жестоко. Я представляла себе Найджеда в такой же темной комнате где-то на другом конце дома. Я посылала ему свои мысли, умоляя держаться, не сдаваться. Я больше не могла злиться на него за то, что он хотел свалить на меня всю вину. Это он от страха. Это не важно. Может быть, он тоже мысленно отправляет мне сообщения. По крайней мере, я на это надеялась.

Когда становилось совсем плохо, я плакала, уткнувшись лицом в его рваную рубашку, вдыхая кислый запах его тела. Теперь наше с ним знакомство исчислялось годами. У нас был

целый каталог совместных впечатлений, хотя в тот момент я, конечно, больше вспоминала наше параноидальное, безумное бегство. А как мы с ним рванули в мечеть? Это воспоминание было не из лучших, но оно несло электрический заряд, ощущение, в котором я отчаянно нуждалась. Как долго в тот день мы надеялись? Десять минут? Двенадцать? Сейчас мне хотя бы три секунды той надежды, хоть один глоток уверенности, что все еще будет хорошо! Что еще мне оставалось, как только пытаться вдохнуть ее из фибр этой рубашки?

Глава 35. Дом в небе

Прошло две, потом три недели, потом что-то около месяца. Я лежала в полной пустоте, порой не понимая, жива я или нет. Затхлая тьма заполонила весь мир. Я закрывала глаза и видела обрывки каких-то синих нитей, какие-то мелкие перышки кружились передо мной. Я открывала глаза – и видела то же самое. Я гадала, что это может значить. Уж не ослепла ли я? Может быть, я попала в ад? Эта мысль не казалась такой уж нелепой, особенно в первые дни, но потом я стала привыкать. Я пыталась что-то делать и находить в этом утешение. Я разложила свою маленькую коллекцию туалетных принадлежностей в изголовье матраса. Утром, после похода в туалет, я втирала молочко в кожу лица, рук и предплечий. Тюремщики выдали мне бритву – маленькое лезвие в бумажном конвертике, – чтобы я ежедневно брила лобок, поскольку по правилам консервативной исламской гигиены мусульмане обязаны избавляться от всех волос на теле. Я делала это в туалете, где было светлее, и думала, что если решусь, то смогу перерезать вены на руках. Каждое утро мне удавалось улучшить несколько секунд, чтобы расправить свою постель – ту же натянуть обшивку на матрас, расправить морщины и стряхнуть крошки. Свою голубую простыню я аккуратно складывала треугольником в ногах. Это для меня означало начало нового дня.

Дабы убить время, я вспоминала все, что знаю о мире за пределами моей темницы. Шел февраль, почти март. Дома, в Скалистых горах, повсюду лежит глубокий белый снег. Мама надевает шарф. Папины клумбы замерзли. Вдоль тротуаров в Калгари метет поземка. Ветер, шерсть, сухие цветы – я пыталась ощутить их кожей. Я давно не была зимой в Канаде, мотаясь по жарким странам, но теперь я с тоской вспоминала зимние холода и как уютно и тепло сидеть дома, пока на улице снег и мороз.

Крысы в моей комнате осмелели. Иногда я просыпалась, чувствуя, как по ногам шмыгает шерстяное тело. Все кости ломило от вынужденной неподвижности. Я переворачивалась с боку на бок. Меня постоянно мучило, мучила слабость и головная боль. Я пыталась пить как можно меньше воды. Сухарь, две ложки риса с верблюжьим жиром и бананы, что мне приносили утром, я съедала, не ожидая от этой пищи ничего хорошего.

Мне казалось, что звуки, проникавшие снаружи, принадлежат другому миру. Реальны были только скрипучий голос муэдзина и шарканье сандалий за дверью. При звуке шагов мое сердце начинало тяжело ухать в груди. Не думаю, что к тому времени я

была еще способна на такое примитивное чувство, как страх. Ощущение, которое появлялось у меня, когда кто-то подходил к моей двери, можно было назвать взрывом горячего ужаса. Заслышав шаги, я никогда не знала, кто это и что произойдет через пару секунд. Чаще всего это был Абдулла. Другие тоже приходили, иногда делая вид, что им нужно проверить, соблюдаю ли я правило о бритье волос на теле, и насиловали меня. Если раньше, до побега, я была для них диковинкой, иностранкой, с которой можно попрактиковаться в английском и заработать дополнительные баллы у Аллаха, обучая меня исламу, то теперь все изменилось. Теперь они видели во мне военный трофей. Хассам и Джамал не приходили. Но в общем все они верили, что я опозорила их в мечети, выдвинув против них ложное обвинение, и это оправдывает их действия. Абдулла мог прийти несколько раз в день. Он открывал дверь, слепил мне глаза фонариком, опускался на колени у меня на матрасе – все это молча. Он не столько трогал меня, сколько старался причинить мне боль. Он сжимал в кулаках мои груди, будто хотел, чтобы они лопнули. Порой глумился, говоря, что я «грязная» и «открытая», поскольку у меня все гениталии на месте, тогда как половые губы и клитор должны быть удалены, а влагалище зашито, как у праведных сомалийских женщин, заботящихся о сохранении своей чести. Он брал мою простыню и связывал мне руки за спиной, чтобы я не сопротивлялась, когда он будет меня душить.

Мне хотелось умереть. Смерть, какой бы она ни была, казалась мне лучше, чем моя жизнь. Я пока не решалась на самоубийство, но чувствовала, что смерть ходит рядом, ждет меня. Смерть не потребует никаких усилий, стоит только уступить. В груди у меня с каждым днем увеличивалось напряжение, будто там росло дерево. Я чувствовала, что приближаюсь к черте, за которой не смогу выносить этого, что мой мозг взорвется. Эта мысль пугала меня. А что будет потом? Смерть или безумие? Как знать?

И я пыталась бороться, я пыталась ослабить это напряжение в груди. Абдулла обычно оставлял фонарь на полу. Пока он, высунув язык, терзал мое тело, мой мозг стремился убежать. Фонарь освещал такие вещи, которых иначе я никогда бы не увидела, – темные деревянные стропила на потолке, пылинки, висящие в воздухе, как кристаллы, и я концентрировалась на них. Я гнала от себя шок, в который превратилась моя жизнь. Еще я мысленно строила лестницу. И комнаты. Просторные, светлые комнаты с широкими окнами, обдуваемые легким бризом. Я рисовала себе эти комнаты, пока не получился дом. Помимо комнат там были большие холлы и еще лестницы. У меня вышло

много домов, целый город – спокойный красивый город на берегу океана, как Ванкувер. Я поселилась там и жила – в просторном высоком небе моего сознания. У меня появились друзья и книги. Я бегала по дорожкам в изумрудно-зеленом парке на набережной, ела блинчики с кленовым сиропом, принимала ванну и смотрела, как солнце светит сквозь листья. Нет, я не сошла с ума от безысходности. Наоборот, я искала способ уберечь свой разум, и я его нашла. Эти мечты приносили мне облегчение.

Когда он уходил, эмоции овладевали мной. Я всякий раз рыдала, разрываясь между ненавистью и отчаянием. Мои слезы образовали целое море ненависти и отчаяния. Тем не менее, день за днем, я укрепляла свою оборону. Я вспоминала самые светлые моменты прошлого – медленно, не торопясь, поскольку времени у меня было навалом, – и жила ими. Я вспоминала свою раннюю любовь по имени Джеми, его шевелюру, его наряды из секонд-хенда и его гитару. Как однажды, когда мы сидели у реки в Калгари, он спросил, куда я хочу поехать. А я ответила, что мне все равно куда, лишь бы ехать. Это был правильный ответ.

Я очень хорошо помнила тяжесть рюкзака за плечами, густую дымку из выхлопов, которые оставляли на дороге расписные пакистанские грузовики, железнодорожные станции и кебабы с ягнятиной, ярко-оранжевую палатку, в которой я спала на берегу реки в Хартуме. Я вернулась в Кабул, в дом Амануддина, и в Гватемалу, где мы с Келли встретили чистюлю-англичанина Дэна Хэнмера, и на черно-зеленое озеро, у которого они много лет назад сидели, держась за руки. Я снова ныряла в бассейны, пила фанту из холодных бутылок в конце долгих автобусных переездов и знакомилась с другими туристами в столовой двухзвездочной гостиницы. Я вызывала в памяти папин смех и мамины пирожные, звезды в небе над Силван-Лейк. Я помирилась со всеми, с кем когда-либо мне случалось поссориться. Я просила прощения за каждое грубое или обидное слово, сказанное в жизни. В моем доме дорогие мне люди собрались за праздничным столом. Я была среди них и чувствовала себя в полной безопасности. И тогда голоса, что обычно звучали у меня в голове, полные страха и призывов к самоубийству, замолчали. Остался один голос – спокойный, сильный голос, который говорил: «Видишь? С тобой все хорошо, Аманда. Страдает только твое тело, а ты не тело. Остальное у тебя в порядке».

Эти слова звучали для меня как откровение.

Жизнь стала терпимее – не легче, а терпимее. Пусть я страдала от голода, боли и лихорадки, в остальном все было неплохо. Я была одна и в кандалах, но не паниковала. Я знала,

где спрятаться. Этот голос явился мне и произвел тихие перемены, он дал мне что-то вроде кислородной подушки. Я напоминала себе, что нужно дышать. Положив руку на грудь, я следила за тем, чтобы дыхание было размеренным. Я жила от одного вдоха-выдоха до другого. *С этим вдохом я выбираю мир, с этим вдохом я выбираю свободу*, повторяла я тысячу раз в день, пока мои мучители приходили, уходили, насиловали меня, били, оскорбляли. Моя ненависть к ним разгоралась и затухала. Я думала, что им проще не воспринимать меня как равное себе человеческое существо, потому что иначе их мозг тоже мог бы взорваться. Их жестокость не убывала. Я привыкла верить, что в душе каждого человека найдется хоть что-то доброе и хорошее, – я знала это по опыту своих путешествий, но в этих людях не было ничего хорошего. Если они вообще люди. Ведь люди не могут быть настолько чудовищны? Мне не хотелось бы жить в мире, где такое возможно. И это была самая страшная, убийственная для моего духа мысль.

Шел второй месяц нашего пребывания в Темном Доме. Однажды Юсуф – переросток, который иногда проводил во дворе занятия по гимнастике, – вошел ко мне с фонарем и вручил мне половинку небольшой папайи, надсеченной ножом крест-накрест, в середине которой, как темная звезда, лежали семечки. Я посмотрела на папайю, затем на Юсуфа – он был в саронге и белой майке в тонкую черную полоску, – ожидая, что он сейчас ударит меня или отнимет угощение, но он лишь улыбался. С чего бы это? Никто не улыбался мне уже много недель подряд. Я знала по предыдущим попыткам пообщаться с ним, что он не говорит по-английски. Юсуф похлопал себя по груди, давая понять, что это подарок лично от него, и уселся на пол, а я впилась зубами в папайю.

– Спасибо, – очень тихо произнесла я, проглотив первый кусок. Я так давно не говорила, что не узнала звука собственного голоса.

Юсуф снова улыбнулся, наклонился ко мне и протянул руку – так что она была параллельна моей.

– Черный, – произнес он, освещая фонариком наши руки. – Белый. – Он взглянул на меня. – Ноу проблем.

Наверное, он имел в виду, что цвет кожи не важен. Когда Юсуф ушел, я расплакалась. Это было так странно. Юсуф был виноват не меньше, чем другие мальчики, но его доброта в тот день осталась со мной надолго. Остался и сильный тихий голос, который велел мне искать хорошее, потому что оно всегда есть, даже в самые тяжкие минуты, когда кажется, что мозг вот-вот

взорвется. Хотя бы в памяти.

Я вспоминала, за что можно благодарить судьбу. За то, что моя семья дома в безопасности, за кислород в легких. Я завела такой порядок: каждый вечер после молитвы я вспоминала всех своих родных, друзей и знакомых и просила, чтобы у них все было хорошо. Я молилась за соседа, который пытался помочь нам с Найджелом в мечети, и, конечно, за женщину, которая обнимала меня и не хотела отдавать похитителям. Я молилась, чтобы она была жива и благополучна. Я вспоминала, что хорошего случилось за день, все проблески человечности, если мне удавалось уловить таковые в моих мучителях. *Спасибо, что Джамал сегодня не швырнул мне еду, а поставил ее на пол. Спасибо, что Абдулла сказал мне сегодня ассалям алейкум. Спасибо, что я несколько секунд слышала, как они смеются и носятся по коридору, потому что это напомнило мне, что внутри каждого из них живет подросток, которому хочется беззаботности.*

В контексте моей прежней жизни это все выглядело бы мелко и нелепо, но теперь, при моих обстоятельствах, это было незаменимо. Сосредоточившись на том, что заслуживало благодарности, я могла бороться за себя. Каждый раз, когда мои мучители швыряли меня в пропасть отчаяния, я находила новый способ выбраться оттуда. Это было непросто, но позитивное мышление стало моей лестницей.

«Куда угодно, куда угодно, – напоминала я себе. – Я могу поехать куда угодно».

Глава 36. Опасность угрожает

В Альберте была ранняя весна. Моя мама по-прежнему жила в доме, который снимало для нее государство в Силван-Лейк, неподалеку от моего отца и Перри. На стене у нее висел календарь, где она крестиком помечала дни нашей неволи – их набралось уже двести десять. Полицейские переговорщики дежурили при ней двадцать четыре часа в сутки. Сама она уже не вела переговоры. После нашего с ней последнего разговора, когда мне едва не перерезали горло, полицейские решили сменить тактику. Ей велели не снимать трубку, если на определителе высвечивается сомалийский номер, чтобы вынудить Адама иметь дело с группой канадской разведки, сидящей в Найроби. По их замыслу, это должно было ограничить возможности эмоционального давления со стороны похитителей и ускорить процесс. Адам был в отчаянии. Он по десять раз на дню звонил маме и бросал трубку, когда включался автоответчик. Он посылал ей гневные сообщения по электронной почте, полные орфографических ошибок. В одном из январских посланий, которое она получила накануне нашего побега, он поместил свои условия прямо в тему: «Опасность угрожает Аманде и Найджелу, если вы не заплатите выкуп!!!» Спустя семь месяцев после похищения бандиты снизили требуемую сумму всего на один миллион. Теперь они хотели два миллиона долларов вместо трех. Адам отверг первоначальное предложение в двести пятьдесят тысяч – столько выделили вместе канадские и австралийские власти. Технически эти деньги числились в категории «расходы», дабы обойти тот факт, что они предназначены для выкупа, – это расценивалось как поддержка террористов и было запрещено законодательством обеих стран. Ничего сверх этой суммы власти предложить не могли. Все прочие решения должны были достигаться посредством дипломатии. Мои родители не очень хорошо представляли, что это значит. Иногда им говорили, что правительство может предложить финансирование какой-нибудь больницы в Могадишо, дабы заручиться поддержкой местных властей. Или что канадские чиновники оказывают давление на старейшин кланов и прочих сомалийских лидеров, добываясь нашего освобождения. Но поскольку властей в Сомали все равно что не было, а банда, похитившая нас, не имела связей ни с одним из крупных кланов, то все эти усилия оканчивались ничем. Ситуация была патовая. Адам продолжал названивать моей маме. Были и другие звонки из Сомали: незнакомцы оставляли голосовые сообщения, говоря, что у них есть новости или они

знают, как нас спасти. Непонятно, как они узнавали мамин номер и что у них было на уме – были ли это подручные наших похитителей или честные люди, и впрямь желающие помочь. Мама сидела и плакала, глядя на звонящий телефон. Тщетные надежды в течение многих месяцев подрывали ее здоровье. Под вечер, когда в Сомали была уже ночь и новостей ждать не приходилось, она выходила из дому на прогулку. Она шла в магазин за покупками или гуляла в заснеженном лесу, чтобы хоть немного успокоить нервы. Полицейские оставались дома на дежурстве, хотя неясно было, чего они ждут.

Мои родители жили чужими надеждами, они верили, видя, что других не оставляет вера. Ежедневно из Оттавы звонил какой-нибудь чиновник и передавал неясные, но обнадеживающие сведения, полученные якобы от разведки. Маму уверяли, что нас с Найджелом кормят и разрешают нам прогулки. Когда она призналась, что опасается за мою безопасность как женщины, ее стали убеждать, что у мусульман изнасилование считается страшным грехом, хуже убийства, и потому мне, скорее всего, это не угрожает. Агенты намекали, что о многом из происходящего они не имеют права говорить. По маминым словам, ей постоянно твердили, что наше дело «близко, очень близко» к завершению. Она верила, хотя и не понимала, что это значит.

А тем временем между нашими семьями начались разногласия. Разочарованный отсутствием прогресса в деле, старший брат Найджела, Хэмилтон, обратился к некоему Майклу Фоксу, частному поисковику, который якобы имел широкие связи в Сомали и вызвался уломать бандитов за сумму в пятьсот тысяч освободить хотя бы одного Найджела. Он утверждал, что это возможно. Это означало отказ от помощи австралийской федеральной полиции, но Бреннаны в любом случае утратили веру в возможности государства. Как и говорил Найджел, деньги у них были – средства после продажи родительской фермы плюс помощь родственников. Так что если этот Фокс не обманывал, то для Найджела должно было хватить. А что до меня, то почему они должны взваливать на себя двойную ответственность? Так Хэмилтон и заявил в разговоре с моей мамой.

Мама была в шоке. Она бросилась убеждать Бреннанов, что для меня это верная смерть, что похитители возьмут деньги, освободят Найджела, а меня немедленно убьют. Под конец обе стороны пришли к нелегкому решению продолжать сотрудничество с полицией, надеясь на скорый прорыв.

А потом в Интернете появился пост, повергший моих родителей в состояние паники. Какой-то американский блогер написал, что я беременна и будто бы сведения об этом дошли до

него из надежного источника в Могадишо. Полицейские переговорщики, сидевшие в доме моей мамы, убеждали ее, что это всего лишь слухи, которые с момента нашего похищения постоянно сопровождают расследование. Возможно, их распускал Адам или кто-то из его сообщников, дабы заставить нашу родню быстрее раскошелиться.

Сомали вообще функционировало как фабрика слухов, разносимых далее новостными сайтами и блогами сомнительной репутации. В основном их потребляли сомалийские эмигранты числом чуть более миллиона, которые вынуждены были бежать за границу и расселиться по всему свету. И, как оказалось, моя мама! Каждое утро начиналось у нее с просмотра новостей Сомали на этих ресурсах. Она читала о гражданской войне, о пиратах, о клановой политике и об укреплении связей между Аль-Шабаб и Аль-Каидой. Журналистика как таковая в Сомали отсутствовала. Репортеров, которые пытались представлять достоверную информацию о происходящем, запугивали или убивали исламисты. Они же закрывали радиостанции. Узнать, где правда, а где ложь, было невозможно. Отрывочные сведения о нас с Найджелом давали либо блоги в Интернете, либо агенты канадских и австралийских спецслужб, получавшие эти сведения через сети загадочных очевидцев. Например, кто-то заметил нас на заднем сиденье автомобиля. Еще кто-то утверждал, что я очень довольна своей жизнью в Сомали и обучаю английскому сомалийских детей. Впоследствии я была очень удивлена, узнав, насколько правдоподобны были некоторые сообщения. И как только этим каплям правды удалось просочиться сквозь окружающую нас полную секретность? Примерно в то время, когда я занималась марафонской ходьбой у себя в комнате, мои родители узнали, что я растянула связки на лодыжке, – и это была правда, как и то, что похитители достают для меня редкий в Сомали рис.

Особенность этих отрывочных сведений состояла в том, что они равно тревожили и обнадеживали мою маму. Несмотря на плохой английский, на котором они были написаны, новости преподносились как стопроцентно правдивая информация. Чаще всего мама видела в них доказательство того, что я еще жива, хотя могло показаться, что это не я, а какая-то другая женщина, отдаленно напоминающая ее дочь. Один из наиболее подробных отчетов был опубликован на сомалийском сайте спустя почти год после нашего похищения:

Журналистка Аманда Линдаут больше не христианка

она сменила веру в Троицу на веру в единого Бога который есть Аллах самый великий. Теперь она совершает 5 раз молитвы и очень рада в браке с одним из своих похитители. «Вы не представляете как они смеются и делают друг другу знаки, потому что они ничего не понимают на языках», сказал Хаши один из похитители Аманды Линдаут в интервью Ваагакусуб Вебсайт в пятницу.

Репортер Ваагакусуб Вебсайт который живет в доме через несколько метров от Аманды и следит за ситуацией двух журналистов подтверждает что Аманда очень радостна в одном доме в Суук Холаха на севере Могадишо и что она регулярно выполняет свою женскую работу такую как стирка белья и уборка в доме где она живет. Репортер также добавил что он недостаточно знаком с австралийским свободным журналистом но уверен, что он живет где-то рядом с Амандой. Аманда носит теперь черная вуаль в которой не видны части ее тела и учит Священный Куран.

В момент публикации этого сообщения мы были уже далеко от Могадишо. Стоит ли говорить, что я не была ни беременна, ни замужем и совсем не радостна. Я не готовила и не убирала – ну разве что однажды в Темном Доме, когда Джамал и Абдулла велели мне вымыть туалет. Наверное, они считали, что унижают меня, но после многих недель во тьме и без разрешения вставать с матраса это были самые лучшие десять минут, которые я провела за всю зиму. В неверном свете из окошка вентиляции я лила повсюду воду из коричневого ведра и сыпала неизменный стиральный порошок, радуясь свободе движений и тому, что я мою этот вонючий туалет исключительно для себя и никого больше. Нарочито медленно я возила тряпкой по раковине и по пластиковому сиденью унитаза, сливала пену и смотрела, как она стекает по покрытым темными пятнами стенкам.

За дверью в сумрачном коридоре сидели, прислонясь к стене, Абдулла и Джамал и увлеченно разговаривали, причем таким тоном, которого я не слышала уже очень давно, – просто два приятеля, которые сели поболтать о том о сем. Они, казалось, пребывают в прекрасном настроении и совершенно забыли, что им положено неустанно распалять внутреннюю враждебность, чтобы затем обратить ее на меня.

Я решила рискнуть. Высунула голову за дверь и спросила, прижимая к груди пачку порошка:

– Можно я постираю свою одежду здесь в ведре?

После побега мне было запрещено принимать душ и менять одежду. Я мылась, присев на корточки возле унитаза и черпая воду из пластикового кувшина с отпиленным горлышком, в котором когда-то держали растительное масло. Я всегда торопилась и использовала не более двух пригоршней воды за один раз, потому что знала, что если вода закончится, то мальчики несколько дней не соизволят снова наполнить кувшин. От меня исходил ужасный запах, так что порой, прежде чем войти в комнату, они брызгали перед собой одеколоном, словно расчищая себе дорожку среди зловонной тьмы.

Пока Абдулла и Джамал совещались насчет меня и стирки, я краем глаза заметила тень, промелькнувшую за тонкой занавеской, что прикрывала вход в комнату напротив. Кто-то подошел – наверное, чтобы подслушать, – но потом отступил в глубь комнаты. Должно быть, та самая женщина, бродившая по дому как привидение. Вот почему я так часто слышала ее кашель – она жила рядом.

– Пять минут, – рявкнул Абдулла, прерывая ход моих мыслей.

Снять джинсы мне мешали кандалы, но я сняла платье, топик и бюстгальтер и надела плотную черную абайю, которую в последний раз надевала в день побега, вернулась в туалет, сунула одежду в ведро с остатками воды, густо засыпала порошком и принялась что было сил тереть каждую вещь. Порошок разъедал пальцы, но мне от этого было только радостней, потому что я знала, что это признак его эффективности. Шанс ощутить на своем теле что-то чистое был для меня настоящим подарком.

Когда я закончила, я повесила бюстгальтер на рейку у раковины, а потом встала в дверях со своими мокрыми вещами, с которых текло на пол, показывая, что их нужно где-нибудь вывесить для просушки. Я хотела даже отдать их Джамалу, но он брезгливо отшатнулся. Мальчики стали спорить. Никто не хотел касаться моих вещей, и они решили, что я должна повесить их сама. Это было непростое решение. Лишь после того, как явились еще несколько человек с автоматами, мне позволили, впервые за два месяца, выйти за пределы моей комнаты. Я шла спотыкаясь в кандалах, а мальчики подталкивали меня в спину. Чем ближе я подходила к двери, тем сильнее в глаза бил свет. Мне казалось, что они вот-вот взорвутся: я видела вспышки – горячее безжалостное белое пламя с сине-оранжевым ободком. Я с трудом различала человеческие фигуры, стоящие вдоль стен. Кто-то закричал мне в ухо:

– Быстрее, быстрее!

Много раз я пыталась представить себе, как выглядит Темный

Дом, и теперь мой мозг наводнила реальная информация. Здесь были двери, окна, углы, которых я никогда не видела. Потом я внезапно очутилась на горячей бетонной веранде напротив белой стены. Свет оглушил меня, из глаз текли слезы. Снизу мои босые ноги обжигал раскаленный бетон, сверху давило огромное синее небо.

– Быстро, быстро, вешай здесь.

Меня толкнули вперед, и я увидела перед собой провисшую бельевую веревку. Бросив на нее свое красное платье и топик, я поспешила обратно.

Воздух снова изменился – сначала стал вязким, а потом удушливым. Пока я ковыляла по коридору, в глазах все мелькали солнечные вспышки, а мозг пытался осознать увиденное. Двери некоторых комнат были открыты. Мы прошли мимо большой комнаты слева, похожей на кладовую, где тюремщики хранили свои вещи, а чуть далее – справа – была комната поменьше, но с окном, откуда лился солнечный свет. Когда я заглянула туда, мои глаза снова заломило от боли, но я успела заметить человека. Это был Найджел. Он сидел на матрасе, кутаясь в синюю москитную сетку, точно король в мантию, и читал книгу. Он даже не поднял голову, когда мимо прогремела моя цепь, но по его напряженной позе я догадалась, что он все слышит, просто боится взглянуть на меня.

Я вернулась к себе и упала в изнеможении на матрас. Тьма вокруг стала чернее прежнего. Позже кто-то – я не поняла кто – швырнул мне мои просохшие вещи. После стирки они стали практически невесомы и пахли порошком и солнцем. Я долго лежала, вспоминая свое приключение длиной в полминуты и видение Найджела. Я старалась не возненавидеть его за то, что у него есть книги, окно, москитная сетка. Может быть, его хорошо кормят, с ним хорошо обращаются. Интересно, беспокоится ли он обо мне и знает ли, насколько мое положение хуже, чем его. И что бы произошло, решишь он встретиться со мной взглядом? Стало бы мне от этого легче или тяжелее? Что я смогла бы прочесть у него на лице? Я не знала, не могла знать.

В течение последующих дней я беспрестанно возвращалась мыслями к Найджелу и под конец решила, что у меня нет иного выбора, как только радоваться за него, пусть я сама чувствую одновременно горькую зависть. Еще я была благодарна, что в тот день мне удалось увидеть многое, чего я не видела раньше. Это напомнило мне, что на свете есть воздух и даже океаны и континенты. Теперь я знала, что Найджел с его книгой находится ближе к выходу – в той части, где спят мальчики, а мы с кухней и неведомой кашляющей женщиной живем в глубине дома. Я

составила план, соединяя воображаемые комнаты, как кусочки мозаики, приводя в порядок свои догадки насчет того, как устроен дом, и это доставило мне некоторое удовольствие.

Глава 37. Взрыв

Однажды явился Скидс и протянул мне телефон. Человек, говорящий с сильным акцентом, представился сотрудником посольства Сомали в Найроби и задал мне личный вопрос – один из тех, которые призваны были подтвердить, что я жива. Впервые за много месяцев я услышала голос, не принадлежащий моим похитителям.

– Скажите, – проговорил человек, – куда ваша мать возила вас на каникулы, когда вам было девять лет?

Ответ был: в Диснейленд, Калифорния. На самолете.

Когда Скидс забрал телефон и ушел, я рыдала полтора дня, не в силах совладать со своими эмоциями.

И все же этот звонок принес надежду. Это сотрудник посольства – значит, власти Сомали знают обо мне и пытаются помочь. Я убедила себя, что звонок предвещает наше с Найджелом скорое освобождение. Вопрос задала мама, я ответила. Вопрос о путешествии, с намеком. Значит, вскоре и нас ожидает путешествие. Они – наши родные, наши страны – вот-вот вытащат нас отсюда. Осталось подождать еще немного. Я знала это.

Следующие несколько дней я ждала, уверенная, что провожу последние часы в заточении, что дверь на свободу вскоре распахнется. Лишь спустя неделю мои надежды окончательно испарились. Самолет взял разбег и взлетел без меня. От этой мысли мозг начинал плавиться, вытекать в окружающую меня темноту. Я сама себя одурачила. Телепатической связи между мной и мамой не существует, это иллюзия. Жестокое отчаяние охватило меня. Я была на грани, готовая совершить безумство. Эмоции накатывали без предупреждения. Часто думая о Найдзеле, я испытывала попеременно то жалость и тревогу, то жгучую, как желчь, ненависть. «Как он там? – переживала я. – Что он делает? Держится ли?» А потом вдруг: «Он предал меня! Он оболгал меня, он свалил на меня всю вину за побег! А теперь сидит на солнышке и читает книжки!»

В гневе я была страшна и не щадила никого – и особенно моих мучителей. Меня посещали яркие фантазии о том, как я отомщу им. Я воображала, что становилась невидимкой и убиваю их по очереди, всех до одного, – например, расстреливаю из автомата. Тем временем напряжение внутри все росло, становясь нестерпимым. Ничего не помогало. Да еще меня терзала постоянная острая боль в левом боку, принуждая лежать, подтянув колени к подбородку.

Однажды днем в коридоре зашаркали сандалии. Я не ждала ничего хорошего. Вошел Абдулла и сразу плюхнулся ко мне на матрас.

– Я хочу, – заявил он, – подними.

Так он всегда приказывал мне поднять платье до пояса, чтобы он мог расстегнуть мои джинсы. Я повернулась на спину и закрыла глаза.

Я ненавидела его каждой клеточкой своего тела. Я желала ему смерти. Я отворачивалась и упиралась ладонями ему в грудь, создавая какой-никакой внешний барьер между нами, а мозг мой кричал, готовый взорваться. Я ничем не могла себе помочь, чтобы облегчить напряжение. Я больше ни секунды не могла этого выносить. Я чувствовала, что схожу с ума.

Собрав остатки сил, я толкнула его в грудь, и вдруг что-то произошло. Ладоням внезапно стало горячо, будто я на миг сунула их в огонь, и за первым шоком последовало странное спокойствие. Я поднялась вверх, оставив внизу свое тело. Мое сознание распалось на тысячи мелких огней, способных проникать в прошлое и будущее. Я наблюдала сцены из жизни Абдуллы, которые он описывал мне много месяцев назад. Вот он бежит на грохот взрыва и понимает, что его любимой тети больше нет. Не зная, что делать, он подбирает и несет домой ее останки – часть ноги. А вот он несколько лет спустя прячется за грузовиком, с группой таких же, как он, вооруженных малолеток, и ходит по домам, убивая своих соседей.

На долю секунды я прониклась его страданиями. Они пронеслись сквозь меня, как ураган. Я поняла: его терзает боль, гнев и отчаяние, накопленные за всю его недолгую жизнь. Он и ребенок, который прячется за грузовиком, и чудовище, которое меня насилует.

Когда он ушел, я лежала, ощущая привычную боль во всем теле, и думала. Что же это было? Как это называется? Да кто его знает? Но, так или иначе, оно мне помогло, и теперь мой мозг принялся его анализировать, пытаясь выразить произошедшее словами, подобрать подходящее определение. Это было непросто, хотя порожденное этим феноменом новое чувство не оставляло меня. И это чувство весьма напоминало сопереживание. Кто бы мог подумать, что мне станет жаль этих мальчиков?

Глава 38. Омар

В округе постоянно гремело – шли бои. Сомали образца 2009 года было политическим банкротом. В конце 2008 года глава Переходного правительства объявил о своей отставке, что создало в Могадишо политический вакуум. Соседняя Эфиопия, которая в течение двух лет поддерживала президента, перестала оказывать помощь и отозвала войска. Крупнейшая исламистская группировка Аль-Шабаб и ее конкуренты ожесточенно сражались за власть, пока несколько тысяч миротворцев Африканского союза – в основном из Уганды и Бурунди – пытались защищать остатки правительства в Могадишо.

Я ничего не знала о политических событиях, только слышала взрывы и автоматные очереди поблизости. Когда мы приехали в Темный Дом, тут было тихо, но через месяц снаряды рвались уже буквально на соседней улице. Наверное, это беспокоило наших тюремщиков, и потому они перевезли нас в другое место.

Это был не дом, а целый дворец. По дороге я сидела в машине рядом с Найджелом, который очень отощал и осунулся.

– Ты в порядке? – спросила я и тут же получила удар по голове от Яхьи-младшего.

– Молчать! – крикнул он.

Ослушаться я не осмелилась.

Новый дом имел форму огромной буквы L, которую с внутренней стороны окружала высокая стена. Таких огромных и шикарных домов в Сомали мне еще не приходилось видеть. Входная дверь, например, была сделана из дорогого дерева и покрыта резьбой и росписью. Наше новое жилище сразу получило название Позитивный Дом.

В отличие от прежних наших домов, давно пустующих и заброшенных, здесь совсем недавно жила семья. В воздухе пахло свежестью, кафель на полу был белый и чистый. Пока меня волокли по коридору, я видела комнаты и в них мебель. Я видела диван и лампу. Я видела плюшевый матрас и за ним деревянную спинку кровати. Потом мы повернули за угол, и меня втолкнули в последнюю дверь слева. Там была маленькая комната с окном, наглухо закрытым тяжелыми ставнями. В одном углу стоял металлический стул на трех ногах – из прорехи в сиденье торчал желтый поролон. У стены длинной сигарой лежал свернутый в трубочку персидский ковер. А справа от окна висела яркая ламинированная фотография, изображающая подвесной мост, – такие украшают стены дешевых ресторанов и хостелов, и на них можно видеть достопримечательности и пейзажи в цветовой

гамме «вырви глаз» – обычно благодаря «Фотошопу». Раньше такие постеры вызывали у меня смех, но теперь, изголодавшись по цветному миру, я смотрела на этот огромный мост над широкой рекой и кислотно-зеленые холмы и небо цвета вишни как на чудо. Мост на фотографии, стул, ковер, окно, пробивающееся в щелку солнце были прекрасны. Все это внушало хоть маленькую, но надежду.

Мальчики швырнули в комнату мой матрас, пакеты с вещами и вышли. Я поняла, что мне тут жить.

Устраивая постель, я заметила, что из-под свернутого ковра торчит что-то белое. Я присмотрелась – бумажный уголок. Неужели конверт? Сердце мое затрепетало – уж не знаю почему. Не помню, что я себе напридумывала, пока дрожащими пальцами вытаскивала находку из-под ковра. Наверное, это записка или карта. Но, так или иначе, это оставили не похитители, а прежние хозяева, нормальные люди, и, как я успела убедиться, свидетельства их жизни влияют на меня благотворно.

Это и вправду был конверт – тонкий узкий конверт, в какие кладут фотографии в фотомастерских. Внутри лежала единственная фотография – мальчик лет девяти в рубашке с воротничком – и полоска бумаги, где было написано что-то на сомали, в том числе имя – Омар. Фотография предназначалась на паспорт.

У Омара были иссиня-черные волосы, темные круги под большими карими глазами и длинная, как цветочный стебелек, шея. Он очень серьезно смотрел в объектив, но казалось, что он милый и живой ребенок, который просто старается выглядеть старше, показывая, что он достоин путешествия, которое послужило причиной для этой фотосъемки.

Посмотрев на Омара секунд десять, я положила фотографию в конверт и поспешно сунула обратно под ковер, как будто он был радиоактивный. В некотором роде так оно и было. Если бы похитители увидели у меня эту фотографию, они бы сочли ее документом, а документы – это проблема.

Застелив матрас, я легла и снова вытащила конверт. Соблазн был непреодолим. Я поднесла фотографию ближе к глазам, чтобы лучше видеть Омара и чтобы он – мне хотелось думать – лучше видел меня. Мы долго рассматривали друг друга, пока я снова не убрала фотографию, боясь, что кто-нибудь войдет. Так повторялось много раз. Я любовалась этим ребенком, пыталась запомнить все черты его мальчишеского лица – узкий подбородок, изгиб губ, – не забывая, что если Омара обнаружат, то мне несдобровать. Нам несдобровать. Я должна была защитить Омара. Мне казалось, что мы союзники. Он оставил свой дом, и я,

благодаря извращенной логике войны, заняла его место. Возможно, его отец – лидер боевиков, а сам он по уши в джихаде, но почему-то – наверное, от отчаяния – мне не хотелось в это верить.

Потом вернулись Абдулла и Яхья и велели мне подниматься. Абдулла пристально уставился мне в лицо, будто почуял за мной вину. Я думала, что сейчас они устроят очередной обыск, ища «документы», но он жестом приказал мне собираться. Они решили переместить меня в другую комнату.

В другой комнате не было мебели, только картонный ящик в углу, набитый фарфоровой посудой, и букет голубых пластиковых цветов сверху. В коридоре висел еще один постер в стиле китч, который был мне отлично виден, поскольку дверь держали открытой. На нем были изображены фрукты: ананас, красные яблоки, ярко-желтые бананы и гроздь крупного винограда в капельках росы. Все сочное, кричащее, на фоне ярко-голубого неба. Это была не картинка, а чистое наказание. Когда я смотрела на нее, мой голод возрастал многократно. Так продолжалось несколько дней, пока кто-то из мальчиков, заподозрив, вероятно, в постере некое оскорбление Аллаха, не сорвал его со стены. Но это случилось потом. А прежде мне предстояло собрать вещи и перебраться в эту комнату. Я не знала, что делать с моей контрабандой. Последние тридцать секунд в комнате Омара я провела, лихорадочно соображая, брать мне фотографию или оставить, и если брать, то как это сделать на глазах Абдуллы и Яхьи. Конверт лежал у меня под матрасом. Я решилась на первое, потому что если я оставлю конверт на полу, то они точно увидят его и поймут, что я его прятала. Ну и, прежде всего, Омар доставлял мне большую радость. Я надеялась, что мне удастся, прикрываясь простыней, незаметно сунуть конверт в пакет с вещами. Но вышло иначе. Я слишком резко схватила матрас, и конверт отлетел в сторону – под сломанный стул, стоящий в углу. Так Омар был покинут во второй раз. Он остался лежать почти на прежнем месте, где-то между стулом и свернутым ковром, и не будь он в конверте, мог бы видеть постер на стене – мост, реку и холмы. Выходя из комнаты, я не обернулась, и мои тюремщики, к счастью, тоже.

Глава 39. Позитивный дом

В Позитивном Доме мы жили два месяца, но и там нас настигла война. Выстрелы и взрывы ухали под самыми нашими окнами. Мальчики боялись войны. Тем временем во главе Переходного правительства в Могадишо встал новый президент – бывший учитель географии по имени Шейк Шариф Шейк Ахмед, который несколькими годами ранее сумел объединить несколько исламистских группировок и держать их лидеров под контролем. Когда мальчики узнали об этом, они очень обрадовались. Даже Абдулла, в нарушение всех правил, десять минут рассказывал мне, как здорово, что войска Эфиопии покинули страну и к власти пришел сильный мусульманский лидер. Смута, дескать, закончилась, беженцы возвращаются по домам. Шейк Шариф объединит все исламские движения и установит верховенство шариата. «И война закончится», – уверенно предрекал довольный Абдулла. Я же надеялась, что новый политический порядок будет способствовать нашему освобождению, однако порядком что-то не пахло – война разгоралась с новой силой. Вскоре мальчики, утратив доверие к новому президенту, уже видели в нем врага. Их оптимизм испарился бесследно. Они стали еще более угрюмыми, чем прежде. Их бывший герой показал себя как весьма умеренный исламист и хуже того – объявил, что стране необходима помощь иностранных государств, прежде всего соседней Эфиопии, где живут христиане. Мальчики сутки напролет слушали радио, новости на волне сомалийской службы Би-би-си, и не слышали ничего утешительного. Война продолжалась. Фундаменталисты восстали против нового президента и его мирных предложений. Аль-Шабаб совместно с группировкой Хизбул Ислам атаковали миротворцев Африканского союза, защищающих правительство в столице. Миротворцы не оставались в долгу. После того как на фугасе, заложенном террористами, подрывался военный грузовик, военные открыли огонь по толпе, убив более дюжины прохожих. Мальчики сказали, что новый президент – *кафир*, то есть неверный, и джихад продолжается.

Они снова разговаривали со мной, даже чаще, чем до побега. Это не означало отмену всех правил – мне было запрещено вставать с матраса, и я по-прежнему должна была лежать только на боку, – но их внимание слегка сместилось в сторону политики, и на мою долю выпадало меньше ненависти. Ставни на моем окне никогда не открывались. Даже щели между ставнями они пытались законопатить при помощи пластиковых пакетов, но свет все равно проникал в комнату, и после Темного Дома сумерки

меня не пугали.

Чаще стал приезжать Ромео, неся с собой новую энергию. Ромео был большой либерал, не то что другие главари. Теперь мальчики могли отлучаться домой на несколько дней и возвращались довольные, подстриженные, в свежих рубашках. Из дому они привозили фрукты, сладости и сушеную рыбу. Изредка кое-что перепадало и мне – ириска или грейпфрут.

Лежа на своем матрасе, я видела кусочек комнаты на другой стороне коридора, где держали Найджела. Это была большая комната, скорее гостиная, и там была мебель. Я видела коричневый диван у стены и даже слышала, как Найджел спрашивает, нельзя ли ему спать на этом диване. Ему отказали, но позволили снять подушки и устроить из них постель на полу. Я слышала, как он рассказывает им, что любит строить дома и хотел бы строить дома в Сомали. Они часто обсуждали женщин и ислам. Как-то раз Найджел громко произнес: «У нас это называется «мастурбация». Они захихикали и стали отпускать шуточки насчет того, кто этим занимается, и обсуждать правила дополнительного омовения после эякуляции, принятого в исламе. Кто-то, судя по звукам, изобразил оргазм, что вызвало взрыв хохота.

Абдулла получил от Ромео разрешение один или два раза в неделю уходить на войну. В составе местной самообороны он принимал участие в стычках с солдатами Африканского союза. Это был его вклад в джихад. Другие мальчики, казалось, не испытывали интереса к военному делу. Накануне вечером ему звонил кто-то из местных командиров, и он начинал приготовления. Вооружившись бутылкой масла и тряпкой, Абдулла мог часами смазывать свой автомат, и иногда приходил ко мне в комнату покрасоваться. Это были те редкие моменты, когда я могла разговаривать, когда он позволял мне задавать вопросы или комментировать сказанное им. Он сидел в дверях, пестуя свой АК-47, и мечтал, как завтра, иншалла, убьет много врагов. А однажды сказал:

– Иншалла, завтра я погибну.

Я возразила – не потому, что не желала ему смерти, а просто мне казалось, что это для меня безопаснее.

– Не говори так, – сказала я ему. – Продумай о своей матери. Она расстроится.

Абдулла покачал головой:

– Нет, так лучше всего, – и, как обычно, прибавил: – Ты плохая мусульманка.

Он взял свой автомат и вышел, а через минуту вернулся, неся Коран в голубой обложке, позаимствованный у Найджела. Он

раскрыл книгу, полистал страницы и нашел нужные строки, после чего показал мне английский перевод: *«...те, которые покупают за ближайшую жизнь жизнь будущую. Тому, кто так делает, будет одно из двух благ – или он будет убит в сражении и тогда получит великую милость от Аллаха за то, что погиб в сражении на пути истины, или он одержит победу и будут ему милости от Аллаха в ближайшей жизни. В обоих случаях Мы дадим ему награду в будущей жизни».*

Эти строки были мне знакомы. Я знала, что мальчики воспринимают священную войну как верный способ обрести пропуск в рай. Каких бы жертв ни стоила эта война их голодной жаркой стране, диван в райском саду, расшитый драгоценными камнями, куда ценнее. Таково было их кредо. Абдулла напомнил мне, что и я должна в это верить.

В свои двадцать четыре года Ромео был не только старше всех мальчиков, но и, казалось, происходит из другой вселенной. Он свободно говорил по-английски – с книжным акцентом, который мне доводилось слышать в Индии, носил джинсы, красивый платок и благоухал дорогим одеколоном. Если верить ему, у него был диплом инженера одного из университетов Кении. Он приходил ко мне после полудня, усаживался по-турецки у стены и, пока говорил, пристально глядел мне в лицо, подчеркивая свою речь избитыми английскими фразами. «Ты знаешь, о чем я говорю?», «Ты понимаешь?» – твердил он через слово. Не то чтобы он был ко мне особо расположен, но, видимо, эти разговоры льстили его самолюбию.

Ромео, по его словам, был двадцать восьмым ребенком у его отца, который имел четырех жен. Когда отец умер, все дети бежали из Могадишо на север в Харгейсу, остался только он, Ромео. Он проходил курс дистанционного обучения в университете Йемена, желая получить еще один диплом – в области IT, – чтобы работать с компьютерами. И еще он хотел в аспирантуру.

– Ты выглядишь очень хорошо, – сказал он мне однажды, – как здоровая женщина. А когда мы тебя взяли, ты выглядела по-другому – очень плохо. – Ромео указал на свой лоб, затем на мой и пальцами изобразил процесс выщипывания бровей. Я знала, что выщипывать брови – это харам. В своей прежней жизни я только этим и занималась, но теперь, после восьми месяцев неволи, мои брови были прямые и жирные, как две гусеницы. – Аллах делает тебя очень красивой, – продолжал Ромео. – Когда ты выйдешь здесь замуж, твой муж будет очень счастлив.

А я самовлюбленно подумала, что мне бы сейчас хоть на

часок мой маленький пинцет. Я упорствовала в своем грехе. За бровь полумесяцем я готова была сгореть в аду.

На самом деле здоровье мое оставляло желать лучшего. Я попросту превратилась в развалину. От побоев у меня крошились зубы, ребра ныли не переставая, а еще у меня появился кашель. Мои волосы выпадали клочьями, желудок страдал от скверной воды, кожный грибок захватил левую половину лица, шею и грудь. Из-под кожи сочился гной.

Но я не жалела себя – это был пройденный этап. Наоборот, я старалась внушить себе, что жизнь улучшается день ото дня. Я строила планы. Тот факт, что я пережила Темный Дом, давал мне уверенность, что переживу и все остальное. Вместо того чтобы, как раньше, надеяться, что мой желудок придет в норму, что диарея прекратится, что я наберу вес и выздоровею, я твердила себе, что со мной все в порядке. «У меня здоровый желудок, – мысленно повторяла я. – Я поправляюсь. Моя кожа гладкая и здоровая». И так ежедневно. Я сканировала все свои органы, восстанавливая их работу – это было единственно доступное мне лечение. Больше всего меня тревожила моя репродуктивная система, поскольку в неволе у меня прекратились месячные. Меня донимали боли – но где болит, я не могла определить. Я старалась не думать о них. «Мои яичники работают, – говорила я себе, – я в порядке».

Однажды утром Скидс принес мне в пакете какие-то таблетки. На упаковке были бананы и апельсины и описание на китайском. Половина таблеток отсутствовала. В пакете также лежал рецепт, выписанный от руки по-английски. Я прочитала:

Имя – Саро

Возраст – 34

Пол – женский.

Это был подарок от женщины, чей надсадный кашель я слышала каждую ночь в Темном Доме и которая служила тут кухаркой. Таблетки – это хорошо, но знать ее имя было для меня гораздо ценнее. Значит, она услышала, как я кашляю, и упростила Скидса отнести мне лекарство. Наверное, сначала он не хотел, но потом все-таки согласился. Она заботилась обо мне, вот что важно. Я стала принимать таблетки Саро по одной каждое утро. Они не помогали, но зато между нами появилась связь.

Туалет, которым я пользовалась, живя в Позитивном Доме, находился во дворе. Добираться туда надо было через весь дом. Сначала по длинному коридору, потом направо мимо комнаты Омара, где устроили кухню, и потом через дверь во двор. Мальчики выдали мне пару поношенных резиновых слепанцев с

надписью Нарру 2008 и цветными воздушными шариками на подошве, наполовину стершимися от времени. Шлепанцы были на несколько размеров больше, чем требовалось.

Я брела по коридору, в кандалах и шлепанцах, опустив глаза в пол, как мне велели. Следом шел с автоматом один из мальчиков. Проходя мимо комнаты Омара, я видела только подол длинного платья в цветочек, принадлежавшего Саро, возраст тридцать четыре года. Она явно подходила, чтобы посмотреть на меня. И однажды, в порыве отваги и отчаянного желания увидеть лицо женщины, которая так добра ко мне, я подняла глаза.

Она была потрясающе красива. Гибкая, высокая, с тонкими чертами лица. У нее были темные глаза, впалые щеки и маленький подбородок. Элегантной осанкой она напоминала Иман, известную сомалийскую манекенщицу. На голове у нее был туго повязанный коричневый платок.

Когда наши взгляды встретились, Саро тихо вскрикнула и закрыла ладонью рот. Мы жили под одной крышей уже несколько месяцев, но виделись впервые. Она взглянула на Яхью, который конвоировал меня в туалет, и сказала что-то по-сомалийски – какое-то слово, передающее удивление.

Это было не предательство, но и далеко не поддержка. Я поняла, что она не меньше, чем я, боится мальчиков, и хотя поделилась со мной лекарством, не допустит даже мысли о том, чтобы вступить со мной в сговор. Не посмеет.

Яхья без промедления ударил меня по спине и по голове. Мой взгляд снова опустился на нижний край платья Саро, достигающий до пола.

В тот же день пришли Джамал и Абдулла и избили меня, заставив пообещать, что я больше никогда не подниму взгляд. Но я ни о чем не жалела. Я была рада, что, по крайней мере, увидела ее лицо.

Глава 40. Как быть женой

– Может быть, тебе сейчас тяжело, – сказал как-то раз Ромео, – но жизнь – это... – он щелкнул пальцами, показывая, насколько она коротка, – а рай – навсегда.

Наверное, он хотел меня ободрить. Мы все, дескать, должны терпеть ради будущего вознаграждения. Мои тюремщики были уверены, что так повелел Аллах. В моем представлении неволя была мигом, длинным мигом, который рано или поздно закончится. Мы все ждали другой жизни. Но только я планировала остаться в живых.

Мы снова переехали, все более отдаляясь от Могадишо. Новое место было в районе порта Кисмайо, недалеко от границы с Кенией. Я не должна была знать об этом, но знала. Мы ехали туда двенадцать часов на внедорожнике, за рулем которого сидел Ахмед. Мы пробирались по каким-то колеям в пустыне, но чаще всего по бездорожью среди песка, избегая выезжать на шоссе. Мальчики занимали передние сиденья, а мы с Найджелом, боясь обменяться хоть словом, лежали в багажнике, зажатые между Ромео, который почему-то вызвался ехать сам, и огромной канистрой бензина. Я слышала, как мальчики восторженно бормочут: «Кисмайо, Кисмайо», невольно разглашая тайну. Они радовались, точно школьники на экскурсии. Наверное, так далеко от дома они еще не забирались.

В Кисмайо я сразу почувствовала вкус Индийского океана, хотя не видела его. Мои кандалы поржавели во влажном воздухе, окрасив кожу у меня на лодыжках в оранжевый цвет. Пусть океан оставался для меня невидимым, но ничто не мешало мне его представлять. Он раскинулся широкой блестящей гладью отсюда до Австралии. Там были яхты, танкеры, острова, полные людей, занятых своими делами. Ночью на берег обрушивались штормы, и тогда выпадал дождь.

Ромео и Ахмед давно угрожали продать нас Аль-Шабаб, и я была уверена, что они привезли нас сюда для совершения сделки, поскольку Кисмайо был известен как один из опорных пунктов Аль-Шабаб. Одна мысль о том, что нас ждут новые хозяева с новыми, более жестокими правилами, нагоняла на меня ужас. Однако вскоре я поняла, что мы всего лишь бежали сюда от войны. Две ночи мы провели в городской квартире на втором этаже, а потом перебрались в необитаемый офис. Это место было вдали от шумного центра – позже мы назвали его Пляжный Дом. Скорее всего, наши похитители платили Аль-Шабаб, чтобы те позволили им тут остановиться. Несколько раз во время поездки

Ахмед останавливал машину, и Скидс выходил и отдавал наличные за проезд по территории, контролируемой той или иной бандой.

Найджела поселили в комнате напротив. Мальчики расположились в приемной, свалив свои Кораны кучей на секретарскую стойку в углу. На всех был один грязный, заплеванный туалет. Воду мы брали из канистры высотой в метр, где сновали личинки moskitov.

За старшего теперь был Ромео. В течение десяти месяцев лица в нашем окружении менялись. Исчез Али, подвигший нас принять ислам, исчез четырнадцатилетний Измаил, который отчего-то боялся нас как огня, Яхья-младший, жена которого недавно родила ребенка, пробыл с неделю в Пляжном Доме и уехал навсегда. Саро, мою молчаливую соратницу по несчастью, вообще не взяли в Кисмайо.

Я имела довольно смутное представление о том, что связывает наших похитителей. Я знала, допустим, что Измаил сирота и работает на банду за еду и крышу над головой. Еще когда мы с Найджелом жили в одной комнате, Абдулла рассказывал, что вся семья Измаила погибла под минометным обстрелом, а сам Измаил был тяжело ранен. Ему снесло мышцу на левой икре – так что теперь его левая нога выглядела как обглоданная куриная ножка – и осколками изрыло весь торс. Когда Измаил исчез, я спросила Ромео, куда он подевался, и тот в первый момент даже не понял, о ком я говорю. Потом пожал плечами и ответил, что, наверное, Измаила передали в один из отрядов ополчения. Словом, сунули в другую колоду карт.

Я никогда не понимала, как организована банда – кто дергает за ниточки, кто набирает мальчиков, кормит их, кто принимает решение о переезде. Кто решает убить нас или освободить? И кто, в конце концов, рассчитывает обогатиться за счет выкупа? Много позже я познакомилась с расследованием одного журналиста, который писал о пиратах в Аденском заливе. Оказывается, существуют целые хорошо организованные пиратские корпорации – у них есть инвесторы, бухгалтеры и чуть ли не фонды заработной платы с тарифными ставками. Журналист изучал случай захвата корабля, за который похитителям был выплачен выкуп в 1,8 миллиона долларов. Половина суммы досталась инвесторам, менеджеры среднего звена (такие как Адам, Дональд Трамп и Ромео) получили около шестидесяти тысяч каждый, а солдаты около двенадцати тысяч. В стране, где средний годовой доход составляет двести двадцать шесть долларов на человека, это очень неплохие деньги. Конечно, если все пройдет без сучка

без задоринки.

Однажды днем явился Ромео и с порога объявил, что его приняли в аспирантуру по специальности «информационные технологии». Через несколько месяцев он уезжает в Нью-Йорк, где будет учиться в университете, и у него ко мне много вопросов. Была ли я в Нью-Йорке? Холодно ли там? Поймут ли американцы его акцент? Он планирует остановиться у родственников, которые давно перебрались в Америку. А мой выкуп поможет ему оплатить обучение. Иншалла, прибавил он, если будет на то воля Аллаха.

Ромео принялся за мое мусульманское образование. Взяв у Найджела Коран, он приходил и читал мне длинные проповеди о набожности и судьбе. Я была рада любой книге, даже Корану, и снова превратилась в усердную студентку. В присутствии Ромео мне разрешалось сидеть и разговаривать. Я чувствовала себя человеком. Кроме того, Ромео охранял меня от Абдуллы и остальных. Раз или два он показывал в Коране строки о «тех, кем владеет твоя десница», которые, по его мнению, имели прямое отношение ко мне. Ему было известно, что его подельники насилуют меня, но даже если он сам не опускался до подобной низости, то считал, что мне не стоит жаловаться на мальчиков. Такова, дескать, судьба невольницы, а моя судьба, как и у всех людей, была записана в моей душе, когда я еще находилась в чреве матери.

– Аллах решит, когда этому настанет конец, – объяснял Ромео. А пока Аллах, видимо, решил направить его на обучение в Нью-Йорк.

– Почему, – спросила я его, – ты хочешь учиться в стране неверных? – Я много раз слышала, как он высказывается о США в подобном духе.

Если Ромео и смутился, почувствовав лицемерие своей позиции, то лишь на миг.

– Аллах позволяет нам ездить в эти страны, если мы едем туда с целью принести пользу нашей исламской стране, – отвечал он своим обычным ровным тоном.

Иногда Ромео отваживался на что-то вроде кокетства.

– Как по-твоему, сомалийские мужчины красивые? – спросил он однажды. – Красивее, чем ваши мужчины?

Я не ответила. Тогда он попробовал зайти с другой стороны.

– За кого из солдат тебе хотелось бы выйти замуж? – вкрадчиво поинтересовался он.

Я ответила, что я не хочу замуж за солдата.

– Вот как? – Ромео приподнял брови. – А если бы я предложил тебе выйти за меня замуж, ты была бы счастлива?

Я отметила, что он не спрашивает согласия. Я давно догадывалась, куда он клонит, но сейчас, услышав эти слова, я вздрогнула от ужаса. Если они заставят меня заключить какой-нибудь формальный брак, то мне никогда отсюда не выбраться.

– Я не в том положении, чтобы принимать такие решения, – отвечала я, энергично трясая головой, чтобы подчеркнуть, что шансов нет никаких. – Я невольница.

– О да, – согласился Ромео, – но так решил Аллах. – Он молитвенно сложил руки. – Ты должна принять это, Амина.

Я подозревала, что для Ромео эти разговоры о замужестве были отчасти способом приятно провести время, помечтать вслух, поскольку даже он уставал от бесконечного чтения и комментирования Корана. Он признался, что ему хочется и выкуп и невесту и что он женился бы на мне сию секунду, если бы не товарищи, которые могут заподозрить, что он отбирает у них деньги. Так что сначала надо завершить «программу». А когда все закончится, я смогу жить в доме его матери в Харгейсе, пока он будет учиться в Нью-Йорке. И поскольку я белая, то мне придется безвылазно сидеть в комнате. «В большой комнате!» – уточнил Ромео, явно рассчитывая поразить меня этой блестящей перспективой. А иначе есть риск, что меня изнасилуют или похитят.

– Если бы ты стала матерью моих детей, – мечтал Ромео, – ты бы учила моих сыновей джихаду. Ты бы отправила их на джихад в Сомали или другую страну. Ты бы учила их Корану, и очень, очень хорошо.

Но его лесть была мне слабым утешением. Однажды он подошел ко мне, низко наклонился и показал хорошо известные мне строки в Коране: *Ваши жены являются пашней для вас. Приходите же на вашу пашню, когда и как пожелаете.* Пашня, насколько я понимала, – это поле, которое пашут.

Ромео улыбнулся:

– Ты понимаешь, что это будет значить, когда ты станешь моей женой?

– Да, – ответила я с упавшим сердцем, – но я не хочу это обсуждать.

Для обозначения секса у него служило выражение «делать приятное».

– Когда ты станешь моей женой, иншалла, мы будем все время делать приятное, – сказал мне Ромео. – Потому что я все время хочу делать приятное.

Я сидела потупившись. Он встал и вышел из комнаты.

Когда Ромео отсутствовал, мне оставалось только слушать. Я

слышала, как мальчики кашляют и плюют за дверь в приемной. Как они моются и молятся. Чистят зубы веточкой акации, травят анекдоты или молчат, сообщая страдая от скуки. Я слышала, как щелкают пальцы, веля Найджелу совершать очередное омовение.

Но чаще всего мне доводилось слушать их сотовые телефоны. Телефон был у каждого, а у некоторых по два. Это были дорогие последние модели, иногда с сенсорным экраном, купленные на солдатские деньги еще до нашего похищения. Поскольку в доме не было электричества, заряжали телефоны в киоске на рынке, платя за это несколько монет. Очень редко по телефону кто-то разговаривал, разве что капитан и Ромео, получавшие инструкции откуда-то из Могадишо, и изредка Джамал очень коротко и смущенно переговаривался с Хамди. Однако мальчики не выпускали телефоны из рук, бесконечно меняя рингтоны. Поскольку музыка была запрещена по закону шариата, рингтоны были не музыкальные. Щебет птиц, звонки, кваканье лягушек, детский смех – все это сводило меня с ума. Еще на телефонах у них стояли нашиды – арабские песнопения, восхваляющие величие Аллаха и добродетели Мухаммеда. Порой мальчики заходили ко мне в комнату и показывали видеоролики, скачанные с саудовских веб-сайтов. Эти ролики были сделаны нарочно для того, чтобы возбуждать злобу и ненависть, показывая мертвых палестинцев и афганцев и много мертвых детей. Взрывы в Ираке чередовались с кадрами обрушения Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Моджахеды в балаклавах учились стрелять из автоматов и гранатометов на фоне зубчатых горных вершин. Внизу бежали арабские субтитры. На одном видео все время появлялся Джордж Буш, который говорил: «Этот крестовый поход, эта война с терроризмом, быстро не закончится». Словом, ислам был в опасности по всему миру. Вскоре я научилась, сидя за дверью в своей комнате, различать видеоролики по голосам имамов, читающих проповеди, пока сзади рвутся снаряды и кричат люди, и могла сказать, какое из джихадистских видео наиболее популярно в данный момент. Видеоколлекция постоянно пополнялась. «Боже, – думала я, – эти ребята по десять часов в день глядят в своих телефонах, как умирают их единоверцы».

В туалете было зарешеченное окошко, из которого видны были крыши соседних домов. Вечером где-то вдалеке зажигался неоновый зеленый огонек – я догадывалась, что это вход в мечеть, – и мелькали фары машин. Часто в поисках пищи к нам забредали голодные дикие кошки. Мальчики швыряли в них что под руку подвернется – обувь, мусор, – но кошки находили способ

проникнуть даже ко мне в комнату – юркие, тощие, почти лысые существа. Прикованная к своему матрасу, я не могла встать и защититься, когда они появлялись. Они слонялись вокруг, пока я ела, и потом с шипением дрались за мою липкую от жира глубокую миску, которую я под конец ставила на пол.

Шли недели. Пролетел и мой двадцать восьмой день рождения – я точно не знала когда, потому что давно утратила счет дням. Я засыпала и просыпалась, слушая птичий гомон на крыше, – стаи перелетных птиц опускались туда, чтобы отдохнуть. Однажды голос диктора по радио зачастил: Майкл Джексон, Майкл Джексон, Майкл Джексон. Оказывается, Майкл Джексон умер, но об этом я узнала много позже. Пища, и без того скудная, почти исчезла. Утром мне давали три кубика животного жира, чашку водянистой похлебки и пару ломтиков тягучего лаваша. Чай стал редкостью. После вечерней молитвы утреннее меню повторялось, иногда с добавлением перезрелого банана. Порой было не три кубика жира, а два. В иные дни меня вообще не кормили. Мое тело приняло ужасающий вид: тазовые кости торчали, как куриные крылышки, ребра, ключицы выпирали наружу, груди не было. Голод лежал у меня в желудке, точно тяжелый камень с острыми, ранящими краями, а иногда как надутый воздушный шар, готовый взорваться. Мозг кипел, так что тянуло размозжить голову об стену, чтобы прекратилась эта боль.

Облегчения я искала в своем воображаемом небесном доме, где старалась оставаться как можно дольше. Я готовила там еду и ела – супы, рыбу, разные полезные блюда. Я представляла, как собираю овощи в саду, как рву апельсины, взбираясь на высокие лестницы, виденные мной когда-то в Венесуэле. Это помогало. Дом в Небе спасал меня.

И все-таки без еды я не могла. В поисках решения я обратилась к религии моих тюремщиков. Согласно Корану, пророк Мухаммед рекомендовал своим последователям поститься в понедельник и четверг, помимо обязательного поста в месяц Рамадан. Кто-то из мальчиков, как Хассам, постился, говоря, что это придает им чистоты. Хассам как-то объяснял мне, что Пророк советует разговляться хлебом и финиками, но в Сомали принято на разговение вместо хлеба есть самосы. Я решила, что это мой шанс.

– Хассам, – сказала я однажды утром в понедельник, когда он принес мне еду, – Аллах говорит, что правоверные должны поститься. Я тоже хочу поститься, чтобы стать хорошей мусульманкой, как ты.

Хассам широко улыбнулся, зная, что за прирост моей исламской добродетели он, как мой наставник, заработает у

Аллаха дополнительные поправки.

– Хорошо, Амина, очень хорошо.

Он вышел, и я слышала, как он делится этой благой вестью с товарищами. Тут же в дверь просунулись Джамал и Юсуф и поздравили меня с моим решением поститься. Они тоже были удивлены и обрадованы – им зачлось бы это у Аллаха в Судный день. Мой трюк сработал. Отказавшись утром от жира и пустой похлебки, вечером я получила пять маленьких самое – пять хорошо прожаренных пирожков с начинкой из риса и капусты! Джамал еще не успел открыть дверь, а я уже ощутила их волшебный запах, исходящий из пакета в его руках. Я голодала, чтобы поесть. Иногда самосы были теплые и восхитительные, а иной раз несвежие, вызывающие тошноту. Но это было не так важно. Они питали мое тело.

На телефонах у мальчиков появился новый голос. Этот спокойный высокий мужской голос был не похож на голоса взвинченных имамов, которые они постоянно слушали ранее. Он же иногда раздавался из колонок проезжающих за окном машин. Однажды днем ко мне пришел Ромео – с телефоном и блокнотом.

– Амина, – сказал он, – мне нужна твоя помощь. – Ромео сел на пол и протянул мне блокнот и карандаш. – Запиши мне слова по-английски, и я их буду повторять. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Он нажал кнопку на телефоне и повернул экран так, чтобы я могла его видеть. На экране возникла карта Сомали и в углу неподвижное изображение Усамы бен Ладена с поднятым вверх указательным пальцем, в черных одеждах и белом платке, закрывающем голову и плечи. Когда пошло аудио, я услышала знакомый голос. Бен Ладен выпустил аудиообращение к братьям-мусульманам, воюющим в Сомали, впервые называя их борьбу частью великой войны, которую ведет Аль-Каида. Это обращение успело распространиться повсюду, как заразный вирус. Им были поражены все, кто меня окружал.

– Пожалуйста, – сказал Ромео, – запиши все по-английски.

Я прищурилась, чтобы лучше видеть бегущую строку внизу экрана, и начала писать.

Моим многотерпеливым... стойким... исламским братьям...

Три дня мне потребовалось, чтобы затранскрибировать запись, длящуюся одиннадцать минут. Каждый день приходил Ромео и сидел возле меня, держа перед моими глазами сотовый телефон. Поскольку я уже много месяцев не брала в руки ручку, то писать было трудно и от усилий пальцы сводило судорогой. Бен Ладен призывал исламских воинов свергнуть нового

президента Шейка Шарифа, чья власть не мила правоверным мусульманам. Он восхищался сомалийцами, которые воюют на передовой общей битвы за правое дело, защищая своих братьев в Палестине, Ираке и Афганистане. Ровным, отеческим тоном он поносил американцев и всех их западных союзников, говоря, что их необходимо уничтожить без всякой пощады.

Бен Ладен говорил, Ромео смотрел, я писала, низко склоняясь над бумагой в сумеречном свете комнаты. Ромео часто останавливал ролик, чтобы я успевала записывать. Бен Ладен предостерегал братьев-сомалийцев от заключения мирных договоров, от дипломатии, от компромиссов с неприятелем, убеждая, что это не что иное, как ловушки. *Можно ли верить, что вчерашние враги, сменив религию, сегодня стали друзьями?*

Словом, война должна продолжаться до победного конца.

Глава 41. Все изменилось

Ромео получил студенческую визу в США. Он очень оживился, стал задавать мне много вопросов – больше, чем когда-либо. Долго ли добираться до Нью-Йорка на самолете? Правда ли, что девушки в Нью-Йорке носят короткие майки, открывающие живот? Приходя давать мне уроки ислама, он просил исправлять ошибки в его произношении, дабы насколько возможно сгладить акцент. Он специально купил тетрадь – тонкую ученическую тетрадку с сердечками на обложке, – чтобы я записывала туда самые трудные английские слова, термины, необходимые усердному студенту-иностранцу, желающему произвести хорошее впечатление на американцев.

Шел август. Улететь он планировал в сентябре, а до той поры надавить на нашу с Найджелом родню, чтобы они наконец заплатили выкуп.

В течение трех месяцев, что мы провели в Пляжном Доме, я не более пяти раз видела Найджела, хотя наши комнаты разделяли считанные футы. Порой, услышав щелчок, означающий разрешение выйти в туалет, ему удавалось незаметно подползти к двери, и тогда мы мельком видели друг друга. Тощий, изможденный, с длинной спутанной бородой, в саронге и майке, мешком висящей на костлявых плечах, Найджел вызывал у меня острую жалость. Да и я у него тоже. Мы смотрели друга с одинаковой тоской и безысходностью. Однажды Найджел рискнул показать мне сложенные сердечком ладони – *я люблю тебя*. Скоро год, как мы были в неволе.

Через зарешеченное окно в туалете я наблюдала смену времен года. Ежедневные дожди сначала ослабели, затем прекратились, и началась засуха – время, которое сомалийцы называют *хагаа*. У входа в мечеть теперь горел не зеленый огонек, а ярко-розовый. По мере того как жара нарастала, среди мальчиков росло разочарование и недовольство. Хассам заболел малярией и две недели отлежал пластом. Женитьба Джамала на Хамди откладывалась на неопределенное время. Яхью, одного из моих непосредственных надсмотрщиков, сменил Мохаммед-младший. Этот был еще более свирепый, чем тот. Деньги у них, похоже, заканчивались. Мальчики постоянно жаловались на голод. Поскольку Ромео все бредил Нью-Йорком, я надеялась, что выкуп – и соответственно деньги на билет – поступит со дня на день, и прилежно записывала для него слова в тетрадку: *сектантский, расчетливый, автономный*.

Я видела, что мальчикам до смерти надоело нас сторожить, но не могла знать, каков настоя их лидеров, сидящих где-то в Могадишо. Когда я спросила Ромео, как продвигаются переговоры, он с наигранным отчаянием вздохнул и обвинил мою мать в жадности. Наши тюремщики свято верили, что все люди на Западе купаются в деньгах, и, потратившись на наше содержание, они ни за что не желали идти на уступки. Они были убеждены, что моя мать из скупости не желает открыть им ворота к счастью, но стоит найти нужный подход, и она сдастся. Только позже я поняла, до чего они были расчетливы, какую хитрую шахматную партию они вели на нескольких континентах.

К тому времени наши родственники отказались от помощи государства, успев разочароваться в возможностях официальной дипломатии, и совместно оплачивали услуги частного спеца по переговорам с террористами Джона Чейза, главу компании АКЕ, которая должна была вытащить нас из Сомали. Это обходилось в две тысячи долларов в сутки. Было условлено, что большую часть будут оплачивать Бреннаны, а мама потом с ними рассчитается.

После перерыва в несколько месяцев она снова начала отвечать на звонки Адама – ее консультировал Чейз и его британские коллеги. В переговорах участвовала сестра Найджела, Никки. Оперативный полицейский центр в Силван-Лейк был закрыт. Мама на свои средства сняла квартиру в самой глуши, в нескольких часах езды от Кэнмора. Там она записывала переговоры и отправляла их Чейзу по электронной почте в виде зашифрованных сообщений. Адам держался агрессивно, как никогда ранее. Им надоело ждать, говорил он, и они возьмут два миллиона и ни центом меньше. По мнению Чейза, сумму можно было снизить в четыре раза. Второго августа мама предложила Адаму двести восемьдесят одну тысячу долларов, к концу месяца ставка возросла до четырехсот тридцати четырех тысяч. Адам наотрез отказывался уступить хоть немного. Тон разговоров накалялся. Однажды он высказал предположение, что я неродная дочь моей матери, раз она настолько равнодушна к моей судьбе. Мама, всплыв, ответила, что он ведет какую-то игру. «Это я веду игру? – презрительно переспросил взбешенный Адам. – Ну вы увидите, что это за игра».

напряжение немного спало. Рамадан священный месяц, время воздержания. Днем половые контакты запрещены, что давало мне шанс почувствовать себя в относительной безопасности. Через динамики, установленные в мечети, по всей округе разносились *нашиды*.

Ромео уехал, не сказав куда. Мальчики повеселели. Скид получил деньги и купил каждому по паре сандалий. Мы стали лучше питаться. От рассвета до заката постились, а потом бывали вознаграждены свежими сладкими финиками, которые мальчики покупали на рынке. Мне приносили несколько фиников, завернутых в обрывок англоязычной газеты «Халей таймс», выходившей в Дубае. Когда-то давно я, помнится, безуспешно пыталась заинтересовать их редактора своими статьями. Теперь я читала эти обрывки, думая найти там хоть какие-нибудь новости. Чаще всего мне попадались сводки фондовой биржи, а однажды даже сюжет из Канады – про то, как на кампусе Университета Виктория расплодились кролики.

Имея лишние деньги, Джамал и Хассам покупали продукты и готовили настоящий ужин – обычно блюдо из красной фасоли и риса, носившее название *амбола*. Они начинали готовить после полудня и подавали его после заката, щедро сдобрив сахаром и солью.

– Нравится? – интересовался у меня Джамал, напрашиваясь на комплименты. – Вкусно?

Перед сном, после обязательной ночной молитвы, мальчики читали дополнительные молитвы, или *таравих*. Эти молитвы, творимые во время Рамадана, помогали верующему получить у Аллаха прощение за свои грехи.

Но однажды все резко изменилось. Ко мне явились Абдулла, Мохаммед и Джамал, все трое мрачнее тучи. Никто не смотрел мне в глаза. Абдулла велел мне встать с матраса. Они положили меня посреди комнаты лицом вниз, и Абдулла связал мне запястья моей голубой простыней, а минуту спустя сдвинул ее выше и снова крепко затянул в районе локтей. Мои плечи болезненно приподнялись над полом. Сердце тяжело забилося, внутри разрасталась паника. Что происходит?

Стоя надо мной, они о чем-то совещались. Еще через минуту они развязали мне руки и велели лечь обратно на матрас, а сами продолжали совещание, как будто меня там не было. Я легла, обливаясь потом. Мохаммед указывал на какие-то толстые металлические прутья, на приличной высоте торчавшие из стены, словно предлагал что-то туда повесить. Джамал крутил и дергал мою простыню, проверяя ее на прочность. Они тщательно обследовали комнату и вышли, не взглянув на меня.

Я поняла, что готовится нечто ужасное.

Я ждала весь следующий день и еще один. Они вернулись после заката, когда закончился дневной пост и ужин. На этот раз их было двое – Мохаммед и Абдулла. Они закрыли дверь. В руках Мохаммед держал простыню светло-желтого цвета, скрученную, как веревка, которую бросил на пол.

– Все в порядке? – спросила я, косясь на простыню.

– Вставай, – велел Абдулла.

Я медленно поднялась, звеня цепями и чувствуя, как мозг и сердце пытаются в панике выпрыгнуть из моего тела. Лиц я не видела – вместо них была чернота.

– Я еще не молилась, – услышала я собственный голос, – мне нужно совершить омовение.

Они переглянулись. Спорить с исламом они не могли.

– Быстро, – приказал Абдулла.

Выйдя в коридор, я отметила, что дверь в комнату Найджела закрыта.

В туалете я стояла у открытого окна, смотрела на далекий розовый огонек, что мерцал возле мечети, и набиралась мужества. В чернильно-черном небе не было ни одной звезды. Легкий бриз обдувал мне лицо. Меня одолевал первобытный ужас – сродни тому, что гонит животных в горы, что звучал в древнем колоколе, пробуждавшем жителей деревни покидать свои дома и спасаться бегством. Я знала: будет больно. Но говорила себе: «Держись, ты должна быть сильной».

Абдулла и Мохаммед ждали за дверью. Они прошли со мной в комнату, сели у стены и смотрели на меня, пока я молилась. Я выполняла все циклы нарочито медленно, надеясь пробудить в них память о том, что мы с ними единоверцы. Закончив последний ракаат, я перешла к молчаливой молитве, одной из добровольных молитв, в которой нужно сто раз мысленно вознести хвалу Аллаху, но только вместо арабских слов твердила себе: «Держись, держись, держись». И так сотню раз.

Когда все было закончено и не осталось больше предлогов для промедления, я обернулась. Абдулла велел мне лечь на пол, как два дня назад. Потом он опять стянул мне руки простыней повыше локтей, опять плечи подскочили вверх, и заломило весь торс. Но теперь они связали и мои ноги – я почувствовала, как ткань обвивается вокруг лодыжек и какая-то сила тащит их вверх и назад. Они соединили мои руки и ноги, и теперь конечности растягивали мое тело в противоположные стороны! Я была обездвижена, стреножена, как дикое животное. Они связали меня тугим бантом. От боли я совсем обезумела. Мне казалось, что мышцы, глаза, мозги, позвоночник вот-вот лопнут. Паника

накрыла меня огромной волной. Я не могла находиться в таком положении – ни минуты, ни секунды. Простыни, ставшие веревками, врезались в вены на руках и ногах, препятствуя кровообращению. Легкие в моей груди слиплись. Я хватала ртом воздух, но не могла сделать ни вдоха. Я давилась, будто в горло мне сыпали песок.

– Развяжите! – выкрикнула я чужим дребезжащим голосом.

Никто мне не ответил, лишь Абдулла сдвинул мне платок на глаза и ту же обмотал его концы вокруг шеи.

Они вышли, не сказав за все время ни единого слова.

О чем они думали, сидя за дверью в те минуты и часы? О чем говорили? Может быть, смеялись? Я не знаю.

Я была потеряна для всех. Меня швырнули в какое-то подземелье, где я пыталась ворочать огромные валуны, чтобы накопить силу и вырваться наверх. Боль рвала мне мышцы, ломала плечи и спину. От затылка до копчика словно пролегал оголенный электрический провод. Шея моя изгибалась книзу, а запрокинутая голова тащила ее к себе. В мозгу стучало: *не могу, не могу* и все реже: *держись*.

Один раз я услышала, как в темноте открывается дверь и кто-то входит в комнату. Я пыталась позвать на помощь, но слова мои сливались в один сдавленный стон. Кто бы это ни был, я умоляла его развязать меня. И вдруг что-то тяжело опустилось мне на поясницу, вызвав еще большее напряжение мышц. Нога. Это один из мальчиков тянул босой ногой простыню, проверяя, не ослабли ли мои путы. Он пришел всего лишь для того, чтобы крепче затянуть узлы. Рывок – и мои плечи и бедра высоко взлетели над полом.

Отчаянно хотелось в туалет. Под утро я не выдержала и обмочилась. Потом в комнате раздались голоса. Они не могли не почувствовать запах мочи и не увидеть лужу под моим платьем. Судя по возмущенному тону, это их оскорбляло. Вдруг кто-то рассмеялся. Я догадалась, что они шутят на тему, кому убраться.

Не знаю, сколько прошло времени. Я лежала неподвижно, чувствуя во всем теле раскаленные иглы. Время распалось на куски, которые кружились вокруг, большие и маленькие. За окном завел свою минорную песнь муэдзин. Кто-то пришел, чтобы снова подтянуть узлы, и еще завязал мне на шее нечто вроде шарфа, вторым концом соединив его с простыней, держащей ноги, так что теперь, когда моя голова начинала клониться вниз, я задыхалась.

Они явно действовали по инструкции. Я не сомневалась, что пытакам их обучали.

В течение года я привыкла разбивать время на отрезки,

которые легче пережить, – например, уговаривала себя дожить до завтра. Если пережить целый день представлялось невозможным, я просила себя потерпеть до следующей молитвы или хотя бы еще час. И вот наступил момент, когда пришлось жить от вдоха до вдоха. Боль в моем теле слилась в одну вращающуюся пульсирующую звезду. Я не понимала, где болит, потому что болело повсюду. Боль одинаково и беспрерывно терзала локти, спину, шею, колени и вообще каждый атом моего тела. Боль не отпускала меня ни на миг. Но помимо боли было кое-что еще. В сознании у меня появилось особое место вроде жердочки, на которой я могла надолго отдохнуть. Нет, не от боли, а от паники, страха, что я тону в этой боли. Когда я не дергалась, время текло легче. Но хотя я и научилась балансировать на жердочке, меня хватало всего на несколько минут, пока боль снова не вгонит меня в панику.

Часто я слышала знакомый спокойный и рассудительный голос, который говорил мне, что все будет хорошо. Однако теперь я не верила ему. Мне хотелось умереть, чтобы больше не чувствовать боли.

Однажды пришел Джамал и снял с моих глаз платок и шарф, который давил мне шею. Свет хлынул мне в глаза. Я умоляла его о помощи, но он холодно взглянул на меня и ответил равнодушным тоном:

– Извини.

Нет, он и не думал извиняться. Ему было жаль, что я оказалась в такой ситуации, вот и все.

Они ходили туда-сюда, дергали за веревки. Чтобы я не кричала, сунули мне в рот носок, принудив меня дышать носом. Наверное, я потеряла сознание, потому что, когда очнулась, увидела Скидса, стоящего на четвереньках и внимательно вглядывающегося мне в лицо – чтобы понять, жива я еще или нет. Дважды в тот день они переворачивали меня на спину, на мои связанные руки и ноги, и тогда кровь устремлялась в мои омертвевшие члены. Это приносило минутное облегчение. Но потом меня снова клали на живот, и боль возобновлялась с новой силой.

Спокойный голос пытался мне что-то внушать. Я спорила. Между нами происходили такие диалоги:

Дыши, – говорил он. – Не могу. – Все будет хорошо. – Нет, не будет. Я умру. – Не умрешь, дыши. – Я умираю. – Нет, ты будешь жить.

Не помню точно, когда это произошло. Кажется, был полдень. Пришли Мохаммед и Абдулла и стали пинать меня в ребра. Я

мычала сквозь носок во рту, барахтаясь в волнах своей паники, мой мозг изнемогал и отказывался мне служить. Я знала, что мне настал конец. Боль, казалось, дошла до своего предела и все равно нарастала. Она билась меня, подобно мощной молнии, что во время грозы бьет в воду. И вдруг неведомая сила пронеслась сквозь меня, точно порыв ветра, подхватила и подняла. Боль исчезла. Ничего не болело – я утратила ощущение собственного тела. Я стала бесплотной. Я оторвалась и полетела, как пушинка одуванчика на ветру. Может быть, я умерла. Не знаю. Только я смотрела на все сверху и видела внизу двоих мужчин и одну женщину. Женщина была связана, как животное, и мужчины избивали ее. Все трое были мне знакомы, однако я не чувствовала, что имею какое-то к ним отношение, даже к женщине. Я пересекла некую черту, за которой это было невозможно. Все, что я ощущала, – это спокойствие и глубокую печаль. И я видела, что они страдают, каждый по-своему, как жертва, так и ее палачи.

В тот же день, по прошествии почти двух суток, они меня развязали. Не знаю, кто сделал это и что было при этом сказано. Когда убрали веревки, мои руки и ноги безжизненно шлепнулись на пол. Я лежала и не шевелилась. Кто-то перевернул меня на спину, потом поднял и швырнул на матрас. Было темно, но я видела, что Мохаммед бьет меня, и ничего не ощущала. Они орали на меня, но я ничего не слышала, лишь видела, как они медленно и беззвучно открывают рот, как в замедленной съемке.

Потом появился Джамал с бутылкой в руках. Я раскрыла рот, и мне в горло полилась вода. Когда воды осталось полбутылки, я поперхнулась, закашлялась и села. Теперь Джамал совал мне что-то в руку – бумагу и ручку. «Бери, бери», – говорил он. Они хотели, чтобы я что-то написала, но ручка выпадала из моих пальцев. Руки не слушались меня. В свете их фонариков я видела их болезненно-серые от страха лица.

Абдулла стал диктовать мне, что я должна сказать по телефону моей матери.

– Сегодня все изменилось. Скажи ей. Все изменилось.

Я не понимала, что им надо. Слишком это было тяжело. Потом я услышала, как рядом запищали кнопки – кто-то набирал номер. Скидс сунул мне в лицо телефон с включенной громкой связью, а Мохаммед пнул мою мертвую ногу – давай, мол, говори. Сквозь треск и шипение в трубке я услышала мамин голос.

– Аманда? Аманда? Алло? Алло? – говорила она.

– Мама...

– Аманда...

– Мама... – повторила я, не в силах выговорить ничего

другого, хотя ощущала небывалую тоску по ней, – мама, мама, мама...

Глава 42. Птица

Под конец я сказала все, что им было нужно. «Все изменилось», – сказала я, и это была правда. Я говорила, что меня связывали и пытали, что не вынесу больше ни дня. Мама ответила, что они предлагали Адаму полмиллиона долларов, но он отказался их взять.

Во время разговора мы обе рыдали, словно прощались.

Потом Скидс и мальчики вышли из комнаты, оставив меня одну на матрасе с полупустой бутылкой воды. Перед выходом Абдулла оглянулся и пообещал:

– Завтра мы опять будем это делать. Мы каждый день будем это делать, пока твоя мать не заплатит.

Его слова были тяжелее свинца. Значит, пытка не закончилась. Это всего лишь небольшой перерыв, отсрочка приговора.

Они вернутся, и все повторится сначала. Тьма обступила меня со всех сторон. Теперь я поняла, что такое настоящее отчаяние. Бездна. Каково это – не иметь ни крупицы веры во что-либо.

Они свяжут меня снова. Все повторится. Они продолжат истязать меня, думая, что наши семьи имеют миллионы лишних долларов. Они будут мучить меня бесконечно, потому что им все равно некуда девать свое земное время. Они просто ждут шанса попасть в рай. Они знают, как убить меня, не уничтожая физически.

Из моей груди вырвался протяжный стон, скорее звериный, чем человеческий.

Неужели это моя жизнь? Видимо, да.

Уж лучше умереть, чем жить такой жизнью.

«Мне лучше умереть», – спокойно думала я.

И более спокойной мысли давно не приходило мне в голову.

У меня была бритва, которую мне дали несколько месяцев назад, чтобы я сбрасывала волосы на лобке. Она поржавела от влаги, и на лезвии выступили оранжевые пятна, но была еще острой – я точно знала это, потому что по-прежнему ею пользовалась. Бумажный пакетик с бритвой хранился среди моих немногочисленных туалетных принадлежностей, которые я выстроила, как маленькую крепость, возле матраса. Я считала, что при помощи этого лезвия можно вскрыть вены на руке, стоит только хорошенько нажать.

А пока я лежала в темноте, сжимая и разжимая пальцы, и

ждала, когда у меня в руках восстановится чувствительность. Я все спланировала. Надо сделать глубокий поперечный разрез и несколько раз провести лезвием справа налево. На все потребуется не более двадцати минут. Я с мстительным удовольствием представляла, как они входят и застают меня полумертвой от потери крови и не могут ничего сделать, чтобы спасти меня. Умирая, я успею увидеть ужас на их мерзких рожах, когда они поймут, что сокровище ускользнуло у них из-под носа.

Я решила подождать до восхода солнца.

В последний год я часто бывала к себе жестока. Я упрекала себя в том, что прежде вела легкомысленный образ жизни, потакала собственным желаниям. Я горько сожалела, что по глупости поехала в Сомали, стремясь удовлетворить свои пустые амбиции и считая себя неуязвимой. Мне было невыносимо жаль, что я не успела сказать маме, что прощаю ей мое несчастливое детство. Жаль, что я так долго ненавидела собственное тело, что я изводила себя голодом, чтобы оставаться стройной. Как мне хотелось иметь шанс исправиться! Но теперь я поняла, что шанса у меня нет, и смирилась с этим. Смирившись, я испытала новое чувство. Я ощутила покой. Покой, утешающий скорбь, как отлив, что оставляет после себя серебристую полоску вдоль берега.

Разве у меня не было жизни? Была. Я повидала мир? Да. Я многого добилась. Я любила, я наслаждалась красотой. Мне улыбалась удача. Я была благодарна судьбе, что прожила такую жизнь.

Пока первые лучи не проникли сквозь щель между ставнями, я вспоминала всех, кого мне будет не хватать после смерти. Больше других мне было жаль Найджела, который оставался один в Сомали. Я мысленно попросила у него прощения, у него и у каждого, что не смогла прожить дольше. Я посылала им свою любовь через океаны и континенты и очень надеялась, что они, где бы ни находились, ощутят ее. Я даже всплакнула. Но, в общем, я была готова. Время настало.

Из коридора доносились сонные звуки – кто-то вздыхал, кто-то похрапывал. Муэдзин, наверное, уже проснулся и вылезает из постели. Вскоре ему идти предраассветной тропой в мечеть, где светится розовый неоновый огонек, и возвещать начало молитвы. Утро было для меня самым тяжелым временем суток. Пробудившись ото сна, я всякий раз заново осознавала, что кандалы мне не приснились, а и впрямь сковывают мои лодыжки. Иногда даже приходилось ощупью убеждаться, что они настоящие.

Вынув бритву, я решила, что перед первым разрезом полежу еще минутку. Когда минута закончилась, я подумала: «Все, пора».

Но не успела я пошевелиться, как почувствовала странную теплоту, которая распространилась по всему моему телу от макушки до кончиков пальцев, точно изнутри меня омыла теплая жидкость. Я совершенно расслабилась. У меня было ощущение, что я растворяюсь и сливаюсь с матрасом, становлюсь частью чего-то большего, наполняющего меня новой силой. Это было не больно, а скорее увлекательно. В сознании замелькали пронзительно яркие картины из прошлого: пляжи, горные тропы, улица, где я жила с родителями до шести лет, – ну точно в кино. Как я истосковалась по этим местам!

Вдруг что-то шевельнулось на пороге. Утреннее солнце, падавшее в окно приемной, нарисовало бледный прямоугольник света у меня на полу. И там была маленькая птичка, вроде воробья, которая скакала туда-сюда по грязному линолеуму, вертя головой, и что-то клевала. Потом птичка подняла голову, как бы рассматривая комнату, заметила меня, встрепенулась и порхнула обратно в коридор, а затем вылетела в окно.

Я забыла, когда последний раз видела птиц. И я всегда верила в мистику – в обереги, талисманы, в приметы, в тайные знаки и ангелов. И вот теперь, когда я нуждалась в этом больше всего, мне явился ангел.

Я поняла: какие бы испытания меня ни ждали, я выживу и вернусь домой. Что бы ни случилось – я выберусь отсюда. Впервые за все время я была в этом совершенно уверена.

Глава 43. Тетрадь и обещание

Рамадан подошел к концу. Наши тюремщики убили козу, съели мясо и снова перевезли нас в другое место. Новый дом находился далеко от океана и Кисмайо, в пустыне ближе к Могадишо. Я так и назвала его – Пустынный Дом. Возле дома был большой песчаный двор, где в углу ржавели два трактора, окруженный, как обычно, высокой стеной. На другой стороне росли низкие корявые деревья.

Скидс и мальчики так и не пришли, чтобы связать меня. Через несколько дней ссадины от веревок на руках и лодыжках начали затягиваться. Однажды Скидс швырнул мне в комнату пакет. Внутри лежали два аккуратно свернутых новых платья из тонкого хлопка в цветочек. Это был подарок, признательность за мои страдания.

Они все ощущали свою вину передо мной. Хассам и Джамал несколько дней избегали заходить ко мне в комнату. Другие с подчеркнутым вниманием отнеслись к обновкам – просили примерить, делали комплименты, говоря, что в этих платьях я похожа на сомалийскую женщину. Признаться, ткань была слишком тонкая, чтобы носить их постоянно. Так что я предпочитала свое старое красное платье, которое не снимала уже бог знает сколько времени. Даже Абдулла сделал мне подарок – принес однажды тюбик ароматизированного крема, говоря, что купил его на собственные деньги. «Из Германии», – с гордостью сообщил он. Я открыла тюбик, понюхала и закрыла.

В те дни, когда я лежала, связанная, Ромео в доме не было. Когда я рассказала ему, что произошло, он притворился удивленным, но по выражению его лица я догадалась, что ему было обо всем известно. Наверное, он сам приказал меня связать. Шли недели, Ромео все мрачнел. Оказалось, что Аллах в конце концов передумал посылать его в Нью-Йорк для обучения в аспирантуре. Ни выкупа, ни денег на билет не было. Судьбой Ромео было оставаться в Сомали вместе с нами и мальчиками и ждать.

В Пустынном Доме мы прожили около шести недель. На заднем дворе, который я видела через окошко в туалете, успел подняться зеленый бурьян и закрыть собой два ржавых трактора. Снова шли дожди, отмечая смену времени года.

Ромео усиленно изучал со мной Коран, используя экземпляр Найджеда, который порой забывал отдать ему, и книга оставалась у меня на ночь. Начиная с конца, где главы были короче, я заучивала стихи, обычно пять-шесть строк за один раз, медленно

переходя к более длинным отрывкам, пока не набиралось тридцать строк, которые я, запинаясь, цитировала по-арабски. Параллельно я читала перевод на английском, чтобы понимать, что говорю: *Аллах – Свет небес и земли. Его свет в душе верующего подобен нише, в которой находится светильник. Светильник заключен в стекло, а стекло подобно жемчужной звезде. Он возжигается от благословенного оливкового дерева, которое не тянется ни на восток, ни на запад. Его масло готово светиться даже без соприкосновения с огнем. Один свет поверх другого! Аллах направляет к Своему свету кого пожелает. Аллах приводит людям притчи, и Аллах знает обо всякой вещи.* И так далее.

Порой Ромео высмеивал мое произношение и даже шлепал меня в случае серьезных ошибок. Если я давала ему повод для гордости, он призывал в комнату мальчиков и заставлял меня демонстрировать свои успехи, будто я ученый попугай.

– Вот видите? – говорил он, словно доказывал им что-то. – Амина – хорошая мусульманка.

Это всегда подвергалось сомнению.

Коран и сборник хадисов в твердой обложке переходили от Найджела ко мне и обратно. Во время занятий мне разрешалось сидеть и читать. Когда Ромео не было, уроки проводил Хассам. Он, по-видимому, очень переживал из-за случившегося и всячески старался угодить мне – тайком таскал мне таблетки ибупрофена и чай, а порой мог принести и оставить на пару часов какую-нибудь книгу из моей посылки. В виде помощи в изучении Корана он дал мне ручку, карандаш и тонкую нелинованную тетрадь с зеленой обложкой, на которой был выгравирована эмблема ЮНИСЕФ.

Заметив однажды у меня эту тетрадь, Абдулла вырвал ее из моих рук и зашипел:

– Ты знаешь, что это? – Он указал на эмблему – мать и дитя в профиль на фоне земного шара.

– ЮНИСЕФ?

Поводив пальцем по эмблеме, Абдулла с выражением изрек:

– Очень плохо!

И вышел, унося с собой тетрадь.

Я очень огорчилась. Там было записано всего несколько вопросов, которые я хотела задать Ромео или Хассаму по поводу Корана, но тетрадь – молочно-белые страницы, сама возможность писать – имела для меня большое значение.

Двадцать минут спустя Абдулла вернулся и с презрением швырнул тетрадь на пол. Эмблема была грубо заштрихована черным маркером. Тут-то меня осенило. Ведь Пророк запретил

изображения людей и животных. Но теперь, когда мать и дитя были надежно замалеваны, тетрадью можно было пользоваться.

Я часами рассматривала пустые страницы, не осмеливаясь записать туда что-нибудь из моих мыслей – хотя мне очень хотелось, – потому что Ромео – единственный, кто читал по-английски, – мог прочитать и наказать меня.

А между тем я заметила, что Найджел подчеркивает карандашом строки в английском переводе Корана, а потом на пустой странице в конце книги ставит цифры, обозначающие номер страницы и стиха, к которым ему хотелось бы вернуться. В основном это были строки о невольниках и правилах поведения. Найджел, как и я, искал в Коране предлог, чтобы получить от наших тюремщиков поблажки. Мне пришло в голову, что при помощи Корана можно общаться. Я решила попробовать передать ему сообщение и стала подбирать в тексте нужные слова. Найдя слово, я подчеркивала все строки в стихе, а само слово выделяла более жирной линией. Так, слово за словом, я составила пару предложений. Затем на последней странице, где Найджел вел свой список, я указала номера страниц, на которых следовало искать слова. Потом я сказала Хассаму, что на сегодня мои штудии завершены, и он понес книгу в комнату Найджела. Я надеялась, что Найджел сообразит, что я отправила ему письмо. Он должен был прочитать: я/ люблю/ тебя/ мать/ говорит/ они/ имеют/ половину/ миллион.

На следующий день Коран вернулся ко мне. Оставшись одна, я открыла последнюю страницу и увидела новую колонку цифр. Мое сердце радостно подпрыгнуло. Я стала листать книгу, ища слова по ссылке. Найджел разгадал код и ответил: Я/ хочу/ домой/ я/ их/ презираю.

Мы стали получать неясные намеки относительно того, что происходит дома и как продвигаются переговоры. Мне и Найджелу несколько раз удалось поговорить с родными. Я, например, слышала его разговор с сестрой, когда она сказала, что их семья продала два дома и пару машин.

Однажды ко мне пришел Ромео и остальные. Он сказал:

– Есть один шанс. Твоя мать имеет пятьсот тысяч долларов, и если она завтра заплатит, то мы их примем. Но только за тебя, не за Найджела. У его семьи есть деньги, а она бедная. Пусть решает прямо сейчас.

Зазвонил его телефон – вызов от Адама, который как раз разговаривал с мамой. Ромео сунул телефон мне в лицо.

– Скажи ей, что это твой единственный шанс. А потом, – он жестом указал на мальчиков, – я не знаю, что они с тобой

сделают.

Я передала маме его слова. Я умоляла ее вытащить меня отсюда даже без Найджела. Мне было стыдно и больно произносить это, тем более что Найджел мог слышать, что я говорю. Но я надеялась, что он понимает, что это очередная манипуляция, попытка выведать, сколько у нас на самом деле денег. Но моя мама была как камень. «Мы работаем вместе, – сказала она. – У нас всего пятьсот тысяч долларов. И ничего сверх этой суммы мы предложить не можем».

Ромео уехал, его сменил Ахмед. Тот прибыл на собственной машине, тщательно выбритый, одетый по городскому в рубашку поло и брюки со стрелками. Он привез очередной проверочный вопрос: «Какой у твоего отца любимый цвет?»

Ахмед с отвращением смотрел по сторонам – повсюду была грязь и бардак. Заметив расчесы на моих распухших от укусов москитов ногах, он велел повесить над моим матрасом москитную сетку. Москитная сетка лежала среди моих вещей, но после побега мне было запрещено пользоваться ею. Я понимала, что его забота обо мне вызвана не сочувствием, а страхом, что я заболею и умру, пока он тут за старшего. Скидс, к примеру, подхватил малярию и который день валялся, свернувшись калачиком, на полу. По дороге в туалет я должна была проходить через гостиную, где он лежал, и видела, что ему и впрямь худо. Видя, как он, весь серый, трясется в лихорадке, как блестит от пота его лысая голова, я желала ему смерти.

– Болотный, – ответила я Ахмеду, – любимый цвет моего отца.

Я спросила, не может ли он поделиться со мной новостями и скоро ли нас освободят. Задумавшись, Ахмед покачал головой и сообщил мне такое, отчего кровь застыла у меня в жилах. Они, сказал он, отказываются от дальнейших переговоров с нашими родными и перепродают нас в Аль-Шабаб. А уж те, если захотят, продадут нас домой.

Он дал мне несколько листов бумаги и ручку и велел написать заявление, которое он называл «Обещание». Там я должна была поклясться, что при любых обстоятельствах останусь верна принципам ислама и стану повсюду проповедовать исламскую веру. Если меня освободят, я обязуюсь прислать ему полмиллиона долларов на джихад. Он хотел, чтобы я прямо сейчас указала источники этих будущих средств. Я подумала и написала, что я сделаю джихадистский веб-сайт и объявлю там сбор пожертвований и еще напишу книгу для женщин, которая будет побуждать их принимать ислам. Зная его любовь к документам, я использовала как можно больше канцелярских

выражений вроде «таким образом» и «следовательно». «А вдруг, – думала я, – ему так это понравится, что он решит отпустить нас?»

Внизу я поставила подпись: «Амина Линдаут».

Ахмед прочитал и одобрил.

– Иншалла, ваша ситуация скоро улучшится, – сказал он на прощание.

Я не верила ему ни на грош. Если они продают нас в Аль-Шабаб, то она не улучшится. Все станет только хуже.

Наконец я улучила минутку, чтобы записать что-то личное в тетради с эмблемой ЮНИСЕФ. Просто я больше не могла противостоять искушению, которое мучило меня уже целый месяц. Это было все равно что поставить перед голодающим тарелку еды и запрещать ему есть.

Итак, я решилась. Я села и открыла тетрадь, готовая мигом сунуть ее под матрас, если кто-нибудь войдет. Голубую москитную сетку я накинула на себя сверху, как занавеску. Я писала бисерным почерком, чтобы никто из моих тюремщиков не смог, если что, это прочитать. Страница выглядела как записка лунатика, как туго свернутая длинная нить мелких жемчужин.

Я задумала это как письмо маме, как односторонний диалог с далеким собеседником. Я рассказывала, каково мне живется. Как, чтобы выжить, я прячусь в собственном сознании. Как прошу разрешения выйти в туалет, стуча пластиковой бутылкой об пол. Я писала про голод и одиночество и о том, что я каждый день раскаиваюсь в тех ошибках, которые завели меня сюда. Я писала обо всем, намеренно избегая лишь темы религии и насилия. Мой дневник стал для меня глотком свежего воздуха, свободы. Я прятала его под матрасом и помнила, что, если его найдут, мне несдобровать. Я делал записи почти ежедневно после полудня, когда мальчики впадали в спячку. На всякий случай я держала на коленях раскрытый Коран и сборник хадисов, делая вид, что занимаюсь.

Некоторые из воспоминаний о прошлой жизни вызывали во мне жгучее чувство вины. Например, один случай в Афганистане, когда я делала первые шаги в журналистике. Однажды я посетила тюрьму в пригороде Кабула, о которой мне хотелось написать статью. И там я встретила женщину из Судана, отбывавшую восьмилетний срок за попытку продать героин. Она делила камеру с пятью другими женщинами. Я, помнится, отметила, что камера чистая, у них есть отдельный туалет, и подумала: «Что ж, тут не так плохо». Крупная молодая суданка носила цветастое платье и множество мелких косичек на голове. Ее глаза поразили меня печалью и пустотой. Она единственная из женщин говорила

по-английски. Она говорила торопливо, отчаянно, будто надеялась, что чем больше она расскажет мне о себе, тем скорее ее освободят из тюрьмы. «Я очень сожалею о своем поступке, – сказала она. – Я хочу домой». И мне было жаль ее, поскольку она угодила за решетку из очевидного невежества, но я ответила ей в том духе, что, мол, раз она виновата, то должна понести наказание. Я не попыталась утешить ее, только пристыдила. И воспоминание об этом жгло мне совесть.

Теперь я писала в своем дневнике: «Иногда мне кажется, что я расплачиваюсь за свою глупость. Когда я стану снова свободной, я буду помогать угнетенным. Я клянусь, что моя жизнь обретет новый смысл».

Дальше нас ждал переезд. Как я поняла из разговоров мальчиков, нас перебросили в какую-то заброшенную деревню в пригороде Могадишо. Скидс, мальчики и Найджел поселились в бетонном доме, а я жила в пристройке без единого окна. Судя по навозу на земляном полу, тут недавно держали коз. При иных обстоятельствах тот факт, что мы находился неподалеку от города, мог бы внушить мне надежду. Возможно, я стала бы представлять себе аэропорт Могадишо, куда мы с Найджелом прибыли чуть ли не полтора года назад, и напрягать слух, стараясь услышать гул самолетов над головой и определить расстояние отсюда до терминала. Но теперь мне было не до того. Надежды столько раз обманывали меня, что я перестала видеть в них какой-либо смысл. Мое воображение не шло дальше кандалов у меня на ногах и стен вокруг дома. Я не могла представить себе, что сяду в машину, водитель которой не будет относиться ко мне с ненавистью и даже отвезет меня в аэропорт.

Скидс, к несчастью, выжил, хотя малярия оставила в его внешности неизгладимый след. Теперь он был не командир боевиков, а просто какой-то сутулый старик. Время и ожидание не лучшим образом сказывались на всей их компании. Хассам, и прежде маленький и хрупкий, стал и вовсе неразличим под своей одеждой. Ромео больше не жил с нами. Последний раз я видела его в Пустынном Доме. Он оставил разговоры об учебе и женитьбе и говорил только о предстоящей сделке с Аль-Шабаб. Если все выйдет, как планировалось, они получают сумму, которой хватит, чтобы расплатиться по долгам, и еще немного останется. Что касается Аль-Шабаб, то они, по словам Ромео, имеют деньги и возможность держать нас у себя хоть десять лет, пока не получат выкуп.

– А мы больше не можем, Амина, – пожал плечами Ромео, – мне очень жаль.

Однажды вечером вскоре после молитвы дверь в мой сарай распахнулась, и я увидела Скидса, Абдуллу и Мохаммеда. Все трое были вооружены и прятали лица в платках. Мое сердце тяжело застучало. Я поняла, что нас продали.

Днем ранее, будто прощаясь, Хассам протянул мне клочок бумаги, где был нацарапан адрес электронной почты. Имя: Hassam123.

– Возможно, ты когда-нибудь напишешь мне, иншалла, – сказал он.

Скидс повел меня в дом, где мне дали новую абайю – из плотного серого сатина, – чтобы я надела ее поверх джинсов. Затем он знаком велел мне выходить и садиться в машину, стоящую во дворе. Возле машины меня остановил Абдулла, который заставил меня сесть на землю, достал небольшую пилу и начал спиливать замки на моих кандалах. Я догадалась, что они потеряли ключи. Он долго пилил, и пот градом катился с его лица мне на ноги. Все стояли и напряженно ждали. Лезвие пилы то и дело задевало мне лодыжки, сдирая кожу. Наконец, из дома вышел Джамал, тоже замотанный в платок, и отобрал у Абдуллы пилу. Он открыл дверь и усадил меня на сиденье машины, чтобы пилить было удобнее. Вскоре развалилась дужка первого замка. Моя нога настолько онемела, что не чувствовала разницы. Когда Джамал принялся за второй, из дома показался прихрамывающий Найджел, в чистой рубашке и новых джинсах. Цепей на нем не было. Пока он ковылял к машине, глядя себе под ноги, Джамал одолел и второй замок. Нас спешно засунули на заднее сиденье, мальчики прыгнули в багажник, и машина тронулась. Я догадывалась, что они дали нам новую одежду и освободили от цепей, чтобы мы произвели лучшее впечатление на Аль-Шабаб. Те должны были видеть, что мы стоим затраченных денег.

За рулем сидел Скидс. Впереди на своей машине ехал Ахмед. Автомобиль в очередной раз штурмовал песчаное бездорожье в пустыне. Мы с Найджелом молчали, потом я тихо заплакала, чувствуя, как желудок сжимается от страха. Заходящее солнце окрасило пустыню в пурпурные тона.

В какой-то безымянной и безвидной точке пустыни мы остановились. Нас быстро вытащили из машины и впихнули в другую, где сидели два незнакомых сомалийца. Ахмед постучал пальцем в окно, показывая, чтобы я опустила стекло. Потом наклонился, пристально взглянул на меня и проговорил:

– Не забудь про обещание.

Ромео, подошедший с другой стороны, сунул в окно

Найджелу Коран.

Машина тронулась. Я, Найджел и два молчаливых незнакомца полетели в темноту. Мы с Найджелом держались за руки под складками моей просторной абайи. Вторая его рука лежала поверх Корана у него на коленях.

Нас продали Аль-Шабаб, в этом нет сомнений. У меня было ощущение, что я стремительно падаю в пропасть с крыши огромного небоскреба и нет ничего, ни одной мысли, за которую можно было бы уцепиться. Вниз, вниз, вниз – на бешеной скорости, лишь темнота мелькает по сторонам и по спине ползут мурашки.

И вдруг машина сбросила скорость и остановилась, точно попала в сети, расставленные в темноте. Нас окружила целая толпа автоматчиков, человек сорок. Многие прятали лица в платках. Я знала, что так примерно и будет, но ощутила шок. Все повторялось снова. Я попробовала цепляться за открытую кем-то дверцу машины, но меня оттащили и повели на обочину, где стоял внедорожник с включенными фарами. Разучившись за десять месяцев передвигаться без кандалов, я споткнулась и упала. Тогда чьи-то руки подхватили меня и бросили на заднее сиденье. Я всхлипывала, визжала и отбивалась. Вокруг было очень шумно. Помню, несколько человек направили на меня автоматы. Найджела, который тоже пытался оказывать сопротивление, запихнули в машину с другой стороны. Двери захлопнулись.

– Не может быть, не может быть, – твердила я, – не верю.

Найджел сидел с выражением ужаса на лице.

В машине были уже новые люди – двое впереди, один сзади. Вдруг произошла странная вещь – мое обоняние уловило слабый, давно забытый, но такой знакомый запах: запах сигаретного дыма. В машине сидел курильщик. Догадка вспыхнула в моем объятom паникой сознании. Это не фундаменталисты. Те не курят. Это не Аль-Шабаб.

У окна появился сомалиец с телефоном возле уха. Он наклонился и внимательно посмотрел на нас широко расставленными карими глазами, как у актера Моргана Фримена. Сходство дополняли короткие седые волосы и борода. Он словно сошел с экрана кинотеатра прямо в сомалийскую пустыню. Увидев мое заплаканное лицо, он удивленно спросил:

– Почему ты плачешь? – и протянул мне телефон. – На, поговори со своей матерью.

И я услышала ее голос – так близко, как никогда раньше не слышала. Это был голос моей линии жизни.

– Алло, алло? – говорила мама. – Аманда, ты свободна.

Глава 44. Я начинаю понимать

То, что произошло дальше, было совершенно невероятно и вместе с тем очень живо. Оказалось, что наши похитители передали нас группе посредников, а они – человеку, которого мы прозвали Морган Фримен. Он был членом сомалийского парламента, и ему платила фирма АКЕ, нанятая нашими родителями. В течение нескольких недель он и Джон Чейз, директор АКЕ, общались по телефону. Морган Фримен помог передать выкуп в шестьсот тысяч долларов из Найроби в банковский киоск в Могадишо, что и было осуществлено утром того дня. Квитанцию на деньги получила группа племенных старейшин, с которыми опять же договорился Фримен. В стране, где нет ни полиции, ни армии, где никто не подчиняется правительству, эти старейшины представляют единственную доступную власть. После подтверждения, что мы живы и находимся в безопасности, старейшины обналичили деньги и передали их похитителям – за вычетом того, что заплатили другим вооруженным бандам и оставили себе. В Сомали никто не работает бесплатно.

Согласно плану, мы должны были сразу ехать в аэропорт Могадишо, где ждали два сотрудника АКЕ, оба бывшие спецназовцы, – один из ЮАР, второй из Новой Зеландии, – чтобы доставить нас в Кению. Однако Морган Фримен допустил большой просчет, заранее не поставив в известность охрану, то есть миротворцев Африканского союза, что мы ночью будем двигаться по шоссе в направлении аэропорта, который в этот час уже закрыт. И стоило нам появиться на дороге, как военные открыли по нам огонь. Мы были вынуждены вернуться в город. Пусть я поговорила с мамой, пусть наши похитители остались далеко позади, мы по-прежнему находились в Сомали, среди вооруженных незнакомцев. Я до конца не верила, что мы свободны.

Через некоторое время машина остановилась у высоких ворот. Морган Фримен вышел и позвал нас.

– Идем, идем, – говорил он, указывая на дверь в воротах, – быстрее.

Мои ноги были как два бесчувственных пенька. Ходить я почти разучилась, не то что бегать. Прежде чем добраться до этой двери, я два раза упала. Мы с Найджелом, который тоже шатался и спотыкался, поддерживали друг друга.

За дверью был сад, идеально подстриженный кустарник и открытый ресторан на веранде. За пластиковыми столиками

сидели сомалийские бизнесмены и вкушали ужин под звездами. Морган привез нас в гостиницу, где можно было переночевать, чтобы утром – когда станет безопаснее – ехать в аэропорт.

Увидев нас, ковыляющих мимо, бизнесмены на веранде разинули рот. Морган Фримен провел нас в вестибюль и затем в пустой танцевальный зал, где усадил на мягкий красный диван посередине.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – твердил он.

На стенах были изображения Мекки и арабские письма. В зал тотчас набились люди. Кто-то пытался пожимать нам руки. Нас спрашивали по-английски, не мы ли те иностранцы, что сбежали от похитителей – видимо, слухи о нашем побеге разлетелись по всему Сомали. Несколько человек представились членами Переходного правительства. Многие возбужденно говорили по телефону, докладывая о нас знакомым и родственникам.

– Тут вы в безопасности, – повторял администратор.

Он предложил мне снять хиджаб, но я не решилась. Когда перед нами материализовался официант в форме, держащий на подносе две запотевшие бутылки кока-колы, мы с Найджелом молча таращили глаза, не осмеливаясь взять их. После полутора лет в неволе, когда каждый ваш шаг контролируется, первая встреча с независимостью может ошарашить.

Мы отвыкли и боялись вести себя, как принято на Западе. «Аллаху акбар, – говорили мы в ответ на поздравления с освобождением. – Иншалла, мы скоро поедем домой». Наконец, администратор отвел нас в номера дальше по коридору. Видя страх и неуверенность на наших лицах, он все время повторял, что у него родственники в Америке, будто это должно было нас успокоить. Он дал нам чистые полотенца, мыло, зубные щетки и зубную пасту. Мне он принес пахнущее свежестью платье с цветочным рисунком, которое позаимствовал у жены.

В номере я почувствовала себя пришельцей, впервые посетившей чужую планету. Над головой вращался вентилятор. На двуспальной кровати лежали две подушки, напротив стоял маленький телевизор. На окнах были шторы! Повернув дверной замок, я еще, на всякий случай, подперла дверь тумбочкой. В ванной я долго крутила краны, не веря, что из них течет настоящая вода. Когда я сняла серое платье, которое мне дали тюремщики всего несколько часов назад, и впервые за полтора года увидела себя в большом зеркале, мне стало худо от увиденного. Плоти у меня не было – был скелет, обтянутый иссиня-восковой кожей. Волосы, непривычно длинные, темные, сбились в колтуны. На лодыжках темнели малиновые ссадины,

оставшиеся после кандалов. Я почти не узнавала себя.

В душе я пустила самую горячую воду и принялась яростно тереть тело мочалкой. Я очень спешила, помня о том, что эта роскошь может в любой момент закончиться, а в сознании у меня шел бесконечный спор.

Не торопись, тут тебя никто не тронет, уговаривал спокойный голос.

Не верю, возражала я.

Потом ко мне пришел Найджел – свежий после душа, принаряженный. Мы сидели на кровати, и я безуспешно пыталась расчесать свои спутанные волосы. Администратор принес нам куриные сэндвичи, которые вначале смутили нас, как и кока-кола. Все вокруг было нам в диковинку. Неужели мы правда едем домой? И нас никто не преследует? Когда муэдзин закричал к вечерней молитве и за дверью раздались торопливые шаги постояльцев, спешащих в бальный, он же молельный, зал, мы хотели было из чувства самосохранения присоединиться к ним, но потом передумали и остались в номере. Тот факт, что мы сделали свой выбор и нас не наказали, сам по себе был чудом.

Мы проговорили почти до самого утра – спать не хотелось. Мы шутили, что никогда в жизни не будем есть бананы и рыбные консервы. Найджел спрашивал, что они со мной делали, но я не была готова обсуждать эту тему – впечатления были еще совсем свежи. С ним обращались лучше просто потому, что он мужчина. Найджелу не запрещали писать, читать и, уж конечно, не связывали.

Прежде чем разойтись, мы включили телевизор и сразу попали на канал «Пресс ТВ», где я работала, когда жила в Багдаде. Тут нас поджидал очередной сюрприз – в новостях показывали сюжет о нашем освобождении.

Наутро мы улетели из Сомали, проведя там четыреста шестьдесят три дня. Мы покинули это шикарное океанское побережье и город, который поначалу казался нам таким спокойным. В Найроби нас встречали представители канадского и австралийского посольств. Меня посадили в машину с канадскими флажками, торчащими из боковых зеркал, Найджел сел в такую же – но с австралийскими флажками, и мы под вой сирены помчались в клинику университета Ага-Хана.

Первым человеком, которого я увидела при выходе из машины, была моя мама – исхудавшая, но красивая. Я, кажется, впервые заметила, какая она красивая. Раньше я как-то не обращала внимания. Было такое чувство, что время сложилось

вдвое, вернув нас друг другу. Мы обнялись и разрыдались. Я уткнулась лицом в мамино плечо, она прижимала к себе мою голову и гладила меня по спине. Только теперь я по-настоящему почувствовала себя в безопасности – как дома.

– Все кончилось, ты молодец, ты выдержала, – говорила мне мама.

В клинике нас с Найджелом определили в отдельные частные палаты. С ним были сестра и мать. Мой папа и моя подруга Келли Баркер также прилетели в Найроби. Келли, как оказалось, оказывала моей маме очень большую поддержку. Она приезжала из Калгари, привозила еду; когда в дело вступила компания АКБ, Келли была «официально» включена в команду переговорщиков – она принимала участие в скайп-совещаниях Джона Чейза и наших родных.

В клинике меня встретили медсестры, врачи и женщина-психолог из Канады, специалист по психологическим травмам. У меня взяли кучу анализов, стали лечить от истощения и обезвоживания, подключили к капельнице. Приходил дантист, чтобы осмотреть мои пострадавшие зубы.

Первым делом я потребовала, чтобы меня подстригли – меня бесили отросшие патлы. Потом я попросила есть. Я так долго фантазировала на темы еды, выбирала, что я съем сначала, что потом и что я буду есть, когда совсем наемся, и вот настал тот день, когда мои фантазии готовы были осуществиться. Только теперь мне хотелось всего сразу, хотя врачи предупреждали, что это бесполезно и даже опасно. Когда медсестра принесла обеденное меню, я выбрала курицу, пасту, овощи, чипсы, фрукты, пирожные, пирог с начинкой из мороженого и стала ждать, обмирая от вожделения. Но увы – мое тело не было готово усвоить хоть малую долю всего этого. Желудок восставал, и пища стремилась обратно.

А однажды Келли притащила из шикарного супермаркета целую сумку сыра разных сортов и шоколада «Кэдбери». Я всегда обожала сыр и шоколад. Эта моя слабость часто служила поводом для шуток, когда мы путешествовали в странах с влажным климатом, где выращивают и едят только рис, где такая пища большая редкость. Теперь, в больнице, мы вспоминали это и смеялись. Но под конец я расплакалась. Я знала, что от сыра и шоколада мне станет только хуже. И это разочарование было лишь первым звончком тех больших проблем, с которыми мне еще предстояло столкнуться. Я начинала понимать, что меня еще ждут последствия. Я была свободна, но далеко не в порядке.

Первая неделя пролетела как в тумане, напоминая постепенное пробуждение от ночного кошмара. Утром я

открывала глаза и не могла поверить, что лежу на мягкой постели, под головой у меня подушка, рядом на тумбочке лежит расческа, стоит ваза с цветами и на соседней койке спит мама. Еще долго это казалось мне обманом.

Мало-помалу я узнавала, чего стоило наше освобождение нашим родным, друзьям, знакомым и даже незнакомым людям. Наши семьи существовали в режиме круглосуточного самопожертвования. Общая сумма расходов превысила один миллион долларов. Помогали старые друзья, дальние родственники и незнакомцы. Папа и Перри заложили свой дом. Друзья-рестораторы в Калгари проводили кампании по сбору средств, а Роберт Дрейпер, журналист «Нэшнл джиографик», специально прилетал в Канаду, чтобы поучаствовать и написать материал. Совершенно незнакомые мне люди жертвовали в фонд нашего спасения по десять, двадцать долларов, а некоторые и по несколько десятков тысяч. Узнав об этом, я была потрясена.

Через несколько дней я и Найджел получили радостное известие: наши сомалийские товарищи по несчастью, которых мы считали погибшими, живы. Примерно в середине января, после пяти месяцев неволи, их ночью вывезли в Могадишо и отпустили на безлюдной рыночной площади. Я так и не узнала, что случилось с Махадом и Марвали, но Абди перебрался в Найроби и получил статус беженца. Остаться в Могадишо он боялся, хотя его семья по-прежнему жила там, не имея средств для переезда. Абди искал работу в Найроби.

Когда меня выписали из больницы, мы с родителями еще две недели провели в Найроби, в доме канадского посла. И однажды утром, в одной из местных гостиниц, состоялась наша встреча.

Абди совсем не изменился. Худой, симпатичный, короткий – таким я его и помнила. Мы обнялись и долго стояли, обнявшись. Он сказал, что ищет работу видеооператора, но пока безуспешно, и показал мне фотографии своих детей, о которых очень скучал. Жизнь беженца в городе, где количество подобных ему исчисляется десятками тысяч, крайне трудна. Абди жаловался на здоровье, говорил, что после похищения он перестал спать по ночам и не может забыть голода, темноты и побоев. Я тоже поделилась с ним некоторыми впечатлениями. Он сказал, что они с Марвали и Махадом очень тяжело переносили неволю, и он не представляет, как мы выжили, проведя в подобных условиях еще десять месяцев. Когда я призналась, что меня насиловали, он заплакал.

Абди назвал меня сестрой, я его братом. Нас объединяли не только прошлые невзгоды, но и желания в отношении будущего: мы оба хотели не только быть свободными, но и *чувствовать* себя

свободными.

Вскоре уехал Найджел. Он пришел попрощаться со мной в дом канадского посла. После больницы он еще неделю жил с родителями в гостинице, набираясь сил перед дорогой. Мы были бледны, худы, страдали от ночных кошмаров, но внешне начинали отдаленно напоминать нормальных людей. Я думала, что наша с Найджелом дружба продлится вечно, что мы всегда – как в те пятнадцать месяцев – будем делиться друг с другом самым сокровенным. В некотором роде, как мне представлялось, мы всегда будем стоять у соседних окон и болтать обо всем, что приходит в голову, чтобы выжить. В первую ночь нашей свободы в Могадишо мы поклялись видеться как можно чаще и остаться близкими друзьями. Мы обсуждали, каково будет вернуться к прежней жизни, к людям, которые не понимают, что нам пришлось пережить. Мы сто раз признались друг другу в любви.

Но уже в Найроби проявились обстоятельства, которые способствовали нашему отдалению. Стресс и огромное финансовое бремя не лучшим образом сказались на отношениях между нашими семьями. Я и Найджел вернулись домой, и каждый сам по себе пытался осмыслить произошедшее и начать новую жизнь. Мы и не подозревали, насколько это окажется трудным.

В первые два месяца мы часто перезванивались по скайпу, писали друг другу электронные письма, но постепенно наше общение затухало. Мы с трудом подыскивали темы для разговоров. Мы стали другими людьми. Как бы ни было больно это признавать, но прежняя близость исчезла.

Найджел написал книгу о своих злоключениях в Сомали и продолжил работать фотографом. Я желаю ему самого лучшего и всегда буду благодарна за его дружбу и поддержку на протяжении тех пятнадцати месяцев.

Я вернулась в Канаду незадолго до Рождества. Меня встречали папа, Перри, мои братья, бабушка и дедушка, тети, дяди и друзья. В собственной жизни я ощущала себя иностранкой. Мыслями я находилась еще на другом конце света, меня мучило чувство вины перед родными, которым я принесла столько горя, и все-таки, в окружении близких людей, я была подлинно, абсолютно счастлива. Некоторое время я методично отмечала каждый час, каждый день, каждую неделю свободы, отделяющие меня от того времени, что я провела в неволе. Мне казалось естественным вести такую внутреннюю бухгалтерию, будто на счетах, пока одна часть не останется в прошлом, а большая сумма не перевесит и не станет настоящим. После Сомали я перестала

воспринимать свободу как нечто само собой разумеющееся. Я теперь гораздо больше ценю самые мелкие удовольствия – ломтик фрукта, прогулку в парке, возможность лишний раз обнять маму. Утром я просыпаюсь, чувствуя благодарность за все, что мне дали люди, – от спасения меня и Найджела до помощи в восстановлении после Сомали.

Я стараюсь выполнять данные себе обещания. Я наконец получила шанс посещать университет, окончив шестимесячные курсы по развитию международного лидерства в университете Святого Франциска Хавьера в Новой Шотландии в 2010 году. Эту программу я выбрала в связи с другим своим обещанием, которое дала себе в Темном Доме, – найти способ отблагодарить женщину, бросившуюся мне на помощь и защищавшую меня тогда в мечети, когда мы с Найджелом бежали от наших похитителей. Думая о Сомали, я вспоминаю ее. Я помню ее лицо, ее сбившийся платок, ее мокрые от слез глаза. Я так и не узнала ее имени. Я не знаю, жива она или умерла. Но этот курс в университете я посвятила ей. Это ради нее я основала некоммерческую организацию под названием Global Enrichment Foundation, которая поддерживает образование в Сомали. Пока я была заложницей, мне много раз приходило в голову, что если бы у мальчиков была возможность учиться в школе, если бы в их семьях женщины могли учиться, то война и религиозный экстремизм не представляли бы для них большого интереса. Global Enrichment Foundation сотрудничает с другими организациями, работающими в Сомали, которые занимаются самыми разными проблемами – от доставки продовольственной помощи до организации баскетбольных команд для девочек и предоставления полной четырехлетней стипендии тридцати шести ярким целеустремленным сомалийкам, обучающимся в университете. Некоторые проекты Global Enrichment Foundation – например, финансирование начальной школы и строительство общественной библиотеки – осуществляются в лагере доктора Хавы Абди, куда мы с Найджелом направлялись в тот самый злосчастный день, когда нас похитили.

Прошло около года. Однажды мне позвонили из Оттавы. Агент службы национальной безопасности сообщил, что в каком-то сарае неподалеку от Могадишо найдена тетрадь с эмблемой ЮНИСЕФ на обложке, заштрихованной черным маркером. Внутри несколько исписанных страниц. Не знаю точно каким образом, но тетрадь попала к канадским властям, и для меня сделали скан этих страниц. При взгляде на них меня пробила дрожь. Даже сегодня, стоит мне увидеть эти записи, я чувствую стоящее за

ними отчаяние.

Порой воспоминания о Сомали захлестывают и угнетают меня, но в другие дни они почти не проявляются. Наверное, это навсегда. За четыре года мне довелось многое узнать о психологической травме, о том, как она влияет на тело и разум. Однажды, когда я сидела на лекции в Новой Шотландии, моя соседка съела банан и положила кожуру на стол рядом с моими тетрадями. Запах банановой кожуры подействовал на меня, как удар хлыстом. Я была в смятении. Перед глазами оживал эпизод, хранящийся в дальнем углу моей памяти: Темный Дом, я, голодная и отчаявшаяся, нахожу на полу гнилую банановую кожуру и съедаю ее. Внезапно меня атаковали все прежние ощущения – боль, голод, ужас, – и я выбежала из аудитории и заперлась в туалете, не зная, где настоящее и где прошлое и не приснилась ли мне моя свобода.

Потом я поняла, что в мире на каждом шагу попадаетесь банановая кожура. Он полон вещей и явлений, которые могут мгновенно и без предупреждения отбросить меня в прошлое. Я боюсь темноты, бывает, что я в ужасе просыпаюсь среди ночи из-за кошмара, в закрытых помещениях – таких как лифт – я иногда начинаю задыхаться. Когда ко мне приближается незнакомый мужчина, я могу запаниковать и едва удерживаюсь от того, чтобы броситься прочь. Мое тело тоже хранит воспоминания: лодыжки порой болят, точно от тяжести кандалов, плечевые суставы ломит, словно руки у меня по-прежнему связаны. Бороться с последствиями травмы под силу не каждому, особенно в одиночку. Я, например, прошла специальный курс лечения. Со мной регулярно работали физиотерапевты, психологи, психиатры, диетологи, специалисты по точечному массажу и медитации, и все они мне по-своему помогли, как и общение с другими женщинами, пережившими сексуальное насилие. И все-таки бывают дни, когда я чувствую себя глубоко одинокой наедине с тем, что мне довелось испытать, и неприспособленной к нормальной жизни. У меня еще много желаний: я хочу учиться, странствовать, помогать людям, найти свою любовь и, может быть, когда-нибудь иметь детей. Ну а пока моя главная цель – восстановиться. Но я не сижу на одном месте. Я, как и прежде, ищу поддержки и новых впечатлений в путешествиях – в горах Индии, в джунглях Южной Америки и в Африке, куда меня иногда заводят проекты фонда.

Трудно, конечно, смириться с тем фактом, что похитители обогатились за наш счет. После освобождения я стала отслеживать подобные случаи, которые имеют место в Сомали, в

Мали, в Афганистане, Нигерии, в Пакистане – повсюду. Я узнала, что правительства некоторых государств тайком выплачивают выкупы, другим удается освободить заложников путем дипломатии, третьи посылают военных. Многие, включая Канаду и США, занимают жесткую позицию и отказываются платить деньги, ограничиваясь моральной поддержкой для родственников. Как сказал один чиновник Госдепа США в интервью «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин», «если вы кормите медведей, то медведи и дальше будут приходить к вам в лагерь». А каково слышать это матери, отцу, мужу или жене, которые бессильны помочь своим близким?

Я часто вспоминаю своих тюремщиков. Да и как их не вспоминать? Мои чувства по отношению к ним непросто измерить или зафиксировать, особенно с течением времени. Тут нужны бухгалтерские счета. Ради собственного блага я делаю все, чтобы доля прощения и сочувствия преобладала над ненавистью, гневом, стыдом и жалостью к себе, без которых все-таки картина была бы неполной. Я понимаю, что мальчики и даже их главари есть продукт среды, существования в условиях жестокой и нескончаемой бойни, которая терзает их страну уже двадцать лет. Я стараюсь простить их – людей, которые забрали у меня свободу, – несмотря на то что они делали ужасные вещи. Я также стараюсь простить себя за все, что пришлось вынести моим родным и близким. Прощение достигается нелегко. Иногда оно не более чем точка на горизонте. И пусть не всякий день мне удастся приблизиться к нему, я не оставляю попыток, потому что, не будь прощения, я не смогла бы продолжать свою жизнь.

Одна из программ Global Enrichment Foundation посвящена обустройству образовательного центра для сомалийских беженцев, живущих в Истли, – беднейшем районе Найроби, известном как Маленький Мogaдишо. Центр посещают семьдесят пять студентов. Зимой 2012 года я провела там несколько недель. Я привезла им компьютеры и учебные пособия, знакомилась с преподавателями и студентками, которые рассказывали, чему они хотят научиться на занятиях. В центре организованы курсы компьютерной грамотности и делопроизводства, курсы первой медицинской помощи и юридические консультации по правам беженцев.

Однажды мы собрались вчетвером в маленьком классе местного клуба, где вначале арендовали помещения, – я, преподаватели Неллиус и Фарийя и директор программ GEF. Мы сидели под плакатами с буквами и изображениями фруктов, овощей, животных, цифр, соответствующими каждой букве, и выбирали название для нашего нового центра. Свои предложения мы писали на доске, и одно показалось нам привлекательнее

остальных – кто-то жирно обвел его мелом. Решено было назвать наш центр «Раджо», что в переводе на английский значит «надежда». А надежда, с чем мы все согласились, это самая лучшая вещь на свете.

Благодарности

Прежде всего, я хочу выразить огромную благодарность моей маме Лоринде Стюарт и двум моим отцам – Джону Линдауту и Перри Нитцу – за их титанический труд, ценой которого я смогла вернуться домой. Я преклоняюсь перед их мужеством, любовью и глубоко ценю их страдания и жертвы, принесенные во имя моего освобождения. Мои братья Марк Кулл и Натаниэл Линдаут, мои бабушка и дедушка, семьи Линдаут и Стюарт были и остаются источником силы и поддержки для моих родителей и меня. Спасибо им за теплоту и заботу, которой они окружили меня по возвращении, особенно тетя Элисон. Я благодарю моих крестных Уэнделла и Берилл Ланд за их неустанный интерес. Спасибо Зои, Бренне, Николя и Заре, которые кормили меня, веселили и играли со мной. Моя благодарность дражайшей подруге Келли, обладающей несравненной щедростью духа и решительностью, маму моей бесценной маленькой крестницы.

Благодарю Сару Геддис, Дэвида Синглтона, Майкла Гоуинга и Стива Аллана из Калгари, которые приложили гигантские усилия к тому, чтобы я выжила и написала эту книгу. Я снова убеждаюсь, что миром правит доброта и щедрость. Спасибо людям в Ред-Дире, Калгари, Силван-Лейк, в Канаде и Австралии, которые стремились помочь нам с Найджелом вернуться домой. Их так много, что перечислить всех поименно нет никакой возможности, и мне не хотелось бы кого-то упустить. Но они знают, о ком я говорю. Аллану Маркину, Горду Скотту, Дику Смиту и Бобу Брауну моя особая признательность.

Благодарю всю семью Бреннанов за упорство, последовательность, за огромный и бесценный вклад в наше дело. Я признательна правительству Канады, министерству иностранных дел и службе канадской разведки, в частности Россу Найнесу и его обворожительной жене Ванессе, Ричарду, Джонатану, Крису, Мэтту, Эвелин и их семьям.

Наше освобождение не состоялось бы без помощи компании АКЕ, и я в неоплатном долгу перед Джей Си, Эдом, Шоном, Элто и Дерексом.

Благодарю сотрудников реабилитационного центра в Сьерра-Туксоне, в особенности доктора Марка Пертла, Джоанну Соренсон и доктора Джуди Джанни, за неоценимую помощь в восстановлении моего психического и физического здоровья. Особое спасибо Кэтрин Портфилд за понимание и чуткость. Я люблю вас.

Мои слова благодарности врачам и медсестрам клиники

университета Ага-Хана в Найроби – Карен Бейкер, доктору Карлу де Уэтту, Пэтти Майер, доктору Тиму Кернсу, доктору Лозетте Лоренс, доктору Рику Балхарри и прекрасным преподавателям в фонде института Хоффмана в Канаде.

Благодарю Экхарта Толле, моего друга и наставника, чьи чуткие советы и проницательность во многом помогли сформировать мое перспективное мышление.

Спасибо всей команде нашего фонда Global Enrichment Foundation, всем, кто когда-либо работал и работает у нас в Канаде, в Кении и Сомали, за самоотверженный труд, объективность и доброту. Я горжусь тем, чего мы уже достигли, и с воодушевлением смотрю в будущее, где нас ждут новые важные проекты.

Найдзелу: выражаясь словами нашего общего старого друга Терри из гостиницы «Баро», желаю тебе, Найджел, всего самого хорошего.

И наконец, Саре, моему соавтору, наперснице и другу, которая издалека увидела перспективы этого проекта, я неописуемо благодарна. Три года назад она заразила меня своей верой, и мы пустились в этот долгий путь. Мы не просто писали, мы переживали эту историю тысячу раз. Сара, если бы не твой интеллект, дотошность, бесконечное терпение и аккуратность, я сомневаюсь, что смогла бы написать эту книгу. Прими мою глубочайшую признательность за мудрость, преданность и веру в меня. Моя жизнь стала бесконечно богаче, потому что в ней есть ты.